

ЙОРГ БАБЕРОВСКИ

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

ИСТОРИЯ СТАЛИНИЗМА

JÖRG BABEROWSKI

DER ROTE TERROR

DIE GESCHICHTE DES STALINISMUS

**MÜNCHEN
DEUTSCHE VERLAGS-ANSTALT
2003**

ЙОРГ БАБЕРОВСКИ

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

ИСТОРИЯ СТАЛИНИЗМА

Москва
2007

Перевод издания осуществлен
при поддержке Института Гёте, финансируемого
Министерством иностранных дел ФРГ

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д' Анкосс (*Hélène Carrère D' Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фитцпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Баберовски Й.

Б 12 Красный террор: История сталинизма / Пер. с нем. — М.:
Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН);
Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2007. —
278 с. — (История сталинизма).

Немецкий историк Йорг Баберовски, профессор Берлинского университета им. Гумбольдта, принадлежит к числу наиболее известных в мире ученых, исследующих эпоху сталинизма в СССР. На основе рассекреченных материалов российских архивов, воспоминаний политических деятелей и рядовых свидетелей и участников событий он воссоздает в своей книге широкую панораму этой мрачной эпохи. Уделяя немало внимания психологическим портретам И. В. Сталина и его сподвижников, Й. Баберовски рисует ужасающую и захватывающую картину того, как мечта большевиков о «новом человеке» выродилась в кровавый террор.

Книга предназначена для специалистов-историков, преподавателей, студентов, а также всех интересующихся советской историей.

© 2003 by Deutsche Verlags-Anstalt, München
in der Verlagsgruppe Random House GmbH

© Издание на русском языке, оформление.
«Российская политическая энциклопедия», 2007

*Посвящается жертвам
Большого террора*

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ СТАЛИНИЗМ?

Со смертью Сталина, наступившей 5 марта 1953 г., закончился режим чрезвычайного положения, установленный по воле вождя и его свиты на территории Советского Союза почти на тридцать лет. 1953-й год ознаменовал конец сталинского деспотизма, воплощавшего дух войны, которую начиная с 1920-х гг. вели против собственного народа большевики.

Имя Сталина стало синонимом террора. Отличительной чертой его власти были непрерывные акты беспредельного насилия. Большевики изгнали из деревни сотни тысяч крестьян и депортировали их в Сибирь; они ввели драконовские меры наказания в колхозах и на заводах, желая навязать крестьянам и рабочим нормы палочной дисциплины. Миллионы людей погибли голодной смертью в 1933 г.

Огнем и мечом искореняла эта власть любые проявления инакомыслия; всякий, кто не умел говорить на языке большевиков, отвергал их ритуалы и не исповедовал их веры, превращался во врага. Большевистский режим преследовал не только тех, кто был определен как «классовый враг», — печать изгоев легла и на этнические меньшинства, которые подвергались выселению в случае, если их относили к врагам. Даже после ужасов Большого Террора 1930-х гг. советское общество не обрело покоя, поскольку массовые репрессии в стране не прекратились и в годы Второй мировой войны. Это выразилось прежде всего в бесчеловечных формах обращения с советскими солдатами и в системе карательных мер, посредством которых режим хотел мобилизовать армию и народ.

После окончания военных действий террор шагнул за границы советской империи. Но он свирепствовал не только в соседних странах, занятых Советской армией. Насилие праздновало невиданный триумф и в пределах Советского Союза. Режим отправлял в трудовые лагеря советских граждан, возвращавшихся после плена или после принудительных работ из Германии, вел войну с крестьянами и малыми народами, попавшими под подозрение в сотрудничестве с внешними врагами. В конце 1940-х гг. механизм вытеснения распространился и на еврейское население империи. Сталинизм представлял собой цивилизацию ненависти и вражды. Он поддерживал свое существование за счет шельмования и ис-

требления тех, кого подвергал изоляции. Свойственная сталинизму ярость разрушения не знала границ, никто не мог спастись от террора. Даже принадлежность к правящей партии уже не давала никаких гарантий. Тем самым партия уничтожала саму себя. Именно Сталин приводил в движение этот механизм непрерывного разрушения.

В данной книге речь пойдет о крайних формах насилия, совершавшегося в сталинистской системе, и о культуре, которая породила это насилие. Поэтому книга под названием «Красный террор» в действительности посвящена не истории советского государства, а истории сталинизма¹. Важно подчеркнуть, что сталинский террор был делом рук коммунистов. Но далеко не всякая форма коммунистического господства носила террористический характер, хотя Стефан Куртуа в своем предисловии к «Черной книге коммунизма» в конечном счете настаивает именно на этом². Сталинизм представлял собой определенный тип цивилизации, зародившейся в недрах советской империи и ушедшей в небытие со смертью Сталина. В этом его сходство с террористической властью Мао Цзедуну или Пол Пота. Таким образом, если бы мы ставили своей задачей изложение истории Советского Союза или восточноевропейских стран социализма в период после смерти Сталина, то уже не смогли бы прилагать к этому историческому фрагменту понятие сталинизма.

Как же возникло насилие, которое в конечном итоге привело к сталинизму? Что представлял собой сталинизм? Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что террор выражает сущность сталинского режима, — даже если не существует единого мнения относительно того, как понимать этот террор. Ответ зависит от точки зрения, формирующей то или иное представление об объекте исследования³. Задача нашей книги — ответить на вопрос о том, откуда произошел террор и к каким последствиям он привел.

Во всех предыдущих попытках определить сущность сталинизма отсутствовал интерес к общественной и культурной среде, в которой эксцессы насилия обретали свойственную им форму. Когда же речь шла о тоталитарном государстве, в среде исследователей господствовало представление о самоинсценировании режимом форм собственного существования⁴. Сторонники такого рода интерпретации не замечали, однако, что неизменно провозглашаемое всеисилие большевистского сценария далеко не во всем соответствовало его реальному исполнению. Сталинское государство нигде не смогло реализовать ту степень контроля над обще-

ством, о которой говорят адепты теории тоталитаризма, — ведь большевистская идеология вряд ли господствовала в сознании всех граждан за пределами больших городов. Тотальный контроль над обществом не утвердился даже в нацистской Германии, которая, в отличие от Советского Союза, была все-таки индустриальным государством.

В свою очередь, критики теории тоталитаризма тоже не отличались особой дальновидностью. Так называемые «ревизионисты», исследовавшие сталинизм «снизу», создали десталинизированный образ Советского Союза, упуская из виду, что советское общество уже было отмечено печатью большевизма. То, что они называли сталинизмом, рассматривалось ими с точки зрения наблюдателя, находящегося внизу общественной пирамиды. Что подразумевалось под этим? Когда подобные историки обращались к процессам, происходившим в обществе в целом, в деревне и на фабрике, в партийных ячейках, им представлялось, что государственная власть была бессильна вмешаться в эту социальную сферу. Они утрировали степень гетерогенности советского государства, и им казалось, что директивы центральной власти терпели крах при столкновении с реальностью. В результате возникал образ нетоталитарного Советского Союза.

Бесспорно одно — режим не был способен осуществлять полный контроль над входящими в империю сообществами с присущим каждому из них образом жизни. Чтобы держать под контролем все население в целом, не хватало ни коммунистов, ни сотрудников органов госбезопасности, ни работников юстиции. И можно ли сомневаться в том, что насильственные методы управления нередко порождались проблемами, которые большевики не в состоянии были разрешить? Что насилие применялось по инициативе местных органов власти в знак их готовности к послушанию, стремления «поддержать усилия вождя»? Это было, по мнению Иена Кершо, отличительным признаком национал-социализма⁵. Сталинская революция открыла множеству людей пути к социальному восхождению и возможности невиданного карьерного роста. Ее выдвигенцы оказались тесно связаны с режимом и с целями, которые тот ставил. В их число входили как попутчики власти, так и убежденные коммунисты, по своей воле осуществлявшие такие акции, которых политическое руководство от них и не требовало. Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин и другие деятели, взошедшие на вершину партийной иерархии в 1930-е гг., были не просто продуктами мобилизационной диктатуры — они стали и ее опорой⁶.

Логика рассуждений историков-ревизионистов приводит к тому, что в конечном счете и коммунистическая партия, и ее руководители совершенно утрачивают свою историческую реальность. Сомнению подвергается даже факт существования единой стратегии по преобразованию страны и осуществлению террора на территории Советского Союза. В то же время некоторые ревизионисты объясняют ужасы коллективизации, депортации и перегибы чрезмерным усердием местных коммунистов и активистов. С их точки зрения, режим только поощрял способ действий, который был востребован местными коммунистами.

У описанной доктрины есть две примечательные особенности. Первая — это предположение, что можно вообще обойтись без учета воли политического руководства, и прежде всего Сталина. Вторая — неявное допущение, позволяющее историку в дальнейшем совсем не принимать во внимание идеологические установки, на которые опирались власть имущие. Мне же думается, что неразвитость социальных институтов вовсе не лишает центральную власть возможности руководить процессом террора. К тому же, оставаясь на позициях этой исторической школы, мы не получаем ответа на вопрос, почему политическое руководство Советского Союза смогло остановить террор, причем явно без особых усилий⁷.

Историки-ревизионисты смешивали представление о тотальных притязаниях режима с осуществлением его тотального господства. Режим не мог реализовать это господство, но претендовал на такое право. Пытаясь утвердить эти тотальные амбиции, он заново выстраивал сферы публичной и частной жизни и регулировал их на основе репрессивных принципов. Поиск врага, воспитание единодушия и конформизма, целенаправленное формирование атмосферы соглашательства — все это стало составной частью политической культуры, которую можно назвать сталинистской⁸.

Действительно, колхозники не были большевиками. Но они вынуждены были так или иначе реагировать на существующую власть, которая вторгалась в их жизнь, заставляя крестьян сделать выбор — за эту власть или против. В таком случае все, что происходило в какой-нибудь деревне на окраине империи, невозможно понять, не принимая во внимание стремления коммунистов изменить существующий в этой деревне порядок вещей. В свою очередь, тоталитарные притязания режима претерпевали изменения в соответствии с тем опытом, который приобретали коммунисты. В целом сталинизм как тип цивилизации можно понять только с

учетом среды, в которой он вырос и получил развитие. Формы человеческой жизни свидетельствуют о характере влияния на них того или иного мировоззрения. Человек выступает как центр распределения властных начал; он является не только пассивным объектом власти, но также и субъектом ее мультиплицирования⁹. Это имеет прямое отношение к предмету нашего исследования. Всякий раз, когда речь пойдет о сталинизме, под этим термином следует понимать прежде всего стремление внедрить тоталитарные установки в человеческую жизнь. Но такого представления о сталинизме можно было достичь, только освободившись от стереотипов прошлого. Именно исторический архив был тем местом, где научные открытия должны были пройти проверку на истинность¹⁰.

Советские архивы, открывшие свои двери в начале 1990-х гг., помогли историкам получить представление о внутренней жизни властных кругов. Стенографические протоколы заседаний ЦК КПСС, служебная переписка различных партийных органов и государственных учреждений и, наконец, документы частного порядка, оставшиеся от Сталина, Молотова, Микояна и Кагановича, раскрыли перед нами образ Советского Союза, о котором мы еще не имели представления. Эти документы подтверждают, что Сталин и его ближайшее окружение не только допускали крайности коллективизации, но и руководили этим процессом, принуждая нижестоящие органы выполнять распоряжения центра наиболее радикальными способами. Выселение сотен тысяч кулаков тоже было запланировано в Политбюро. Партийные руководители обсуждали даже состав эшелонов, которые увозили несчастных в концентрационные лагеря и в удаленные районы Сибири¹¹. Подобные методы применялись и во время Большого Террора, который был замыслен в центре — Сталиным и его окружением, а затем претворялся в жизнь посредством все более жестких инструкций. В июле 1937 г. Сталин и Молотов рассылали в различные области руководителям местных партийных организаций телеграммы с точными указаниями, кого следует расстреливать, а кого ссылать. Сталин подписывал расстрельные листы, которые приносил ему в 1937 и 1938 гг. глава НКВД Н. И. Ежов; по ним было уничтожено более 40 000 чел. Никто из нижестоящих чиновников не мог отдать приказа о расстреле без одобрения Сталина. Даже в лагерях Дальстроя на Магадане чекисты ждали разрешения из Кремля, прежде чем начать истребление заключенных. Эти документы дают нам представление о том, каким жестоким, беспощадным диктатором был Сталин. Обуреваемый манией преследования, на пике террора он мог

легко и хладнокровно распорядиться ликвидировать даже членов Политбюро.

Наконец, стенографические протоколы Центрального Комитета дают нам возможность ознакомиться со стилем речи большевистских руководителей и манерой их обхождения друг с другом. Они предстают перед нами как безжалостные исполнители приказов, не испытывающие угрызений совести за все, что совершили. Даже в своем узком властном кругу эти люди высказывались так же, как на публике, правда, за одним исключением — они не доверяли общественности свои губительные проекты. Сталин не был лицемером у власти, он верил в то, что говорил¹².

Наряду с этим документы демонстрируют нам и иной, маргинализированный, не предназначенный для печати тип дискурса, выходящий за пределы разрешенного к публичному распространению. В донесениях сотрудников тайной полиции, ГПУ и НКВД, в судебных постановлениях мы слышим голоса тех, чьим свидетельствам не было места на страницах лояльной к власти прессы. И только сейчас мы узнаём, что коллективизация больше походила на гражданскую войну, нежели на порабощение народа. Мы получаем определенное представление о масштабах сопротивления и сопротивления, ожесточения, страданий и бедствий, о которых умалчивали официальные источники¹³. Эти документы не свидетельствуют о тотальном контроле со стороны режима, но они не говорят и о слабости государственной власти — о сталинизме, растущем снизу. Читая их, нужно представлять себе руководство, намеренно инсценирующее перманентный хаос, поскольку только так оно могло постоянно воспроизводить в сознании людей свои террористические установки.

Сталинистское насилие основывалось на потребности в однозначности и преодолении неопределенности. Так же как просвещенные сторонники модернизации в министерствах царского правительства, большевики мечтали о социальном порядке, доступном внешнему контролю, в котором не будет места *никакой неоднозначности*. Для них государство выступало в роли садовника, превращающего дикий ландшафт в симметрично разбитый сад. Сад человечества при социализме должен был состоять из европейцев современного типа, новых людей, освободившихся от духовного и культурного уклада, унаследованного ими из прошлого. Эти люди отмечали бы большевистские праздники, носили бы соответствующую одежду и говорили на языке большевиков. Небесный рай на земле был задуман лишь для людей одного типа, гово-

рящих на одном языке. Большевикам важно было превратить «отсталую» многонациональную империю в культурно однородное пространство. Русские коммунисты были искушенными учениками века Разума и Просвещения: то, что упустила природа, должно быть восполнено человеческими руками. А всему, что не отвечало требованиям разума, как его понимали большевики, следовало исчезнуть с лица земли. Социализм нисколько не опровергал главную идею модернизма, наоборот, он стремился к ее подлинному осуществлению¹⁴.

Люди могут принять разнообразие жизни в том случае, если они видят в мировоззрении других людей столь же «правильный» образ мира, как и их собственный, даже если тот устроен по-другому. Когда же правомерность иного представления о мире подвергается сомнению, у нас не остается пути к примирению. Большевики не признавали наличия равноправных вариантов понимания мира, для них существовала только одна форма интерпретации, которая принадлежала исключительно им. Поэтому они рассматривали любое инакомыслие как преступление и ставили клеймо неприкасаемого на всем, что не подчинялось модели большевистского порядка.

В противоположность своим предшественникам из среды царской бюрократии, большевики не просто хотели изменить различные формы сообществ, существовавшие в империи, сделав их однородными и доступными для контроля. Они поставили свой проект в контекст священной истории, теологии искупления, если угодно. Для них мировая история двигалась по предначертанной колее, которая становилась все более отчетливой в ходе исторического развития. Это была история классовой борьбы и столкновений, в которой силы добра одерживали верх над властью тьмы. Социализм был для большевиков не только примером порядка, уже не допускающим двойственности, но и местом, где не существует врагов. Поэтому там, где должна утвердиться однозначность, должно быть покончено с враждебными силами, которые противодействуют большевистскому проекту построения общества. Таким образом, сопротивление всему, что власть имущие считали проявлением разума, стало недопустимым. Если же где-то оно продолжалось, значит, там действовал враг. Однако враги, в понимании большевистского руководства, принадлежали к социальным и этническим сообществам, они были выходцами из определенных классов и наций. Отсюда задачей большевиков стало исполнение исторической миссии по уничтожению этого коллективного врага. Именно манихейский взгляд на мир, свойственный

большевикам, и придал невиданную остроту их модернистскому пристрастию к однозначности¹⁵.

Притязания большевиков на изменение существовавших в империи форм сообществ и контроль над ними оказались несбыточными. Властные структуры смогли претворить этот социальный проект в жизнь только в исключительных случаях, поскольку он сталкивался с сопротивлением. К тому же способы истолкования мира, конкурирующие с большевистскими, препятствовали последним занять господствующее место в головах подданных — тем более что в некоторых регионах население так и не восприняло идеологию коммунистов. Иначе говоря, гегемониальная культура не находила доступа в сознание людей. Голос большевиков не был ими услышан, сколько бы те, внедряя свои сценарии политической жизни через средства массовой информации, ни делали вид, что говорят от имени народа. Они видели в «темной массе» рабочих и крестьян угрозу своей власти и подчинили их брутальной диктатуре дисциплины и воспитания. Сталинистский террор не в последнюю очередь стал следствием неспособности власти осуществить свои тотальные притязания. Насилие в конечном итоге обрушилось даже на тех, кто должен был внедрять большевистскую идею в умы и души подданных, то есть на функционеров государственных и партийных органов. Очевидно, сталинизм мог стать возможным только там, где завышенные ожидания разбивались о мрачную действительность.

Но почему при таком положении вещей должны были погибнуть миллионы людей? Как случилось, что уничтожению подвергались не только мнимые противники режима, но и его опора — коммунисты, армейские офицеры и государственные служащие? Зигмунт Бауман в своей книге «Модерн и неопределенность» утверждал, что кошмары новейшей «социальной технологии» не были выражением варварства, а представляли собой «законные порождения современного духа, того порыва поддержать и ускорить прогрессивное движение человечества к совершенству»¹⁶. Разумеется, сторонники такой аргументации не хотят замечать те формы принуждения, к которым прибегают люди, берущие на вооружение методы этой новейшей «социальной технологии». Отличительным признаком сталинизма являлось то, что он хотел создать новый мир, заимствуя из прошлого как человеческий материал, так и методический инструментарий. И всякий раз, используя их, он прибегал к языку насилия¹⁷.

Советский Союз сталинских времен представлял собой государство, основанное на личных связях; он находился под управле-

нием деспотического правителя и его вассалов. Здесь необходимо вспомнить, что подданные многонациональной империи не имели единого языка общения, поэтому их коммуникативные возможности были ограничены. Режим пытался преодолеть эти препятствия посредством персонализации своих тотальных притязаний. Его вассалы, овладевшие Советским Союзом, содержали собственную свиту, члены которой были тесно связаны между собой. Честь, верность и предательство — вот понятия, на которые ориентировались представители этих мужских союзов¹⁸. Подозрительность, угрозы и насилие характеризовали стиль правления, который был привязан к функциональным способностям членов личной свиты. Можно даже без преувеличения сказать: сталинская модель господства представляла собой мафию. Сталин и люди из его свиты вышли из «культуры» насилия, которая на официальном большевистском языке обозначалась как отсталая и варварская. Так обстояло дело почти со всеми большевиками из второго эшелона власти. В провинциальных органах также доминировали коммунисты, которые прибегали к brutальным средствам, пытаясь призвать к порядку крестьянскую среду, из которой сами происходили.

Этим не исчерпывается круг причин, которые породили насилие при сталинизме. К ним можно добавить ненависть выдвигенцев из крестьянства к среде своего происхождения, традиции насилия в деревне и непосредственную, физическую привязанность многих большевиков к нему. Почти все деятели большевистской партии еще в юности столкнулись с насилием, а революция и гражданская война дали им возможность в полной мере проявить свои brutальные фантазии. Возможно, сталинские функционеры вообще не могли представить себе мир без насилия¹⁹. Простая ссылка на то, что власть прибегала к идеологической обработке сознания, используя для этого технологии социального утопизма, мало что дает нам для понимания смысла сталинизма.

Становление сталинского террора проходило через долгую стадию испытаний. Начиная с Первой мировой войны и вплоть до самой смерти Сталина в марте 1953 г. многонациональная империя находилась в непрерывном состоянии войны. Насилие шло по восходящей линии в немалой степени благодаря сопротивлению его жертв. Всякий акт насилия, исходящий от правящих кругов, осуществлялся с учетом противодействия и готовности к насилию со стороны тех, кого надо было усмирить или уничтожить. В среде, где должны были воплощаться большевистские фантазии, акты насилия приобретали апокалиптические масштабы.

Сталинизм получил от Сталина не только свое имя. Без вождя не было бы и сталинизма как системы, подобно тому, как невозможно представить себе систему национал-социализма без Гитлера. Большевистская идея социальной однозначности привела к массовому террору еще и потому, что диктатору доставляло удовольствие право уничтожать людей. Если бы не его преступная энергия, его архаические представления о дружбе, верности и предательстве и не его коварство, то вряд ли были бы возможны массовые убийства 1930-х гг. Беспредельная жестокость стала образом жизни диктатора. Каждая акция умерщвления в стране осуществлялась с сознанием того, что она вызовет удовольствие у кремлевского деспота. После открытия центральных архивов в Москве отпали последние сомнения в том, кому принадлежит авторство в истории террора. Именно Сталин подписывал террористические приказы, согласно которым режим отправлял на гибель миллионы людей. Он побуждал своих приспешников и охранку переходить все грани возможного в преследовании предполагаемых врагов, не щадя при этом даже собственных друзей и родственников. Логика сталинского террора превосходила все допустимые пределы. В действительности его колесо остановилось лишь со смертью диктатора, поэтому конец Сталина означает и конец сталинизма. Его истории посвящена эта книга.

І. ПУТЬ К СТАЛИНИЗМУ

Исторический контекст

Попытка большевиков заново обустроить мир была продолжением тщетных усилий царского режима привести к покорности население империи. После того как Петр I (1682–1725) открыл России путь на Запад, политическое руководство Российской империи видело свою цель в европеизации страны. Большевики тоже чувствовали себя обязанными следовать этой традиции. Русская державная элита мечтала европеизировать и цивилизовать страну, она соизмеряла степень прогресса не с реальными возможностями своей страны, лишенной культурной однородности, а с тем, в какой мере она приобретала сходство с Европой. Но русская жизнь лишь в порядке исключения соизмерялась с представлениями, сложившимися о ней у господствующих кругов. Именно об этом говорил французский философ Жан-Жак Руссо в своем «Общественном договоре». Он утверждал, что Петр I хотел превратить своих подданных в англичан и немцев, вместо того чтобы сделать их русскими: «Петр I помешал им стать теми, кем они могли бы стать, так как он внушил своим подданным, что они являются теми, кем они не были»¹.

Вестернизация России, начавшаяся в последней трети XVIII в. и достигшая своей вершины в период Великих реформ Александра II (1855–1881), представляла собой инициативу, осуществляемую органами государственной власти. Целью реформ Екатерины II (1762–1796), таких, как введение различных форм сельского и городского самоуправления, правовой юстиции и словенной корпоративности, было построение основ абсолютистского правления с помощью административных мер. Этот эксперимент не удался, поскольку заранее предполагал наличие того, чего еще нужно было достичь². Созданные к этому времени дворянские собрания, купеческие гильдии и ремесленные цеха являлись формами, лишенными содержания, учреждениями, не способными к самостоятельному развитию. У них отсутствовали региональные корни, традиции и консолидирующие начала, которые могли бы послужить основой их независимости и права на осуществление властных полномочий. Власть и общее уважение

принадлежали только тому, кто пользовался милостями самодержавного правителя. Впрочем, большинство аристократов считали себя именно таковыми. Самые честолюбивые и образованные из них стекались к царскому двору, чтобы быть ближе к узким властным кругам и реализовать право на получение привилегий, которых они были лишены в своей провинциальной глуши. Но в отдаленных от столицы регионах царская администрация не находила надежной опоры. Выборная сословная бюрократия была необразованна и продажна. Она не годилась для решения амбициозных задач в сфере управления и судопроизводства, которые возлагала на нее центральная власть³.

Просвещение и либерализм были детищами самодержавного государства, а его министры и чиновники высшего ранга стали представителями этих идей. Они были просвещенными бюрократами, как позже назвали европейски образованных людей, работавших в министерствах Николая I (1825–1855) и Александра II. Их объединяли совместно приобретенные профессиональные знания, почти фанатичная преданность своему делу и убежденность в том, что современная им Европа является прообразом будущей России. Именно благодаря этой навязчивой идее — сделать Россию Европой — Великие реформы Александра II увидели свет⁴. Отмена крепостного права, разделение административной власти и судопроизводства, введение призывной армии, а также формирование коммунального самоуправления в 1860–1870-е гг. — все эти преобразования не отвечали потребностям подданных и не опирались на их традиции. Проект этих реформ возник в результате мыслительного эксперимента, в котором пожеланиям населения не придавалось значения. В этом не было ничего удивительного, поскольку «общество» не обладало ни правом голоса, ни властными полномочиями. Символический капитал концентрировался в окружении царя, то есть именно в той сфере, где образованность, способности к организации и налаживанию связей находили для себя естественную почву. В конечном счете просвещенная бюрократия не видела оснований для того, чтобы как-нибудь обуздывать свои фантазии по поводу цивилизаторской миссии и задач по европеизации страны. Русские модернизаторы были завоевателями, которые пробовали свои силы в деле безудержного культурного подчинения народа. Символически эта политика выражалась в публичной репрезентации образа монархии. Такие сценарии власти ставили правящий дом в контекст традиции, укорененной лишь за пределами российских границ. Они придавали царям династии Романовых облик завоевателей-ино-

родцев европейского происхождения, которые жаждут покорить варварскую Русь и преобразить ее под стать себе⁵. Самосознание монархии и чиновничьи стратегии модернизации России превосходно дополняли друг друга.

Однако круг возможностей для повторения европейского опыта оказался в России существенно ограниченным. Самодержавная доктрина *mission civilisatrice* (цивилизаторской миссии), понимаемой как гомогенизация и цивилизация жизненного пространства, потерпела крушение, столкнувшись с реальностью. Лишь в исключительных случаях внешнее принуждение перешло в самопринуждение, ориентированное на господствующую «культурную систему смыслопорождения». Крестьяне и рабочие так и не стали ни русскими, ни гражданами. А многочисленные национальные и религиозные меньшинства, населявшие империю, продолжали оставаться в «сетях значений» (*Bedeutungsnetze*) своей исконной культуры. По мнению М. Фуко, отличительной чертой модерна является подчинение и дисциплинирование жизни средствами доминантного дискурса. Иначе говоря, альтернативные формы «знания» маргинализируются и подавляются теми его формами, которые находятся в руках специалистов по коммуникативным и дисциплинарным технологиям. Всё это не играло в истории России существенной роли⁶.

Приверженцы политики внутренней колонизации страны придерживались убеждения, что необходимо сохранить культурные различия, однако сами же искали новые возможности для того, чтобы держать подданных под своей опекой и прививать им навыки цивилизации. А поскольку эти «колонизаторы» не считались с традициями населения, которое они хотели подчинить себе, вторжение их в жизнь низших слоев общества выглядело как непростительная дерзость. Поэтому стремление властей в целях «модернизации» жизненных отношений в обществе низвести обычаи и традиции до уровня криминальных явлений было обречено на неудачу. Все то, в чем власти видели проявление современности, было для крестьянина попросту чуждым и непостижимым. Кроме того, такие инициативы никак не способствовали улучшению жизненных условий крестьянства, а только вторгались в его быт в лице чиновников налоговых ведомств, полицейских, рекрутских комиссаров, чужих законов и судей. Крестьяне воспринимали всё это как угрозу. Модернизация терпит крах, если не принимает во внимание культурный контекст общества, в котором она осуществляется.

Нигде отсутствие взаимопонимания не проявлялось столь явно, как в сфере отношений между царской элитой и крестьянством в Российской империи. В результате аграрной реформы 1861 г. осуществилась заветная мечта просвещенной бюрократии: своими усилиями она освободила крестьян от крепостной зависимости и власти помещика. Но это не означало, что удалось преодолеть пропасть между крестьянством и имперской элитой. Наоборот — реформа еще больше углубила ее. Царские чиновники представляли земельную реформу как благодеяние, совершенное государством ради крестьян; для крестьянина же она была выражением высшей несправедливости. Как мог он согласиться с тем, что теперь нужно выкупать у помещика земельный надел, который он привычно считал своим, где стояла его изба и пасся скот?⁷ Государственные чиновники расценивали отказ крестьян признать право дворян на собственность как свидетельство отсутствия у них правового сознания. Это рассматривалось как проявление варварства, от которого крестьян следовало избавить. Вот только просвещенная бюрократия не нашла способов придать крестьянскому существованию новый смысл. Она сама лишила себя возможности влиять на жизнь деревни, передав помещичьи функции управления и право владения землей деревенской общине и ограничив мобильность крестьянства. Альтернативы этому не было, поскольку деревня не входила в сферу влияния государственных органов. Таким образом, не было оснований надеяться, что элита и крестьяне преодолеют существующую между ними стену непонимания. Как раз наоборот, везде, где государство предпринимало попытки цивилизовать деревню, оно встречало активное противодействие⁸.

Право стало ярчайшим проявлением культурного империализма, который был безразличен к традиционным представлениям подданных империи. Это право появилось на русской почве словно из пустоты, вне исторического контекста, так как было слепком с заграничной правовой традиции. В русской действительности эти чуждые нормы не смогли закрепиться. Право создавалось и утверждалось самодержавным государством, не являясь продуктом соглашения сторон. И хотя правительство могло вводить его по своему усмотрению, оно не могло в действительности его осуществлять. Правотворческая деятельность самодержавного государства не соответствовала традициям и поэтому казалась населению враждебной. Она не опиралась на мифы и предания, создающие для права ту укорененность в родной почве, без которой оно не может процветать. Какие бы распоряжения, принимав-

шие форму закона, ни рождались в бюрократических кабинетах царского правительства, все они были подвержены произвольным изменениям и манипуляциям, поскольку не имели прямого отношения к правовому сознанию населения⁹. В русской деревне продолжала сохраняться унаследованная от прошлого неформальная правовая практика.

В крестьянском мире, которого едва коснулись блага современной цивилизации и который вынужден был обходиться без больниц, школ, полиции и судей, именно деревенская община выполняла все те функции, что оказались не под силу государству. Преступление считалось у крестьян частным делом, улаживаемым по соглашению двух сторон — преступника и жертвы. Социальные и экономические интересы деревенской общины требовали возратить провинившегося в сообщество. Символически это выражалось в осуждении виновного на публичный позор и покаяние перед обществом. Однако всякий раз, когда те или иные формы «ненормативного» поведения угрожали нарушить стабильность и хозяйственную самостоятельность деревни, крестьянская община прибегала к жестоким мерам наказания. Конокрады и воры, чужаки, покусившиеся на собственность деревенских жителей, предавались смерти. Убийство чужака было менее наказуемым деянием, нежели убийство члена общины. В условиях жизни деревенского сообщества действительно справедливым было лишь то, что повышало шансы членов общины на выживание¹⁰. Вопреки представлениям славянофилов и некоторых революционеров, деревенские жители не отличались ни миролюбием, ни чувством солидарности. В деревне процветали пьянство, жадность и насилие: мужья били своих жен и детей, аутсайдеры подвергались изоляции или изгонялись из общины, в пьяном чаду вспыхивали драки, нередко приводившие к смертельному исходу. Крестьяне находились в постоянном конфликте с правовыми нормами и представлениями, которые навязывало им самодержавное государство. У них не было представления о государственном праве на собственность, ибо, по их понятиям, правом на землю обладали только те, кто ее обрабатывал. Ведь земля принадлежала Богу, который передал ее тем, кто ее пашет. Поэтому крестьяне и не могли отказаться от мысли о возможности изъятия чужой земли. Им было совершенно непонятно, почему царские суды наказывают их за то, что они утоляют земельный голод за счет помещичьей собственности. Для крестьян правовой порядок замыкался пределами деревни, а до тех пор, пока он был основан на взаимном соглашении, он считался справедливым¹¹.

Либералы понимали под свободой способность человека подчинять себя правовому порядку, гарантирующему каждому возможность развития. Социалисты же определяли свободу как эмансипацию от экономического рабства. Социалисты, как и либералы, связывали свое мировоззрение с реалиями общественного бытия, крестьяне же, наоборот, понимали под свободой возможность не подчиняться влиянию общества и его правилам, держаться особняком от правового порядка, установленного государством. Свобода (воля) означала безудержное пьянство, уничтожение дворянства и его чиновников и захват чужих земель, которые считались своими. Поэтому вся провинция, простирающаяся за пределами крупнейших городов империи, в целом игнорировала исторически чуждые ей нормы государственного права. Новые законы настойчиво навязывались населению центральными инстанциями. Поэтому даже в тех регионах, где крестьяне были готовы следовать этим нормам, право лишалось всякого уважения. А там, где у государственной власти не хватало решимости, все ее инициативы пропадали втуне. Власть пользовалась авторитетом только там, где опиралась на традиционные методы улаживания конфликтов и участия сторон, а также полагалась на эффективность личных связей. Последние обнаруживали свою силу в процессе назначения генерал-губернаторов, наместников, предводителей дворянства, деревенских старост и в обращении к традиционным авторитетам там, где власть государства была незаметна и никак не могла повлиять на положение вещей. Даже накануне Первой мировой войны вся территория царской империи, находящаяся за пределами Санкт-Петербурга, все еще представляла собой тип государства, скрепленного персональными связями и способного передавать властные импульсы лишь по неформальным каналам коммуникаций¹². Историки, берущиеся интерпретировать прошлое на основании законодательных актов, конституций и парламентских дебатов, конечно, смогут по ним получить представление о том, что элита думала о народе. Но такие историки вряд ли смогут понять, что происходило, когда соприкасались два мира — мир господствующих и подданных. Столкновение этих миров можно определить как культурную размолвку, диалог двух глухих, вылившийся в жестокую конфронтацию во времена двух революций 1905 и 1917 гг.

С началом индустриализации деревенская культура насилия и конфликта в лице крестьянина-переселенца захлестнула город. Она проявила себя в межнациональных конфликтах, еврейских погромах и жестоких бесчинствах, словно бросая вызов представ-

лению о свободе на основе законопослушания, о которой мечтала либеральная царская элита. Погром символизирует сущность русского пути в революцию. Стойкая культура протеста пополняла свои силы за счет опыта миграции, вхождения крестьянских традиций в черту городской жизни, изоляции рабочих от «буржуазной» среды, слабости государства и бесцеремонности предпринимателей; наконец, ей серьезно способствовал и тот факт, что «армия» рабочих была многонациональной¹³.

Индустриализация и миграция выступают как синонимы. Везде, где возникают большие города и индустриальные комплексы, где открываются новые жизненные перспективы, люди уходят из деревни в город. Те же процессы происходили и в России. В 1880-е гг., с началом индустриального подъема, сотни тысяч крестьян ежегодно пытались счастья в городах и промышленных центрах царской империи. Города, внешний облик которых создавал видимость их принадлежности к европейской цивилизации, оказались запружены потоками крестьян, мигрирующих из деревни. Москва, Санкт-Петербург, Одесса, Тифлис и другие крупные центры стали крестьянскими метрополиями: сословия, имеющие собственность и образование, хоть и правили здесь, но властью не обладали. Многие города, будучи порождением индустриализации, возникали «из ниоткуда». Вначале в них селилось небольшое число второразрядных государственных чиновников и купцов, затем они заполнялись крестьянской массой. Деревня не растворилась в городе, а завладела им и подчинила его себе, придав ему свой отличительный облик.

Неспособность городских властей интегрировать рабочих в городское пространство, обеспечить рабочие районы школами, больницами, врачами и полицейскими привела к роковым последствиям. Государственная власть создала условия, при которых крестьянские переселенцы были предоставлены самим себе. Она превратила фабрику и окружающую ее территорию в среду, где нормы государственного права не имели силы. Деревенский цикл жизни, привычки, ритуалы, праздники и конфликтные ситуации, присущие деревне, сохранились и в городе. Особенно ярко это проявлялось в формах протеста, выбираемых рабочими. Забастовки выливались во вспышки насилия, ставящие своей целью восстановление справедливости в такой форме, в какой ее понимали переселенцы-крестьяне: свободы от всякого порядка, не основанного на началах деревенской культуры, отрицания «буржуазного» общества. Рабочие, существующие в режиме временного проживания, не проявляли особого интереса к долгосрочным ме-

рам по улучшению условий своей жизни, к политическим реформам и гражданским свободам. Не порвав с прошлым, они всегда могли вернуться в родную деревню. Поэтому, подвергая разгрому среду своего обитания, рабочие не видели особого риска, а при сложившихся условиях такой способ поведения можно считать целесообразным. Таким образом, даже в городских метрополиях царской России народ и общество не приходили в соприкосновение друг с другом¹⁴.

Революционное движение являлось не чем иным, как зеркальным отражением беспомощности, характерной для государственной власти. Социалисты-революционеры, как и социал-демократы, унаследовали традиции русской интеллигенции XIX в., которая поклонялась народу, не зная его. Изолированность и маргинальный общественный статус сделали их заложниками доктрин пессимизма и мироотрицания, истинность которых удостоверялась тем, что они были неприемлемы для власть имущих. Идеи превратились в иконы, а марксизм стал откровением, невосприимчивым к любого рода возражениям. Нравы интеллигенции воспитывались по литературным образцам, которым она пыталась подражать в повседневной жизни. В этом интеллигенция уподоблялась консервативной и либеральной элите, которая воображала себе иную картину действительности, чем та, что была у рабочих и крестьян¹⁵.

Рабочих от революционеров отделяли их происхождение и традиции. Социал-демократы создали себе славу своим презрением к царю и религии, своим пренебрежением к унаследованным нормам. Но всякий раз, когда революционеры выступали с призывом к свержению царя и самодержавия, к созыву конституционного собрания и построению социалистического общественного порядка, они встречали недвусмысленный отпор. Отношения рабочих с революционерами строились на хрупкой основе. Они могли легко перерасти во враждебные — в том случае, если бы совместно осуществленная акция протеста потерпела крушение. Насилие, однако, помогло революционерам преодолеть отчуждение. Прибегая к насилию, зримо воплощая его и усваивая его язык, революционеры дистанцировались от элиты царизма и ее культурных кодов. Они говорили теперь на языке тех, кого хотели освободить. Сталин, Каганович, Ежов, Орджоникидзе — представители второго эшелона большевистского авангарда — были приверженцами насилия; их нельзя представить без револьвера, крестьянской рубахи и военных сапог. Они и устанавливали с рабочими такого рода контакты, о которых европейские социалисты только мечтали, но

осуществить не смогли. В акте насилия возникало ощущение общинного единства, к которому не имела доступа европеизированная элита, высшие дворянские круги и левые интеллектуалы.

Присущие интеллигенции слабость и недостаток влияния в немалой степени сказывались на ее неспособности придать рабочему протесту долговременную и устойчивую форму. Ее программа, направленная на предельную демократизацию царской империи, вела в конечном счете к маргинализации самой интеллигенции. Что и случилось в революционном 1917 году. «...Народ всегда был и остается совершенно чужд психологически российскому интеллигенту, богатому книжными знаниями и нищему знанием русской действительности. Тело плотно лежит на земле, а голова выросла высоко в небеса, — издали же, как известно, все кажется лучше, чем вблизи», — так сформулировал свои представления об интеллигенции Максим Горький¹⁶.

Первая мировая война похоронила старый режим и одновременно стала повитухой нового. Для России это было фундаментальной катастрофой, которая и привела ее к большевизму. Русские армии терпели поражения, поскольку не могли противостоять противнику, обладающему техническим превосходством, а их солдаты не были в достаточной мере подготовлены и вооружены. В этих битвах побеждал только тот, кто располагал современным оружием и транспортными артериями, позволяющими обеспечить этим оружием солдат. А таких возможностей у царской России было меньше, чем у других участвующих в войне государств. Война вызвала экономический кризис, паралич снабжения и голод, уже к 1915 г. охватившие городские метрополии царской империи. Правительство ничего не могло противопоставить забастовкам и голодным бунтам, обрушившимся, подобно грандиозному шквалу, на российские города в конце 1916 г. Оно было не в состоянии даже оказывать воздействие на молодых солдат, набранных из крестьянской среды и ожидавших в городских гарнизонах отправки на фронт. А поскольку войска находились на театре военных действий, элита и крестьянская масса вступали между собой в непосредственное взаимодействие, не отгороженные друг от друга вооруженной государственной машиной, которая прежде обеспечивала дистанцию между этими двумя мирами¹⁷.

В период Первой мировой войны в России, как и в других странах, утвердилась современная форма мобилизационной диктатуры, заставляющей население служить нуждам военных и из-

гоняющей из общества предполагаемых врагов. В этом смысле она предвосхитила большевистское государство командного типа. Там, куда сгоняли новобранцев со всех регионов России и где толпы солдат грузились для отправки из тыла на фронт, также возникали новые пространства для коммуникации. Война в немалой степени изменила представления миллионов крестьян, призванных в армию, — она лишила их почвы и бросила в чуждый им мир. Одновременно война дала этим солдатам представление об огромных размерах их страны и ее культурной разнородности. Мир был выбит из привычной колеи — так чувствовали не только крестьяне, одетые в униформу и не знавшие, что им делать на войне, на которую их послали. Составной частью военной драмы стало и гражданское население: оно вступало в контакт с одичавшими и недисциплинированными солдатами, с захватчиками, с военнопленными и беженцами¹⁸.

Россия стала страной беженцев. Отток начался уже на втором году войны — именно тогда царские генералы начали очищать приграничные районы от «неблагонадежных» групп населения: крестьян и национальных меньшинств, подозреваемых в сотрудничестве с врагом. Офицеры царского генерального штаба мечтали об обозримых ландшафтах, о пространствах с этнически однородным населением, состоящим из русских и славян, где не было бы места евреям, немцам и цыганам. В городах внутренней части России в 1915 г. также стали искать врагов, шпионов и неблагонадежные этнические группы.

Во время своего отступления из Галиции в 1915 г. царская армия разрушала на оставляемой ею территории не только инфраструктуру — она уничтожала деревни и жизненное пространство их обитателей, урожай, скот, даже колокола на церквях. Украинских крестьян вынуждали присоединяться к отступающей армии и переселяться во внутренние районы России — как правило, в те деревни, из которых военные успевали изгнать колонистов немецкого происхождения. В Галиции свирепствовал «террористический» полк губернатора Бобринского, который распорядился высылать в Сибирь украинских националистов, епископов униатской церкви и немцев, дабы превратить этот регион в «русскую землю». Евреи бежали тысячами, чтобы избавиться от проклятия депортации, а кто оставался, попадал в число заложников. В начале мая 1915 г. все евреи, жившие в Курляндии и городе Каунасе, были изгнаны из этого региона, обвиненные в предательстве по отношению к русской армии; к лету того же года этот район покинуло более 200 000 прибалтийских евреев. Не было пощады и

немцам, населявшим Галицию. Начальник генерального штаба Янушкевич, особый ревнитель этнических чисток, приказал выдворить из Галиции всех жителей, говорящих по-немецки.

Российские города заполнили толпы солдат, беженцев и изгнанников. Органы власти не были в состоянии ни регулировать потоки беженцев, ни направить их в нужное русло. Массы бездомных запрудили улицы и дороги, парализовали железнодорожную сеть и препятствовали военным в осуществлении боевых операций. Летом 1915 г. губернатор Волыни не нашел для наведения порядка другого способа, кроме как бросить против неподконтрольной массы людей казачьи части. Министр сельского хозяйства Кривошеин рисовал будущее России в мрачных красках: он видел перед собой сотни тысяч голодных доходяг, опустошающих поля, словно туча саранчи, вырубаящих леса и распространяющих панику.

Везде, где условия существования становились невыносимыми, вспыхивали конфликты между беженцами, солдатами и местным населением. Особым бесчинствам распущенных солдат, набранных из крестьян, подвергались колонны еврейских беженцев, против которых нередко применялось оружие. На Кавказе происходили кровавые погромы, в которых сталкивались между собой местные мусульмане и армянские переселенцы, — жертвами этих конфликтов уже к 1917 г. стали многие тысячи людей. Везде, где число беженцев начинало превышать «допустимую меру», городские власти решались на то, чтобы вытеснить непрошенных гостей за пределы города. Беженцы символизировали хаос и анархию, которых так страшилась элита царской России; они стали носителями тифа, холеры и рассадником преступности. А перед лицом угрозы, которую представляли для города склонные к насилию молодые крестьяне-переселенцы, мысль о массовой иммиграции чужих людей порождала в душах местных обитателей почти панический ужас¹⁹.

Мировая война придала взаимоотношениям людей этническую окраску, создала зримый образ империи в виде беженцев и наделила ее обитателей представлением об огромных масштабах и культурной разнородности многонационального государства. На фоне войны и скудных условий существования пышным цветом произрастали ненависть, злоба и насилие. Как только революция уничтожила старую Россию и ее органы власти, исчезли институциональные и нравственные барьеры, еще способные удерживать человека от попыток совершить насилие над другими людьми или лишить их жизни. Короче говоря, для России, как и

для других стран, Первая мировая война стала повитухой агрессивного национализма, этнических чисток и погромов. Фигура беженца символизировала эрозию старого порядка, она воплощала идею беспорядочной жизни и непостоянства, которые порождали страх у царских генералов. Беженец не был ни рабочим, ни крестьянином, ни аристократом, ни буржуа; он представлял собой современного кочевника, не имеющего ни кола ни двора. Поэтому его боялись также и социалисты, которые продолжали говорить о социальных классах, даже если в реальности сталкивались с оторванностью человеческого существования от своих корней.

Революция

Революция 1917 г. представляла собой бунт, порожденный стремлением ожесточившихся и одичавших от войны людей эмансипироваться от навязываемых им требований «буржуазной» модели дисциплинарного порядка. Именно большевики выразили народный гнев и похоронили таким образом конституционный эксперимент либерализма «на мусорной свалке истории» еще до того, как он прошел испытание. Впрочем, и сами большевики поддались иллюзии, считая социалистический проект освобождения заветной мечтой рабочих, крестьян и народов окраин империи. Однако, как только они осознали, к каким последствиям в реальности ведет народная революция, они продолжили начатую их предшественниками дисциплинарную кампанию. Но осуществляли они ее несравненно более жестокими методами, оставаясь в плену убеждения, что если люди отказываются идти по пути освобождения, предначертанному им самой историей, то это, должно быть, происки врагов. Большевизм был попыткой озарить светом тьму варварского существования подданных империи — в этом он разделял традиционные идеи европейского Просвещения и его либерально мыслящих русских адептов. Но он не остановился на этом. Большевики были завоевателями, носителями нового цивилизационного духа, властителями, которые не могли удовлетвориться тем, чтобы просто заставить людей подчиняться. Как члены секты просвещенных, они видели свое призвание в исполнении священной миссии, осуществить которую стремились любой ценой. Большевистская интеллигенция считала себя орденом избранных, инструментом прогресса, направляющим и завершающим исторически предначертанное движение человечества. Ее воля к власти, исполненная агрессии и экспансионизма, питалась эсхатологической надеждой на искупление, идеей о том, что по за-

вершении революции отчужденный человек вновь вернется к самому себе и обретет истинное знание и спасение²⁰. Безудержное насилие, с помощью которого подданным империи был навязан большевистский эксперимент, не было, однако, порождением одних лишь идеологических схем, привычных для новых властителей, — оно было продуктом тех жизненных условий, в которых большевистский эксперимент должен был реализоваться.

Революция приняла облик восстания обманутых и ожесточенных людей, облик погрома, который буквально вымел из страны дух европейской цивилизации. Когда в феврале 1917 г. государственная власть рухнула, она унесла с собой и те буржуазные гарантии социального порядка, которые еще были присущи царской России: местное самоуправление, независимую юстицию и систему университетского образования, представлявшую собой убежище для европейской научной традиции. Водоворот народного насилия захлестнул не только самодержавную власть, в нем захлебнулся и ее буржуазный антагонист — интеллигентская и либеральная Россия. В этом смысле революция 1917 г. была бунтом, в котором выразила себя идея свободы, жившая в сознании рабочих и крестьян. Либералы, в более ранние времена выступавшие за предоставление народу свободы, теперь испугались стихийного всплеска народного насилия. Открытое насилие унижало представителей элиты, вывернуло наизнанку характерный для царизма апартеид. То, что произошло во время революции 1917 г., можно рассматривать как пример символического переворота мира с ног на голову. Народный карнавал продемонстрировал элите, что господствовавшие в прошлом культурные коды уже ничего не значат. В Донбассе рабочие обрушили кровавую месть на головы фабрикантов, инженеров и представителей государственной власти, которых считали ответственными за свои страдания. Вооруженные рабочие вершили самосуд прямо на улицах: они расстреливали воров и хулиганов, не желавших подчиняться их порядку, и убивали полицейских, служивших старому режиму²¹. Уже весной 1917 г. рабочие захватили фабрики и шахты, где установили свой контроль. Профсоюзы их не интересовали, им важно было только, чтобы прежние хозяева подчинились воле рабочих, унизились перед ними. Когда предприниматели стали призывать фабричных рабочих к порядку, последние перешли к формам коллективного правосудия. Нередко практика рабочего «правосудия» (самосуд) приводила к гибели инженеров и предпринимателей, в лучшем случае их предавали публичному позору, как было принято поступать с правонарушителями в деревне.

При таких обстоятельствах уровень промышленного производства стремительно падал.

На улице царила тирания толпы. Уголовники крали и грабили, и никто не пытался остановить безудержное массовое насилие. Весной 1917 г., после того как Временное правительство распорядилось выпустить предводителя анархистов Нестора Махно из петроградской тюрьмы, тот вернулся к себе на родину. Он узнал имена тех, кто десять лет назад выдал его охранке, из секретных документов местной полиции, затем вытащил одного из них из дома на улицу и застрелил. Другого, священника, он обезглавил, ни у кого не вызвав при этом протеста²². В происходящем сыграл свою роль и развал царской армии весной 1917 г. Его следствиями стали вооруженные нападения на офицеров, самосуды и массовое дезертирство. В ярости солдата-крестьянина проглядывала тоска по тому миру, где не существует государства, нет помещиков, интеллектуалов и чужаков; таким образом он открыто выражал неприятие диктатуры воспитания, навязываемой ему царизмом.

Новая волна насилия затронула и деревню — ее несли с собой дезертиры, огрубевшие в окопах солдаты и сезонные рабочие, покинувшие большие города летом 1917 г. И здесь пробили последний час для аристократии, помещиков и еще действующих царских чиновников. Везде, где крестьянам удавалось изгнать землевладельцев, землю делили на равные части по числу хозяйств, а выгоны и лесные угодья переходили в распоряжение общины. Перманентный погром превратил фронтной опыт солдат, слившийся с существовавшей в деревне культурой насилия, во взрывоопасную смесь. Революция дала возможность низшим слоям общества переместиться из гетто в городские центры, освоить публичное пространство города и навязать «обществу» свои жизненные правила. Революция передала право на исключительность народу. Социальная элита воспринимала все происходящее как нарушение норм права, для низов же общества право только сейчас и появилось²³. Это нашло свое выражение не в последнюю очередь в риторической аргументации, к которой прибегали рабочие и крестьяне, когда рассуждали о «буржуазии»: к ней они относили всех, кто принадлежал к сообществу имущих и образованных, не занимающихся физическим трудом. «Буржуй» был связан для них с миром, в котором жила и интеллигенция. Демократия, о которой говорили солдаты, рабочие и крестьяне, исключала всех, кто не имел отношения к трудовому народу. Эта убежденность символически воплотилась в деятельности Советов,

повсеместно возникавших в России в 1917 г.: здесь демократия представляла исключительно в форме господства трудового народа. Для крестьян представление о государственной системе не выходило за пределы большого деревенского собрания, которым должен руководить свой «хозяин». Именно благодаря этому традиционный «монархизм» вступил в союз с кругом деревенских представлений о справедливости²⁴.

Но как же случилось, что в этом хаосе только большевикам — этим сектантам с экстремистскими взглядами, объединенным в союз заговорщиков, — удалось в октябре 1917 г. захватить власть и даже закрепить ее за собой? Это случилось потому, что, в отличие от всех других политических групп, которые заявили о себе во время революции, большевики не только на словах призывали к насилию, но и сделали его нормой права. Ленин, призывая в апреле 1917 г. к свержению Временного правительства и передаче власти Советам, установлению рабочего контроля над фабриками и исполнению всех требований крестьян, заигрывал с присущим улице духом насилия и благодаря этому брал верх над умеренными партиями, входящими в правительство, которые остались верны закону. Да и говорили большевики на языке, понятном тем, кто жил в нищете и убожестве. Это была риторика вытеснения и насилия, близкая крестьянам от самого основания мира. Когда Ленин вещал о насекомых и паразитах, клопах и грязных отбросах, от которых нужно очистить русскую землю, имея в виду представителей прежней элиты, которых, по его мнению, следовало заклеймить позором и подвергнуть публичному шельмованию, дворян, которых он призывал депортировать и расстреливать, подобная метафорика понималась крестьянами как требование исключить из их узкого мирка любого, кого они считали чужаком²⁵. Террорист, скрывавшийся под оболочкой большевика, учитывал накопившиеся у народа обиды, пусть даже в конце концов он сам и подверг его испытанию огнем и мечом.

Хотя большевики принадлежали к интеллигенции, их отличала радикальная настроенность и жестокость. Чем ниже падал уровень жизни, чем дольше продолжалась война и росло недовольство горожан правящей партией социалистов, тем легче удавалось большевикам увеличивать свою популярность. Большевики, выдававшие себя за авангард пролетариата, сумели поднять свой престиж не только благодаря свойственному им жесткому лексикону. Солдат и рабочих крестьянского происхождения привлекал прежде всего брутальный облик большевиков, мужественная аура, которой окружали себя эти революционеры в кожа-

ных куртках и сапогах. Г. Л. Пятаков, руководивший партийной организацией на Украине в 1917–1919 гг., появлялся на людях всегда в «длинном овчинном тулупе» и заливчатской меховой шапке; за поясом у него торчал револьвер. Один английский журналист писал, что Пятаков напомнил ему разбойника из рассказов Шевченко²⁶.

Большевики создали подлинный культ насилия, заметно отличавший их от бездарных и уступчивых либералов, желавших воспитывать народ, совсем его не понимая. Этот культ жестокости опирался на традицию, порожденную верой в мощь оружия. Поэтому большевики брали верх над своими конкурентами из среды социалистов даже в тех случаях, когда рабочие выражали к ним открытую неприязнь, — например, в Донбассе рабочие называли большевиков евреями и «буржуями»²⁷. Там, где слово «социализм» ничего не значило для народа, побеждал тот, кто более умело применял насилие в ходе революции. В этом большевики преуспели больше, чем их конкуренты из революционных кругов.

Уже в годы первой русской революции ряды радикальной интеллигенции, социалистов-революционеров, анархистов и социал-демократов щедро пополнялись психопатическими личностями, уголовниками и бандитами, которые совершали покушения на представителей царской власти, вооруженные налеты и грабежи, прикрываясь именем революции. Тип преступника соответствовал описанным выше стереотипам мышления в большей мере, чем образ утонченного теоретика социализма. При таких обстоятельствах насилие превращалось в самоцель, в единственное средство, связывающее между собой две стихии — большевистскую интеллигенцию с ее экстремистскими взглядами и разъяренный народ. Предводитель русских либералов П. Н. Милюков говорил о «землетрясении», которое привело в движение «некультивированную и неорганизованную стихию русской жизни»²⁸.

Октябрьский переворот 1917 г. резко оборвал эксперименты с демократией, которыми были заняты социалисты и либералы. Его легитимировала улица. Большевики взяли верх потому, что не стали противоборствовать народной воле, беспрепятственно вырвавшейся на свободу. Новый режим упразднил царскую юстицию и полицию; издал декреты о мире и о земле, в которых задним числом («по факту свершения») легализовал незаконный захват крестьянами помещичьих земель; дал нерусским народам империи надежду на национальное самоопределение. Но тем самым он уничтожил еще сохранявшиеся остатки государственного порядка. Большевики выступали как разрушители. В то время как их

антагонисты искали выход на законных путях, они боролись за главенство на улице²⁹. Именно здесь, в революционной России, воплотилась идея Карла Шмитта, согласно которой верховная власть принадлежит тому, кто умеет повелевать в условиях чрезвычайного положения. Сопротивление, не опирающееся на превосходящие силы, ничего не могло противопоставить террору коммунистов.

До самого лета 1918 г. в больших городах, где большевики захватили власть, господствовал самосуд толпы: расстрелы без разбора, грабежи и нападения на всех, кто был отмечен клеймом «буржуя», захлестнули повседневную жизнь Страны Советов. Приезжий из Швейцарии писал, что увидел в Херсонской губернии «пьяных и вооруженных до зубов» стражей революции, громивших магазины и забиравших себе награбленные продукты. Нередко акции разрушения дорастали до межнациональных конфликтов, как, например, в Петрограде или в южнорусском городке Бахмут, где в сентябре 1917 г. грабежи винных лавок вылились в еврейские погромы. На Кавказе — в Тбилиси, Баку и Ереване — революция приняла облик кровавой межнациональной резни. В Средней Азии столкнулись между собой славянские переселенцы, мусульмане и кочевые народы³⁰. Этот разгул насилия подготовил почву для самых жутких эксцессов гражданской войны.

Гражданская война

Анархия и террор, которые большевики сразу же обрушили на всю страну, и невыносимые условия существования вызвали ответную реакцию со стороны контрреволюционных сил. Летом 1918 г. сформировались белые армии генералов Корнилова и Алексева, а в Самаре на Волге образовалось новое правительство, которое к началу 1918 г. вновь созвало распущенное большевиками Учредительное собрание; во многих городах рабочие объявляли забастовки. Несмотря на то что большевики сами постоянно подводили себя к краю пропасти, им удалось выйти победителями и из гражданской войны. Вовсе не ударная мощь Красной армии обеспечила им победу — ведь армия большевиков была сколочена из недостаточно обученных и плохо обеспеченных солдат крестьянского происхождения. Боевой дух ее был слаб, насильственно рекрутированные крестьяне дезертировали в массовом порядке всякий раз, когда им предоставлялась возможность³¹. Принудительное изъятие зерна нисколько не повышало репутацию большевиков в деревне. Уже в первый год гражданской войны во мно-

гих районах России вспыхнули крестьянские волнения, которые долгое время ослабляли боеспособность Красной армии. Тем, что революционная армия полностью не развалилась в первые же месяцы своего существования, она обязана военным талантам бывших царских офицеров, перешедших на службу к большевикам, и политической некомпетентности белого генералитета.

Белые армии в военном плане превосходили Красную армию, но они не извлекали из своего превосходства никакой политической выгоды. Лагерь контрреволюции страдал от внутренних раздоров и отсутствия общей идеи, конкуренция между генералами сводила на нет все достигнутые ими военные успехи. Крестьянам же и малым народам империи белые не могли предложить ничего, что могло бы пробудить их симпатии к белому движению. Лозунг белых о «единой и неделимой России», их призывы к восстановлению дореволюционных прав собственности облегчили большевикам победу. Именно крестьянские отряды партизанского батальона Махно, башкирские полки Зеки Валидова и страх крестьян перед возможным возвращением к власти помещиков в случае победы белых сделали возможной победу большевиков на втором году гражданской войны³².

С самого своего начала большевистский эксперимент обосновывался идеологическими пророчествами. Ленин в своей опубликованной в 1917 г. брошюре «Государство и революция» сам провозгласил скорое крушение классового общества, нарисовав фантастическую картину установления диктатуры пролетариата, отмирания правовых отношений и государственного аппарата, правда, ограничившись лишь туманными намеками на способы реального осуществления такого проекта. Образцом для организации хозяйства должно было служить «почтовое ведомство», а деятельность государственного аппарата следовало ограничить неизбежными репрессивными функциями. «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы». В условиях коммунистического общества до участия в управлении государством будет допущен всякий, кто «знает четыре действия арифметики» и сможет представить «соответственную расписку». А поскольку Ленин понимал право исключительно как репрессивную систему, служащую экономическим интересам, то он не придавал никакого значения формальным гарантиям, составляющим опору человеческой жизни. Для него право являлось инструментом подавления в условиях как буржуазного, так и пролетарского государства, которое должно было отмереть в коммунистическом обществе³³. Все, о чем говорилось на

страницах «Государства и революции» и других священных писаний большевистской религии, имело немалое значение. Эти идеи не только овладели языком, на котором говорили революционеры, но и придали их мировоззрению определяющий вектор. Наконец, эти тезисы мотивировали и оправдывали их насильственные действия. Действия, которые могут показаться абсурдными современному человеку, были для большевиков исполнены высшего смысла. Таким образом, поведение большевиков можно считать рациональным, потому что они реализовали предпосылки, которые сами заранее для себя установили.

Новые правители видели перед собой иную реальность, чем большинство их современников. Для них провалы в экономике, недовольство властью и критика в ее адрес представляли собой не свидетельства неадекватности их политической стратегии, а исключительно козни классовых врагов. Задача революции состояла в том, чтобы разоблачить их и навсегда с ними покончить. Основанием своих действий большевики считали законы мировой истории, во исполнение которых они побеждали врагов и преодолевали сопротивление. Гражданская война дала им возможность разделить население на врагов и друзей, спровоцировать классовые конфликты и тем самым решить исход борьбы между силами света и тьмы. Гражданская война стала генеральной репетицией сталинизма, экспериментальной площадкой, на которой большевики пытались реализовать свои безумные представления о социально «вычищенном» мире. Здесь впервые обнаружила себя некая разновидность явления, получившего впоследствии название сталинизма³⁴.

Насилие, к которому прибегали сторонники контрреволюции, едва ли уступало в своей жестокости террору большевиков. Только у него не было определенной цели и стратегии. При этом распущенная солдатня из рядов белой армии проявляла ужасающую жестокость по отношению к рабочим, крестьянам и евреям. В 1918 г. вслед за немецкой оккупационной армией в регион Донбасса вернулась прежняя царская власть. Белые офицеры из армии гетмана Скоропадского принялись мстить мятежным рабочим, которые за год до этого разогнали правление, состоявшее из предпринимателей и инженеров. В одном только шахтерском поселке Шахты во время гражданской войны силами контрреволюции было убито более 8 000 рабочих: они были расстреляны или забиты до смерти. В сельских районах Украины крестьяне, участвовавшие в захвате помещичьих земель, тысячами подвергались порке под надзором немецких солдат. Весной 1919 г. вместе с вой-

сками генерала Деникина в эти районы пришел и белый террор. Вернулись также прежние хозяева фабрик и властные чиновники. Тысячи коммунистов и непокорных рабочих были расстреляны или публично повешены в целях устрашения. Когда во второй половине 1919 г. Добровольческая армия отступила в южные районы России, дело дошло и до массовых убийств еврейского населения. Наряду с белыми свирепствовали крестьянские отряды украинского гетмана Симона Петлюры и анархиста Нестора Махно — их жертвами предположительно стали более 50 000 чел. Тем не менее белый террор носил фрагментарный характер, его интенсивность и целенаправленность зависели от того, кто был его организатором. В любом случае руководителей белого движения объединяла ненависть к коммунистам, узурпировавшим власть. При этом у белых не было ни единого правительства, ни единой программы. Поэтому никто из многочисленных белых лидеров не мог пользоваться таким авторитетом, который позволил бы ему установить единый контроль над вожаками повстанцев и казачьими атаманами в Сибири, Закавказье и на Украине. В этом смысле все, что можно назвать белым террором, представляет собой не более чем широкомасштабный анархический погром, который не был поставлен на служение высшей цели³⁵.

Красный террор предшествовал белому. Он не был актом самозащиты, который завершился бы по осуществлению возмездия. Большевистское насилие было направлено не на реального противника, а против целых социальных групп, объявленных проклятыми, как-то: дворянства, частных собственников, офицеров, священников, казаков, кулаков. При этом для большевиков не имело значения, кем считают себя сами эти люди и как они относятся к революции. Их враг не сознавал себя таковым, он существовал только в головах коммунистов. Именно поэтому большевистский террор и обрел столь ужасающий размах. Новый стиль правосудия, уже несоизмеримый с правом и формами «буржуазной» юстиции, ярче всего проявил себя в деятельности революционных трибуналов. На этих подмостках революции со всей ясностью выразился большевистский взгляд на вещи и иерархия ценностей, которые они разделяли; именно здесь они дали понять, кого следует считать врагом и кого — другом народа. Истцы и ответчики играли свои роли, они были актерами в мелодраме, где уже не было места преступлению и наказанию³⁶. Важнейшей задачей стала стигматизация классового врага, а не осуществление справедливости и отправление правосудия. Поскольку в начальные годы существования советской власти лишь немногие из об-

виняемых соглашались признавать навязанные им роли — ведь на практике многие революционные трибуналы чаще воплощали дух народного правосудия, нежели коммунистическую веру, — власть имущие предпочли обратить против предполагаемых врагов оружие неприкрытого, нетеатрализованного террора. Исполнителем стала созданная в декабре 1918 г. ЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем). Г. Е. Зиновьев, руководитель Петроградской партийной организации, входивший в узкий правящий круг, в конце сентября 1918 г. разъяснил в газете «Северная коммуна», что думают коммунисты о применении террора: «Чтобы одолеть наших врагов, мы нуждаемся в нашем собственном социалистическом милитаризме. Из ста миллионов населения, насчитывающегося в настоящее время в Советской России, мы должны сохранить за собой 90 миллионов. Что касается вычитаемого остатка, то нам нечего предложить ему. Он должен быть уничтожен». Чуть позже, в ноябре 1918 г., Мартин Лацис, заместитель председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского, опубликовал заметку в газете «Красный террор». В ней он рассказал, чего следует ожидать в будущем: «Мы ведем войну не против отдельных личностей — мы уничтожаем буржуазию как класс. Во время расследования мы не ищем доказательств того, совершил ли обвиняемый на словах и на деле преступление против Советской власти. Самые главные вопросы, которые следует ему задать, звучат так: к какому классу он принадлежит? Каково его происхождение? Какое у него образование и профессия? Именно эти вопросы должны определить судьбу обвиняемого. В этом состоит смысл и сущность красного террора»³⁷.

Лацис говорил на языке большевистских террористов. В то же время он предвосхитил формулу исповедания веры сталинизма, видящего задачу революции в том, чтобы искоренять враждебные группы населения, как сорную траву, и тем самым очищать общественное тело от заразы. Русская революция ознаменовала собой час рождения тоталитарного века, она стала первородным грехом, который породил диктаторские режимы и идеологии модерна. Она связала счастье человечества с физическим уничтожением человека. Организуемое государственной властью истребление социально табуированных групп населения, ставшее отличительной чертой сталинизма и национал-социализма, при большевиках превратилось из чисто теоретической модели в практику современной политической жизни. Впервые оно стало реальностью во время гражданской войны в России. Таким образом, насилие, издревле применявшееся одним человеком против

другого, уже не связывалось с боевой обстановкой — оно утратило черты невинности.

Террор разразился сразу же после Октябрьского переворота. В ноябре 1917 г. члены либеральной Конституционно-демократической партии были объявлены вне закона; в начале января 1918 г. матросы-красногвардейцы зверски расправились с известными руководителями кадетской партии А. И. Шингаревым и Ф. Ф. Кокошкиным. Несколько месяцев спустя большевики перенесли методы террора на бастующих рабочих и бунтующих крестьян, приказывая арестовывать и расстреливать своих оппонентов. При таких обстоятельствах народный комиссар юстиции от партии эсеров И. З. Штейнберг уже не видел смысла в дальнейшем существовании своего ведомства: «Какая теперь нужда в существовании народного комиссариата по юстиции? Не лучше ли назвать его просто “комиссариатом по социальному искоренению” и больше не думать об этом?» Ленин не признавал такой критики, он считал, что революция служит цели уничтожения, поэтому на долю народного комиссариата юстиции выпала задача участвовать в этом «социальном искоренении»³⁸. Но лишь осенью 1918 г., когда левые эсеры совершили покушения на шефа Петроградской ЧК М. С. Урицкого и самого Ленина, террор перешел все допустимые пределы. Несмотря на то что покушавшиеся принадлежали к партии эсеров, в сентябре 1918 г. ЧК начала в отместку за совершенное истреблять представителей зажиточных слоев населения. Расстрел заложников — так называли большевики свою стратегию, заключая представителей враждебных им классов под коллективный арест. 5 сентября 1918 г. правительство официально объявило о создании концентрационных лагерей, в которых оно предполагало содержать «классовых врагов» и «членов белогвардейских организаций»³⁹. К такой мысли большевики могли прийти, только будучи глубоко убеждены, что за сопротивлением любого отдельного индивидуума стоит коллективная сила враждебных им социальных групп. Везде, где люди позволяли себе хоть какой-то протест, большевики подозревали заговоры кулаков, буржуев, бывших хозяев собственности, царских офицеров и дворян — они не замечали индивидуумов как таковых, видя в них только выразителей того или иного классового интереса. Не классы состояли из людей, а люди принадлежали классам. Этот плоский взгляд на вещи заставлял большевиков подвергать террору кого угодно и превращать чрезвычайное положение в обычный способ управления.

В сентябре 1918 г. в Москве были расстреляны 25 бывших царских министров и 765 так называемых белогвардейцев. Ленин собственноручно подписывал листы с именами будущих жертв. В Курске ЧК ликвидировала депутата Думы, предводителя местного дворянского собрания, а также всех бывших сотрудников царской полиции и чиновников прежних органов самоуправления. Чуть позже режим перенес практику подобных расправ и на другие города⁴⁰. После ухода белых из южных регионов России и с Урала во второй половине 1919 г. большевистские комиссары начали систематическое преследование «бывших». Офицеры белой армии, дворяне, представители буржуазных слоев общества выявлялись и приговаривались к расстрелу. В Одессе, Киеве, Ростове-на-Дону, в Крыму и на Урале жертвами массовых расстрелов, проводимых ЧК, стали тысячи людей. В Крыму гражданская война завершилась драмой апокалиптического масштаба: весной 1920 г. во время отступления белой армии на полуострове скопилось более 200 000 беженцев, которые надеялись найти здесь убежище от наступавших большевистских войск. Но спастись, переплыв Черное море, удалось не всем — 50 000 оставшихся были уничтожены солдатами Красной армии. Севастополь запечатлелся в памяти современников как «город повешенных». Преемник Л. Д. Троцкого на посту военного наркома М. В. Фрунзе был убежден, что здесь совершались незабываемые подвиги во имя социализма: по его представлению чекист Евдокимов, отряд которого уничтожил в течение нескольких дней 12 000 чел., был награжден одним из высших орденов⁴¹.

Политическое руководство в Москве не давало никакого повода сомневаться в том, кто является инициатором террора. Большевики открыто признавались в своих деяниях, коммунистическая пресса с восторгом встречала каждый акт убийства, списки жертв публиковались в печати. Ленин сам поощрял палачей из ЧК в их стремлении к достижению рекордных показателей при уничтожении врагов. Когда в августе 1918 г. в Нижнем Новгороде начались волнения, он послал председателю местного исполкома телеграмму, в которой содержались точные указания, какими методами следует подавлять недовольных: председатель исполкома должен установить режим диктатуры, «проводить массовый террор, проституток расстреливать и выселять сотнями». Тот, у кого найдут оружие, должен быть немедленно расстрелян, «меньшевики и подозрительные элементы» — высланы из региона. Местная ЧК действовала без промедления — она ликвидировала 40 чел. (в их числе — офицеры, чиновники и священники), а

700 чел. из «бывших», оставшихся в живых, сделала заложниками. Военные вопросы Ленин тоже решал незамедлительно, используя террористические методы. Чтобы остановить наступление белого генерала Юденича на Петроград, следовало, по его мнению, перед пулеметами вооруженных рабочих поставить 10 000 представителей буржуазного класса, а несколько сотен из них расстрелять. Когда летом 1918 г. к Баку подходили турецкие войска, Ленин отдал местным большевикам приказ в случае приближения врага сжечь город до основания, не задаваясь вопросом о том, какая судьба ожидает в этом случае гражданское население города. Это его несколько не интересовало⁴².

Ленин был жестоким кабинетным палачом, которого мало волновали человеческие трагедии, страдания и бедствия. Но он не был циничным властителем, безразличным к идеологическим соображениям. Он и его собратья по ордену — большевики вышли, как им представлялось, в крестовый поход и стали борцами за веру, обязанными осуществить некую священную миссию. Решать данную историческую задачу следовало без жалости и сострадания. В этом не в последнюю очередь был убежден и Ф. Э. Дзержинский, польский дворянин, большую часть своей жизни проведший в царских тюрьмах. «Железный Феликс» представлял себя «пролетарским якобинцем», посвятившим жизнь беззаветному служению революции. Немецкий экспрессионист Артур Холличер, приехавший в Россию в 1920 г. с желанием вкусить дурман революции, описывал «железного Феликса» как человека, который подчинил себя «ужасающей, но неизбежной необходимости» очищения мира от человеческих отбросов⁴³. Возможно, Дзержинский даже не принял бы в свой адрес упрек в том, что он является бессердечным убийцей. Режим, претендовавший на осуществление воли народа, не мог отказаться от привлечения населения страны к сотрудничеству с властью. Выслеживание и уничтожение врагов перестало быть компетенцией одних правительственных органов — это должно было стать делом всех и каждого. Только так революция могла запечатлеться в сердце каждого подданного. Н. И. Бухарин говорил в таких случаях, что «сейчас все мы должны стать агентами ЧК». В советской империи звание «осведомитель» считалось почетным. Мания преследования и шпионский бум, достигшие своего апогея в сталинскую эру, были порождены гражданской войной. Военный опыт большевиков, привыкших считать себя окруженными врагами, изолированными от всего остального мира, был для этой мании постоянной питательной почвой⁴⁴.

Красный террор сплавил идеологическую одержимость большевиков с существовавшей в народе культурой насилия. А в образе чекиста эти два начала объединились. Одицавшие матросы и солдаты, утратившие всякую меру в своей ненависти к очкарикам, образованным, либералам и упитанным людям, привыкшие представлять себе мир исключительно как непрерывный театр насилия, уголовники, хулиганы, психически больные — вот из какой среды ЧК рекрутировала свою смену. В начале 1918 г. ЧК продемонстрировала, в какой мере они сумели овладеть своей новой профессией. В Евпатории, небольшом городке на берегу Черного моря, местные коммунисты разыграли кровавый спектакль. Секретарь партийной организации дал задание составить список из бывших офицеров царской армии и «буржуев». Черное дело расправы с ними он поручил расквартированным в городе матросам. Те откликнулись на его призыв акциями зверского насилия. Матросы топили несчастных в море, отрезали им уши, носы и половые органы, перед тем как убить. В некоторых случаях сцены убийства чекистами своих жертв сопровождались звуками духовых оркестров. Председатель Харьковской ЧК Саенко не только сам выискивал жертв, он имел обыкновение самолично их пытаться и расстреливать. Перед тем как удовлетворить свою страсть к убийству, он часто одурманивал себя алкоголем и кокаином. И везде, где чекисты уничтожали врагов во имя революции, дело доходило до неопикуемых жестокостей, которые уже не вписывались в большевистский сценарий. Жертв погружали в кипящую воду, с них снимали кожу, их сажали на кол, заживо сжигали или закапывали в землю, зимой их выгоняли голыми на улицу и поливали водой, пока они не превращались в ледяные столбы. В Пензе председатель ЧК, двадцатилетний психически больной человек, приказал зашивать людей в мешки и бросать их в прорубь⁴⁵. Но нигде террор не достиг такой степени ожесточения, как в Донбасском регионе. В Каменске, поселке недалеко от Луганска, красногвардейцы буквально на куски изрубили белых офицеров, попавших им в руки. По словам одного иностранца, оказавшегося на месте расправы, лица замученных офицеров превратились в «кровавое месиво»⁴⁶. В этих страшных делах рабочие и большевики пришли к взаимопониманию, пусть даже у них еще не было единства в вопросе о том, как продолжить дело революции.

Одной из загадок, связанных с победой красных, является то, что она была одержана при таких обстоятельствах, которые лишь способствовали непрерывному росту числа врагов большевизма. Эта победа была актом насилия, больше не предполагавшим уча-

ствия народа. К началу 1918 г. речь уже не шла о рабочем контроле, прежде осуществлявшемся фабричными комитетами. Банкротство фирм, инфляция, вышедшая из берегов, и остановка производства превратили рабочий контроль над производством в химеру. Там, где ничего уже не производилось, нечего было и контролировать. Большевистское правительство реагировало на катастрофы в экономике тем, что передавало фабрики в собственность государства и подчиняло торговлю централизованным мерам управления. Ленин и его сподвижники были одержимы абсурдной идеей о том, что обеспечение потребностей народа и контроль над страной возможны только посредством централизованного товарного распределения. Поэтому правительство запретило свободную торговлю. Но тем самым оно уничтожило возможность поставки в город товаров первой необходимости, не организовав при этом обещанного централизованного снабжения. Крестьяне отказывались бесплатно отдавать излишки зерна посланным большевиками продотрядам. Голод был неминуем⁴⁷.

Благодаря так называемым мешочникам, то есть горожанам и крестьянам, ухитрявшимся на свой страх и риск привозить продукты из деревни, в городе сохранялась возможность выживания. С начала 1918 г. десятки тысяч рабочих покинули города и вернулись в деревни, из которых когда-то уехали. За один только 1918-й год Петроград оставили 850 000 жителей, что составляло больше половины его прежнего населения. За годы гражданской войны число жителей Москвы сократилось на 40 %. Так обстояло дело во всех городских центрах бывшей царской империи, хотя малые города меньше пострадали от исхода населения. На прежних местах оставались только те, у кого не было связей с деревней. Они заглушали горе алкоголем, занимались воровством или пытались счастья на черном рынке. При таких условиях дисциплина труда полностью развалилась. Многие фабрики были начисто разобраны по частям рабочими, которые привычно уносили с рабочих мест все, что они и без того считали своей собственностью.

С точки зрения политической целесообразности запрет на свободную торговлю и насильственное изъятие зерна можно было бы приравнять к политическому самоубийству. Но большевики твердо держались своих принципов, несмотря на то что этим они ставили на кон свое дальнейшее существование⁴⁸.

Везде, где условия жизни становились невыносимыми, рабочие открыто проявляли недовольство и выражали свой протест, а в некоторых городах провинциального масштаба опальным меньшевикам даже удалось вернуть себе большинство в местных Сове-

тах. С оппозиционными социалистами режим поступил по своему обыкновению: приказал закрыть их газеты и распустил те Советы, где соотношение сил оказалось не в пользу большевиков. Правда, рабочие проявили одинаковое безразличие к судьбе как эсеров, так и меньшевиков. Но они не могли удержаться от протеста против новой власти. В марте 1919 г. объявили забастовку 10 000 рабочих Путиловского завода в Петрограде. Их представители обвинили большевиков в установлении диктатуры и утверждении системы «крепостного права», которой рабочие вынуждены были подчиняться. Когда ситуация вышла из-под контроля, Ленин в сопровождении Зиновьева сам отправился на Путиловский завод, находившийся на краю города. Это была первая встреча Ленина с рабочими, с которыми он до этого был знаком лишь по книгам. Речь Ленина, обращенная к ним, потонула в криках протеста. В конце концов большевики отправили в рабочие кварталы броневики и вооруженные отряды ЧК. 200 организаторов забастовки были расстреляны без всякого разбирательства, сотни рабочих арестованы. В Астрахани большевики устроили среди рабочих страшное побоище. Ответственный в то время за город военный комиссар С. М. Киров отдал своим солдатам приказ занять город. Более 3 000 рабочих были расстреляны или утоплены в Волге разъяренной солдатней⁴⁹.

Возможно, большевики смогли бы преодолеть кризис путем восстановления механизмов рыночного хозяйства. Можно было остановить процесс огосударствления рынка и промышленности, а также прекратить насильственное изъятие зерна у крестьян. И то и другое означало бы отказ от практики военного коммунизма. Но большевистская власть не допускала даже мысли об этом. Наоборот, она сохраняла режим террора и насилия, пытаясь разрешить проблемы, которые сама же и создавала. Ведь социализм, как его понимали большевики, опирался на более высокий уровень сознания, обладать которым мог только тот, кто достиг уровня культуры, свойственного новым владыкам. Быть пролетарием означало отмечать введенные большевиками праздники, говорить на их языке и носить их одежду, а также стать врагом всем тем, кто не находил удовольствия в таком жизненном устройстве. Пролетарий был двигателем истории, мессией, ведущим человечество к другим берегам. Но это был мессия, освободившийся от позорящих его родимых пятен своего русского происхождения. Ленин и Троцкий видели в русском рабочем продукт отсталой, варварской среды, связанной с деревенской культурой. Задача большевиков состояла в том, чтобы подчинить рабочего железной дисциплине

и тем самым превратить его в пролетария. Во время гражданской войны большевики попытались претворить свои представления о казарменном социализме в реальность. В конце 1919 г. Л. Д. Троцкий выступил с предложением перевести рабочих на военное положение и таким образом прикрепить их к рабочим местам. Русского рабочего следовало заставить исполнять свой долг по отношению к социалистическому порядку. Троцкий мечтал об армейских подразделениях, создаваемых на основе производственных объединений: рабочие были бы тогда солдатами социализма, одерживающими победы на производственных фронтах. Народный комиссариат труда терял в этом случае *raison d'être* (смысл существования) — на его место должен был заступить военный комиссариат. Он формировал бы рабочие армии и подчинял их единому военному контролю. Рабочих, склонных к дезертирству, Троцкий предлагал отправлять в штрафные батальоны или концентрационные лагеря. Отвечая на критические замечания со стороны видных профсоюзных лидеров о том, что милитаризация труда грозит вернуть в Россию дух рабства, он назвал их возражения «убогим и жалким либеральным предрассудком». По его словам, рабское хозяйство было эффективным для своего времени, а кроме того, в российских условиях оно являлось неизбежным⁵⁰.

Вместе с тем даже Троцкий должен был склониться перед обстоятельствами, которые вскоре вынудили большевиков изменить стратегию. Хотя им удавалось использовать армейские части на хозяйственных работах — для заготовки леса и строительства дорог, — они не смогли подчинить единому контролю рабочих и крестьян, не состоявших на службе в армии. Вместо этого милитаризация экономики привела только к обострению террора. В начале 1920 г. Троцкий дал указание распространить действие военных законов на всю железнодорожную сеть и отдавать под суд революционного трибунала всякого работника железнодорожного транспорта, не соблюдающего необходимые дисциплинарные требования. За один только 1920-й год революционный трибунал осудил 3 666 железнодорожных рабочих и служащих.

Тюрьмы Москвы, Петрограда, Тулы и Иванова были переполнены рабочими, даже на рабочих местах с этого момента царствовал террор: чекисты дежурили на производстве и брали под арест любого, кто не желал подчиняться распоряжениям большевистского режима. Когда рабочие еще раз прибегли к забастовкам летом 1920 г. и в феврале 1921 г., а кронштадтские матросы подняли восстание, режим использовал против них тяжелую артиллерию. Он направил против бастующих военные части и бросил в концен-

традиционные лагеря тысячи рабочих. Партия меньшевиков перестала существовать, после того как летом 1920 г. ЧК арестовала ее руководителей. Восстание матросов в Кронштадте было потоплено в крови в марте 1921 г.; по распоряжению руководителя Петроградской партийной организации Г. Е. Зиновьева более 2 000 матросов были расстреляны без суда и следствия. Мятежники, оставшиеся в живых после этого массового побоища, были отправлены в концентрационные лагеря на Соловки⁵¹.

Будущее большевистского эксперимента решалось в деревне. Во время гражданской войны большевики направили в деревню вооруженные отряды рабочих и армейские подразделения, чтобы реквизировать у крестьян зерно для снабжения городов и для нужд армии. Но такая стратегия не смогла бы привести к успеху без поддержки со стороны крестьян. Большевики нуждались в союзниках. А поскольку коммунисты верили в силу социальных конфликтов, будучи убеждены, что и в русской деревне существует острый антагонизм между бедными и богатыми, они решили поднять нуждающихся крестьян против их зажиточных соседей. Коммунисты не замечали того, что их умозрительным построением нет места в жизни крестьян. Бедным крестьянам не был свойствен образ мыслей, который можно было бы назвать пролетарским. Патриархальные устои крестьянской жизни связывали деревенских жителей прочнее, чем те социальные различия, которые их разделяли. Зажиточные крестьяне не только внушали односельчанам страх; бедные видели в них посредников между деревней и внешним миром, заступников за всех жителей деревни. Кулаки, как называли в деревне наиболее влиятельных хозяев, стояли на защите местных деревенских обычаев, они владели традиционным опытом ведения хозяйства и располагали средствами, дающими возможность существовать даже тем крестьянам, которые не обладали достаточным хозяйственным потенциалом. Те, кто восставал против кулаков, посягал на жизненные начала деревни. Поэтому на призыв большевиков откликнулись немногие. Комитеты деревенской бедноты, с помощью которых большевики пытались разыграть классовую борьбу на селе, состояли по большей части из безземельных крестьян или рабочих, переселившихся в деревню из города, а иногда — из уголовных преступников, которые по заданию коммунистов нападали на жителей деревни⁵².

К этому присоединялись налеты отрядов ЧК и армейских частей, с помощью которых режим отбирал у крестьян излишки зерна для содержания своих вооруженных сил. Реквизиции, начав-

шиеся зимой 1918 г., захватили прежде всего губернии Среднего Поволжья, Саратовскую, Самарскую и Пензенскую, а после победы над белыми армиями распространились и на Черноземье. Продотряды зачастую отбирали у крестьян не только весь урожай, но и посевное зерно. Они наводили ужас везде, где появлялись. Крестьян пороли, их жен и детей держали в качестве заложников, чтобы выжать из деревни последние остатки продовольствия. Ленин лично посылал коммунистам на местах подробные инструкции, как следует поступать со строптивыми крестьянами. В августе 1918 г. он дал партийному комитету Пензы указание «повесить не менее сотни откровенных кулаков, богатеев и кровопийц» и рекомендовал сделать это публично «на площади в сотни верст», чтобы до крестьян наконец дошло, с какой жестокостью советская власть может наказывать своих врагов⁵³.

В конечном счете большевики этим ничего не добились. Они загоняли крестьян в такие условия, при которых сила их сопротивления, еще не сломленная голодом, выливалась в бунт. На Украине, в Самарской, Пензенской и Симбирской губерниях уже весной 1919 г. против власти большевиков поднялись крестьяне и казаки. С 1918 по 1920 г. разъяренные крестьяне уничтожили более 20 000 членов продотрядов. При этом они не знали никакого снисхождения: там, где коммунисты попадали в крестьянские засадки, их зверски уничтожали — распинали, погребали заживо и разрубали на части. На Украине и на Средней Волге продовольственные отряды осмеливались входить в деревни только под прикрытием армейских частей. Уже осенью 1920 г. восстания крестьян переросли в крестьянские войны. Крестьянская армия под предводительством главаря анархистов Нестора Махно установила свою власть в степях Южной Украины. Она насчитывала 15 000 чел. В Воронежской, Саратовской, Самарской, Симбирской и Пензенской губерниях также сформировались сотни небольших армий, которые внушали коммунистам страх. В Тамбовской губернии, где восстанием руководил левый эсер Алексей Антонов, бунт превратился в народное восстание. В конце концов крестьянские волнения охватили также степные районы к северу от Большого Кавказского хребта и Западную Сибирь, где временами с оружием в руках выступало более 60 000 чел. Первоначальный успех крестьянских войск в немалой степени был обусловлен тем, что к ним примкнули дезертиры из Красной армии, — они обеспечивали восставших не только оружием, но и военным опытом. Крестьяне вели военные действия, используя как убежище свои деревни, каждый из бойцов мог в любой момент

превратиться из солдата в крестьянина, а из крестьянина — в солдата, тем более что они были хорошо знакомы с местностью, которую армия противника еще должна была освоить. К тому же многие коммунистические функционеры в панике бежали из села, а на Тамбовщине местные чиновники даже перешли на сторону крестьян. При таких условиях всякая попытка красных командиров вновь завоевать деревню должна была потерпеть крах⁵⁴.

Но нигде крестьянский бунт не проходил под знаменем белой контрреволюции. Крестьянская революция была протестом, в котором выразилось присущее деревне представление о свободе: мир, земля и освобождение от государства и его чиновников. В этом смысле большевики представляли для крестьян начало, враждебное их революции. «Да здравствуют большевики! Смерть коммунистам!», «Да здравствует советская власть! Долой большевиков и евреев!» — такие лозунги можно было услышать от крестьян и в эти дни. Очевидно, многие крестьяне были убеждены в том, что большевики и коммунисты представляют собой некие враждующие между собой силы⁵⁵.

Но бунтующие крестьяне не останавливались на том, чтобы мстить своим мучителям и расправляться с ними самым жестоким способом. Они разрушали существующую вокруг них инфраструктуру: мосты, железнодорожные рельсы и телеграфные столбы, связывающие деревню с внешним миром. Они жаждали уничтожить все основания, на которых покоилась чужеродная власть. Здания, где располагались органы власти, полицейские участки, суды, партийные учреждения и даже школы, служившие режиму инструментом для пропаганды его идеологии, предавались огню. Во многих регионах империи государственная власть развалилась в начале 1921 г. Но к естественным особенностям крестьянского бунта относится и его неспособность выйти за границы своего жизненного пространства. Никому из крестьянских вождей даже не приходило в голову, уничтожив большевиков на своей территории, преследовать их и дальше, чтобы в конце концов выбить из столицы. Круг их интересов ограничивался исключительно деревней, в которой они родились. Как только на их земле прекращала свое существование государственная власть и восстанавливалась первоначальная свобода, их энтузиазм угасал. В этом можно видеть и основную причину поражения крестьян в их борьбе с большевиками.

Только зимой 1920 г., по окончании гражданской войны, большевистский режим сумел собрать силы для разгрома крестьянского мятежа. В июне 1921 г. ЦИК РСФСР издал указ, придав-

ший террористическим действиям против крестьян законодательный характер. Все, кто отказывался называть свое имя по требованию органов безопасности, кто укрывал «бандитов» или прятал их имущество, подлежали немедленному расстрелу⁵⁶. Чтобы заставить мятежных крестьян сложить оружие, красные комиссары приказывали хватать жителей целых деревень и отправлять их в концентрационные лагеря в качестве заложников. За каждого убитого коммуниста расстреливали дюжину заложников. К концу июня 1921 г. в концентрационных лагерях вокруг Тамбова находилось более 50 000 крестьян. Наконец, Красная армия применила против восставших самолеты и газовые бомбы, чтобы «выкурить» из болот скрывавшихся там мятежников⁵⁷.

Социальные группы, враждебные советской власти, обнаруживались повсюду В январе 1919 г. в связи со стремительным продвижением Красной армии на юг России Донское партийное бюро впервые поставило вопрос о том, что предпринять в отношении казаков, которые, как считали коммунисты, стояли на стороне белых. Девять дней спустя Организационное бюро ЦК партии в Москве дало ответ на этот вопрос. Как утверждалось в инструкции, отправленной партийным руководством нижестоящим организациям, в данном случае единственно верным является путь «беспощадной борьбы» с казаками, который должен привести к «полному их уничтожению».

На казаков падало подозрение в том, что они являются потенциальными союзниками контрреволюции, хотя единственное, чего они желали, — не иметь над собой никакой государственной власти, ни белой, ни красной. И вот, уже в конце февраля 1918 г. донское казачество становится жертвой большевистского террора. Большевики убивали казачьих офицеров, конфисковывали зерно и угоняли скот, после чего казачьи станицы предавались огню. Но только в феврале 1919 г., после ожесточенных столкновений с восставшими казачьими частями, большевики приступили к осуществлению программы по ликвидации казачества. За один этот месяц революционный трибунал 8-й армии приговорил к смерти более 8 000 чел. Каратели опьянели от крови, тысячи казаков были расстреляны или взяты в заложники.

Уже в апреле 1919 г. Ленин издал письменное распоряжение, согласно которому казаков следовало выселить с Дона и на их место поселить крестьян из центральных российских губерний. Однако наступление белой армии воспрепятствовало осуществлению этого плана. И лишь в 1920 г. большевики сумели претворить свой замысел в жизнь — 300 000 казаков были изгнаны со своей

родины. Они оказались в концентрационных лагерях, разбросанных по соседним губерниям, или были сосланы на принудительные работы в шахты Донбасса⁵⁸.

Для большевиков же все случившееся на Дону было не более чем прелюдией к более масштабной чистке, благодаря которой они намеревались освободить общество от «сорняков» и «человеческих отбросов». Гражданская война возвестила российскому обществу и конец его религиозной жизни. Большевистский режим развязал беспощадный террор против духовных лиц всех существовавших в России конфессий, он закрывал церкви и сжигал монастыри. Никто уже не сможет сказать, сколько священников пали жертвами террора. А у тех народов, для которых религия стала образом жизни, как, например, у ортодоксальных иудеев и мусульман, террор захватил не только духовных лиц. Он направил свое острие против всех представителей «отсталых» слоев населения. Вследствие этого ураган революции захлестнул и малые народности России. Большевистские комиссары не удерживали бойцов Красной армии от погромов, когда советская власть имела дело с «отсталыми» сообществами. Это в равной мере касалось евреев, мусульман и кочевых народов империи. Но конфликты, вспыхивавшие на окраинах империи, со всей ясностью обнаружили, что большевики, претендуя на неограниченную власть, не в силах были ее реализовать. Они не могли достичь сознания тех, кого хотели подчинить своему господству. Везде, где большевики применяли силу, она выходила из-под их контроля. Акты кровной мести, межнациональные столкновения и погромы, которые уже несколько не входили в планы большевиков, оставляли им всего лишь роль сторонних наблюдателей. А всякий раз, когда межнациональные конфликты и межплеменные войны выходили из-под контроля центральной власти, она в конце концов вынуждена была отказываться и от своих функций третейского судьи. В этих условиях притязания большевиков, направленные на изменение условий жизни народов империи, остались неосуществленными.

Именно атмосфера крайнего насилия, вызванного гражданской войной, породила сталинизм. Эта форма насилия отвечала логике рассудка, который не испытывал симпатии к порядку. В котле гражданской войны эсхатологические надежды на спасение и безумные фантазии большевиков слились в одно целое с культурой насилия, практиковавшейся в царской империи. Опыт безудержного насилия и сформировал тип сталинского функционера. Действительно, Ленин, Бухарин, Зиновьев, Троцкий и их идейные последователи были воплощением беззастенчивого на-

силия. Но они не испытывали непосредственной, физической привязанности к нему: для них террор оставался не более чем абстракцией, умозрительным конфликтом, в котором участвовали воображаемые социальные классы. Они не имели представления о дремлющем в народе насилии, способном пробудиться под влиянием той картины террора, которая сложилась в их умах. Функционерам же, воспитанным сталинским режимом, насилие представлялось эликсиром жизни. Свою гордость и славу они видели в богатой добыче, опустошенных пространствах и возможно большем числе уничтоженных врагов. Как правило, сталинистский функционер происходил из простой семьи, местом его рождения мог быть рабочий квартал или деревня в имперской глубинке. Долгие годы своей жизни он провел в подполье, в царистских застенках или в ссылке. Его час наступил, когда началась гражданская война и режим прибег к услугам практиков революционного насилия — боевиков и террористов, способных не только говорить об уничтожении врагов революции, но и осуществлять его на деле. Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян, Орджоникидзе, Киров, Ежов — в каждом из них находил свое воплощение политический стиль, риторика и способ поведения, отличающие сталинского функционера. Сталин, этот «чудесный грузин», как отозвался о нем Ленин, стал для них настоящим объектом поклонения. Он соединял в себе все качества, которые имели первостепенную важность в кругу этих функционеров: наружную простоту, решительность и жестокость⁵⁹.

Гражданская война и террор привели не только к разорению всей страны и опустошению в человеческих душах — наряду с этим Россия утратила свою духовную и политическую элиту. Все, кто сумел выжить, искали счастья в европейском зарубежье. Берлин, Прага и Париж — вот те места, где старая Россия пыталась возродиться вновь⁶⁰. Новая же Россия превратилась в царство террора. Коллективизация в сельском хозяйстве, дисциплинарное принуждение рабочих, преследование буржуазных специалистов и переселение малых народов — все эти разновидности террора, которыми отмечена сталинская эпоха, появились на свет именно в период гражданской войны. Сталинизм черпал свои силы из гражданской войны как явления культуры — он представлял собой продолжение гражданской войны, только иными средствами⁶¹.

II. ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

Большевики победили. Они сломили военное сопротивление белых армий, задавили крестьянские волнения и рабочие забастовки с помощью кровавого террора. Об успехах коммунистов не в последнюю очередь свидетельствовал и тот факт, что им удалось восстановить многонациональную империю, которая распалась на части в самом начале революции. После оккупации Грузии Красной армией весной 1921 г. империя могла праздновать начало своего возрождения. Но победители не испытывали упоения от этой победы. В водовороте насилия и террора исчезла не только старая Россия — в конечном счете здесь прекратил свое существование и первоначальный проект большевистского общественного устройства.

Война и террор оставили за собой неизгладимые следы опустошения. Зимой на рубеже 1921–1922 гг. голод захватил русскую деревню; в Среднем Поволжье от недоедания погибали сотни тысяч крестьян. Представители американских организаций по оказанию помощи голодающим, находившиеся в это время в регионе, видели, как одни крестьяне недвижно лежали в своих избах и ждали смерти, другие же добывали себе в пищу крыс, мышей и собак и, в конце концов, в отчаянии поедали собственных детей. Тех, кто не умер от голода, добывали тиф и холера. В 1920 г. в Центральной России от тифа страдало более двух миллионов человек, а в городах стремительно распространялись холера и сифилис. Во второй половине 1920 г. несколько миллионов крестьян покинули свои деревни, чтобы спастись от голода и найти новую жизнь. Подобно кочевникам, потоки бездомных беженцев бесцельно перемещались из одного места в другое. В Самарской губернии голодные крестьяне бродили, как волчьи стаи, пожирая внутренности павших животных и питаясь листьями и ягодами. Некоторые из этих несчастных совершали самоубийства, а иногда родители убивали своих детей, чтобы выжить самим. Казак Н. М. Бородин тридцать лет спустя вспоминал, что ему пришлось наблюдать в Донбассе в конце гражданской войны. По его словам, «люди мерли, как осенние мухи», кошки и собаки исчезли с улиц, съеденные голодающими. На базаре в рабочем поселке Шахты одна старуха вынесла на продажу человеческое мясо, а в Каменске несколько местных жителей были схвачены и отданы под суд за людоедство.

Массовая гибель людей уничтожила многие семьи, лишила детей их родителей и оставила неизгладимый след в памяти тех, кто сумел пережить эти годы. В начале 1922 г. один английский сот-

рудник Нансеновского комитета помощи голодающим описал в газете «Таймс», что происходило в это время в Самарской и Саратовской губерниях: он видел покинутые людьми деревни, трупы, лежащие на улицах и пожираемые собаками. В некоторых районах в день умирало до 100 чел.¹

Гражданская война оставила после себя больше 7 млн детей-сирот, которые бесцельно скитались по стране. В Симбирской губернии группы детей жили в лесах и питались травой. Одна приезжая американка, столкнувшись с такой группой на железнодорожной станции, пережила настоящий шок: дети со вздувшимися от голода животами вымаливали у прохожих кусок хлеба. Целые армии таких голодных и отчаявшихся детей, пытаясь найти кров, хлынули в города Центральной России. В конце 1923 г. 70 % беспризорников в Москве все еще составляли беженцы со Средней Волги². Эти травмированные нищетой дети жили на дне городского сообщества, питались отбросами, добывали себе средства к существованию воровством и разбойничьими нападениями.

К концу гражданской войны русские города представляли собой бледные подобия того, чем они были раньше, — они обезлюдели и вымерли. Их оставшиеся в живых обитатели боролись за простое выживание. Многие города лежали в руинах; на Урале и на Кавказе только дымящиеся пепелища напоминали о том, что некогда здесь жили люди. Все пережитое населением Западной и Центральной Европы в годы после окончания Второй мировой войны не идет ни в какое сравнение с этими ужасами.

Конец гражданской войны был ознаменован безудержной волной уголовной преступности. Никого уже не волновало, если на его глазах одни люди убивали других и гибли сами. В деревнях, далеко от больших городов, господствовало кулачное право. На Кавказе, в Сибири и в некоторых районах Украины властвовали бандитские объединения и разрозненные группы беженцев. Так было и в Донбассе, где беженцы, дезертиры и бывшие участники крестьянских бунтов объединились в могущественные банды, не дававшие покоя городским властям. Но ни один город империи не страдал от бандитской власти больше, чем Баку: днем город контролировался большевиками и созданной ими милицией, ночью же он переходил в руки разбойных элементов, стекавшихся сюда из близлежащих сел³. Шесть непрерывных лет мировой и гражданской войн опустошили человеческие души. Повседневная борьба за существование подорвала в людях прежнюю убежденность, что человек в сущности является другом для своего ближнего и только определенные жизненные обстоятель-

ства могут склонить людей ко злу. В описываемой исторической ситуации человеческое начало свелось к простому факту физического существования, а само это существование опиралось на ежедневный опыт «обесчеловечивания» другого. Социал-дарвинистская риторика большевиков нашла себе подтверждение в событиях гражданской войны, хотя концепция врага в сознании властителей и образ врага в народных представлениях редко совпадали друг с другом.

В начале 1921 г. Ленин и его ближайшие сподвижники пришли к выводу, что власти может добиться только тот, кто умеет общаться со своими подданными и способен создать учреждения и кадры, обеспечивающие это общение. Революционеры, которые стремились преобразить самосознание своих подданных, не могли пренебречь доверительными отношениями с ними. Но взаимопонимание между властью и народом имело шансы на успех только в том случае, если объекты властных инициатив находились в состоянии мира с самими собой и окружающей их средой, если они избавились от голода и нищеты и способны были строить свою жизнь на новом фундаменте. Ленин, во всяком случае, понял характер этой зависимости, поскольку на начавшемся в марте 1921 г. X съезде партии именно он дал сигнал к отходу. Новая экономическая политика (НЭП) — вот та волшебная формула, с помощью которой режим надеялся выйти из кризиса, в котором оказался по собственной вине.

В чем заключалась сущность новой экономической политики? Можно было бы ограничиться простым ответом: ее смысл состоял в достижении экономической и политической стабилизации многонациональной империи, в восстановлении рыночных механизмов хозяйствования, в заключении мира между режимом и крестьянством, а также в создании культурной автономии для народов, не принадлежащих к русскому этносу и населявших окраины империи. Можно было бы представить НЭП как прекращение вмешательства большевиков в жизнь их подданных, как усвоение прагматических установок, открывающих пространство для реализации жизненных планов тех граждан государства, что зависели от большевиков. Зачастую складывается впечатление, будто так все и обстояло в действительности. Отсюда следует вывод, согласно которому сталинизм вовсе не был неотвратимым следствием совершенного большевиками Октябрьского переворота и что новую экономическую политику можно рассматривать как свидетельство наличия у большевиков альтернативных воз-

возможностей выбора того или иного решения, в пользу которого могло высказаться большинство в партии. Этот аргумент выдвигается теми, кто видит в НЭПе нечто большее, нежели тактически обоснованный отход от основной позиции. Против их доводов можно выдвинуть два возражения. Во-первых, вводя НЭП, большевики нисколько не отказывались от своей цели — установления в Советском Союзе социалистических отношений. Поэтому у них не было и речи об отказе от социализма. Дебаты о выборе верного пути построения социализма, развернувшиеся в большевистской партии в 1920-е гг., не были спором об осмысленности или бессмысленности установления диктатуры пролетариата, о которой постоянно говорили большевики. Это были расхождения по вопросу о том, какой путь следует избрать для построения социалистических отношений в сложившихся исторических обстоятельствах. Во-вторых, в партии большевиков не было никаких разногласий относительно целей революции: экономическое возрождение не включало в себя партийный плюрализм и демократизацию политического порядка. В 1920-е гг. из политической жизни страны исчезли не только остатки социалистической оппозиции. Большевистский режим лишил властных полномочий советы, которые были проводниками воли народа, — они превратились в исполнительные органы Совета народных комиссаров. Пресса, школа и университеты тоже претерпели соответствующую эволюцию. Но режим по-прежнему с беспощадной жестокостью подавлял любое сопротивление, прибегая к массовым расстрелам и депортациям. Наряду с этим, большевики не желали отказываться от идеологической обработки сознания своих подданных. Пытаясь максимально расширить сферу своего воздействия на различные социальные группы в пределах империи с целью подорвать их изнутри, они прибегали ко все более разнообразным тактикам внедрения в души людей: кампании по борьбе с безграмотностью и религиозными пережитками, использование современных средств пропаганды, реформа брачного и семейного законодательства, основание образовательных учреждений для пролетариата и поощрение изобразительного искусства, литературы и архитектуры революционного авангарда — все это прямо принадлежало к эпохе, отмеченной знаком новой экономической политики⁴.

Здесь и разверзлась пропасть, отделившая сферу реализации большевистских притязаний от жизненных миров, сложившихся за пределами городских метрополий. Она привела к самоизоляции большевистской партии и создала вокруг нее особое про-

странство, где действовали специфические, присущие только ей, правовые нормы. Именно это состояние отчуждения дало начало сталинизму. Таким образом, чтобы иметь возможность определить новую экономическую политику в адекватных терминах, необходимо говорить об инкубационном периоде в становлении сталинизма. В этот период сложились те предпосылки, которые в конце концов и дали жизнь безумному чудовищу, называемому сталинизмом.

Экономика

Новая экономическая политика вступила в силу начиная с X съезда партии весной 1921 г. Под давлением крестьянских бунтов, рабочих забастовок и мятежа кронштадтских матросов Ленин склонился к мнению, что власть сможет завоевать только тот, кто сумеет мобилизовать себе в поддержку других. Большинство большевистских лидеров согласилось с ним в оценке происходящего. При этом Ленин не отказался от своей цели построения социалистической плановой экономики. Теперь для него стало очевидным, что существует прямая связь между покупательной способностью крестьян и развитием промышленности: если крестьяне в стране перестанут что-либо производить, потому что государство выступает перед ними лишь в роли грабителя, то в конечном счете никто не будет платить налоги и закупать изделия промышленного производства. С этого момента произвольное изъятие зерна у крестьян было заменено фиксированным натуральным налогом, создавшим видимость уважения прав крестьян. Главные усилия были направлены на то, чтобы возродить товарообмен между городом и деревней и побудить крестьянина к производству и потреблению. Таким способом Ленин и его прагматичные приверженцы надеялись также преодолеть продовольственный кризис в городах страны. Крестьяне могли оставлять у себя излишки сельскохозяйственной продукции, вести свободную торговлю и нанимать работников. Государственные предприятия получили от большевиков разрешение сдавать фабрики в аренду частным лицам, а также передавать в частные руки право на финансирование и снабжение предприятий. В июле 1921 г. ремесленники и мелкотоварные предприятия даже вернули себе право на свободное предпринимательство. Тем не менее и эта реформа не обошлась без гарантий сохранения социалистических принципов, которые стали залогом того, что сделанные «буржуазии» уступки не выльются в преобразование экономической стру-

туры общества. Вновь открыв свободную торговлю, большевистский режим не решился восстановить частную собственность на земельные участки. Вместо этого он ускорил создание кооперативов, руководимых из центра, которые в качестве товариществ по производству сельскохозяйственной продукции должны были организовать товарообмен между городом и деревней.

Сохранялся государственный контроль над крупными предприятиями, то есть такими, численность рабочих на которых превышала 20 чел. Центральный орган, осуществлявший руководство хозяйственной деятельностью (Высший совет народного хозяйства), был упразднен, поскольку показал свою неповоротливость и неэффективность, но это нисколько не привело к деbüroкратизации хозяйственных структур. Вместо этого предприятия, относящиеся к смежным отраслям, были объединены в так называемые тресты, остававшиеся в собственности государства, но обладавшие правом самостоятельно вести плановую и хозяйственную деятельность (хозрасчет).

Первые успехи реформ обнаружились в первые же месяцы после введения новых законов: крестьяне, производившие излишки сельскохозяйственной продукции, сразу понесли их на рынок. К 1923 г. вновь были восстановлены товарные связи между городом и деревней. Перемены происходили благодаря усилиям новой генерации людей эпохи НЭПа — розничных торговцев, которые еще до революции монополизировали торговые отношения с крестьянами и могли теперь восстановить сферы сбыта продукции и деловые контакты, которые были известны только им. Застой в производстве промышленной продукции сменился экономическим подъемом только тогда, когда трестам удалось основать собственные торговые синдикаты и начать поставку своей продукции в государственные магазины. Равновесие между ценами на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию было, однако, нарушено в 1923 г., когда цены на промышленную продукцию были завышены; в ответ на это крестьяне бойкотировали закупку товаров из города. Рабочие расплачивались за застой производства потерей заработка и увольнениями. В крупных индустриальных центрах страны это привело к новым забастовкам и к эксцессам насилия. И снова многие большевики не могли представить себе иных способов разрешения возникшего кризиса, кроме государственного вмешательства в экономику. Л. Д. Троцкий, видевший в рыночном хозяйстве воплощение хаоса, находил, что необходимо плановое регулирование рынка; такая форма планирования должна была служить целям индустриализации страны. Правда, его

предложения, с которыми он выходил в Политбюро в 1924 и 1925 гг., не получили там одобрения. Кредо большинства членов Политбюро, представлявшего точку зрения Сталина, состояло в том, что промышленность должна своими силами снизить себестоимость производимой ею продукции, рационализировать процесс производства и таким путем снизить товарные цены⁵.

Когда же осенью 1925 г. стало очевидно, что привилегии, которые получило крестьянство, в действительности противоречат истинным целям большевиков, когда партийное руководство осознало, что оно неспособно поставить под свой контроль «анархию» рынка, было решено изменить курс хозяйственной политики. Большая разница между низкими ценами на аграрную продукцию и более высокими ценами на промышленные товары привела к отказу крестьян продавать свою продукцию. Они полностью потребляли плоды своего хозяйства, вместо того чтобы продавать их государственным заготовительным организациям. Очевидно, при более осмотрительной хозяйственной политике следовало бы пойти навстречу крестьянину и создать условия, поощряющие продажу производимого им зерна. Большевики же продолжали лелеять иллюзорные идеи о необходимости абсолютного контроля над экономикой, о диктатуре пролетариата, не допускающие никаких уступок настроениям крестьян и их способам хозяйствования. Уже на XIV партийном съезде в декабре 1925 г. высший орган планирования (Госплан) получил задание разработать планы экономического развития для создаваемой в то время системы централизованной экономики. На XV съезде партии, состоявшемся в декабре 1927 г., было официально объявлено о переходе к новому курсу. Съезд утвердил пятилетний план индустриализации страны и рекомендовал подчинить сельское хозяйство контролю государства. В. М. Молотов впервые заговорил о «коллективизации аграрного производства», дав понять, какому способу производства отдает теперь предпочтение руководство партии⁶.

В 1925 г. наступили новые времена и для промышленности — Высший совет народного хозяйства вернул себе право единолично распоряжаться индустриальной сферой, и уже зимой 1927 г. государственные тресты утратили принадлежавшие им функции автономного управления. Отныне все отрасли советской промышленности стали подчиняться соответствующим подразделениям Высшего совета народного хозяйства, Госплан же к этому времени превратился в центральный плановый орган, который уже не просто добивался внедрения планового хозяйства, но стремился максимально расширять сферу его применения. Уже само

понятие планового хозяйства предполагало упразднение экономической самостоятельности также и сельскохозяйственного производства. Это и случилось в 1928 г., с началом насильственной коллективизации.

Политика большевиков в период с 1928 по 1932 г., конечно, не была следствием одних только экономических соображений. Большевики не просто чувствовали, что попали в зависимость от рыночной стихии, — они ощущали себя чужими во враждебном им мире, который ничего не мог им предложить и над которым они не были властны. В их распоряжении была целая коммунистическая партия, были Советы и секретные службы, но власть большевиков имела силу лишь в пределах больших городов. Такое восприятие реальности вызывало у большевиков чувство изоляции, оно развило у них психологию осажденных, которая оставила глубокие следы в стиле управления и в организационной структуре партии.

Крестьяне

Большевистский террор был импровизированной атакой, рассчитанной на однократный эффект, а не политикой постоянного государственного вмешательства. Чтобы надежно удерживать страну в тисках, большевистской власти недоставало специального аппарата подавления. Когда Ленин и его ближайшие соратники в начале 1921 г. приняли решение объявить крестьянству войну, они тут же увидели, что бессильны что-либо сделать. Проблема, с которой все время сталкивались коммунисты, заключалась в том, что у них отсутствовали институциональные предпосылки для утверждения своей диктатуры. Как только продотряды и бригады чекистов покидали деревни, вместе с ними уходил и коммунистический порядок. Закрепиться в деревне большевикам не удавалось. При этом их мало утешало то обстоятельство, что и представителей прежней элиты, то есть помещиков, глав сельской администрации, мировых судей и полицейских, там не осталось. Тонкий покров «цивилизованности», представленной последними правителями царской империи, разлетелся под напором пробудившегося в народе насилия. Пришедшие к власти большевики видели здесь проявление нигилистического начала, варварства, неспособного диагностировать свои пороки и излечивать их. Но то, что не имело для начальства никакого смысла, означало для крестьянина всё: наконец-то исполнилась его мечта — принадлежать только себе самому и пользоваться той свободой, когда че-

ловек не должен склоняться под ярмом государственной власти. Все, что случилось в начале 1920-х гг., было не чем иным, как завершением той народной революции, которую гражданская война только приостановила. Деревня была предоставлена самой себе и освободилась от мелочной опеки государства. Она добилась суверенитета, которого раньше никогда не знала. Конечно, борьба за культурную гегемонию в деревне продолжалась непрерывно на протяжении всех двадцатых годов. Но большевики не смогли достичь своей цели, идя по тернистому пути мирного овладения деревней. Вместо этого к концу 1920-х гг. этот путь привел их к возобновлению террора. Что же за мир пытались покорить большевики?

Крестьянская жизнь была убога, неопрятна и коротка, она определялась пространственной обособленностью деревенского мира. Устойчивость ее консервативных традиций опиралась на жесткую социальную дисциплину, присущую сообществам, которые обладают способностью к самообеспечению и вынуждены обороняться от врагов. Аутсайдерам и чужакам здесь не место. Членом крестьянской общины мог стать только тот, кто безраздельно подчинил себя символическому порядку деревенской жизни, проявлявшемуся вовне в системе обрядовых действий и методов улаживания споров. Опыт гражданской войны укрепил убеждение крестьян в том, что от тех, кто живет за пределами деревни, можно ожидать только зла. Перед угрозой насилия, которое обрушилось на крестьян извне, у них оставался лишь один путь — ухода вовнутрь. В этих обстоятельствах традиционный порядок деревенской жизни выглядел как оплот безопасного и стабильного существования. Возросла значимость существующих традиций, а вместе с ними вырос и авторитет тех, кто понимал их смысл и умел сохранять их целостность в противоборстве с внешней средой. Гражданская война не только разрушила унаследованные от прошлого властные структуры и общественный порядок, она также уничтожила жалкие остатки прежней инфраструктуры и коммуникационных сетей, которые еще связывали деревню с внешним миром. Объем грузовых и пассажирских перевозок упал значительно ниже довоенного уровня: в 1922 г. российские железные дороги перевозили вдвое меньше пассажиров, чем в 1913 г. Лишь те, кого называли «мешочниками», странствующие торговцы, могли обеспечивать город минимумом необходимых жизненных средств. Продавцы перешли на пеший ход.

Но не только уменьшение численности населения и разорение страны создавали трудности для большевиков и их союзни-

ков в их стремлении оказывать влияние на людей и осуществлять над ними контроль. Многие регионы стали недоступны для проезда, а их обитатели жили за пределами тех населенных пунктов, которые рассматривались большевиками как «цивилизованные». Даже в Тверской губернии, расположенной несколько севернее Москвы, многие крестьяне жили в полной изоляции. Хотя экспресс «Москва–Ленинград» проходил через весь этот регион, лишь немногие из окружающих деревень благодаря дорогам сохраняли связь с железнодорожной магистралью. На окраинах империи — на Урале, в Сибири, в Средней Азии и на Кавказе — крестьяне вступали в контакт с внешним миром лишь в тех случаях, если жили вблизи от железных дорог либо когда их территорию пересекали враждебные народы, различные банды или советская милиция. Горные районы Кавказа оставались практически недоступными для государственных органов и их чиновников. В Закавказских республиках — Грузии, Армении и Азербайджане — было мало дорог, поэтому многие регионы не имели прямой связи с административными центрами. Один крупный деятель Закавказского областного комитета партии в 1923 г. с возмущением говорил, что деревенские жители узнают о существовании советской власти только «случайно», от «проезжих людей»⁷.

При таких обстоятельствах не было речи об установлении реальных контактов между городом и деревней, за исключением встреч на персональном уровне. А поскольку до деревни не доходили ни радио, ни газеты, которые могли бы подтвердить наличие большевистской власти, то ее голос в деревне слышен не был. Что касается большевистских газет, они не могли сообщить крестьянам большевистской империи ничего такого, что могло бы представлять для них интерес. Корреспондент основанной в 1923 г. «Крестьянской газеты», объездивший многие деревни Центральной России, жаловался, что не смог найти для нее читателей. Вместо этого крестьяне полагались на информацию, которую они получали от местных священников и бродячих мешочников. В деревне властвовали слухи. Они распространялись быстрее любого газетного сообщения. Каждый крестьянин, подписавшийся на газету, будет облагаться особым налогом; Англия объявила войну России, и следует опасаться того, что деревенские жители будут призваны в армию; французы выбрали себе царем Николая II — так представляли себе крестьяне реальности большой политики, правила которой, как они считали, изобретались инородцами, глубоко чуждыми крестьянскому духу⁸.

Русские крестьяне были безграмотны. Картина обетованной жизни в Советской стране, которую рисовали себе большевики, не имела доступа в сознание крестьян. Несмотря на то что к середине 1920-х гг. правительство ускоренными темпами вело обучение населения чтению и письму, открывало в деревнях школы, эти попытки, по-видимому, большого успеха не имели. Официальная статистика приводила впечатляющие данные, но в своей внутренней переписке ведущие большевистские лидеры открыто признавали неудачный исход кампании по борьбе с неграмотностью, которая в реальности затронула лишь небольшое число крестьян. И в этом была виновата не только консервативная инертность крестьянского сознания, заметно ограничивающая сферу приложения просветительского проекта большевиков, — не хватало людей, которые были бы способны распространять навыки чтения и письма среди крестьян. С исчезновением духовенства государственная власть потеряла не только каналы обратной связи с деревней. Правительство лишилось и одного из немногих оставшихся у него средств для распространения своего влияния на деревню. К тому же не хватало учебников и преподавательских кадров, которые могли бы учить крестьян чтению и письму. Многие из учителей были ненамного более грамотными, чем их ученики⁹.

Но все, что можно было сказать о курсах по ликвидации безграмотности, в равной мере касалось и школ, создаваемых Советским государством. Даже если крестьяне и ходили в школу, они с трудом усваивали из полученных уроков то, что хотели им внушить большевики. Циркулярные формулы большевистского языка служили для деревенских жителей испытанием на способность к механическому воспроизведению заученного материала. Не могло быть и речи о том, чтобы крестьяне усвоили гегемониальную культуру большевиков. Ленин видел здесь лишь проблему технического свойства: для него убогость русской жизни свидетельствовала исключительно о недостатке технической оснащённости. Электрификация России, о которой мечтал Ленин («коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны»), была для него средством продвижения прогресса в деревню. Электрическая лампочка не только озарит избы ярким сиянием — она прольет свет и в умы крестьян. Тот, кто будет проводить свои вечера при свете электрической лампочки, начнет читать книги и избавится от пьянства. Электрификация превратит пьяницу в читателя книг. Однако водка в споре с книгой чаще выходила победительницей. Большевики принадлежали к своего рода секте гра-

мотеев, чьи экспансионистские утопии разбивались о стену отчуждения, отделявшую деревенскую массу от российской элиты. Безграмотность населения и существующий в стране культурный дуализм обусловили ту языковую беспомощность большевистской идеологии, которая в конечном счете побудила большевиков прибегнуть к языку террора.

О государственной правовой системе крестьяне также не имели представления. В большинстве регионов карающая рука государственного правосудия проявляла себя лишь спорадически. В середине 1920-х гг. в Тверской губернии работали не более 250 милиционеров. Под контролем одного милиционера находился административный участок площадью 150–200 км². Он обходил его пешком. Советские милиционеры были людьми малообразованными, малооплачиваемыми и коррумпированными, престиж их был невысок, а поскольку в глазах крестьян они представляли враждебную государственную власть, то и не пользовались никаким авторитетом. Государственное право противоречило крестьянским традициям, оно не соответствовало правовому сознанию крестьян и было им неведомо. Там же, где эта правовая система заявляла о себе, ее претворяли в жизнь должностные лица, видевшие в праве лишь средство для собственного обогащения. В худшем своем выражении право представало перед крестьянами в образе неподкупных хранителей революционных святынь, ни во что не ставивших деревенскую традицию примирения конфликтующих сторон. Отделаться от них житель деревни мог, только оказывая им сопротивление¹⁰.

В конце 1920-х гг. город и деревню разделяла глубокая культурная пропасть. Крестьяне верили в волшебство и в чудеса, они зывали к высшим силам, чтобы изгнать злых духов, приходили за советом к знахарям, чудотворцам и ясновидящим. В деревне господствовали пьянство и насилие, а круг жизни был определен религиозными обрядами и церковными праздниками. Как только официальная православная церковь растворилась в вихре революции, крестьяне сами стали выбирать себе духовников. Большевики пытались сокрушить традиционный уклад и верования крестьян, указывая на их ненаучный характер. Но их пропаганда, использовавшая передвижные киноустановки и формы наглядной агитации, не имела заметного успеха, поскольку крестьяне не искали в религии возможность обрести новый смысл жизни, а, скорее, стремились утвердить уже существующий¹¹.

Как надо вести хозяйство, отмечать праздники и разрешать споры — все это решалось на деревенском собрании, где ведущую

роль играли наиболее уважаемые члены общины. Но большевики видели в крестьянской общине зародыш классового общества, состоящего из зажиточных кулаков, богатеющих середняков, угнетенных, безземельных батраков и бедняков. Коммунисты не хотели принимать к сведению тот факт, что правила и нормы, сплачивающие крестьянскую общину, отвечают интересам семьи и служат целям ее самосохранения. Конфликты из-за земли и сфер влияния разгорались здесь не между социальными группами, а между семьями и близкими к ним лицами.

После отчуждения земельных прав у помещиков земля перешла к крестьянам, которые по аграрному закону от 1922 г. получили ее в свое пользование. Но вопрос о ее окончательном разделе решался деревенской общиной, в которую входили все хозяева дворов мужского пола. Размер земельного надела зависел от числа едоков, входящих в одну семью, а дальше он делился уже по жребии. И получалось так, что многодетные семьи имели больше возможностей обеспечить свое существование, нежели такие, где не было потомства. Таким образом, благосостояние и влияние той или иной семьи напрямую зависели от числа детей, брачных связей и от уровня смертности. Неурожаи, падеж скота и неожиданная смерть могли привести к краху даже состоятельную семью. Со своей стороны, и более бедные крестьяне имели возможность повысить свой статус в деревне благодаря удачному браку, множеству детей или упорному труду. При таких обстоятельствах брак превращался в союз по интересам, заключаемый главами семей. И вступающие в брак тоже рассматривали свою супружескую общность как некий договор, имеющий своей целью обеспечить выживание, что требовало от обоих партнеров умения подчинить себя деревенскому циклу жизни. Большевистское же понимание брака основывалось на принципе свободного выбора партнера, поэтому семейный кодекс Советского государства тоже не находил отклика в традициях деревенской культуры.

Власти не оставляли попыток оказывать внешнее воздействие на крестьянство посредством кампаний по пропаганде и просвещению, которые проводились с определенной периодичностью, чтобы крестьянин не забывал о том, кто на самом деле претендует на то, чтобы управлять им. Но коммунисты нуждались в постоянном представительстве в деревне, дабы напоминать всем о своем присутствии. Сельские Советы, комсомольцы и коммунисты — вот те силы, посредством которых большевистский режим стремился укоренить в деревне новый порядок вещей. Советы представляли в деревне государственную власть:

они наблюдали за исполнением законов, следили за сбором налогов, соблюдением судебных норм и строительством дорог. Выступая в качестве контрольного органа государственной власти и не получив полномочий от деревенского собрания на исполнение функций управления, сельсоветы не могли добиться в деревне какого-либо авторитета. Поскольку председатели сельсоветов редко согласовывали свои действия с деревенским собранием, но ощущали постоянную поддержку со стороны властей, они были преисполнены чувства собственного превосходства. Нередко эти носители знаков государственной власти входили в роль местных деспотов, придирались к жителям деревни и угрожали им. Большая часть советских функционеров была перегружена работой, некомпетентна и неспособна понять, чего от нее хотят партийные руководители в ближайшем районном центре¹². Они путали функции советов и партийных ячеек, устраивали своих родственников на теплые места в местных органах власти, утаивали налоговые сборы. А поскольку многие деятели Советов не умели читать и писать и вследствие этого не понимали смысла распоряжений, поступающих к ним из центра, то поручения, которые они получали от вышестоящего начальства, оказывались невыполненными. Крестьяне игнорировали сельсоветы и по всем важным вопросам обращались к деревенскому собранию, сходу.

Начиная с 1926 г. большевистский режим стал использовать процесс выборов в Советы для мобилизации сторонников своей власти и для превращения крестьян в законопослушных подданных. Выборы в местные Советы вовсе не ставили своей целью воспитание в крестьянской среде парламентского духа и создание представительных органов власти — они служили инструментом обнаружения врага и средством для мобилизации приспешников режима, в равной мере включая процедуры регистрации определенной категории выборщиков и отказа другим в праве на регистрацию. Выборы в сельсоветы имели своей основной целью настроить бедных крестьян против кулаков и попов и вызвать тем самым жителей деревни на открытое столкновение между собой. Сами выборы, как правило, начинались с публичного клеймения тех, кто был объявлен классовым врагом: кулаки, священники и бывшие официальные лица вносились в особые списки и лишались избирательных прав как противники режима. Но все речи о губительном кулацком влиянии мало трогали крестьян. Как только отряды комсомольцев и партийные активисты покидали деревню, советы снова разваливались.

Нигде бессилие коммунистической власти не проявлялось так ярко, как в деревне: повсюду, где у партии не было постоянно действующих центров влияния, ее пропагандистские кампании оказывались безрезультатными. Это и навело партийных руководителей на мысль придать чрезвычайному положению перманентный характер, ибо только в этом случае могли они надеяться на то, что властные притязания большевиков смогут прочно утвердиться в сознании их подданных. Поэтому идеологические кампании стали повторяться из года в год и обычно были приурочены к празднованию новых торжественных дат, установленных большевистским режимом в начале 1920-х гг.¹³

Но едва ли режим мог ожидать от сельских коммунистов, своих глаз и ушей, большего, чем от сельсоветов. Лишь немногие деревни располагали хотя бы одной партийной ячейкой, а там, где они появлялись, эти ячейки состояли по большей части из демобилизованных красноармейцев, рабочих и служащих низшего звена, оказавшихся в провинции. Крестьяне с подозрением смотрели на чужаков, которые явились к ним незваными гостями, да еще указывали, как им нужно праздновать, как работать и во что следует верить. Обычно крестьяне видели в коммунистических функционерах не что иное, как персональное воплощение чуждого им начальствующего сословия, которое повышает налоги и говорит с ними на непонятном языке. Иными словами, коммунисты выглядели в их глазах выходцами с другой планеты и, возможно, могли бы стать мишенью насмешек, если бы не были проводниками власти, которой крестьяне опасались.

Новая экономическая политика как будто знаменовала собой отход от социализма, она вновь возвратила крестьянина к себе самому и превратила деревню в пространство, где не действовала государственная власть. Большевики должны были сделать для себя вывод, что вместе с реабилитацией крестьянского способа хозяйствования возрождается и связанная с ним структура управления. Крестьяне не имели представления о социалистических формах трудовой деятельности, об образе жизни «современного» человека, о которых им трубили большевики. Они ничего не хотели слышать и о классовой борьбе. Большевики не могли осуществлять свою власть в деревне, они были неспособны высвободить свой доминантный дискурс из плена свойственного ему герметизма и потерпели крушение в своих попытках опутать деревню сетью новых властных отношений.

Когда один из видных представителей партии меньшевиков Ф. И. Дан в январе 1922 г. был выпущен из тюрьмы, он не поверил своим глазам: то, что происходило на улицах столицы, напомнило ему годы, предшествовавшие началу Первой мировой войны. Он увидел упитанных нуворишей, бесстыдно выставлявших напоказ свое благосостояние, несмотря на нищету, в которую была погружена вся Россия. На витринах магазинов красовались сладости, фрукты и разнообразные предметы роскоши. Московские театры и концертные залы вернули себе прежний блеск, публика была одета в меха и украшена бриллиантами. Торговцы, которых еще два года назад преследовали как «спекулянтов», открыто демонстрировали свое богатство. Дан вспоминал, что на улицах снова можно было услышать обращение «барин». Он и представить себе не мог такое начало социализма. В неменьшей степени неприятие новой экономической политики, вызвавшей появление таких богатеев, обнаруживалось среди самих большевиков. Юный коммунист Александр Бармин почти физически переживал все уступки, на которые тогда пришлось пойти его партии. По его словам, он и его друзья считали новый курс предательством революции и были готовы выйти из партии.

Режим большевиков согласился на привилегии в пользу крестьян только с той целью, чтобы за счет экспорта излишков зерна получить валютные средства, которые были ему необходимы для индустриализации страны. Поэтому он не мог препятствовать переходу торговли в частные руки. Одновременно Ленин, а вслед за ним и другие большевистские лидеры были убеждены в том, что в состязании между государственными кооперативами и свободными торговцами последние будут постепенно сходить на нет. Между тем такие представления были весьма далеки от реальности. Именно нэпманы, бродячие торговцы и скупщики продукции смогли обеспечить как город, так и деревню разнообразными потребительскими товарами. А когда, наконец, и сами государственные предприятия, не видя для себя иного выхода из создавшийся ситуации, стали поставлять свою продукцию на рынок посредством частных торговцев, партийное руководство охватила паника. Оно почувствовало, что государство теряет контроль над экономикой, что ему грозит опасность утраты контроля над излишками крестьянского зерна. И вот, начиная с 1926 г. большевистский режим стал постепенно возвращаться к стратегии террора. Он обложил нэпманов особыми налогами и сборами, заклеил торговцев и коммерсантов как «социально чуждые элементы» и таким обра-

зом вынудил их перейти на нелегальное положение. Наконец, в 1928 г. партийное руководство выступило с призывом к «ликвидации нэпманов»¹⁴.

Новая экономическая политика служила целям восстановления экономики. Важнейшей ее задачей был подъем производительных сил в промышленности. Но эти установки противоречили как эгалитаристским представлениям о справедливости, свойственным рабочему классу, так и идеологическим заповедям коммунистической партии. Метод хозрасчета, который был рекомендован трестам, принцип персональной ответственности за деятельность предприятия (единоначалие), рационализация производства и введение тейлоровской системы труда на фабриках изменили жизненный ритм в больших городах империи. Ведь с победоносным шествием «капитализма» в страну вернулись не только иностранные машины и инженеры, но и власть предпринимателей над фабричными рабочими. «Американизация» индустрии, как называли тогда организацию производства на рациональных началах, предполагала закрытие нерентабельных предприятий, увольнение рабочих и дифференциацию заработной платы. Она расшатала и без того хрупкое равновесие, сложившееся в отношениях между рабочими и коммунистами.

Ввиду экономического подъема, начавшегося в 1923 г., в город в поисках заработка и новых перспектив потекли тысячи демобилизованных солдат, рабочих, бежавших в деревню во время гражданской войны, и молодых мигрантов из деревень. Рабочие ютились в обветшавших домах казарменного типа, в бараках на окраинах городов, в деревянных срубках и землянках.

Живя в нищете, рабочие не принимали логики рационализаторской программы большевиков: она стимулировала повышение уровня производства и вела к снижению производственных затрат, но зато несколько не способствовала подъему жизненного уровня людей. Раздражение рабочих было направлено прежде всего на буржуазных специалистов и иностранных инженеров, в большом количестве возвращавшихся на промышленные предприятия. Эти специалисты жили в комфортабельных жилищах, приобретали продукты в особых магазинах и получали прибавку к зарплате. В Донбассе на свои старые рабочие места вернулись даже те специалисты, которые во время гражданской войны сотрудничали с белыми. Здесь рабочие зачастую сталкивались и со своим прежним начальством, чье напыщенное высокомерие и самовлюбленность прочно засели у них в памяти. Неудивительно, что у большинства рабочих новый курс партии вызывал внутрен-

нее сопротивление, поскольку он представлялся им предательством достижений революции. Коммунисты говорили о диктатуре пролетариата, а на самом деле в индустриальных центрах Советского Союза утвердилась диктатура предпринимателей и коммунистов. На это рабочие ответили по-своему: начиная с 1921 г. не проходило и года без забастовок и вспышек насилия. Рабочие устраивали стачки, чтобы добиться повышения заработной платы. В основе их протеста лежало требование равноправия, восстановления справедливости, которую им обещала революция 1917 г.

К этому времени изменилось и представление рабочих о коммунистах. Коммунистические руководители окружили себя ореолом власти; они выдавали себя за пролетарских вожakov, командующих рабочими бригадами, но в глазах рабочих выглядели сообщниками буржуазных специалистов, инициаторами введения капиталистических методов на производстве, заботящимися о снижении промышленных издержек, об американизации индустрии, о тейлоризме и фордизме, совершенно забыв о требованиях рабочего класса. На место рабочего контроля, пропагандируемого революцией, теперь пришла диктатура предпринимателей и инженеров. При таком положении дел и профсоюзы, и фабричные ячейки коммунистической партии перестали быть для рабочих выразителями их интересов. Коммунисты превратились в деспотов, закабаливших пролетариев якобы от имени пролетариата и отдавших их под диктат буржуазных специалистов. Они совершили предательство революционного дела¹⁵.

Порой рабочие заимствовали риторику большевиков насчет классовых врагов и обращали ее против самих власть имущих. В качестве классовых врагов в данном случае выступали не одни только специалисты, — коммунисты, которые по видимости вступили в союз с «буржуями» старого режима, тоже попадали теперь в эту категорию. Но последняя не была строго очерчена и однозначна. Горняки в шахтах Донбасса не просто утверждали о существовании сговора между коммунистами и предпринимателями — они отличали «настоящих» коммунистов, стоящих на стороне рабочего класса, от еврейских эксплуататоров, которые прикидываются коммунистами, чтобы беспрепятственно совершать свои злодеяния. Шахтеры одного горняцкого поселка, во всяком случае, были убеждены, что еврей Троцкий строит планы провозгласить себя царем и захватить таким образом власть. Об этом говорится в одном из отчетов ГПУ от 1925 г.: «Евреи захватили власть в свои руки и хотят посадить на престол своего еврейского царя»¹⁶.

Коммунисты и рабочие везде видели врагов, подозревали существование заговоров. В этом и была причина той готовности, с какой население страны поддержало инсценированные, абсурдные процессы над заговорщиками, организованные партийным руководством в годы культурной революции и Большого Террора. Да и новая экономическая политика была для партийного руководства, заседающего в Москве, не более чем временным компромиссом. В высших органах партии постоянно возникали конфликты между умеренными, прагматически настроенными силами, с одной стороны, и радикалами — с другой, когда речь шла об отношении к «буржуазным специалистам». Между тем в первичных партийных структурах преобладали радикальные настроения, прежде всего в Донбассе и в Баку, где рабочие отличались особенно непокорным характером. Зачастую коммунисты принимали участие в рабочих забастовках, чтобы не потерять связь с теми, от чьего имени они выступали. Уже в начале 1920-х гг. здесь неоднократно устраивались показательные судебные процессы над предпринимателями и инженерами, которых обвиняли в том, что они саботируют производство и умышленно устраивают аварии. В 1926 г. более половины всех технических работников и инженеров в Донбассе были отданы под суд. То же происходило и в Баку. На нефтяных промыслах в окрестностях города участились аварии и взрывы, поскольку рабочие не справлялись с современной техникой, импортированной из-за границы. У коммунистов на местах не было сомнений в том, что эти несчастные случаи являются делом рук классовых врагов. И здесь десятки специалистов оказались на скамье подсудимых¹⁷. В этом случае рабочие и коммунисты нашли общий язык: для первых открывалась возможность удовлетворить потребность в мщении и воздаянии, выплеснуть свою злобу, вторые же были одержимы своими идеологическими схемами. Можно с определенностью утверждать, что здесь уже отчетливо проявились структурные составляющие сталинизма.

Национальный вопрос

Россия была многонациональной империей. Эта истина открылась большевикам лишь тогда, когда они распространили свое господство и на окраины империи. Первоначально большевистская партия по своему национальному составу представляла собой организацию русских и русифицированных евреев — людей городской культуры, которые не имели общего языка с крестьян-

ским населением России. Вначале большевики не проявляли особого интереса к мусульманам Кавказа, к татарам, башкирам, кочевникам Средней Азии и малым народам Сибири. Исламскому миру и большевистской партии вообще нечего было сказать друг другу.

И вот теперь большевики одержали победу не только в городах европейской части России — они возвратили империи и ее азиатские окраины. С восстановлением многонациональной империи социализм превратился в имперский проект, а это вынуждало власть имущих искать ответ на вопрос, как согласовать идею социализма с многообразием языков, религий и культур. Правда, среди «левых» интеллектуалов в большевистской партии существовало определенное предубеждение против придания социалистической идее национального характера. Между тем Ленин смотрел в этом смысле дальше, чем радикальные интернационалисты из его партии. Для него право на национальное самоопределение не сводилось к фасаду, который следовало создать с целью успокоить национальные элиты нерусских народов империи. «...У нас есть башкиры, киргизы, целый ряд других народов, и по отношению к ним мы не можем отказать в признании. Мы не можем отказывать в этом ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи» — с такими словами Ленин обратился к делегатам VIII съезда партии¹⁸.

В самый разгар гражданской войны, весной 1919 г., национальный вопрос превратился в проблему политического существования большевистского режима. Финляндия, Польша, Украина и Закавказские губернии вышли из Российской Советской республики и объявили свою независимость; белое движение удерживало под своим контролем большую часть азиатских регионов России. Попытка продолжать классовую войну против малых народов означала бы при таких обстоятельствах путать желаемое с действительным. Во всяком случае, Ленин вынужден был признать горькую истину, что во многих регионах империи национальная идентификация доминирует над всеми остальными. «Нужно совсем потерять разум, чтобы продолжать политику царя Николая» — взывал он к своим оппонентам¹⁹. В конце концов, вопреки всем препятствиям, Ленин силой своего авторитета сумел взять верх в решении национального вопроса; правда, при этом он опирался на все возрастающую поддержку, которой пользовался в среде партийных функционеров. Ведь за время гражданской войны большевистская партия стала многонациональной по своему составу; она перестала быть политическим прибежищем для од-

них только русских и евреев. Но это заодно привело к изменению отношения коммунистов к тем народам, над которыми они желали властвовать. Не случайно Ленин назначил грузина Сталина на должность Народного комиссара по национальным вопросам. Тем самым партия дала понять, что она рассматривает проблему преобразования многонациональной империи не как вопрос, относящийся исключительно к компетенции ее русского центра, но и как дело всех народов, ее населяющих.

«Коренизация» — так окрестили большевики свою идею «национализации» властных структур, о чем они объявили на XII съезде партии, состоявшемся весной 1923 г. Большевики положили в основание политической организации своей империи этнический принцип — Советский Союз состоял из национальных республик, автономных республик, автономных областей и округов. Национальные меньшинства получили культурную автономию и особые права не только в пределах РСФСР, но и во всех национальных республиках, которые возникли на территории Советского Союза. Отныне местными жителями управляли, судили их и обучали местные выходцы: для этого существовали национальные Советы, национальные суды и национальные школы.

Идея коренизации служила не только прагматическим целям — использованию языкового инструментария для распространения социалистического проекта на окраинах империи. Во многом она отвечала и глубокому убеждению большевистских лидеров, что русский народ должен расплачиваться за свои прежние привилегии и шовинизм.

Таким образом, русские зачислялись теперь в разряд угнетающей нации, несмотря на то что до 1917 г. русские крестьяне едва ли в большей мере чувствовали свое родство с правящей элитой, чем сельские жители в нерусских регионах России. Получалось, что русские, проживающие за пределами основных славянских республик, отныне должны были нести на себе не только знак своей принадлежности к крестьянству, но и печать великодержавного шовинизма. Эта стратегия искусственного оттеснения русского этноса тяжелым бременем легла на советскую политику национализации. Она способствовала тому, что русская нация, объединенная единой культурой, предстала в отталкивающем облике некоего союза угнетателей. И всякий раз, когда русские вступали в конфликты с теми, кто получал перед ними преимущества в тех или иных формах профессиональной деятельности, последние использовали категории большевиков для того, чтобы отстоять свои

интересы: русские ощущали себя пролетариями, а нерусские — прежде всего нерусскими²⁰.

Система национального представительства и квотирования торжествовала именно там, где властвовала культурная «отсталость», где перед большевиками открывались формы жизни, ушедшие в прошлое. Они были убеждены в том, что украинские и грузинские крестьяне, казахские и туркменские кочевники должны преодолеть свою отсталость и стать пролетариями, тогда и к ним придет социализм. В понимании по крайней мере ведущих коммунистических лидеров нации представляли собой те первичные социальные ячейки, в которых совершалось объявленное ими прогрессивное движение от капитализма к социализму. Это привело к тому, что процессы модернизации и национализации, происходившие за пределами территорий с русскоязычным населением, оказались неразрывно связаны между собой. В марте 1921 г. Сталин заявил на Пленуме X съезда партии, что развитие национальных культур является «обязанностью коммунистов». Выравнивание этнического ландшафта неизбежно — «нельзя идти поперек истории»²¹. Хотя Сталин говорил о социалистическом содержании, облаченном в национальную форму, на практике большевики установили для подданных империи идентификацию не только по социальным, но и по этническим признакам. Они категоризировали и иерархизировали население страны, а также наделяли как классы, так и нации набором якобы свойственных им неизменных качеств²².

Внедрение местнических принципов при формировании партийного и государственного руководства и привилегии, получаемые этническими меньшинствами и национальными языками по сравнению с русским народом и русским языком, поставили московских правителей в зависимость от переводчиков с национальных языков, которые в большей мере отстаивали самостоятельные интересы своего региона, нежели служили социализму. Коренизация, ставившая своей целью преодоление национализма, собственно, во многих местах привела к его зарождению. В повседневной жизни многонациональной империи этнические конфликты получали особую остроту, поскольку большевики наделяли этнические коллективы особыми привилегиями и выстраивали из них иерархическую пирамиду. Но именно это особое положение и придавало значимость тем традициям, которые большевики хотели преодолеть. Своеобразие такого положения вещей лучше всего выражалось формулой «социалистическое по форме и национальное по содержанию». Тенденция к местничес-

ву отдаляла окраинные районы империи от социализма, она ставила перед национальными республиками резонный вопрос: нуждаются ли эти нации для достижения своего счастья в помощи коммунистов? Такая политика оставляла право на интерпретацию и культурную гегемонию «бывшим»: «буржуазной» элите на Украине и в Белоруссии, старейшинам родов, главам семейных кланов и мусульманским духовным лицам на Кавказе и в Средней Азии. Коммунисты, представляющие малые народы, имели репутацию националистов; ведь в соседних с Советским Союзом странах им виделись иные, достаточно привлекательные модели национальной эмансипации (Иран, Турция, Польша и Финляндия). Поэтому их приверженность национальным интересам могла взять верх над идеалом социалистического будущего. Не удивительно, что центральное руководство партии в Москве в конце 1920-х гг. запаниковало. Над ним нависла угроза утраты влияния, власти, а вместе с тем — и потери способности воздействовать на сознание подданных. Центр оказался в состоянии мучительного конфликта с теми призраками, которые были вызваны к жизни им же самим, а именно — с коммунистами из малых народов, мечтавшими о национальном самоопределении больше, чем о социализме; с рабочими, не желавшими быть частью рабочего класса, к которому могли принадлежать и инородцы; с наследниками тех традиций, на основе которых нации только и начали формироваться²³.

Партия и идеология

Большевики получили в наследство от царской России не только империю, варварские народы и строптивых крестьян. Они не могли доверять даже тем новым органам управления, которые появились на свет во время революции. В Советской стране не было ни пролетариев, обладающих «классовым сознанием», ни достаточно образованных специалистов, на которых мог бы положиться революционный режим. Этим и объясняется тот факт, что правительство Советского государства — Совет народных комиссаров — образовалось не на основе Советов, а на основе органов партии. Коммунисты не могли полностью удерживать под своим контролем даже министерства, отныне именовавшиеся «народными комиссариатами». Народные комиссариаты далеко не соответствовали требованию служить исполнительными органами пролетарской диктатуры. Даже в середине 1920-х гг. в них сохранялся порядок делопроизводства, свойственный царской канцелярии²⁴.

Не следует отождествлять дореволюционных чиновников с самодержавной властью, которой они служили. Многие служащие старого режима были приверженцами таких доктрин, которые могли сделать их союзниками режима нового. Но в понимании большевиков диктатура пролетариата, если она осуществлялась без участия пролетариев, лишалась всякого смысла. Для них всякое вмешательство «буржуазных специалистов» в строительство социализма означало торжество духа неблагонадежности и непослушания. Поэтому, как они полагали, государственный аппарат мог выполнять свои функции только в том случае, если над ним осуществлялся контроль. Это входило в обязанности партии. Партия стала одновременно органом контроля и вмешательства. Это и позволило большевикам подавить строптивых и нейтрализовать скрытое сопротивление со стороны старой элиты в органах власти Советского государства. Именно существование партии дало возможность властным кругам скрепить единство многонациональной империи. Ведь вследствие децентрализации и утверждения местнических начал в системе управления государством большевистский режим лишился той силы влияния, которая позволила бы ему быть услышанным и на окраинах империи. Подобно тому, как личность царя символически объединяла старую Россию, так и единство большевистской империи покоилось на существовании партии. На публичных церемониях большевики представляли свою партию как орден избранных, как действенный инструмент осуществления власти. Конечно, официозные инсценировки не следует путать с реальной эффективностью большевистской власти. Риторика единства скрадывала шаткость этой власти, она лишь прикрывала беспомощность, овладевавшую большевистскими лидерами при их столкновении с окружающим миром. Подобно тому, как инсценированный образ самодержавия создавал видимость всемогущества государства, скрывая от постороннего взгляда слабость его политической власти, так и большевистские сценарии служили лишь цели построения декоративного фасада, за которым ничего не было²⁵. Только при таком допущении нам станет понятно, почему дебаты, раздиравшие на части руководящие органы партии в середине 1920-х гг., вели к единоличной диктатуре. Эти дискуссии проходили на зыбкой почве, они не имели под собой никакой культурной и социальной опоры, которая выходила бы за пределы большевистского окружения. Поэтому все то, что в иных местах могло быть допустимо как свободный обмен мнениями, воспринималось большей частью большевиков как угроза существованию институциональных основ их власти.

О чем шел спор? Можно было бы ограничиться ответом: «о влиянии и о власти». Но борьба за влияние и власть была связана с кругом представлений о том, каким способом следует строить в Советском Союзе социалистические отношения. Спор о правильности выбранного пути начался уже в 1923 г., когда лидер Коммунистического Интернационала и глава Петроградской парторганизации Г. Е. Зиновьев, а также его alter ego, Л. Б. Каменев, совместно выступили против светила революции — Л. Д. Троцкого. Объединившись с генеральным секретарем партии И. В. Сталиным, не имевшим тогда большого веса, они начали планомерную дискредитацию харизматического вождя революции. Сразу после кончины Ленина в январе 1924 г. борьба за власть пошла в открытую.

В столкновениях с оппонентами Троцкий держался именно так, как от него ожидали. Он ни во что не ставил своих противников, поскольку считал их людьми недалекими, бездарными и политически неискушенными. Троцкий даже не воспользовался возможностью появиться возле гроба Ленина, где мог выступить в качестве преемника вождя революции. В момент смерти Ленина он находился в черноморской здравнице, где лечился от какого-то таинственного недуга²⁶. Вместо него на прощальной церемонии выступил с речью Сталин, который продемонстрировал слушателям свое умение превращать те или иные идейные установки в формулы веры.

Троцкий не только уклонился от участия в траурных мероприятиях, он постоянно блистательно отсутствовал и бездействовал даже в тех случаях, когда возникала настоятельная необходимость отстаивать собственные позиции от нападков соперников. Он полностью полагался на окружавший его ореол организатора Октябрьской революции и военного вождя времен гражданской войны. Видимо, Троцкий даже не мог себе представить, что те посредственности, которые его окружали, готовились к его низвержению. В результате, несмотря на все свое мастерство в словесной эквилибристике, которая никак не трогала рядовых партийцев, он уступил противникам инициативу в будничной практике политической жизни. Он даже не считал нужным использовать в борьбе с ними политическое завещание Ленина, где тяжело больной вождь революции характеризовал Сталина как человека с грубым характером, представляющим угрозу для большевистской партии. Но при таких обстоятельствах у него не было никаких шансов стать преемником Ленина.

Дискуссия между Сталиным и Троцким разгорелась по вопросу о том, какая стратегия даст партии возможность добиться ре-

шающего перелома в строительстве социализма в Советском Союзе. Троцкий призывал перенести революцию за границы Советского Союза, поскольку, по его мнению, социализм как общественный строй в Советском Союзе мог обрести жизнеспособность только в том случае, если бы он распространился во всемирном масштабе. Троцкий вступил в борьбу под лозунгом «перманентной революции». Идея перманентной революции была не более чем ловкой концептуальной уверткой, с помощью которой пытались завуалировать тот факт, что большевики захватили власть раньше, чем следовало. Согласно ортодоксальной версии марксизма, социалистическая революция, не опирающаяся на социальные и экономические предпосылки своего осуществления, не могла победить. Троцкий разрешил это противоречие следующим рассуждением: большевистская революция может сохранить свой смысл только в том случае, если передовые страны Запады воспримут ее как сигнал к выступлению, который поднимет рабочих Германии, Англии и Франции. Захваченные революционной яростью, они свергнут свои «буржуазные» правительства. Именно таким образом революция сможет выйти за пределы СССР и перекинуться в развитые капиталистические страны, а уже оттуда она должна будет возвратиться в Россию в форме добровольной помощи рабочих, без которой невозможно будет создать социальные и экономические предпосылки для построения социализма в самой России.

Л. Д. Троцкий, Е. А. Преображенский, Г. Л. Пятаков и другие радикальные члены большевистской партии добивались ускоренного создания тяжелой индустрии, они настаивали на прекращении новой экономической политики, которая, как им казалось, ставила сельскохозяйственное производство в привилегированное положение по сравнению с промышленностью. Мечта о перманентной революции не оставляла места для русского крестьянства и его нужд, — большевики видели перед собой картину гигантского индустриального ландшафта, заселенного исключительно пролетариями, обладающими классовым сознанием, и цивилизованными европейцами. Эта мечта могла стать явью только в случае своевременного вмешательства европейских стран для оказания помощи молодому Советскому государству в его дальнейшем развитии.

В пользу аргументов Троцкого говорило то обстоятельство, что они могли опереться на труды самого Ленина и на настроение, господствующее среди большевистских лидеров. Для Ленина, как и для Троцкого, революция, которая оставила бы незатронутой

Германию, родину организованного рабочего движения, была бы ложным проектом. Так представляли себе большевистскую стратегию революции и сами Зиновьев с Каменевым. Но они не могли признаться в этом, потому что в данном случае для них важнее было удалить Троцкого из властной сферы, нежели реализовать свои политические интересы. Именно Сталину выпала роль идеологического оппонента Троцкого. Он напомнил Троцкому, что революция в Европе не состоялась, что экономические системы в странах капитализма стабилизировались, а демократический порядок в западных странах обрел новые силы. Поэтому уже не существует никакой альтернативы идее «построения социализма в одной стране», как Сталин назвал свою стратегию, ограничивающую революцию границами Советского Союза. Ведь в конечном счете тот факт, что перманентная революция не состоялась, мог привести к мысли об исторической нелегитимности и самой Октябрьской революции. Ставить сохранение завоеваний русской революции в зависимость от европейской революции означало бы полностью отказаться от развития социализма. Но кто будет всерьез настаивать на таком саморазрушении? Поэтому Сталин предложил стратегию развития, которая предполагала, с одной стороны, стабилизацию экономики и укрепление государства внутри страны, а с другой — сохранение мира и сотрудничество с социалистическими партиями из соседних стран на международной арене. Политика народного фронта обязывала коммунистов к сотрудничеству с социал-демократическими и «буржуазными» партиями, что должно было создать предпосылки для будущей социалистической революции.

В споре с Троцким победил Сталин. Он велел снять популярного революционера с поста военного комиссара, а его приверженцев удалить из ЦК. В 1926 г. закончилась и политическая карьера Зиновьева с Каменевым, когда они не только приняли взгляды Троцкого, но и объединились со своим заклятым врагом в борьбе против Сталина. Наконец, объединенная оппозиция сложилась еще раз в 1927 г., когда Великобритания разорвала дипломатические отношения с Советским Союзом и, казалось, страна стояла на пороге войны. В том же году гоминьдановское правительство Чан Кайши устроило кровавую расправу над силами объединенных коммунистов, а в 1928 г. то же самое повторилось в Шанхае. Происшедшее, казалось, подтвердило правоту противников народного фронта. Несмотря на это, Сталин и в данном вопросе продолжал громить своих критиков. Зиновьев и Каменев потеряли свои посты в партийном руководстве один за другим:

Н. И. Бухарин заменил Зиновьева на посту руководителя Коммунистического Интернационала, в Политбюро места исключенных сторонников оппозиции заняли М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, В. В. Куйбышев и Я. Э. Рудзутак, а в качестве кандидатов в высший орган партии были выдвинуты сторонники Сталина — Г. К. Орджоникидзе, Л. М. Каганович, А. А. Андреев, С. М. Киров, В. Я. Чубарь, С. В. Косиор и А. И. Микоян. В 1927 г. Зиновьев, Каменев и Троцкий были исключены из партии. И все же Сталин настолько боялся Троцкого, что в 1928 г. велел отправить его в Казахстан, а потом выслать в Турцию.

В конце 1920-х гг. Сталин начал атаку против бывших своих союзников Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского, то есть против тех коммунистических руководителей, которые защищали права крестьянства. Еще в 1926 г. Сталин принял решение положить конец эксперименту с НЭПом. Поэтому и здесь он неизбежно вступил в конфликт с Бухариным по вопросу о том, какой путь индустриализации страны можно считать наилучшим. При этом точка зрения Сталина сблизилась с позицией Троцкого и Зиновьева, хотя их политическая реабилитация была для него неприемлема. Короче говоря, Сталин стал в этот момент троцкистом, способным обойтись без самого Троцкого. К 1929 г. влияние на партию со стороны «правой оппозиции», как называл Сталин своих противников внутри партии, сошло на нет, а в 1930 г. Бухарин, Рыков и Томский были окончательно вытеснены из узкого властного круга. Но в отличие от Троцкого, они сохранили за собой места в ЦК; для этого им пришлось подвергнуть критике свои прежние взгляды и безоговорочно подчиниться Сталину²⁷.

В 1929 г. уже ничто не препятствовало Сталину на пути к единоличной власти. Правда, ему приходилось еще оглядываться на своих приверженцев, но никто уже ему не перечил. И ничто с большей убедительностью не свидетельствовало о происшедшем превращении, нежели культ, сложившийся вокруг его персоны: впервые публично он выразился в ясной и отчетливой форме на праздновании пятидесятилетия Сталина в 1929 г.²⁸ С этого момента умолкла всякая критика в рядах партийного руководства. Сталин стал единоличным правителем, и через несколько лет никто уже не осмеливался подвергать сомнению правомерность той или иной генеральной линии партии, если она была выбрана Сталиным. В конце концов диктатор мог уже по своей воле приказывать арестовать или уничтожить любого неугодного ему члена Политбюро, не встречая никакого противодействия.

Но как случилось, что именно Сталину, который не имел никакого влияния в кругу большевистских лидеров, удалось в конечном счете выстоять против своих противников и подчинить себе партию? Ведь даже самые приближенные к нему люди признавались потом, что в годы революции и гражданской войны имя Сталина ничего им не говорило²⁹. Во-первых, организационное устройство партии, сложившееся после гражданской войны, предоставляло Сталину исключительные возможности для устранения его оппонентов; во-вторых, массовый приток новых членов изменил облик партии и пролетаризировал ее; в-третьих, запрет на создание внутривнутрипартийных фракций от 1921 г. дискредитировал любые разногласия внутри партии как отступление от ее генеральной линии; и, в-четвертых, процесс канонизации идеологических догматов и внедрение жесткого дисциплинарного ритуала в стиль партийного руководства ставили всякого выразителя частного мнения вне рядов партии.

В 1920-е гг. изменения претерпела и организационная структура партии. До начала гражданской войны большевистская партия представляла собой не более чем союз единомышленников и друзей, объединенных вокруг своего Центрального комитета в Москве. В качестве действительного центра распределения властных полномочий выступал Совет народных комиссаров, а не партийное руководство. Ленин был главой правительства, а не главой партии, поскольку такой должности просто не существовало. И только во время гражданской войны, когда партия увеличилась количественно и круг решаемых ею задач расширился, она получила новую структурную организацию, соответствующую новым требованиям. Наряду с Центральным комитетом теперь появились Политическое бюро, Организационное бюро, Секретариат и Центральная контрольная комиссия. И хотя Центральный комитет *de jure* оставался важнейшим законодательным и административным органом партии, тем не менее он постепенно и незаметно утрачивал свое влияние. Одновременно Политбюро, в задачу которого первоначально входило осуществление повседневной практики «управления» в промежутке между заседаниями Центрального комитета, превращалось в реальный центр власти. В 1924 г., после того как вновь образовалась многонациональная империя, Политбюро заменило Совет народных комиссаров, фактически выступив в качестве правительства Советского Союза. Оргбюро и Секретариат соединили функции управления партией; они подготавливали заседания Политбюро и решали персональные вопросы.

Сталин входил не только в Политбюро и в Оргбюро — в 1922 г. ЦК назначил его Генеральным секретарем. Эта должность дала ему возможность подчинить себе Секретариат вместе с входящими в него подразделениями и вести незаметную работу по укреплению своих властных позиций. В свое время в спорах с рабочей оппозицией и другими критическими силами внутри партии Ленин и сам искал пути укрепления дисциплины в рядах этого ордена избранных. И как всегда, стоило ему обнаружить какие-то признаки кризиса, он тотчас же реагировал на них мерами по ужесточению организационного контроля. Именно Секретариат и Центральная контрольная комиссия — органы арбитража и чистки партии — должны были исполнять эти функции. Ленин очевидным образом был убежден, что с тем «бюрократизмом», к чертам которого он относил неэффективность и самоуправство в структурах партийного управления, можно справиться путем расширения числа властных органов. Сталин и стал тем, кто персонифицировал организационные формы контроля над партийными организациями. В Секретариате ЦК на него с самого начала работали два послушных и преданных исполнителя его воли — В. М. Молотов и В. В. Куйбышев. Как и Сталин, Молотов и Куйбышев происходили из низших социальных слоев царской империи, они были молоды, честолюбивы и готовы на все, чтобы оградить власть своего защитника и покровителя от нападков со стороны. До самого конца Второй мировой войны Молотов считался вторым лицом в государстве и в партии, а Куйбышев начиная с 1923 г., ко всему прочему, занимал еще и должность председателя Центральной контрольной комиссии, высшего дисциплинарного органа партии. Благодаря этому Сталин сумел не только установить тотальный контроль над партийным аппаратом, но и мог оказывать воздействие на решения партийных органов: отныне всякий раз, когда какой-либо член партии назначался на должность секретаря партийной организации или снимался с какой-либо должности, подвергался порицанию или получал поощрения, на соответствующем документе стояла подпись Сталина.

Секретариат ЦК связывал провинциальные комитеты партии с центром, он умножал число своих звеньев, открывая свои ячейки в каждой административной единице. Секретари местных партийных организаций в дальнейшем назначались по решению Секретариата ЦК и подчинялись его дисциплинарной власти. Выборы партийного руководителя превратились в чистую формальность. И получилось так, что партийные секретари провинциальных органов партии уже не могли положиться на свое окру-

жение, — они оказывались теперь связанными клиентскими отношениями с членами Секретариата. А поскольку Сталин позволял назначать на влиятельные посты только тех коммунистов, которые были близки к нему или к людям из его круга, то всего за несколько лет состояние партийной структуры претерпело заметные изменения. Сталин подчинил систему персональных связей, создаваемую им в провинции, своему аппарату управления и превратил его в эффективный инструмент централизованного воздействия на провинциальные партийные организации. Коммунисты типа Троцкого или Зиновьева считали такого рода деятельность скучной, не удовлетворяющей их тщеславию и честолюбивые притязания. Сталин же, наоборот, любил свою работу в партийном Секретариате, она давала ему силу и терпение, необходимые для достижения его целей.

Уже в начале 1923 г. он присоединился к ленинской критике партийного бюрократизма и воспользовался ею, чтобы реорганизовать руководящие органы управления. На XII съезде партии в апреле 1923 г. он добился расширения состава ЦК с 27 до 40 чел., а Центральной контрольной комиссии — с 5 до 50 чел. В официальных сообщениях это решение было обосновано неизбежной необходимостью обновления, омоложения и укрепления руководящих органов партии пролетарскими кадрами. Утверждалось, что только так удастся остановить процесс ползучей бюрократизации партии. Год спустя, на фоне проходящего XIII съезда, речь зашла о новом пополнении руководящих органов партии: число членов ЦК выросло до 53 чел., а кандидатов — до 34 чел.; Центральная контрольная комиссия увеличилась до 151 чел. Еще более серьезным нововведением было то, что именно в это время Сталин созвал на совместное заседание членов ЦК и ЦКК, хотя подобное расширение узкого властного круга противоречило партийному уставу. Что касается Политбюро, то вначале в его составе изменений не происходило. Сталин изолировал своих противников в органах высшего партийного руководства, даже не вступая с ними в борьбу. Он увеличил число членов ЦК и участников партийных съездов, посадил «своих» людей в провинциальных комитетах партии, тем самым подволив лишив остальных членов Политбюро опоры на местах³⁰.

Советский Союз был государством, основанным на системе личных связей, где к власти мог прийти только тот, кто умел использовать весь регистр персональных отношений. Личные связи имели большую значимость при создании партийной системы, нежели в практике государственных учреждений, поскольку в

ордене большевиков служили не государственные чиновники, а революционеры, не придававшие никакого значения формам управления, обеспечивающим статус-кво. Коммунистическая партия представляла собой союз людей, связанных между собой не силой абстрактных правил и законов, а хитросплетением персональных связей и системой вассальной иерархии. Родство, верность, честь и лояльность — вот те основания, на которых базировался новый порядок вещей. Ленин, Луначарский и Свердлов ставили своих ближайших родственников и друзей на привилегированные должности в органах государственного управления и в партии. Жены видных коммунистов находили для себя теплые местечки в женотделах и в Народном комиссариате просвещения. Этот стиль управления господствовал не только в центральных органах Советского государства — в еще большей мере были связаны друг с другом родственными и дружескими узами провинциальные коммунисты. Они ограждали сферы своего влияния от внешнего мира и давали понять всем нарушителям спокойствия, посланным из центра, что их вмешательство нежелательно. Но ни в каком регионе империи вассальная система не расцвела так пышно, как на ее азиатской периферии, где партией завладели родовые и клановые структуры. В провинции господствовали система близких отношений особого рода (блат), кумовство и взяточничество. Функционеры местных партийных организаций были предоставлены самим себе еще и потому, что центр не имел средств, чтобы содержать своих работников; кроме того, центральные и местные партийные структуры не были вначале связаны между собой³¹.

До начала революции большевистская партия насчитывала не более 10 000 членов, и лишь после совершения Октябрьской революции ее ряды существенно пополнились — к концу 1917 г. в ней состояли около 400 000 чел. Все, кто до 1917 г. был исключен из властных структур, — участники революционного подполья, молодые люди, рабочие и крестьяне, люди без образования, нерусские по происхождению, женщины — смогли теперь стать причастными к власти. В водовороте гражданской войны состав партийных комитетов на местах заметно изменился. Смерть, бегство, призыв на военную службу, постоянная перемена места пребывания постоянно держали партию в тревожном состоянии. В эти годы состав партии изменился и качественно — во второй половине 1919 г. в нее влились тысячи новых членов, по большей части молодых, закаленных в войне людей, которые сразу же оттеснили старых большевиков на второй план.

В 1922 г., сразу по окончании гражданской войны, в партии было около 12 000 ветеранов большевистского движения, отстаивавших дело революции еще во времена подполья. И теперь с ними стали соперничать те, кто вступил в партию только в годы гражданской войны. Стеснительные обстоятельства, в которых оказалась старая гвардия большевиков, со всей наглядностью обнаружилась в декабре 1921 г., когда партийное руководство приняло решение назначать секретарями провинциальных партийных комитетов коммунистов, которые уже были в партии накануне 1917 г.³² В конце 1923 г. партийная верхушка пришла к мысли о необходимости увеличить среди членов партии долю рабочих, чтобы таким образом сломать бюрократические структуры, на которые не раз открыто жаловался Ленин. Пролетаризация партии была выгодна Сталину и его приспешникам, которые связывали с рабоче-крестьянским составом партии большие надежды, нежели со старой интеллигенцией в ее рядах. После смерти Ленина в 1924 г. Сталин легитимизировал кампанию по приему в партию, дав ей новое наименование: это был так называемый «Ленинский призыв», который к концу 1925 г. привел в ряды партии более 500 000 промышленных рабочих. В 1926 г. Секретариат ЦК распространил этот призыв и на крестьянство. Эта кампания в небольшой степени способствовала также тому, что в партию вступили десятки тысяч представителей малых народов на окраинах России, которые должны были перевести идею социализма на родной для них язык и придать ей особое звучание³³.

Создаваемая Сталиным система патронажа и вассальных отношений отличалась свойствами, которые были совершенно чужды большевистским революционерам первой волны — социалистам, привычным к прениям за чашкой кофе, вроде Троцкого, Радека и Бухарина. Приспешники Сталина вышли из низов общества, из мира нищеты и насилия. Они говорили между собой на одном языке, и во внешнем облике каждого из них обнаруживались черты, указывающие на его принадлежность к одному тайному сообществу. К середине 1920-х гг. эти выдвиженцы внедрились и в ряды партийного руководства. Сталин, который отвечал за назначение секретарей в провинциальных партийных организациях и регулировал состав участников партийных съездов, вытягивал наверх своих сторонников. При этом идеологические установки таких коммунистов представляли второстепенный интерес: например, В. В. Ломинадзе, входивший в свиту Сталина, во время внутрипартийной дискуссии принял позицию Троцкого, но сделал это вовсе не потому, что разделял его убеждения и привычки,

а поскольку был уверен, что Центральный комитет должен вести дискуссию, обсуждая разные точки зрения. Духовно же он был близок Сталину³⁴.

Н. С. Хрущев вспоминал, как он впервые встретился со Сталиным в Москве накануне XIV съезда партии: он ожидал увидеть перед собой исключительную персону, отмеченную знаками власти. Вместо этого Генеральный секретарь ЦК продемонстрировал пролетарскую простоту, скромность и демократичность в общении. Да и речь этого грузина не отличалась интеллектуальным блеском. По своему внешнему облику и языку Сталин напоминал Хрущеву людей его круга. Произвел на него впечатление и «крепкий» стиль диктатора — при анализе работы правительства Сталин не упустил из виду ни одной детали. Если на публичных церемониях его образ был окружен ореолом божества, то в частном общении он предстал в своем земном облике. А. И. Микояну запомнилось, как он посетил Сталина в его маленькой комнатке на территории Кремля в 1923 г. Жилище Сталина выглядело «скромным», а рабочий кабинет у него был небольшой. Проводя отпуск на черноморском побережье Кавказа, Сталин избегал всякой роскоши. Доверенных людей из своей свиты, с которыми поддерживал близкие отношения, он приглашал к себе в дом и на дачу, чтобы посидеть за столом и выпить. Особенно близкие друзья, такие, как Орджоникидзе или Микоян, не только принимали участие в организуемых Сталиным ночных попойках, но и могли оставаться ночевать в доме диктатора. Микояну в таких случаях доставалась роль «тамады» — руководителя пиршества, который в соответствии с кавказским ритуалом должен был весь вечер произносить традиционные застольные речи³⁵.

Сталинская когорта — Орджоникидзе, Микоян, Молотов, Ворошилов и Каганович (если говорить о самых ярких ее представителях) — подкупала своим пролетарским образом жизни, культом мужской силы и жестким стилем речи, которые отличали их от профессиональных теоретиков и ораторов в партийном руководстве. Убедительной иллюстрацией может послужить один малоизвестный, но характерный эпизод: в июне 1929 г. на заседании Политбюро завязалась ожесточенная перепалка между Бухариным и Ворошиловым. Речь шла о том, как следует Коминтерну относиться к Китаю после кровавой расправы, которую правительство Гоминьдана устроило над коммунистами. Бухарин бросил военному комиссару Ворошилову упрек в том, что он продолжает выступать в поддержку китайских националистов Гоминьдана, несмотря на то что те начали вырезать коммунистов. Эти слова

сразу же привели Ворошилова в ярость: «Лгун, сволочь, дать бы тебе по роже!» — такими словами завершил военный комиссар непозволительные, с его точки зрения, прения. Друг Сталина Орджоникидзе тоже не боялся пускать в ход кулаки. Летом 1922 г., когда Орджоникидзе в Тифлисе совещался с грузинскими коммунистами по вопросу о том, каким статусом должна обладать Республика Грузия в Союзе Советских Социалистических Республик, один из присутствующих коммунистов пожаловался присутствующим на диктаторский стиль, присущий Орджоникидзе. Он не удержался и добавил, что Орджоникидзе является не более чем «сталинской задницей». В ответ на это Орджоникидзе опрокинул стол и ударил своего критика кулаком в лицо. Люди из сталинской свиты применяли силу не задумываясь, ведь они вышли из той среды, где физическое насилие часто было единственным средством для утверждения собственной власти. Сталин любил насилие и ценил людей, способных к нему. Тот, кто хотел принадлежать к узкому властному кругу, должен был, невзирая ни на какие тяготы, демонстрировать способность к ударному труду, который в начале 1930-х гг. стал неотъемлемой чертой стиля управления. К тому же необходимо было, чтобы, как говорил Сталин, у такого человека в нужный момент не дрогнула рука³⁶.

Приверженцы Сталина слабо ориентировались в идеологических тонкостях. Для них сущность социализма заключалась в одолении и уничтожении врагов, а также в установлении справедливости, понимаемой как воздаяние за обиды. В свою очередь, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Пятаков и Радек, будучи теоретиками партии, с презрением относились к Генеральному секретарю и к его простоватому окружению. «Дикая дивизия» — так Троцкий и «европеизированные» большевики из левой оппозиции окрестили группу провинциальных выскочек, которая сложилась вокруг Сталина в ЦК и в Политбюро, намекая на дивизию мусульманских солдат, существовавшую в царской армии. В этой кличке проявилось не только пренебрежительное отношение к простому народу, свойственное интеллектуальному крылу большевизма, — она выражала ту оценку, которую русские и еврейские интеллектуалы-большевики давали азиатским народам империи и их представителям в партии³⁷. Поэтому нас не должен удивлять тот факт, что коммунисты с национальных окраин всякий раз, когда решался вопрос о том, кому должна принадлежать власть в партийном руководстве, голосовали за Сталина.

В кругу своих сподвижников Сталин взял на себя роль учителя и отца. Микоян, Орджоникидзе, Каганович или Ворошилов в

политических вопросах были беспомощными дилетантами, не способными справиться со своими задачами. Они отдавали рукописи своих выступлений и проектов на редактирование Сталину, прежде чем появиться с ними на публике. Микоян вспоминает, что, когда в 1926 г. Сталин предложил ему вступить в Политбюро и занять должность Народного комиссара по внешней торговле, он сначала отказался: «Я немедленно взял слово и высказался против своей кандидатуры, обосновав это тем, что не гожусь для такой роли». Сталин обычно отводил подобные возражения, указывая, что недостаток образования у его протеже будет восполняться имеющимся у них практическим опытом, их близостью к «действительности». Диктатор, не имевший высшего образования, в обществе Микояна, Кагановича, Орджоникидзе и Ворошилова выглядел образованным человеком. Так он постепенно начал в этом узком кругу входить в роль Великого Отца. В начале 1930-х гг. Каганович в письме к Молотову называет Сталина «нашим отцом». «Мы как члены Центрального Комитета голосуем за Сталина, потому что он один из нас», — так определил для себя сущность диктатуры член Политбюро Я. Э. Рудзутак на Пленуме ЦК в январе 1933 г.³⁸

Но как могло случиться, что критики Сталина внутри партии не только дали ему себя разгромить, а потом публично признали его власть над собой, но даже поддержали самоликвидацию, которую для них замыслил Сталин? Этот, на первый взгляд, иррациональный способ поведения партийных вождей можно понять только с учетом фактора изоляции, в которой находились большевики. Они рассматривали себя как орден избранных, окруженный врагами, которые пытаются штурмом взять их крепость. Эта крепость сможет выстоять против напора извне только в том случае, если в рядах ее защитников не будет споров, если они будут подчиняться дисциплине, а всякая попытка уклонения будет караться общественным порицанием. Каждый член партии подчиняет себя коллективу и господствующим в нем правилам; он сознает, что любой его промах служит врагу, который только и ждет момента, чтобы овладеть его твердыней. По настоянию Ленина в 1921 г. на X съезде партии была принята резолюция, не допускающая впредь существования оппозиционных течений внутри партии. Все фракции должны были быть распущены, а те, кто отказался подчиняться этому решению, могли быть наказаны партийным взысканием или исключены из партии. В дальнейшем все партийное руководство ревностно исполняло ритуал единения, во время которого вож-

ди партии обменивались между собой свидетельствами своей верности. Именно Троцкий, чей интровертный индивидуализм не терпел никакой дисциплины, сформулировал кредо партийного коллективизма на XIII съезде партии в мае 1924 г.: «Товарищи, никто из нас не может и не хочет быть правым вопреки партии. В конечном счете партия всегда права, потому что она представляет собой единственный инструмент истории, который дан пролетариату для решения его основной задачи... Я знаю, что никто не может обладать правотой вопреки партии. Есть только одна возможность — быть правым вместе с партией и благодаря партии, поскольку никаких других способов для реализации истины в истории не существует»³⁹.

Все происходившее в это время было не чем иным, как примером социальной дисциплины, когда всякое отклонение от существующих норм подвергалось наказанию в форме общественного порицания. Теперь члены партии не только подчинялись решениям Политбюро — они говорили на установленном языке и выступали с самокритикой всякий раз, когда навлекали на себя подозрение в уклоне от партийной линии. Но там, где догматы веры требуют постоянного подтверждения обрядовой практикой, необходимо участие некоего распорядителя церемоний, ответственного за соблюдение ритуала. Такая роль выпала Сталину, и вовсе не случайно, что будущий диктатор некогда учился в Тифлисской духовной семинарии. Убедительным свидетельством способности Сталина отливать коммунистические догматы в формулы веры, звучащие так, словно взяты из молитвенника, было его выступление на похоронах Ленина в январе 1924 г. Он поклялся тогда исполнить завещание вождя революции. Сразу после смерти Ленина руководство партии распорядилось присваивать имя умершего вождя фабрикам, школам, улицам и площадям. Город Петроград, колыбель революции, был переименован в Ленинград; тело самого Ленина было забальзамировано и выставлено на обозрение в здании Мавзолея на Красной площади⁴⁰. После своей кончины Ленин превратился в святого, его труды были канонизированы и обрели качества святынь: отныне их можно было цитировать, но уже нельзя было подвергать критике. По смерти Ленина ему был придан статус основателя новой религии. Всякий, кто хотел быть услышанным в партии, должен был высказывать свое мнение, ссылаясь на труды Ленина. И именно Сталин, будучи Генеральным секретарем и великим мастером манипулировать сознанием людей, получил в конечном счете право решать, о чем и как можно гово-

речь. Тогда и появился ленинизм — этим словом был обозначен канонизированный свод догматов, которым должен был безоговорочно следовать каждый член партии. Соответственно всякий, кто выступал против Сталина и его приверженцев, тем самым нарушал заповедь о единстве партии. Он совершал предательство по отношению к ленинизму и преобладающим в то время в партии идеям, которые были возведены в ранг божественного закона партийной фракцией большинства. Словесные дуэли, разгоравшиеся в 1920-е гг. на партийных съездах и Пленумах ЦК, представляли многообразие мнений, существовавших у руководителей партии, но все эти функционеры говорили на одном языке. Они единодушно обращались к цитатам из трудов Ленина, обосновывали свои тезисы ссылками на высказывания покойного вождя и облекали свои выступления в стандартные риторические формы, что придавало им характер средневековых схоластических диспутов. Никто не осмеливался ставить под сомнение канонизированные правила, и, за небольшим исключением, никому не приходило в голову разрушать монолитный фасад партии. Отсюда следовало, что всякий потерпевший поражение в идеологических спорах должен был покаяться и исповедаться в собственных грехах. А грешником становился тот, кто выступал против канона веры и генеральной линии партии, соответствующей интересам времени. Он мог сохранить свое место в структуре ордена избранных только в том случае, если подвергал себя критике и давал торжественное обещание исправиться. Это и стало причиной появления унижительных и гротескных спектаклей со сценами критики и самокритики, которые разыгрывались в 1930-е гг. в стенах партийных организаций. В акте самокритики провинившийся исполнял ритуал самоочищения, служивший цели разоблачения врагов и дававший покаявшемуся право на возвращение в лоно сообщества⁴¹. Темницы духа, в которых были заточены все члены партии, возводились при участии самих ведущих большевистских лидеров. Поэтому они не могли нарушать установленные правила, даже когда те угрожали им самим.

Поскольку никто не мог играть свою роль без обращения к принятому здесь языку и заранее установленному ритуалу дружелюбия, лидеры большевиков постоянно испытывали друг к другу взаимное недоверие. Когда завершались сцены клятв и признаний, начинала господствовать подозрительность. Заученные языковые штампы выставляли критиков партийного курса и «уклонистов» от него как лжецов, которые лишь имитировали

лояльность, дабы не подвергнуться изгнанию. Очевидно, что мания преследования может процветать лишь там, где истина скрывается за фасадом узаконенной лжи и где уже невозможно отличить искреннее признание от его имитации. Этим не в последнюю очередь и объясняется та гротескная шпиономания и мания преследования, которая в 1930-е гг. охватила Сталина и его подручных. Это безумие прямым путем привело к сталинскому массовому террору.

III. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Новый человек

Сталинская культурная революция была попыткой создать такой тип человека, для которого утратили бы всякое значение формы жизни, унаследованные им от прошлого. Безраздельно преданный новому порядку, он отбросил бы свои семейные и религиозные привязанности и занялся внутренним самоочищением, чтобы победить врага внутри самого себя, исторгнуть все чуждое и цивилизоваться. В результате описанного процесса самостановления должен был появиться новый человек, который бы все забыл и пришел словно ниоткуда. В своей работе «Литература и революция», написанной в 1923 г., Троцкий сформулировал, какими качествами будет обладать человек нового типа: «Человек наконец займется тем, что приведет себя в гармоничное состояние. Он поставит своей задачей придать движению своих органов — в работе, при ходьбе или в игре — высшую ясность, целесообразность, экономичность и тем самым — красоту. Он почувствует вкус к тому, чтобы овладеть полусознательными, а далее и подсознательными процессами в собственном организме: дыханием, циркуляцией крови, пищеварением и оплодотворением, и подчинит их в необходимых пределах контролю разума и воли. Даже чисто физиологическая жизнь человека станет объектом коллективного эксперимента. Весь род человеческий, этот окостеневший *homo sapiens*, будет заново и радикально преобразован силой своих собственных рук и превратится в объект приложения сложнейших методов искусственного отбора и психофизического тренинга. Эта попытка полностью совпадает с основной траекторией его развития... Еще в прежние времена человек прежде всего исключил стихийные природные силы из процесса производства и из идеологической сферы, вытеснив варварскую жизненную рутину посредством научно-технических изобретений, а религию — силой науки. В дальнейшем он вывел бессознательное начало из политической сферы, заменив монархию и сословное представительство на демократию и разумные формы парламентаризма, и в конечном счете достиг прозрачности диктатуры советов. Прочнее всего слепая сила природы утвердилась в хозяйственных связях,

но и отсюда он вытеснит ее благодаря социалистической организации хозяйства. Этим самым станет возможным коренное переустройство традиционного уклада семейной жизни... Человек поставит своей целью овладеть сферой своих чувств, возвысить присущие ему инстинкты до уровня своего сознания, сделать их до отчетливости пронизываемыми, силой своей воли достичь предельных глубин бессознательного и в результате всего этого — подняться на такую ступень развития, чтобы создать новый, более высокий социально-биологический тип человека и, если угодно, сверхчеловека... Человек станет намного более сильным, умным и утонченным, его тело станет гармоничнее, движения — более ритмичными, а голос — более музыкальным. Формы его повседневной жизни обретут сценическую подвижность. Средний человек поднимется до уровня Аристотеля, Гёте или Маркса. И над всей этой гигантской горной грядой будут возноситься новые вершины»¹.

Для большевиков пролетариат воплощал более высокое состояние сознания и такое отношение к жизни, на которое варварски воспитанный русский человек сам по себе не был способен. Пролетарием мог стать только тот, кто сбросил с себя груз прошлого, преодолел себя и достиг истинного понимания самого себя и того мира, из которого он вышел. Пролетарием можно было назвать того, кто, говоря словами Гегеля, достиг стадии появления самосознания. Отсюда становится понятным, что большевики ставили своей целью выведение новой породы людей в целом, создание такого человека, который появился бы на свет в лаборатории революции. Очевидно, что эта доктрина в своих истоках опиралась на традицию просвещения, которую нельзя сводить к одному марксизму, — у нее много общего с романтическим антикапитализмом европейского авангарда и экспрессионизма, который внес в нее не меньшую лепту, чем революционная ярость большевиков. В этом смысле понятия рабочего класса и низших слоев населения представляли собой проекции в действительность, созданные идеалистами-интеллектуалами, бунтарями, пытавшимися восстановить утраченное единство человечества, сорвав маску с искаженного мира, представляемого капиталистической системой. Задолго до большевистской революции русские художники-авангардисты и ученые воображали, что Россия сможет стать вровень со странами Запада благодаря расцвету своей архитектуры, науки и театра. Химик В. И. Вернадский мечтал о преобразении человека средствами науки и настаивал на необходимости создания центральной Академии, где интеллектуалы из разных сфер деятельности могли

бы заняться проблемой улучшения человеческой природы. Ницше и Вагнер стали культовыми фигурами авангарда — их концепция театра разоблачила реальность повседневной жизни, представив ее как видимость, лишенную содержания. Именно театр должен был решить задачу высвобождения внутренних сил и эмоций человека, подчинив языковые средства выразительности телесному ритму и жесту. Таким образом, многое из того, что Троцкий говорил в 1923 г. о новом человеке, основывалось не на одной только марксистской концепции прогресса. Но мечты художников-авангардистов совпали с проектами большевиков только после 1917 г. — вылившись в революционизирование выразительных форм и практическую инструментализацию театра. Большевикам открылась революционная сила театра в обществе неграмотных. Театр воздействовал на человеческие души; захватив их, он способен был привести людей в состояние религиозного экстаза. Стремление соединить просвещение с воодушевлением связывало между собой большевиков и художников-авангардистов. В 1920 г. на массовых представлениях под общим названием «Штурм Зимнего дворца», когда под руководством Евреинова в Петрограде на открытом пространстве были организованы массовые зрелища, превратившие город в единую сцену с участием многих тысяч актеров и более 100 000 зрителей, впервые сошлись вместе, с одной стороны, свойственные авангарду эстетические представления и мечта интеллигенции о слиянии с народом, а с другой — фантазии большевиков о просвещении и воодушевлении масс передовыми идеями. Ранние советские эксперименты в театре и кино ставили своей целью умение «конструировать» эмоции, контролировать движение и эффекты, чтобы таким способом не только «дрессировать» актеров, но и управлять поведением зрителей в соответствии с задачами проекта по созданию нового человека².

Большевики черпали свои идеи не только из арсенала марксизма и из трудов Ницше и Вагнера — о том, что собой представляет «сверхчеловек», говорила и современная им наука. Наибольшим влиянием в этом смысле в кругу большевистских лидеров пользовался физиолог И. П. Павлов, подобно Троцкому, представлявший историю человечества как процесс, в котором сознание человека подавляет животные потребности тела. Дисциплинирование и «шлифовка» человека — дело самого человека, и именно большевики приступили к этой исторической задаче. Генетик А. С. Серебровский в 1929 г. установил прямую связь между выведением новой породы людей и характером большевистской власти. Он полагал, что ответ на вопрос о том, как «организовать процесс отбо-

ра в человеческом сообществе», можно будет получить «со всей определенностью только при социализме», после «окончательного исчезновения семьи, перехода к социалистическому воспитанию и отделения любви от процесса размножения», поскольку любовь, как утверждал генетик, биологически представляет собой не более чем «сумму безусловных и условных рефлексов».

В этом вопросе Горький солидаризировался с Лениным. Он рисовал образ человека, освобожденного от всякого внешнего принуждения и рассматривающего в качестве первого и последнего основания своей жизни себя самого как существо свободное, раскованное и эмансипированное. Но как, спрашивали и Ленин, и Горький, можно построить коммунизм, используя ту «массу человеческого материала», которая была испорчена веками «рабства, страданий и капитализма»? Они дали недвусмысленный ответ на этот вопрос: варвары превратятся в новых людей, когда среда, в которой они существуют, станет для них механизмом дисциплинарного принуждения. Таким образом, «американизация» производства и освобождение рабочего от груза прошлого уже не противоречили друг другу — ведь там, где рабочий становится винтиком в огромном механизме, тоже появляется новый человек³.

Такая «дрессировка» не ограничивалась одной стандартизацией и механизацией производственных процессов — новый человек воплощал в себе тип борца, закаляющего свое тело, способного преодолевать все препятствия, уготованные ему природой. О значении воспитания тела говорили военные стратеги революции еще во время гражданской войны: воин Красной армии является не только убежденным бойцом, который безраздельно предан своему делу. Он воспитывает в себе презрение к смерти, стойкость, ловкость, силу и выдержку — качества, отличающие мужчину и победителя.

Большевистские лидеры были убежденными приверженцами насилия, они видели в насилии жизненный эликсир общества. Когда немецкий социал-демократ Карл Каутский попытался критиковать большевиков за проявляемую ими жестокость, он вызвал у них только презрение. Каутский — пример кабинетного ученого, то есть человека, лишённого твердой воли, — так ответил на протесты этого теоретика марксизма Троцкий. В противоположность ему, большевики представляют собой людей действия и насилия. Предназначение пролетария — убивать и быть убитым. В этом и заключалась логика классовой борьбы, которой новые владыки безоговорочно подчинились. Они явно не думали о дест-

руктивном характере практикуемого ими культа насилия, поскольку не пытались контролировать насилие, а, наоборот, старались пробудить страсть к нему в своих подданных. Новобранцы Красной армии осваивали прежде всего ремесло убийцы: солдат должен быть мужественным, беспощадным и иметь крепкие нервы. Для него существуют только две реальности — мир друзей и мир врагов. Воспитательный процесс в армии должен был помочь солдату распознавать врагов и уничтожать их в борьбе не на жизнь, а на смерть. Большевики знать ничего не хотели о традиционной задаче армии и тайной полиции — предотвращать внешние и внутренние угрозы и сдерживать возможное насилие. Их культ убийства систематически поощрял солдатскую разнузданность. Поэтому даже в памяти своих сограждан большевики остались исключительно в облике людей с оружием в руках, несущих с собой смерть и разрушение. Но там, где тела подданных отданы во власть насилия, идея дисциплины становится абсурдной. Эту антиномию большевики преодолеть не сумели⁴.

Поля сражений лежали перед людьми новой формации не только на войне. Сама жизнь представляла собой войну — против внешних и внутренних врагов, против отсталости и варварства, прочно засевших в сознании граждан страны. Только здоровое тело могло дать бойцу силу, позволяющую выдержать испытание на стойкость и избавиться от своей ущербности. Болезненное тело неспособно воспринимать сигналы, посылаемые сознанием, его организм не поддается рациональному переустройству. Новый человек должен был дисциплинировать свое тело, чтобы превратить его в стандартный, безвольный механизм и отдать на служение коллективу. Когда Троцкий в 1920 г. предлагал милитаризировать труд, его замысел соединял прагматику экономического проекта с утопической идеей создания нового человека. В свою очередь, его преемник на посту военного комиссара М. В. Фрунзе нашел, что правильная обработка «человеческого материала» для армии Страны Советов важнее, нежели развитие современных систем вооружения, — ведь там, где правит железная воля закаленного в боях пролетариата, можно не бояться поражений.

Большевистский культ тела не в последнюю очередь выразил себя в формах публичной визуализации образа нового человека, на плакатах и в пропагандистских брошюрах. Везде, где появлялись его изображения, они соединяли в себе телесный атлетизм с эротической харизмой. Манифестацией образа нового человека стали и праздничные мероприятия, проводимые большевистским режимом на Красной площади, когда мимо партийных руководи-

телей, как заведенные механизмы, проходили маршем закаленные, легко одетые советские спортсмены. Тело, соответствующее высшим критериям времени, должно быть хорошо ухоженным, — это стало предметом заботы как большевистских идеологов, так и их союзников в лице военных специалистов и ученых. Н. С. Семашко, нарком здравоохранения и близкий соратник Ленина, не обнаружил в условиях Советской страны предпосылок для рождения человека нового типа. В 1926 г. он опубликовал труд под названием «Пути советской физкультуры», где уничтожающе отозвался о традиционном укладе российской жизни. По его мнению, России была неведома свойственная Европе гигиена тела, требующая, чтобы люди проветривали свои постели, мылись и стирали одежду, — с ней Семашко ознакомился еще во время своей европейской ссылки. Он охарактеризовал население России как «варварское», не имеющее представления об элементарных правилах ухода за собой⁵.

Здоровое тело нуждается в тщательном уходе. Употребление спиртных напитков, религиозные посты, сексуальные излишества, отказ от заботы о своем теле и от повседневной гигиены вредят телу и наносят ущерб социалистическому коллективу. Очевидно, что большевистские культурные революционеры не только отождествляли с варварством верования и молитвенную практику своих подданных, но и пытались вытеснить из их жизни телесные обряды, связанные с религией, такие, как процессии самобичевания у мусульман-шиитов, ритуальные омовения ортодоксальных иудеев и христианские посты. Поход против религии стал борьбой не только за души, но и за тела подданных. В агитационном театре большевиков эта борьба предстала в миниатюре, например: «Рабочие строят новое общество, еще не став новыми людьми и не стряхнув с себя грязь старого мира. Они стоят, по колено погруженные в его прах»⁶. С середины 1920-х гг. правители страны пытались с помощью символических судебных процессов продемонстрировать крестьянам, что означает для них принятие нового быта: грязные кухонные горшки и завшивевшая одежда отправлялись на скамью подсудимых и после доказательства их «вины» приговаривались к пожизненному заключению. Люди, привыкшие жить в грязи, должны были осознать, что нечистоплотность не только губит здоровье, но и противоречит телесному идеалу, достойному современного человека⁷.

Новая генерация советских людей говорила на языке большевиков, отмечала их праздники и жила в соответствии с нормами современной жизни, какой ее представляли власть имущие. Уже в

начале 1920-х гг. большевистский режим начал внедрять новые гражданские обряды, с помощью которых надеялся приучить население страны к социалистическому порядку. Необходимо было заменить старые обряды на новые, с тем чтобы устройство повседневной жизни не превратилось в «личное дело» каждого. Появились не только «красные свадьбы» и «красные похороны» — режим ввел в практику и суррогатную разновидность христианского обряда крещения. На языке правящей партии этот обряд получил название «октябрины». Родители, которые желали, чтобы их дети прошли коммунистические крестины, тем самым свидетельствовали свою верность большевистскому режиму. Это не в последнюю очередь находило свое выражение в именах, которыми наделялись их дети. Здесь фантазия организаторов не знала границ: новые имена, иногда дополняемые и фамилиями, могли звучать как Бебелина или Маркс, Энгелина или Робеспьер. Популярностью пользовались такие составные имена, как Мэлор (Маркс-Энгельс-Ленин-Октябрьская революция) и Ревмир (революция и мир). Другие предпочитали называть своих наследников Тракториной, Текстилем, Океаном или Милицией, показывая тем самым, к какому миру они хотели отныне принадлежать. Те же, кто не понимал, о чем, собственно, идет речь, но не желал остаться в стороне, выбирали имена, имеющие иностранное, таинственное звучание: Маркиза, Эмбрио или даже Винегрет⁸.

Большевики понимали, что смогут завоевать умы и сердца своих подданных, только проникнув в мир их эмоций, то есть так или иначе внедрившись в традиционную сетку праздников, которые отмечал народ. В области религиозных праздников большевикам не было места: если эти праздники удовлетворяли чувства граждан страны, то большевики оказывались здесь аутсайдерами. Когда верующие христиане справляли Пасху, Троицу или Рождество, мусульмане-сунниты — пост и праздник жертвоприношения, шиты отмечали месяц траура по пророку Хусейну, а иудеи — праздник Пейсах, то во всех этих случаях голос власти слышен не был. Это касалось в конечном счете и многочисленных празднеств, которые издревле были привычны для русских крестьян и определяли ритм деревенской жизни. Всякий раз, когда крестьяне справляли свои торжества, большевики видели в этом крушение социалистического порядка. Ведь праздник был не только событием в жизни крестьянина, восстанавливающим его связь с предками и унаследованными от них традициями, — он представлял собой опорную точку в календаре деревенских жителей, определял вектор жизненного цикла человека и структурировал времен-

ной ритм его жизни в пределах прошлого, настоящего и будущего. Революционеры, мечтавшие изменить человека и его привычный мир, должны были распространить свою власть и на эти праздники. Такое вмешательство было тем более неизбежным, что крестьяне во время традиционных праздников пили без меры, предавались разгулу и пренебрегали правилами порядка, установленного государством. А когда сотни тысяч крестьян в начале 1930-х гг. заполнили большие города и грандиозные новостройки коммунизма, вместе с ними в город пришли и деревенские праздники, привычки и обычаи. Поэтому для большевиков стало насущной задачей создание нового народного календаря праздников. «Международный женский день», Первое Мая, празднование Дня Октябрьской революции, спортивные праздники и социалистические праздники урожая — все они должны были вытеснить из сознания людей старые обычаи. Поэтому новые праздники располагались в таком хронологическом порядке, чтобы по времени они совпадали с днями проведения традиционных народных празднеств. В больших городах эта затея большевиков внешне имела успех, поскольку дни социалистических праздников были объявлены нерабочими, в это время устраивались демонстрации и парады, в которых должны были участвовать горожане. Конечно, не всякий, кто шел мимо трибун, где вожди народа выставляли себя для всеобщего обозрения, разделял их мировоззрение. Тем не менее он был мобилизован новой властью и со временем забывал о том, какой цели служили прежние праздники, поскольку они больше не справлялись и утрачивали всякий смысл в сознании нового поколения людей. Такого рода промывка мозгов была возможна только там, где унаследованная традиция прошлого сохранялась и передавалась в текстуальной форме. Но в тех случаях, когда те или иные события отмечали, руководствуясь устным преданием, большевикам труднее было добиться своего, тем более что им недоставало истолкователей смысла их социальных проектов. Большевистские праздники отмечались в городах, но и здесь они не были лишены принудительности, посредством которой власть пыталась подчинить себе народ. В действительности же произошло смешение традиционных праздников с новыми, деполитизация большевистских праздников усилиями самого населения, что в конечном счете привело к трансформации внешнего принуждения в самопринуждение⁹.

Новый человек заселял новые города. Большевики с самого начала пытались придать городам империи новый облик, позволяющий власти регулировать и контролировать способ существо-

вания горожан. При них городские центры опустели. Старая Москва, с ее невообразимой путаницей улиц, проходных дворов и неосвещенных пустырей, была жизненным пространством, которое принадлежало только ее жителям: все, что там происходило, выходило из-под контроля городских властей. Поэтому преобразование облика города стало для большевиков вопросом власти. С городских улиц стали исчезать символы старого режима, имперские памятники сменились коммунистическими, а рекламные щиты — плакатами пропагандистского содержания, от которых уже нельзя было нигде скрыться. Общественное пространство постепенно превратилось в пространство политическое, которое новый режим использовал, чтобы навязать населению свое представление о новой жизни. Площади и широкие проспекты уже не приглашали прохожего к прогулке, а стали местом, где большевики и народ контактировали друг с другом в соответствии с правилами, продиктованными свыше. Когда из городских центров исчезли магазины, страховые конторы и банки, универмаги и кафе, из них ушла и жизнь. Опустели бульвары, представлявшие лицо города, а с их смертью зачахла и привычка горожан к прогулкам как к способу приятного времяпрепровождения. Такие города, как Санкт-Петербург, приобрели вид музейной экспозиции. Тот, кто хоть раз оказывался на площади какого-нибудь советского города, где перед зрителем открывалась зияющая пустота, поймет, какая бездна разверзлась в городском пространстве с исчезновением рынков и магазинов. Пустота создавала чувство дистанции, улицы и площади перестали быть местом встреч, а превратились в полигоны для проведения устрашающих парадов, служивших большевистскому режиму свидетельством его власти над народом. Советская архитектура стала архитектурой порабощения, «огосударствившей» социальное пространство и стремившейся дисциплинировать подданных империи средствами контроля и надзора.

Когда режим в конце 1920-х гг. начал создавать в Москве и в других крупных городах страны парки «культуры и отдыха», в этом в очередной раз выразилось его намерение подчинить централизованному управлению и контролю свободное время граждан страны. Речь шла о прежде всего о крестьянах, переселившихся в городские промышленные центры: власть поставила своей целью осуществлять над ними надзор и опеку не только на местах производства, во время советских праздников, но и в их свободное время. Однако не везде, где режиму удавалось взять под свою опеку население, он мог реально над ним властвовать. Когда предоставлялись возможности для более тесного контакта большевиков с

рабочими, пусть и согласно формально установленным правилам общения — в клубах, в партийных ячейках, на заводских собраниях и во время праздничных парадов, — большевистский режим уже не мог полностью полагаться на свои каналы коммуникации: его подданные, приученные жить по законам демонстративной лжи, всякий раз, когда власть призывала их к публичным выступлениям, отвечали ложью. Большевики могли по своему усмотрению создавать коммуникационную среду, они монополизировали средства массовой информации и следили за тем, чтобы установленные в том или ином случае языковой регламент и внешние формы жизни строго соблюдались. Но при этом власть сама себя лишила эффективности, поскольку не давала человеку возможности открыто высказывать свое мнение в публичной сфере и добивалась от своих подданных видимости прославления того, чего на самом деле не существовало. Большевики безраздельно правили в царстве лжи, однако в сфере частной жизни, закрывшись у себя на кухне, подданные делали к ним глухи: здесь царили пьянство и сарказм¹⁰.

Большевики испытывали беспокойство всякий раз, когда сталкивались с невозможностью придать частной жизни человека официальные черты. Поэтому они с самого начала пытались «огосударствить» жизненное пространство своих подданных, превратив частное жилье в место обитания социалистического коллектива. Уже в начале 1920-х гг. во всех крупных советских городах появились коммунальные квартиры, в которых обычно ютилось несколько семейств. Так называемые коммуналки представляли собой Советский Союз в миниатюре, в них ярко выступали все пороки сталинского общественного порядка — необходимость совместного проживания чужих друг другу людей, коллективного пользования общим туалетом, кухней и ванной. В коммуналках царили взаимная подозрительность, страх и ненависть.

В конце 1927 г., когда возрос приток переселенцев в большие города, режим начал лишать людей их прежних квартир: теперь никто не имел права претендовать более чем на 8 м² жилой площади. Председатели домовых комитетов были обязаны сообщать в районные Советы, какая жилплощадь еще остается свободной. Это позволяло председателям домкомов осуществлять контроль над частной жизнью обитателей домов. Они проводили ревизию жилого фонда в домах, выясняли, кто проживает на территории города нелегально, и доносили властям на тех, кто не получил разрешение на проживание в городе. Председатели домовых комитетов стали в действительности карающей рукой сталинского тер-

рористического аппарата. Это со всей очевидностью обнаружилось уже в апреле 1929 г., когда правительство издало указ, обязывающий местные Советы выселять всех прежних домовладельцев из их жилищ. Председатели домкомов должны были довести указ до сведения всех домовладельцев и передать освободившуюся жилплощадь семьям рабочих. К началу 1930-х гг. в одном только Ленинграде были выселены тысячи «социально чуждых элементов». Страх и подозрительность постепенно заполняли коммунальные квартиры, а малейший повод мог служить основанием для доноса и выселения. В годы Большого Террора система доносителства вышла из-под всякого контроля. Восторжествовавшая в ту пору практика безудержного насилия в немалой степени была порождена чувством коллективной ответственности, которое режим большевиков внушал жителям коммунальных квартир. Они должны были выбирать из своей среды «уполномоченных» и «народных судей», которые по заданию властей устанавливали в домах правила внутреннего распорядка и подчиняли жильцов жесткой дисциплине. В их обязанности входило выявление среди жильцов лиц, замеченных в актах вандализма, в антигосударственных высказываниях и в асоциальном поведении, и наказание виновных путем выселения из квартир. Правда, режиму редко удавалось достигать своей цели такого рода мерами дисциплинарного воздействия, но зато он сумел заметно изменить повседневную жизнь граждан — посеять в их душах недоверие и страх и создать атмосферу постоянной подозрительности, ненависти и ксенофобии. В этом снова проступало отвратительное лицо сталинизма¹¹.

Нигде борьба за души подданных не принимала таких ожесточенных форм, как на советском Востоке — на Кавказе и в Средней Азии. Именно в этом регионе, где отсутствовал пролетариат, новый человек появлялся на свет из колбы культурной революции. Человека нового типа можно было безошибочно определить по его языку, одежде и привычкам, которые выдавали в нем европейца, каким его представляли себе большевики. Такой европеец носил пролетарскую одежду, костюм и фуражку, слушал европейскую музыку, а при письме пользовался латинским шрифтом. Короче говоря, все, кто хотел вступить в сообщество людей нового типа, должны были освободиться от груза мрачных предрассудков прошлого и оставить за своей спиной религиозные традиции. Это следовало начать с перехода на латиницу. Данный проект «модернизации», зародившийся на мусульманской периферии империи, в Азербайджане, в конце 1920-х гг. охватил все тюрко-

язычные и исламские народы Советского Союза. Латинизация письменных языков ускоряла процесс приобщения людей к грамоте в тех регионах, где большинство населения было неграмотным, поскольку, в отличие от арабского языка, латинский способен приводить буквы и слоги в соответствие с отдельными звуками языка. Но, с другой стороны, после того как была проведена реформа письма, в Татарстане и среди крымских татар десятки тысяч людей, привычных к арабскому письму, в одночасье стали безграмотными. Все возражения, направленные против такого эксперимента и опирающиеся на опыт более осторожных реформ в области языка, не достигали ушей ответственных работников в Баку и в Москве. Как говорилось в журнале, издаваемом Советом национальностей, латинский алфавит отделил мусульман от наследия прошлого, «он стал средством их воспитания в борьбе с невежеством, с религиозным дурманом, он приблизил их к великой цели социалистического строительства». В этом и состояла его революционная сила: он превратил мулл в людей неграмотных, Книга Пророка стала недоступна для чтения, а подданные империи забыли о своем прошлом. Латинизация алфавита разрушила древнюю традицию¹².

Исламские сообщества, населявшие советские окраины, были сообществами без пролетариата, без классовых противоречий, порождающих нового человека. На советском Востоке все те социальные функции, которые в европейской части Советского Союза выпали на долю пролетариев и коммунистов, выполняла женщина. Предполагалось, что женщины там принадлежат только своему полу, они — угнетенный слой населения, живущий в темноте и рабстве. Поэтому задачей революции стало вызволение женщины из патриархального мира, где доминировал мужчина, и тем самым — освобождение самого восточного сообщества от уз его исторической отсталости. Вопрос об освобождении женщин Востока стал для большевиков ключом к изменению общественного порядка на окраинах Советского Союза. Действительно, женщинам там принадлежала монополия на воспитание детей, они хранили память о традициях предков, а для духовенства представляли собой посредствующее звено в усвоении населением религиозных начал жизни. Тот, кто смог завладеть душой женщины, завоевал бы и власть над обществом.

В 1927 г. центральное правительство лишило силы решения шариатского суда в гражданских процессах, аннулировало традиционные исламские брачные контракты, назначило штраф за многоженство и заключение браков с несовершеннолетними. Отныне

похищение женщин и совершение над ними насилия влекли за собой санкции со стороны государственных органов. Но реальный конфликт между большевиками и мусульманским миром начался с того, что власти вынесли решение об отмене паранджи — исламского покрывала для женщин. Ведь с точки зрения начальства, как в центре страны, так и на периферии, одежда, совершенно скрывающая женщину от постороннего взгляда, одновременно являлась свидетельством ее изоляции от общественной жизни. У большевиков не вызывало сомнения, что вместе с падением символов старого порядка последует и крушение его самого. Поэтому борьба за равноправие женщин представляла собой конфликт, насыщенный серьезным символическим смыслом. Комсомольские бригады, которые появлялись в деревнях в связи с выборами в местные Советы, заставляли крестьян выводить своих жен на общественные смотрины и требовали снять с них покрывало целомудрия — паранджу или чадру. Именно таким образом многие тысячи женщин освободились от паранджи и вошли в состав деревенских и городских Советов. Для большевиков это означало, что женщины добились «освобождения» и стали равноправными членами общества. А там, где сами женщины пользовались случаем и с подачи властей подхватывали мотив протеста против существующих порядков, они превращались в революционерок. Советские активистки, приезжавшие из города, придавали большое значение тому, чтобы те враги общества, кого они хотели исключить из деревенских общин, — муллы, кулаки и главы кланов — изгонялись из них в соответствии с доносами, авторами которых были женщины. Женщины ведут себя более честно и мужественно, чем мужчины, потому что находятся на стороне угнетенных, уверяли друг друга кавказские коммунисты.

Кампания по осуществлению культурной революции в Средней Азии и на Кавказе сеяла насилие и пожинала в ответ сопротивление. Начались нападения на женщин, сбросивших чадру или вступивших в партию. Только в Узбекистане в период с весны 1928 до весны 1929 г. было убито почти 400 женщин. Женщин калечили, насиловали, предавали публичному позору или изгоняли из сельских общин. На оргию насилия, продолжавшуюся до 1930 г., большевики ответили ужесточением репрессий. Они отправляли в беспокойные районы выездные военно-полевые суды, которые приговаривали к казни мужчин, совершивших убийства или изнасилования женщин. Заодно проводились театрализованные показательные процессы, наглядно демонстрировавшие решимость властей применять силу против контрреволюционеров и классово-

вых врагов. В представлении большевиков погибшие женщины были не просто жертвами убийства — они пали в борьбе с контрреволюцией.

Но большевистская программа эмансипации женщин потерпела крах. Она разбилась не только о силу сопротивления местных сообществ пришлым людям и горожанам. Противодействие реформе не в последнюю очередь оказывали сами женщины. Дело было в том, что для женщин, сбросивших чадру, не открывалось никаких жизненных перспектив за пределами их деревни. Большевики также упустили из виду, что мужчины и женщины на Востоке не относились друг к другу как угнетатели к угнетенным. А поскольку проект эмансипации женщин и освобождения их от покрывала целомудрия, как считалось, «бесчестил» женщину и делал ее жертвой сексуальных домогательств, он не нашел себе сторонников и среди местных функционеров. Коммунисты, не желающие терять свой авторитет среди земляков, не могли одобрить стратегию, которая превращала их дочерей и жен в объект насмешек и презрения со стороны окружающих. Культурная революция на советском Востоке перевела традиционные нравы и обычаи населявших его народов в разряд криминальных явлений, она стала посягательством на культурный уклад тех наций, которые немногим ранее получили особые права от самих же большевиков. Отныне историческая отсталость того или иного народа выглядела в глазах последних не как его преимущество, а лишь как порок. В конечном счете сопротивление «отсталых» народов культурным революционерам, явившимся к ним из центра, обрело характер национального протеста. Древние обычаи, о смысле которых в потоке повседневной жизни прежде никто не задумывался, приобрели теперь новое значение. Они наполнились смыслом. Благодаря им малые народы империи, исповедовавшие неправославные конфессии, — мусульмане и буддисты, туркмены, узбеки, казахи, якуты и другие народы Сибири — почувствовали свою общую принадлежность к общине прокаженных. Носить женское покрывало и следовать национальным обычаям означало теперь выражать национальный протест. Сталин и его приспешники не упустили из виду эту взаимосвязь. Сила сопротивления, пробудившаяся на национальных окраинах империи, побудила сталинские верхи сделать объектом своего террора не только «социально чуждые элементы», но и перенести его на этнические сообщества¹³.

Враги

Большевизм представлял собой разновидность секуляризованной религии, обладавшей тем свойством, что она не терпела рядом с собой никаких других религий. Везде, где звенели колокола и муэдзины взывали к правоверным с минаретов, где священнослужители и миряне вникали в священные тексты и исполняли ритуалы, большевики видели свидетельства своего бессилия, своей неспособности очистить головы подданных от духовного сора прошлых веков. Отсюда и та ненависть и отвращение, с какими они обрушивались на существовавшие в империи религии и на их служителей. Никакое взаимопонимание между миром большевистским и религиозным было невозможно, поскольку большевики видели в религиозном мировоззрении лишь идеологическую ширму, скрывающую истинный характер социальных отношений. Для них мог существовать только один вид знания и один способ истолкования действительности, и монополия на него принадлежала им одним.

Революция 1917 г. привела к отделению церкви от государства. Церковные школы были распущены и перешли в распоряжение Народного комиссариата образования, внутренний церковный суд перестал существовать, браки стали заключаться и расторгаться в соответствии со светским законодательством. Религия стала частным делом каждого человека. Многие из этих новаций были с одобрением восприняты даже самими деятелями православной церкви как благотворные, поскольку освобождали церковь от патронажа и мелочной опеки государства. Немало священников выражало свои симпатии к революции. Но иллюзии насчет возможности достижения взаимопонимания между церковью и государством скоро рассеялись. В представлении большевиков секуляризация не исчерпывалась одним лишь отделением церкви от государства — для них было важно, чтобы их подданные присягнули им на веру и публично отреклись от своей прежней церкви.

В годы гражданской войны дело дошло до насильственных действий против православного духовенства: священники были лишены избирательных прав и заклеены как враги народа. Везде, где свирепствовал красный террор, первыми его жертвами становились священники и монахи. В 1922 г. большевистский режим воспользовался начавшимся голодом и приказал конфисковывать церковную собственность, отправлять на переплавку церковные колокола, уничтожать церковные реликвии и похищать иконы — все это делалось под предлогом помощи голодаю-

щим. Для Ленина было важно дискредитировать церковь и ее иерархов как агентов капитализма, представить их как паразитов, обогащающихся за счет голодающего народа. В марте 1922 г. в промышленном городе Шуя в Иваново-Вознесенской губернии вспыхнули рабочие волнения. Это случилось после того, как местная ЧК захватила церковную собственность и велела выбросить на улицу церковные святыни. Восстание рабочих было подавлено огнем пулеметов, а руководители мятежа были расстреляны. Секретарь местной партийной организации представил происшедшее как результат заговора, он не сомневался, что сопротивление было организовано «попами-монархистами и эсерами»¹⁴. В таких случаях Ленин всегда находил единственный выход из сложившейся ситуации — в марте 1922 г. он отдал распоряжение арестовать и расстрелять не менее чем «дюжину представителей местного духовенства, мелкой и крупной буржуазии». Акции уничтожения, по мнению Ленина, следовало распространить на Москву и другие центры духовной жизни, действовать нужно было решительно и быстро, пока о совершенных жестокостях не узнали за границей и не начали протестовать. Голодающие крестьяне не представляли опасности для режима, поскольку голодные люди не были способны оказывать сопротивление.

В 1922 г. во всех крупных городах Советской России были инсценированы судебные процессы над православными епископами и священниками более низкого ранга, которые, как правило, завершались для обвиняемых смертным приговором. Члены Политбюро заранее определяли меру наказания для обвиняемых и решали судьбу прошений о помиловании. В начале 1922 г. революционный трибунал приговорил митрополита Петербургского Вениамина и многих других высокопоставленных иерархов церкви к смертной казни, обвинив их в контрреволюционной деятельности. Если кто-то еще и сомневался в решимости большевистского режима любой ценой сломить сопротивление церкви, то он мог убедиться в ней после того, как Политбюро отказалось помиловать митрополита Вениамина. В 1922 и 1923 гг. было убито более 8 000 священников православной церкви; трудно сказать, сколько из них закончило свою жизнь в лагерях и тюрьмах. Этот террор затронул как иудейское, так и православное духовенство. Большевики проявили бóльшую умеренность по отношению к мусульманскому духовенству в исламских регионах Советского Союза, поскольку без посредничества местных элит большевистский режим оказался бы здесь в полной изоляции. Поэтому террор против исламского духовенства начался в этих районах лишь в конце 1920-х гг.¹⁵

С началом новой экономической политики и с утверждением программы коренизации социальной жизни правящие круги временно приостановили свои террористические выпады против церкви. В июне 1923 г. Политбюро согласилось выпустить из заключения патриарха Тихона, но только после того, как тот публично отмежевался от прежней своей «антисоветской» деятельности и торжественно обещал впредь сохранять лояльное отношение к Советской власти. С этого времени большевистский режим пытался удерживать высших иерархов церкви под своим постоянным контролем. Появившиеся в церковной среде «реформаторы» дали новому движению название «живая церковь», они заявляли о своей верности Советской власти и были сторонниками демократизации церковного устройства. С помощью ГПУ им удалось посадить своих епископов во многих православных приходах, но служители церкви, сотрудничавшей с Советской властью, в религиозном сообществе популярностью не пользовались. Духовных лиц, назначаемых деятелями «живой церкви», нигде не принимали. Столкнувшись с неприятием со стороны верующих, потерпела провал и попытка создания официозных разновидностей иудаизма и ислама, конкурирующих с традиционными их формами. «Реформированные церкви» разваливались, потому что не находили себе приверженцев. Они сошли со сцены, как только секретные службы перестали в них нуждаться¹⁶.

На смену грубому насилию пришли инсценировки образцовой жизни. Популярны брошюры, театральные постановки, средства антирелигиозной пропаганды и театрализованные судебные процессы (агитсуды) — вот тот инструментарий, посредством которого большевики хотели внедрить в сознание народа свои идеи. Они полагали, что новый образ жизни может стать привлекательным для народа благодаря одному только факту его постановочной демонстрации. Им казалось, что всякий, кто сумеет увидеть правильную картину жизни, уже не сможет жить по-прежнему, — ему невозможно будет устоять против очевидности разумных аргументов. Конечным продуктом такой деятельности должен был стать новый человек: он говорил бы на революционном языке, праздновал революционные торжества и исповедовал светскую религию большевизма. Такой субъект уже не мог быть наследником традиций прошлого, поскольку не понимал их смысла. Но на этом пути к достижению культурной гегемонии большевистский дискурс должен был пробивать себе дорогу среди конкурирующих с ним идеологий.

Большевикам не удалось вырвать крестьянское сообщество из-под влияния хранителей религиозного опыта. Новый быт не находил здесь признания; даже в городских условиях деревенские традиции зачастую продолжали существовать в своем неизменном виде. Это можно объяснить двумя причинами: с одной стороны, происшедшим в 1920-е гг. «окрестьяниванием» партии и городской администрации, с другой — устойчивым существованием в больших городах традиций деревенской культуры в улаживании споров и в устройстве праздников, которые давали жизненную опору крестьянам-переселенцам, заброшенным в чуждый для них мир. К этому следует добавить, что ни в среде православных христиан, ни в исламских кругах новая официозная религия не достигла той степени влияния на паству, какой, к примеру, обладали в своих общинах протестантские или католические пасторы. Если религиозная община теряла своего духовного наставника, она могла отправлять обряды своими силами. Кроме того, практика большевистской церкви была несовместима с характером народного благочестия. В силу всех описанных выше обстоятельств большевистский режим не мог рассчитывать на то, что, сокрушив традиционную религию, ему удастся утвердить свои притязания на духовную власть в обществе. Но почему же все-таки эта неудачная попытка привела его в конечном счете к террору? Ответ прост: во всех своих неудачах и провалах большевики обнаруживали не только сбои в своих методах дисциплинарного принуждения, но и след вражеского заговора. Ведь тот, кто становился на пути исторически неизбежного и естественно разумного движения общества к социалистическому строю, тем самым доказывал, что он является врагом прогресса. И везде, где большевистская власть сталкивалась с какими-то неполадками в общественном механизме или выявляла факты экзистенциального кризиса, она тотчас же бросалась искать скрытого классового врага. Культурная революция была не только актом насильственного порабощения населения страны, походом на Русь, все еще отмеченную, по словам Троцкого, «тараканами и иконами», — она отвечала интересам Сталина и его соратников, так же как и ожиданиям молодых коммунистов, мечтавших о начале нового века.

Все то, что происходило на рубеже 1927–1928 гг. на территории Советского Союза и в литературе, посвященной сталинизму, стало называться культурной революцией, представляло собой борьбу за души подданных, большевистский поход с целью завоевания суверенного права на истолкование действительности, который продолжался до самого завершения эпохи сталинизма.

Культурную революцию нельзя рассматривать как отдельный эпизод в истории Советского Союза — она является символом сталинизма. Для большевиков смысл культурной революции не ограничивался одним опустошением и последующей перестройкой исторической памяти людей — она помогла им очистить общество от враждебных элементов. Коммунистические «инженеры человеческих душ» (так выражался Сталин) только тогда смогли выполнять свое предназначение, когда лишились властных полномочий все, кто до этого претендовал на монополию в истолковании действительности. Средой обитания социального врага был определенный коллектив, поскольку партийное руководство рассматривало своих врагов лишь как агентов, действующих от имени крупных социальных групп. Подобно тому, как друзья большевиков могли иметь только пролетарское происхождение, так и враги принадлежали к сообществу «бывших» — помещиков, капиталистов и кулаков¹⁷. А поскольку никому не предоставлялось возможности вырваться из этой касты заклеянных, революция в конце концов превратилась в триумфальный марш уничтожения. Так культурная революция с ее мечтой о новом человеке сплелась воедино с террористической оргией насилия. Этот симбиоз культурной революции и насилия получил название сталинизма.

В 1928 г. большевистский режим существенно усилил свой натиск на религиозные организации и их руководителей по всей территории Советского Союза. В декабре 1928 г. газета «Правда» объявила, что период мирного сосуществования Советской власти с религиозным мировоззрением закончился и наступило время силой искоренить религию. С этого момента пропагандисты атеистического общества потеряли всякую сдержанность: религиозные объединения были поставлены под государственный надзор, церкви закрыты, а за совершение религиозных ритуалов стали наказывать. Большевистский режим на короткое время даже ввел полную рабочую неделю и отменил воскресенье как день отдыха. Взамен этого он вновь развернул агитацию в пользу советских праздников. Если религиозные праздники совпадали с советскими и марширующие колонны коммунистов встречали на своем пути процессии верующих, это нередко приводило к жестоким столкновениям. В ходе коллективизации там, где создавались колхозы, закрывались церкви и мечети, иконы «приговаривались к расстрелу», а колокола отправлялись на переплавку. Отныне из «красных уголков» на крестьян взирали с портретов Ленин и Сталин.

С началом культурной революции наступил последний час и для духовенства. Оно было заклеено как «социально чуждый элемент», а священники внесены Советами в списки лиц, объявленных вне закона. Крайности культурной революции привели к тому, что десятки тысяч священников, мулл, монахов и шаманов лишались свободы и жизни. Никто не вел счета убитым и депортированным служителям культа; возможно, в конце 1920-х и 1930-х гг. погибло около 80 000 духовных лиц разных конфессий. Большевистский режим породил тип светского интерпретатора земных событий, конкурирующего с религиозным, и убивал сторонников веры, чтобы заставить религию замолчать. Действительно, в больших городах Советского Союза большевикам удалось вытеснить религию из сферы публичной жизни, но они не смогли полностью подавить проявления народной религиозности, прежде всего в деревне. Особенно ярко это сказалось в кровавых столкновениях между коммунистами и крестьянами в начале коллективизации. Даже в пору существования колхозов многое из того, что было унаследовано крестьянами от предков, сохранялось, даже приобретая новую, советскую форму¹⁸.

Культурная революция выступала не только в виде похода против носителей религиозного культа, в целом она представляла собой борьбу со старой элитой, с «бывшими людьми», которых революция 1917 г. лишила социального престижа. Теперь уже под угрозой оказались не только их гражданские права, но и само физическое существование. Тот, кто принадлежал к врагам, больше не заслуживал никакого снисхождения. Между 1928 и 1931 гг. волна насилия распространилась на социальные учреждения страны. Представителей старой элиты тысячами увольняли из министерств, Советов, школ и университетов. В некоторых местах из деревень изгоняли учителей только потому, что их отцы были священниками. Подданные, потерявшие свои избирательные права, лишались мест работы, продовольственных карточек, их выселяли из мест проживания. Дети «социально чуждых элементов», как теперь называли врагов коммунизма, не имели доступа в высшие учебные заведения страны. Для большевиков не имело значения гражданство человека. Никакое другое государство не стало бы лишать своих подданных их гражданских прав и давать эти права иностранцам, если правящий режим признавал их пролетарское происхождение, как это было в Советском Союзе.

Большевистское общество представляло собой социальную структуру, которая существовала за счет социального отбора, раскрывая в своей среде внутренних врагов и исторгая их из себя.

Тот, кто хотел стать членом советского общества, должен был доказать, что не принадлежит к его врагам. Правда, исключенные из общества имели право обжаловать поставленное на них клеймо социально отверженных граждан и обратиться к Советам и компетентным партийным органам за восстановлением своих прав. С 1928 по 1934 г. тысячи «лишенцев» добились реабилитации. Но каждый из этих реабилитированных должен был предварительно доказать, что не является кулаком и не принадлежит к бывшей элите. Тем самым жертвы большевистского насилия как бы подтверждали существование в обществе социальных групп, враждебных большевистскому режиму. Образ врага являл собой продукт социального конструирования, и в работе над его созданием необходимо было участие самих жертв существующего режима. Поскольку никто уже не мог открыто высказывать то, что было известно многим, а именно, что враг существует только в воображении большевиков, власть сама оказывалась не в состоянии вырваться из круга своих бредовых представлений. Повседневные опросы общественного мнения усиливали ее уверенность в своей правоте.

Парадоксальность системы насильственной власти, созданной большевиками, состояла в том, что она сама продуцировала образ врага, которого затем начинала ожесточенно преследовать. К началу 1930-х гг., после эксцессов насильственной коллективизации, число людей, лишенных собственности, социально отверженных и изгнанных, безмерно возросло. По улицам больших городов и по стройкам первой пятилетки скитались десятки тысяч людей, лишенных прав и собственности, кулаков и бывших коммерсантов, которые утратили не только имущество, но и свои паспорта и гражданские права. Эти люди жили в постоянном страхе перед тем, что их изобличат и арестуют, они нелегально пребывали в своих жилищах и пытались добиться прав и льгот, которые им не причитались. Они попадали в разряд криминальных элементов, становясь жертвами периодически повторяющихся полицейских облав, могли быть арестованы и высланы. В случае поимки скрытые враги подвергались разоблачению, они становились зримыми и поименованными. Потерявшие почву под ногами, отмеченные клеймом позора и объявленные вне закона, эти люди представляли постоянную угрозу для режима, поскольку не находили себе места в жизни, а к властям относились с неприятием и враждебностью. В их лице воображаемый враг превратился во врага реального. Естественно, трансформации такого рода лишь укрепляли в большевиках веру в истинность их миропонимания.

Начиная с 1930-х гг. враг уже не мог скрывать отличительные признаки своего социального происхождения. Никакие клятвы в верности социализму не могли показаться настолько убедительными, чтобы снять с врага каинову печать его классовой принадлежности. Об этом свидетельствовали события, последовавшие за убийством руководителя Ленинградской партийной организации С. М. Кирова в декабре 1934 г., когда большевистский режим приказал выселить из города или расстрелять тысячи людей, подозреваемых в том, что они состоят в родстве с кулаками, дворянами, священниками или бывшими служащими царского правительства. Пролетарское происхождение превратилось в неотчуждаемое наследство, к которому не могли приобщиться те, кто появился на свет как сын или дочь классового врага. Социализм сталинской чеканки стал диктатурой, осуществляемой родителями над их детьми¹⁹.

Однако не следует думать, будто так называемая культурная революция представляла собой образ действий, который несколько не отвечал интересам определенных кругов населения. Наоборот, происходившее в то время можно рассматривать как удовлетворение неприязни, живущей в душе молодых коммунистов и нового поколения рабочих. Сталинский призыв к разоблачению и преследованию врагов народа попал на подготовленную почву. В школах и университетах студенты и комсомольские активисты доносили на «буржуазных» профессоров как на «социально чуждых элементов», доценты-коммунисты изгоняли беспартийную интеллигенцию из аудиторий. Слово «интеллигент» стало в те годы бранной кличкой. Заодно агрессивные настроенные культурные революционеры лишали работы, а порой и свободы министерских работников, а также бывших нэпманов и мелких торговцев, которые достигли относительного благополучия. С 1929 по 1930 г. решением комиссии по чистке Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции 164 000 служащих были уволены со своих должностей в органах государственного управления. В одной только Иркутской области поборники коммунизма изгнали с рабочих мест в различных учреждениях более 800 чиновников старого режима и заменили их коммунистами и рабочими с местных предприятий. Теперь в академиях и университетах ревнители идеологии стали брать верх над признанными учеными, а в стенах заводов пролетарские выдвиженцы занимали места уволенных и арестованных «буржуазных» инженеров. К началу второй пятилетки бывшие рабочие составляли уже более половины руководителей фабрик. В университетах и школах действовала система

квотирования, дающая рабочим и их детям преимущественные права при поступлении. Именно выдвиненцы из среды пролетариата придали сталинской системе ее ни с чем не сравнимый облик. Духовный настрой времен культурной революции определил жизненный путь таких деятелей партии, как Хрущев, Брежнев, Косыгин и Громыко, вышедших из самых низов общества. Залогом их партийной карьеры стало угодливое послушание и безупречная лояльность по отношению к руководству партии. Наряду с этим выдвиненец был приверженцем насилия²⁰.

Повседневная практика «охоты на ведьм» питалась энергией доносительства. Подданный сталинского режима сохранял бдительность, он был стукачом, забывал родных и друзей, доказывая власти свою лояльность. Доносительство стало образом жизни для энтузиастов большевизма; стукачей воспевали в песнях, им ставили памятники. Культ доносительства начал складываться в конце 1932 г., когда началось жестокое противоборство коммунистов с крестьянами и важнейшей задачей для большевиков стало обеспечение себе поддержки в деревенской среде. В сентябре 1932 г. группа крестьян в уральском селе Герасимовка убила одиннадцатилетнего мальчика, который за год до этого донес на своего отца, сообщив ГПУ, что тот занимается спекуляцией зерном. Для отца этого мальчика донос имел губительные последствия — он был этапирован в концентрационный лагерь на севере Урала, где, возможно, и погиб зимой 1932 г. в результате массового расстрела заключенных, осуществленного ГПУ. Доносчика звали Павликом Морозовым. Местные коммунисты использовали его смерть как повод для кровавого мщения: они захватили в качестве заложников деда, бабушку, дядю и двоюродную сестру Павлика и посадили их в местную тюрьму. В ноябре 1932 г. в Герасимовке появились коммунисты, работники ГПУ и комсомольцы из соседнего города, чтобы организовать показательный судебный процесс над заключенными. Они выстроили жителей деревни перед заранее заготовленными пропагандистскими плакатами и добились того, что те потребовали расстрела злоумышленников. Показательный процесс занял всего несколько часов. Все обвиняемые, в том числе и дед и бабушка Павлика, были приговорены к смерти и немедленно расстреляны палачами ГПУ.

Конечно, Павлик Морозов не был большевиком, он был одиннадцатилетним крестьянским мальчиком, который донес на своего отца властям потому, что тот повернулся к деревне спиной и обрек свою семью на голод и нищету. Большевистский режим немедленно воспользовался гибелью маленького доносчика, чтобы

создать из него культовую фигуру совершенно особого рода. Сразу же после убийства мальчика исполняющий обязанности председателя Центрального бюро организации юных пионеров Василий Архипов торжественно заявил в газете «Пионерская правда», что Павлик Морозов должен стать «ярким примером для всех детей Советского Союза». Центральный комитет комсомола в декабре 1932 г. рассмотрел вопрос о том, какую пользу может извлечь режим из «героического подвига» Морозова. Как всегда, инициатива исходила от Сталина. В том же месяце член Политбюро П. П. Постышев выступил от его имени с критикой работы пионерской организации: ей якобы не хватало необходимой решимости в идейном воспитании советской молодежи. В этих обстоятельствах именно Павлик Морозов, юный осведомитель, и мог стать тем, кого партийное руководство предложило взять за образец всей молодежи. В годы Большого Террора Павлик Морозов с пропагандистской целью был избран на роль мученика за дело социализма, став примером для советского юношества. Сотни книг и брошюр описывали его подвиг; школы, библиотеки, корабли и деревни назывались его именем, его имя получил и Дворец пионеров в Москве. Открывались музеи Павлика Морозова, существовали спортивные награды имени Павлика Морозова, создавались многочисленные статуи Павлика Морозова. До самого 1991 г. в центре Москвы стоял бронзовый памятник, изображавший доносчика.

Человек нового типа являл собой не только светлый образ пролетария, он был еще и осведомителем. Но этот осведомитель, клеветца на окружающих властям, в последнюю очередь старался быть полезным большевистскому режиму. Мотивами доноительства могли быть задетое самолюбие, жадность, зависть. Доноительство было оружием, которым подданные пользовались против своих недругов в бытовых конфликтах, оно давало им возможность использовать в своих целях карающую руку государственной власти. Все, кто обращался за помощью к репрессивному аппарату и направлял свои сообщения Сталину и его подручным, тем самым пытались осуществить то, что было бы недостижимо путем обычных жалоб. Доносчик держал в страхе и напряжении не только рядовых обывателей — партийные функционеры также помнили об опасности, скрывающейся за каждым доносом: он мог привести их к потере должности и влияния. В конце 1930-х гг. донос часто означал смертный приговор. Однако функционерам сталинской системы, превозносившим осведомителей, лишь в редких случаях удавалось использовать низменные

интересы стукачей в своих целях. Доносчик не служил системе, а, скорее, способствовал ее непрерывному разрушению. Но тем самым доносчик демонстрировал навыки способного ученика Сталина: последний находил особое удовольствие в том, чтобы нарушать устойчивость существующих порядков и этим нагонять смертельный страх на советских функционеров²¹.

Дух нового времени находил свое выражение и в показательных процессах, в сценической постановке которых режим принимал непосредственное участие. Их целью было выявление врага, его публичное разоблачение и демонстрация перед народом его взгляда на мир. Показательные процессы стали площадкой, на которой разыгрывалась сцена столкновения сил добра и зла, заканчивающаяся поражением зла. Подобная мелодрама была не более чем подражанием стилю урегулирования внутривластных разногласий. Население при этом получало представление не только об идеологических основаниях и языке большевистской власти — показательный процесс создавал перед зрителями и слушателями зримый образ врага со всеми его психическими и физическими характеристиками и раскрывал правила, по которым строился большевистский властный дискурс. Показательный процесс был инструментом воспитания масс, тем информационным каналом, через который коммунистическое руководство доводило до сведения подданных, что оно думает о себе самом и окружающем его мире.

В 1928 г. большевистский режим впервые представил народу показательный процесс нового типа, когда по распоряжению властей из Шахтинского района в Донбассе были вывезены в Москву многочисленные русские и немецкие инженеры, которые предстали перед судом. Прокурор выдвинул против подозреваемых обвинение в саботаже и заговоре против социалистического строя. В июле 1928 г. 11 из 53 обвиняемых были приговорены к смертной казни на основании признательных показаний, выбитых у них силой. Немного позже режим организовал такого же рода показательные процессы и в других промышленных регионах империи; они должны были свидетельствовать о наличии широко разветвленной сети заговорщиков. Одновременно факт проведения показательных процессов подтверждал бдительность пролетарской юстиции, в корне подавляющей любую попытку разрушить существующий порядок. Эта решимость власти находила свое символическое выражение в фигурах представителей рабочего класса, занимавших места рядом с судьями и всем своим видом изображавших карающий меч пролетарской диктатуры.

Обвиняемые выражали раскаяние, они старались превзойти друг друга в абсурдных самообвинениях и повторяли ритуальные формулы признания своей вины, которые звучали неубедительно, особенно для иностранных наблюдателей, присутствовавших на процессе. Но раскаяние не давало обвиняемым никаких шансов на спасение — сталинский сценарий больше не предусматривал возвращения покаявшегося грешника в лоно общества. Тот, на ком стояла печать отверженного и кто был избран режимом в качестве козла отпущения за провалы в стратегии индустриализации, уже не мог вернуться в общество в роли обезвреженного врага. Драматургия показательного процесса требовала от обвиняемых публичного покаяния, а все исполняемые ими роли осуществлялись под руководством прокурора. Процедура публичного признания свидетельствовала о коварных замыслах врагов народа. Председательствовавший на этом процессе грозный сталинский законник А. Я. Вышинский в ответ на просьбу покаявшихся вернуть им право на возвращение в общество назвал их «иудушками», не заслуживающими снисхождения. Даже сторона защиты не отступила от заготовленного сценария — она не сделала никаких попыток усомниться в правдоподобности обвинения и сама встала на сторону прокурора.

Урок, который Шахтинское дело преподало очевидцам, заключался в следующем: все кризисы в стране являются делом рук врага; со своей стороны, рабочий класс должен хранить верность не семье или родственникам, а правящему режиму. На суде братья обвиняли друг друга в саботаже; сын одного из обвиняемых заявил в газете «Красный шахтер», что он отказывается от запятнанной позором фамилии своего отца и впредь будет носить фамилию «Шахтин». Даже в лексиконе, который был использован режимом для характеристики обвиняемых, появился новый стиль, ориентированный на раскаяние и наказание, но не знающий прощения. Паразиты, насекомые, бактерии, человеческие отбросы — вот те слова, к которым стали прибегать, говоря о врагах, как в стенах суда, так и в официальной прессе. Общество следовало рассматривать как некий организм, который оказался подвержен воздействию болезнетворных бактерий и из которого следовало вырезать все гнойники, чтобы его исцелить. С самого начала Ленин, Зиновьев, Луначарский и другие видные большевики, подбирая понятия для обозначения классовых врагов, стали называть их отбросами, насекомыми и бактериями. С тех пор из залов судебных заседаний и со страниц газет стали раздаваться голоса о том, что необходима дезинфекция социального организма. В мае

1928 г. журналист Заславский разъяснил на страницах «Правды», как следует представлять себе «вредителей»: их можно сравнить с насекомыми, напавшими на крестьянский урожай, или с бактериями, вызывающими эпидемии.

Большевицкий режим лишил врага человеческих черт и всех прав, на которые могло бы претендовать человеческое существо. Такая стилистика доминировала не только в передовицах партийной прессы — она была усвоена в рабочих коллективах и стала для них привычной формой выражения. Специалистов-«вредителей» следовало уничтожить и «очистить СССР от нечисти» — такие заявления можно было услышать на рабочих собраниях. Сравнение вредителей с бактериями создавало дистанцию между теми, кто убивал, и теми, кого убивали. Террору предшествовала акция по обезчеловечиванию его жертв — в этом и заключалось сходство между сталинизмом и национал-социализмом.

Здесь можно было бы возразить, что инсценировка показательных процессов могла никак не тронуть подданных режима, поскольку они могли бы о ней не узнать или она бы их не заинтересовала. Тщательно разработанная ГПУ режиссура этих представлений не оставляла, однако, возможности для безразличия. Ее главной задачей было воспитать общественность, голос которой звучал бы в зале суда, как могучий обвинительный хор. Сотрудники тайной полиции распределяли входные билеты и внимательно следили за тем, чтобы состав зрителей, присутствующих на каждом заседании суда, постоянно менялся. Благодаря этому более 100 000 посетителей смогли за это время сопереживать происходившему в зале суда. К тому же воздействие Шахтинского процесса не ограничивалось числом непосредственных зрителей — его описание заполняло страницы газет, по нему ставили фильмы, все его эпизоды выносились на «обсуждение» в школах, на фабриках и в рабочих клубах. Пожалуй, очень немногие уголки страны остались в стороне от этого позорного действия. Что же могли увидеть на экране зрители подобного фильма? Прежде всего бросался в глаза образ самодовольного обвинителя, защищающего интересы государства и рабочего класса, ругающего обвиняемых и делающего выводы из происходящего. Обвиняемые производили впечатление жалких грешников, стоящих с понурыми головами перед судьей и всем своим видом выражающих горькое раскаяние. Всякий раз, когда они появлялись на экране, яркие титры сообщали зрителям, что перед ними вредители. Шахтинский процесс стал наглядным выражением манихейской идеологии большевизма, он внедрял в сознание подданных новое пред-

ставление о реальности. Враги были везде, даже если оставались неузнанными и действовали скрытно. В этих условиях важнейшим гражданским долгом населения страны должны были стать бдительность и осведомительство²².

Показательный процесс представлял собой ядро сталинской культурной революции. Можно даже сказать, что большевики превратили всю сферу публичной жизни в единый показательный процесс и навязали обществу ритуальные формы обвинения, покаяния и наказания.

То, что происходило в Советском Союзе в 1930–1940-е гг., в частности истребление и переселение многих миллионов людей, не завершилось с уничтожением классового врага. Террор, осуществляемый большевистским режимом, мог затронуть каждого человека, он не щадил никого — ни рабочего, ни крестьянина. Если следовать логике классовой борьбы, друзья большевиков тоже могли в любую минуту стать их врагами, если недостаточно работали над собой. Воплотить в себе совершенный образ нового человека мог только тот, кто полностью искоренил в себе внутреннего врага. А Советский Союз оставался еще варварской страной, в которой жили рабочие, крестьяне и кочевые народы, чей традиционный образ жизни привел большевиков к мысли о том, что идея социализма существовала только в их воображении. Была диктатура пролетариата, но не было пролетариев. Поэтому процесс преобразования человека, начавшийся в форме культурной революции и борьбы за человеческие души, принял характер военных действий против крестьянского населения империи. Эта война началась в 1929 г., когда режим вынес решение о принудительной коллективизации сельского хозяйства, и непрерывно продолжалась с различной степенью интенсивности вплоть до конца 1940-х гг.

При этом большевики вовсе не имели в виду преодолеть экономический кризис. Они вели войну. Иначе зачем бы им понадобилось лишать крестьян свободы и запирали их в колхозы, убивать и переселять миллионы сельских жителей, изгонять кочевые народы империи с мест обитания и морить их голодом? Ведь несмотря на то что коллективизация обрекла Советский Союз на хаос и беззаконие, привела сельское хозяйство к разрухе, вызвала массовый голод в апокалиптических масштабах и поставила под угрозу продовольственное снабжение городов, Сталин и его придворная клика неуклонно продолжали свой поход против деревни.

Коллективизация стала последним актом драмы, разыгравшейся в 1917 г. Она представляла собой попытку силой стереть с

лица земли старую Россию — Русь с ее «иконами и тараканами», как выразился когда-то Троцкий. Колхоз и стал тем орудием большевистской власти, с помощью которого она хотела осуществить это закабаление крестьянства. Он отобрал у крестьян плоды их труда, вернул их обратно в крепостную зависимость, от которой в свое время их освободил царь, и вверг в духовное и материальное рабство. Везде, где крестьяне противодействовали власти и даже пытались оказывать ей открытое сопротивление, их расстреливали, вносили в черные списки и высылали из деревень как кулаков. На Средней Волге, на Украине и на Кавказе части Красной армии применяли против мятежных крестьян артиллерию и отравляющие газы. На одном только Кавказе во время массовых побоищ 1930 г. лишились жизни несколько десятков тысяч человек²³.

Сталин и его приспешники побуждали секретарей нижестоящих партийных организаций не жалеть сил, преследуя непокорных крестьян. На собрании руководителей партийных организаций в феврале 1930 г. Молотов объявил, что крестьян, оказывающих сопротивление, надо топить в реке как котят, а их семьи следует разрушить. В свою очередь, выступая на собрании секретарей партийных организаций, состоявшемся в сентябре 1935 г. в Москве, Н. И. Ежов на вопрос о том, как он представляет себе взаимоотношения между крестьянами и коммунистами, ответил: «Кулаков надо гнать; они просто свиньи, и ничего больше. Выселяйте их»²⁴.

В 1933 г. на Украине и в Казахстане разразился массовый голод, жертвой которого стали сотни тысяч людей. Но, кажется, эта катастрофа никак не трогала членов Политбюро. В марте 1933 г. Сталин, Молотов и Каганович получили от аппарата Центрального комитета доклад о массовом голоде, начавшемся на Украине. Сообщалось, что здесь были отмечены «случаи каннибализма»; в одной деревне крестьянка «питалась» останками своего мужа; в деревне Руда девятилетний мальчик, потеряв от голода рассудок, убил и съел свою четырехлетнюю сестру. Наконец, в городах Умань и Житомир от голода пострадали и рабочие. Молотов прочитал этот доклад. Очевидно, его внимание привлекла только информация о том, что рабочие в городах испытывают голод, — ее он выделил черным карандашом. Судьба голодающих крестьян была ему, по-видимому, безразлична. «В архив», — написал он крупными буквами на полях.

Та же участь постигла и все остальные сообщения подобного рода, которые центр получал из других регионов Советского Со-

юза. В марте 1933 г. глава коммунистов Казахстана и заместитель Председателя СНК РСФСР Т. Р. Рыскулов обратился к Сталину, чтобы объяснить ему ситуацию, сложившуюся в связи с коллективизацией в Казахстане. Конечно, факт серьезного падения поголовья скота в республике он пытался представить как результат «злоумышленного забоя животных, в котором виновны беи». Но, с другой стороны, он давал понять, что проводившиеся большевистской властью акции по насильственному прикреплению казахов к земле, переселению десятков тысяч кочевников и конфискации скота в ходе мясозаготовок сами по себе толкали местных жителей на сопротивление реформам. Казахские кочевники, писал он, остались под открытым небом без крыши над головой и лишились скота, а для занятий земледелием у них нет ни навыков, ни соответствующего инвентаря; в некоторых районах голодные кочевники выступили против коммунистов, чекисты и заготовительные отряды подверглись их нападению; кое-где голодающие останавливали и грабили железнодорожные составы, чтобы захватить продовольствие. Сталин, по своему обыкновению, внимательно прочитал и это сообщение. Оставленные им пометки свидетельствуют о том, что оно его заинтересовало. Но ему не пришло в голову распорядиться о прекращении безумств, совершаемых властью в Казахстане. Сталин знакомился с текущей информацией о происходящем в стране, которую готовили ему члены Политбюро, но при этом сохранял убеждение, что чувство сострадания является признаком слабости. Его режим хранил молчание о фактах голодомора, советская пресса даже не упоминала о нем. Вместо этого она сочиняла небылицы о голоде в Польше и Чехословакии. Когда писатель Михаил Шолохов, набравшись смелости, попытался пожаловаться Сталину на бесчеловечное обращение с крестьянами, диктатор ответил, что все происходящее в деревне является в действительности голодной забастовкой, с помощью которой крестьяне хотят поставить социалистическое государство на колени. Сталин видел только ту реальность, какую сам же и инсценировал. Н. С. Хрущев вспоминает, как по завершении Второй мировой войны он рассказывал Сталину, что на Украине крестьяне от голода теряют рассудок и занимаются людоедством. «Вы тряпка, — перебил его Сталин. — Вам наврали с три короба, чтобы подействовать на ваши чувства! Они только и хотят с помощью таких историй заставить вас раздать им продовольственные резервы»²⁵.

Из-за фасада такой риторики, посредством которой режим оправдывал свои бесчинства, проглядывает ненависть: ненависть к

«живучей, подлой правде», как определил жизненный мир крестьянина Максим Горький. Он должна «сгинуть», быть «выдранной» с корнем и навсегда исчезнуть «из души человека» — так выразился певец коммунизма в одном из своих автобиографических романов*. Свойственное Горькому представление о жизненном мире крестьянина разделяли и Сталин со своими приверженцами. В этом мире, как в зеркале, они видели картину своего прошлого, в котором им пришлось претерпеть много страданий и от которого хотелось бы избавиться. В беспощадной жажде разрушения, обуревавшей сталинских подручных, в немалой степени сказывалась ненависть выдвигенцев из крестьянской среды к самим себе. Ничто не может так вывести человека из себя, как зеркало, в котором он внезапно видит картины своего глубочайшего унижения. Какой-то коммунист, обнаружив на опушке леса возле одной из украинских деревень бегущих крестьян, уже не видел в них людей, — он определил их как «кулацкую стаю». Другие его единомышленники выражали желание «отправить кулаков на мыло» или же намеревались «расстрелять кулацкое гнездо» и «стереть его с лица земли». Наделенные революционными полномочиями, оказавшись в царстве беззакония, эти преступники уже не признавали для себя никаких моральных ограничений. В некоторых местах, где сталинские сатрапы изымали у крестьян зерно и осуществляли высылку кулаков, их акции часто сопровождалась музыкой духового оркестра. В отдельных регионах Кавказа дело доходило до показательных казней и массовых изнасилований. Насильник не только принуждал к покорности женщину, над которой он надругался, — этим действием он демонстрировал и свою власть над деревней, откуда происходила его жертва. Члены городских заготовительных отрядов и войсковые части ГПУ открыто давали понять, что крестьяне значат для них не больше, чем конфискованный в их деревне скот. Здесь не оставалось места для сострадания, поскольку во всем происходящем следовало видеть совершение некоего «исторически необходимого деяния» — так определил Л. Копелев свою роль в событиях времен коллективизации. Моральная распущенность преступника имела своим основанием предшествующую акцию по обезчеловечиванию ее жертв²⁶.

За годы коллективизации более 2 млн крестьян были лишены всего своего добра и выселены в Сибирь и Среднюю Азию; более 30 000 чел. осуждено на смерть и расстреляно по приговору так

* «Детство», гл. 12.

называемых «троек» ГПУ. Осуществлявшаяся с 1930 по 1933 г. высылка кулаков привела к росту числа трудовых лагерей и колоний для ссыльных. Режим обратился к использованию принудительного труда как к составной части социалистического способа производства и как к средству для перевоспитания, изоляции или уничтожения людей посредством труда. Коллективизация, собственно, и породила систему Гулага, поскольку дала возможность органам безопасности по собственной воле стигматизировать людей, арестовывать и ссылать их в трудовые лагеря. Но эта разновидность террора не исчезла и после завершения коллективизации. В сущности, она никогда не прекращалась. Режим карал людей арестом и ссылкой за отказ работать, за порчу машин и колхозного инвентаря. А с тех пор как крестьянские хозяйства перешли в собственность государства, плоды их труда тоже больше не принадлежали крестьянам. В августе 1932 г. правительство издало закон «О защите социалистической собственности», по которому «кража» колхозной собственности наказывалась смертью или заключением в концентрационный лагерь. На основании этого закона в течение 1932 и 1933 гг. в Советском Союзе были приговорены к смерти более 16 000 крестьян, многие десятки тысяч отправлены в лагеря по обвинению в краже колосков зерна и помидоров. Там, где террор не достигал своей цели и крестьяне оказывали сопротивление, режим приказывал конфисковать все имущество колхозов, а жителей деревень выселять. Глава компартии Украины П. П. Постышев видел в таких формах террора прежде всего «орудие» и «метод перевоспитания» — с их помощью большевистский режим хотел показать крестьянам, что представляют из себя социализм и колхозный строй²⁷.

Чтобы регулировать наплыв беглых крестьян в города и на крупные стойки, режим в 1932 г. вновь ввел в действие внутренние паспорта, какие существовали в России вплоть до сталинских реформ. Колхозникам паспорта не полагались, и они оказались привязаны к своему клочку земли. А те, кто жил в городе без дозволения властей, не занимаясь разрешенными, «полезными» видами труда, могли быть подвергнуты выселению. А. С. Енукидзе, секретарь Президиума ЦИК и доверенное лицо Сталина, решил, что теперь властям удастся пресечь «бессмысленное» и «излишнее» перемещение крестьян из деревни в город и заодно избавить города от «паразитических элементов» и «социальных отбросов». В одной только Москве за 1933 г. более 300 000 чел. были объявлены «социально чуждыми элементами» и высланы из города — без паспортов, без продовольственных карточек, в чем

были. Одновременно режим запретил голодающим крестьянам покидать колхозы, а в некоторых регионах страны деревни были даже блокированы кордонами ГПУ. Режим пожелал придать исходу крестьян новую направленность — он отправил в голодающие районы новые толпы голодных людей, вместо того чтобы попытаться облегчить их участь.

Хотя коллективизация не сделала из крестьянина пролетария, она, во всяком случае, низвела крестьян до унижительного статуса подданных второго сорта, которые были прикреплены к земле и в любую минуту могли подвергнуться ограблению. Режим сживал со свету священников и кулаков, он вторгался в жизненный мир колхозников и подчинил деревню своей власти, но не сумел создать в ней человека нового типа. Система апартеида, воплощенная в колхозах, вовсе не способствовала упрочению авторитета большевистской власти. В них процветал лишь страх, подавлявший крестьян. Большевики так и остались в крестьянской памяти как насильники и бесы в человеческом облике²⁸.

Большевики нисколько не сомневались в том, что только индустриализованное общество может стать социалистическим. Совершенная ими революция могла достичь своей цели, если бы смогла вписаться в контекст того исторического процесса, к которому хотели принадлежать и сами большевики. Это был контекст европейской истории, смысл которой раскрывался лишь в условиях вполне индустриализованного общества. Поэтому для большевиков задачей первостепенной важности стало безоговорочное осуществление процесса индустриализации и придание ему социалистического характера. Но сама по себе модернизация экономики не была для них самоцелью, поскольку она лишь создавала предпосылки для вступления человечества в социализм. Сталин разъяснил, каким ему видится будущее Советского Союза: в прошлом отсталая Россия неоднократно бывала побеждена и подвергалась унижению, и даже в настоящее время Запад опережает ее на сотни лет: «Она терпела поражения от монгольских ханов, от турецких беев, от шведских феодалов, от польско-литовских панов и от японских баронов. Она терпела поражения от всех прежде всего из-за своей отсталости. Мы должны преодолеть эту дистанцию за десять лет. Или нам это удастся, или нас раздавят».

Советский Союз не только избавлялся от отсталости — его жители становились свободными от стихии рыночного хозяйства, от форм существования, унаследованных от прошлого. Они сливались в единое целое с огромным содружеством нового человечест-

ва. Но индустриализация не только покончила с отсталостью — она породила города, где убогие кварталы исказили ландшафт; она превратила дикие чащи в индустриальные районы, где крестьяне стали пролетариями.

Советская индустриализация подчинялась логике властной экономики: для нее политическая воля значила больше, чем экономическая рациональность. В этом причина того, что в ходе индустриализации Советского Союза совершенно не принимались в расчет потребительские нужды населения. Это была грабительская экономика, которая истощала человека и природу и не давала им взамен ничего, кроме гигантских плотин, электростанций и индустриальных ландшафтов, где производились сталь, танки и железнодорожные рельсы, где рабочие и заключенные трудовых лагерей намывали золото, выкорчевывали леса и рубили уголь. Советская промышленность демонстрировала власть большевистского государства, его способность достигать высших показателей в военном производстве, на голом месте возводить города и индустриальные комплексы. Она представляла собой свидетельство силы человека большевистского закала, для которого не существовало непреодолимых барьеров. Советский человек был человеком дела, он преодолевал немислимые препятствия и побивал все рекорды производительности. Но при этом он жил за счет занижения собственных потребностей и подчинял свои нужды государственным. Все, что касалось эксплуатации крестьян в колхозах, имело прямое отношение к жизни людей в городах и на больших стройках коммунизма: здесь человек также был закабален и использовался во славу социалистического государства. В этом смысле сталинизм представляет собой разновидность внутреннего колониализма, эксплуатировавшего подданных страны ради достижения высших целей. Большевики постоянно трубили о человеческом счастье, они создали своего рода экономическую мораль, представлявшую благосостояние народа как подарок со стороны государства. Но свойственный им стиль хозяйствования продуцировал убогие формы социальных отношений. Именно этот вирус и разложил изнутри экономическую систему Советского Союза: он непрерывно опровергал социальную утопию большевизма критическим опытом повседневности²⁹.

Советская экономика была экономикой командного типа, но вовсе не плановой, поскольку ее практика не мирилась с существованием плана. Для партийных руководителей план представлял собой не более чем определенную целеустановку, которую всегда следовало превышать. Директора фабрик, технические специали-

сты и рабочие выступали в роли офицеров и солдат, которые должны были побеждать на полях сражений. Всякий раз, когда вводилась в строй новейшая техника под управлением большевистских командиров, власть имущие видели в этом доказательство победы нового общественного строя. Для Сталина, Орджоникидзе и других большевистских вождей индустриализация была не только аргументом в пользу превосходства современной техники — она служила им достоверным свидетельством решимости большевиков передвигать горы и штурмовать твердыни. Тот, кто выступал в союзе с мировой историей, не мог проиграть борьбу за модернизацию страны. Поэтому везде, где политические вожди большевизма обнаруживали нерешительность, позорное отставание и медлительность, они расценивали это как результат происков коварных врагов. В годы первой и второй пятилеток никакие дискуссии по экономическим показателям социального развития уже не практиковались. Утопические директивы политического руководства страны должны были выполняться любой ценой, даже если отдельные отрасли производства оказывались при этом на грани развала.

Месячники ударного труда, социалистические соревнования и субботники расшатывали процесс производства, приводили к износу инвентаря и оборудования и способствовали производству брака. Нередко после запуска в строй плотин и электростанций, жилых домов и фабрик их приходилось перестраивать заново, поскольку далеко не все из них отвечали запланированным нормативам. Что касается продукции легкой и пищевой промышленности, то ее качество не выдерживало никакой критики. Сталин и его окружение видели в такого рода дефектах лишь результаты халатности руководящих кадров, саботажа и заговора вражеских сил, ставящих своей целью ликвидацию социалистического строя. Орджоникидзе, который с 1932 г. занимал должность наркома тяжелой промышленности, приказал снимать со своих постов директоров и руководителей производства, не выполняющих плановые задания правительства; нередко это влекло за собой их арест. Ни о каких извинениях и оправданиях он не хотел и слышать. На одном из собраний руководителей осенью 1934 г. Орджоникидзе заявил: «Мы не будем слушать таких людей, которые говорят, что им вовремя не поставили нужные составляющие. Хороший управляющий, хороший директор фабрики, хороший технический специалист знает, как надо все организовать и как получить необходимый результат... Наше оборудование, наши фабрики готовы служить Советской стране, готовы производить тонны металла. А что им мешает это делать? Плохая работа».

Как всегда, в решении подобных вопросов Сталин полагался только на методы террористического воздействия. Когда в августе 1930 г. в городах обнаружился дефицит денежных средств, он дал Молотову задание «провести основательную чистку в аппарате Народного комиссариата финансов и Государственного банка» и «непременно расстрелять два-три десятка вредителей из этого аппарата, среди них десятков различного рода казначеев». В том же письме он потребовал расстрела «вредителей в мясной промышленности» и чтобы об этом было сделано сообщение в прессе. Несколько недель спустя Сталин выразил желание пополнить наркомат «людьми из ГПУ» и осуществлять там контроль «с помощью зуботычин».

Этот командный стиль управления не только расстраивал производственный процесс на промышленных предприятиях Советского Союза, он втягивал директоров и руководителей производства в губительные конфликты с конкурирующими организациями и народными комиссариатами при распределении и без того скудных ресурсов; он также вел к взаимному обособлению советских промышленных комплексов. Непрестанно воспроизводя состояние хаоса, сталинский режим порождал системные кризисы, которые сам же воспринимал как дело рук врагов.

Но те, кто безоговорочно отдал себя служению большевистским целям построения нового общества и послушно исполнял все требования своих политических вождей, могли использовать этот хаос и в собственных целях для получения различного рода привилегий. Красные директора и инженеры, ударники-стахановцы, отличившиеся особой «бдительностью» и политической активностью, получали ордена, знаки отличия и премии; им давали автомобили, предметы роскоши и благоустроенные городские квартиры; они приобретали товары в специальных магазинах, где им предлагалось все то, что едва ли мог представить себе простой рабочий или крестьянин. Индустриализация Советского Союза порождала не только хаос и анархию, она открывала перед тысячами выдвиженцев новые жизненные перспективы — это относилось прежде всего к пролетарским инженерам, получившим образование на многочисленных рабочих факультетах, и к молодым коммунистам рабочего происхождения, не обладавшим никакими иными дарованиями, кроме умения слепо твердить ежедневные лозунги сталинского режима. Но и в рабочей среде порой пробуждался тот энтузиазм, без которого невозможно было бы мобилизовать тысячи людей: комсомольцы и молодые рабочие самоотверженно трудились на строительстве метро, плотин и

электростанций. Однако этот энтузиазм питался вовсе не большевистской идеологией: инженеры мечтали осуществить свои проекты по модернизации и техническому переустройству страны; комсомольцы искали место для подвига и отрекались от образа жизни, унаследованного ими от отцов и дедов; в свою очередь, рабочие получали возможность беспрепятственно удовлетворить чувство враждебности к администрации и «буржуазным специалистам». Для коммунистов же наступил звездный час — они смогли воплотить в жизнь свою мечту о пролетарской диктатуре, с которой некогда пришли в революцию.

Большевистский план индустриализации страны не сводился к модернизации экономики и инфраструктуры — он ставил своей целью создание нового человека. Начало осуществления пятилетнего плана означало рождение пролетариата, по крайней мере, так полагали большевистские лидеры. Эту цель они поставили выше экономических соображений. Больше того: индустриализация представляла собой всего лишь инструмент для построения социалистического общества, как его себе представляли большевики³⁰.

Города и крупные стройки коммунизма превратились в узлы противоречий, в точки пересечения различных языков и жизненных укладов. С началом насильственной коллективизации сотни тысяч крестьян в разных регионах империи покинули родные деревни, чтобы спастись от преследования со стороны карательных органов и обеспечить себе хотя бы физическое выживание. Серго Орджоникидзе, член Политбюро и народный комиссар по тяжелой промышленности, сравнил Советский Союз с огромным «кочевым лагерем». Фабрики, рудники, огромные стройки и барачные поселки непрерывно заполнялись людьми, которые по прошествии нескольких месяцев снова отправлялись в странствия в поисках лучшей доли.

Проект большевиков по созданию сказочных городов в пустыне и образцового социалистического сообщества дошел до абсурда. В условиях временного проживания, в глуши, подвергшейся индустриальному освоению, не было никаких предпосылок для расцвета цивилизации социалистического типа. Даже в таких развитых индустриальных центрах, как Москва, Ленинград и Баку, не появлялось ничего, что могло хотя бы приближенно напоминать о ней. Пролетариат захлебывался в потоке крестьянской массы. А там, где крестьяне-переселенцы оказывались наедине с собой, то есть на окраинах больших городов, заканчивалась и сфера влияния большевистской власти с ее учреждениями. Даже в середине 1930-х гг. окраины Москвы еще не были связаны с центром, там отсутствовали

больницы и школы. Да и милиция редко отваживалась появляться за пределами городского центра.

Все то, от чего культурная революция хотела избавить советские города, теперь вернулось в них обратно: жестокое пьянство, нравы и обычаи русской деревни, а также формы насилия, с помощью которых крестьяне привыкли разрешать в своем кругу конфликтные ситуации. И хотя после коллективизации рабочие лишились тех возможностей для возвращения в деревню, какие существовали у них прежде, все же и в этих условиях коммунистические формы жизни плохо приживались в рабочей среде. Там, где большевикам удавалось утвердить свои новые праздники и заставить рабочих участвовать в массовых партийных мероприятиях, они создавали лишь видимость усвоения народом новых традиций. Эти инсценировки только прикрывали притаившийся за ними стиль деревенской жизни, не будучи в состоянии его устранисть.

В 1930-е гг. изменился не только внешний облик городов — промышленность трещала, не выдерживая напора крестьянских переселенцев. Текучесть рабочих кадров на предприятиях подрывала любую форму рациональной организации труда. Неквалифицированные работники, неспособные вписаться в жизненный и трудовой ритм города, препятствовали нормальному процессу производства. Прогулы, пьянство, преднамеренная порча инструментов и машин — это еще самое малое, что можно было здесь увидеть. Когда же речь заходила об авариях и производственном браке, то во всех этих случаях большевики предпочитали видеть вмешательство классовых врагов. Заподозрив где-либо проявления саботажа, они отвечали на него насилием — арестами и расстрелом директоров фабрик и инженеров. И везде, где сталинский режим обрушивал репрессии на представителей старой элиты, он квалифицировал их как классовых врагов, саботажников и иностранных шпионов и тем самым сознательно избирал в качестве мишени народного гнева людей с высшим образованием. Эти «белоручки» обладали и своими отличительными приметами — очками, белыми рубашками и твердыми воротничками. Таким образом, на сцене вновь разворачивался культурный конфликт, характерный для поздних времен царской империи, с тем отличием, что в настоящий момент он был инспирирован самим советским правительством³¹.

Правда, к этому времени большевики едва ли стояли ближе к народу, чем те директора фабрик и инженеры, которых они подвергали аресту или приговаривали к расстрелу. Таким образом, в больших городах и на крупных стройках коммунизма социализм

тоже вторгался в жизнь своих подданных в образе цивилизационной диктатуры. Организация социалистических соревнований, создание ударных бригад должны были поощрить рабочих к достижению наивысших показателей в производстве. Того, кто не выполнял норм, отставал, портил машины и подрывал рабочую дисциплину, ждала незавидная участь. Военная организация труда, которую еще в годы гражданской войны наметил Троцкий, давала возможность превратить работника-варвара в дисциплинированного пролетария. Именно к этой идее и обратились теперь большевики, правда, не называя ее автора. Потеря рабочего места, принудительные работы и ссылка в трудовой лагерь — вот те наказания, которым летом 1940 г. режим мог подвергнуть работника за прогулы, пьянство и производственный брак. Только за период с июня по август 1940 г. на основании этого варварского закона было осуждено 906 824 рабочих: 755 440 — за прогулы, 131 718 — за самовольное оставление рабочего места и 2 949 — за то, что не сообщили о такого рода нарушениях. Народные суды не останавливались ни перед чем и осуждали на принудительные работы даже малолетних нарушителей трудовой дисциплины. В Москве за опоздание на работу наказывали также и профессоров вузов. Более 80 % осужденных приговаривались к тюремному заключению на срок от двух до четырех месяцев. Вплоть до начала Великой Отечественной войны в июне 1941 г. более 3 млн рабочих предстали перед советскими судами на основании этого дисциплинарного закона.

Сталинский режим привязал рабочих к заводу точно так же, как запер крестьян в колхозах; он презирал рабочих, образ жизни которых был тесно связан с деревенскими традициями. Польский офицер Густав Херлинг, оказавшийся в 1940 г. в Свердловске после освобождения из тюремного заключения, увидел, как увешанный орденами советский генерал пинал сапогами солдат, сидевших на тротуаре и молотками сбивавших лед³². Этот небольшой эпизод свидетельствует о характере отношений между большевиками и их подданными красноречивее любого ученого рассуждения о природе сталинизма.

IV. ТЕРРОР

Коллективизация и индустриализация стали для страны гуманитарной и экономической катастрофой. Она разрушила жизненные планы людей и традиционные формы их существования, оторвала миллионы людей от их корней, уничтожила систему социальных связей, унаследованную ими от прошлого. Крестьяне оказались привязаны к своему клочку земли, а рабочие, подчиненные драконовским законам о трудовой дисциплине, были жестко прикреплены к рабочим местам. Миллионы граждан Советского Союза владели жалкое существование в спецпоселениях и концентрационных лагерях. Но все эти трагические явления не находили никакого отражения в советских средствах массовой информации: большевистский режим монополизировал и идеологизировал систему образования и информационную сферу, снабдил моральной подкладкой экономику и придал отношениям между властителями и их подданными характер сценического действия, с помощью которого внедрял в сознание людей свод правил и формальный язык, служащие для выражения покорности. В идеологически унифицированном медиальном пространстве даже многие противники большевистского режима усвоили официально принятые языковые и поведенческие нормы — всякая критика должна была облекаться в коммунистическую риторику. Приходилось пользоваться ритуальными формами языка, разделяющими весь мир на друзей и врагов и представляющими коммунистическую партию в виде ордена избранных и мучеников за святое дело.

Отныне партию следовало рассматривать как силу, действующую во благо и для спасения народа, поэтому любое доброе дело должно было служить поводом для прославления творческой энергии большевизма. Что касается трудящихся, от имени которых некогда совершалась революция, то при таком положении вещей им не оставалось ничего иного, как выражать благодарность властям. С началом коллективизации и сопровождающих ее ужасов террора расхождение между реальной картиной происходящего и ее большевистской интерпретацией становилось все более очевидным: современники этих событий сталкивались одновременно как с реальным миром, так и с инсценировкой. А поскольку

ку пресса была полна сообщений о реальности, какой на самом деле не существовало, то большевистские подданные в душе согласились с тем, что есть два мира — мир лжи и мир правды. Ложь была призвана рационализировать повседневный хаос, привязать элиту к господствующему режиму и заставить людей неукоснительно следовать нормам большевистского миропонимания. Новый порядок внедрялся в сознание граждан с помощью культа Сталина и усвоения ими повседневного ритуала отрешения от реальности. Этой же цели служила и моральная мотивация хозяйственной жизни, когда продукты труда самих подданных представлялись подарком, сделанным от имени партии и ее вождя Сталина своему народу. Рабочие, крестьяне и ученые служили партии, они работали из чувства благодарности к ней. И само время обретало теперь совершенно новое качество: будущее, настоящее и прошлое превратились в фальсификаты, не имеющие отношения к реальности. Отныне имело место только такое будущее, которое было спроектировано руководством партии.

Подданные режима сталкивались с большевистским языком и стилистикой не только на страницах партийной прессы. С середины 1920-х гг. режим приучал население страны к практике социального устранения, постоянно напоминая советским гражданам о тех, кто не может считаться членом нового общества. Этой цели прежде всего служили периодически повторяющиеся кампании по подготовке к выборам в Советы. Они представляли собой ритуал одобрения, создающий видимость общественного признания тех или иных кандидатов, поскольку реальная процедура принятия решения, кто и куда должен быть избран, вовсе не входила в компетенцию избирателей. Во время избирательных кампаний гражданам следовало высказать свое мнение о том, кто не должен быть допущен к выборам, организованным по инициативе режима. С самого начала большевистского господства подданным режима надо было научиться клеймить врагов и жить рядом с прокляженными. Социально табуированные субъекты представляли собой отходы социалистической перестройки общества. Они как бы несли ответственность за все бедствия, в которые большевики вовлекли своих подданных. Поэтому их можно было безнаказанно выселять из жилищ, изгонять из деревень и городов и запирали в лагеря. Эти прокляженные наглядно воплощали в себе образ врага, о котором постоянно напоминали большевики, и сам факт их существования позволял подданным большевистского режима переносить свой гнев, вызванный условиями жизни, с сильных мира сего на бессильных. Однако даже те, кто считал себя проле-

тарием и приверженцем существующего режима, не имели гарантий собственной безопасности, — каждый из них рано или поздно мог быть заклеен как враг и взят под арест. Там, где проявлялась подозрительность, торжествовал и страх. На пике сталинского террора 4 млн чел. числились в категории «лишенцев». Социалистическое сообщество торжествовало, исключив врагов из своих рядов. В этой механике повседневного табуирования должны были участвовать как враги, так и друзья социализма: друзья обнаруживали врагов и доносили на них, враги подтверждали наличие враждебных сил самим фактом своего существования¹.

Руководствуясь генеральной линией партии и указаниями ее политических вождей, которые время от времени возвещали советским гражданам истину в последней инстанции, можно было определить, кого считать врагом и как с ним обращаться. Таким образом, линия человеческой жизни тоже задавалась сигналами, поступающими свыше, и знаками, которые заставляли своих адресатов подчиняться бесчеловечным правилам поведения. Непрерывная инсценировка биполярного мира в повседневной жизни и беспрестанное табуирование отдельных социальных групп глубоко впечатались в сознание советских граждан, по крайней мере живущих в городской черте. Все это раздвоило восприятие действительности, а также формы его вербального выражения, сея недоверие к чужакам и иностранцам, к сотрудникам, к друзьям и близким. Повседневная зрительная и семантическая стигматизация социальных субъектов и групп, которой никто не мог избежать, стала отличительной чертой сталинистской цивилизации. Она привязывала подданных советской империи друг к другу, не связывая их между собой.

Ханна Арендт, пытаясь дать определение бессилию и разобщенности людей в век тоталитарных режимов, говорила об атомизации общества. Как сказал бы Фуко, в данном случае человека следует рассматривать как точку распределения большевистского дискурса (*Schaltstelle des bolschewistischen Diskurses*), а власть — как силу воздействия (*Wirkung*). Для большевиков человек уже не был укоренен в сообществе, из которого вышел. Он оказывался прикреплен только к определенной социальной системе, которая превращала другого человека в его потенциального врага. Подданные империи, безраздельно преданные большевистскому строю, утрачивали нравственные узы, которые при других обстоятельствах позволили бы им остановить безумие. Большевики превратились в рыщущих волков: они натаскивали самих себя и своих вассалов на службу террору и расправу с врагами.

Но почему пространство для массового террора открылось, когда индивидуум скрылся за фасадом большевистских инсценировок и без остатка растворился в публичной практике коммунистических ритуалов, когда исчезла надобность в «самошлифовке»? Какие еще могли быть основания для террора, если у большевистского режима больше не было необходимости самоутверждаться в единоборстве с врагами? Зачем Сталину и его помощникам нужно было насилие в масштабах всего Советского Союза, если они не нуждались в нем для подавления внутреннего сопротивления? Мы не сможем ответить на эти вопросы, если будем полагаться на концепции, которые ищут истоки сталинизма в сознании подданных режима. Арендт, Фридрих и другие теоретики тоталитаризма видят в терроре средство, с помощью которого правящие круги вселяли в души людей ужас, чтобы держать общество в состоянии постоянного напряжения и в корне подавлять возможные ростки гражданского сопротивления. По их убеждению, террор пресекал малейшую попытку индивидуального самоопределения. Он поддерживал свойственную тоталитарному режиму форму существования. Многие историки и советологи тоже удовлетворяются достаточно простыми решениями. В прошлом немало исследователей сталинизма настаивали на том, что истоки террора надо искать в сознании диктатора: Сталин развязал террор, чтобы расширить границы своей личной власти и устранить всех конкурентов. Именно поэтому оргия насилия в конце концов превзошла саму себя. В свою очередь, так называемые ревизионисты в области исторических исследований видят в терроре, скорее, свидетельство бесконтрольности насилия. Они рассматривают террор как исторический феномен, рождающийся в недрах общества и поддерживающий свое существование за счет конфликта интересов различных социальных групп. В силу этого политические вожди общества оказываются уже не в состоянии контролировать его. Эти историки приходят к признанию того, что у террора нет авторов, в нем следует видеть самостоятельный социальный феномен.

В то время как одни исследователи, не устояв перед спектаклем, демонстрировавшим всемогущество большевиков, считают, что созданная большевиками картина мира стала реальностью для их подданных, другие авторы вообще не признают за деспотией способности к осуществлению власти. Даже если согласиться с тем, что Сталин, учитывая военную истерию, решил в профилактических целях ликвидировать потенциальных шпионов и социальных врагов, то все равно остается неясным, почему в таком случае политическое руководство страны отдавало террористические

приказы, требовавшие ликвидировать кулаков, уголовников, беспризорных детей и заключенных, уже находившихся в лагерях?² Все перечисленные выше интерпретации ничего не могут нам сказать об историческом месте сталинизма, о горизонтах исторического миропонимания, свойственного коммунистическим лидерам, и о специфических условиях, при которых у коммунистов и их подданных складывалось взаимное представление друг о друге. Если понимать рациональность как выполнение своих же собственных посылок, то историкам следует обратиться к убеждениям, которые определяли действия сталинистских функционеров. В этом случае нашему пониманию станут доступны события прошлого, которые иначе в наши дни могут выглядеть бессмысленными.

Лидеры большевиков считали, что их со всех сторон окружают враги. Внутренний враг давал о себе знать в образе жизни человека. Его вотчиной было сознание, поэтому такого врага можно было одолеть лишь посредством внутреннего самоочищения, просвещения ума и перевоспитания. Враг внешний являлся в облике кулака, «социально чуждого элемента», иностранца или саботажника и шпиона, который скрывался под маской коммуниста. Эти враги прокрадывались в партию и мешали народу найти путь к самому себе посредством самоочищения. Поэтому без террора, по мнению большевиков, нельзя было сделать человека сознательным. Террор был мотивирован их стремлением уничтожить амбивалентность социального устройства, которая ежедневно бросала вызов большевистской идее однозначности. Большевики представляли террор как «очистительную грозу», которая окончательно избавит общество от «дурной травы», не полностью удаленной из него в годы культурной революции и коллективизации. В 1970-е гг. Молотов в беседе с советским журналистом Феликсом Чуевым дал свое истолкование описанных выше крайностей терроризма: по его словам, массовые убийства 1937 г. нельзя сводить к «произволу руководства» — в них следует видеть «продолжение революции в сложной международной обстановке»³.

1937 г. был вовсе не началом, а пиком коммунистического террора. Он стал порождением многих, первоначально не связанных между собой репрессивных стратегий, слившихся воедино в безумной вакханалии ужаса 1937 и 1938 гг. Одна из этих стратегий заключалась в физическом устранении элиты, политического руководства страны — возможность ее осуществления вырисовывалась еще в начале 1930-х гг., а после убийства в декабре 1934 г. руководителя ленинградской партийной организации С. М. Кирова

она превратилась в кровавую реальность; вторая стратегия была связана с партийными чистками 1934 и 1935 гг., а начиная с весны 1937 г. — и с сопровождающим их разрушением внутривнутрипартийных личных связей; третья ставила своей целью массовое уничтожение кулаков, священнослужителей, представителей дореволюционной элиты, уголовников и лагерных заключенных в период между летом 1937 г. и осенью 1938 г.; четвертая включала в себя аресты и убийства иностранцев, представителей этнических меньшинств и депортацию многих народов.

Террор двигался по концентрическим кругам, начиная с узкого властного круга, постепенно захватывая периферию. Никто не мог уйти от этой волны насилия, захлестывавшей все слои общества. Отдельная личность потеряла всякую значимость: она представляла собой лишь часть коллектива. И как только над коллективом нависало подозрение в сотрудничестве с врагами, оно распространялось на всех, кто к нему принадлежал. Несомненно одно: это чудовищное насилие было обременено своим существованием прежде всего разрушительной энергией и коварству, присущим Сталину и его подручным. Историкам, исследующим причины террора, не следует оставлять без внимания вопрос о том, какими человеческими качествами обладали Сталин и его помощники.

Показательные процессы в Москве

Вечером 1 декабря 1934 г. был убит руководитель ленинградской партийной организации Сергей Миронович Киров. Преступник, Леонид Николаев, воспользовался своим партийным билетом и смог незаметно подобраться к своей жертве. Он появился в здании Ленинградского горкома ВКП(б) в 13.30, а в 14.30 покинул его. В 16.30 снова вернулся. Увидев Кирова, выходящего из своего кабинета, он выхватил из кармана пальто револьвер и несколькими выстрелами убил руководителя ленинградских коммунистов. Николаев пытался покончить с собой, но был обезоружен и схвачен находившимися неподалеку охранниками из НКВД.

Тридцатилетний Леонид Николаев происходил из рабочей семьи. С 1923 г. он работал слесарем на многих ленинградских заводах. В 1923 г. вступил в партию, с 1932 г. занимал административные должности — сначала ответственного секретаря по производственным вопросам в Ленинградском областном комитете партии, затем инспектора по контролю за ценами в Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции и, наконец, инст-

руктора в Институте истории партии. В своем личном деле этот молодой человек характеризуется как лентяй, склочник и интриган, который всегда был чем-то недоволен и не упускал случая обратиться к начальству с просьбами и жалобами. Весной 1934 г. он отказался выполнить возложенное на него партийное поручение, за что по решению соответствующих партийных органов был исключен из партии. Сразу после этого Николаев потерял и свое рабочее место в Институте истории партии. Правда, вскоре он вновь был восстановлен в партии, но, тем не менее, не смог вернуться в институт. В отчаянии он принимается за старое — пишет прошение на имя секретаря Ленинградского горкома партии, в июле 1934 г. обращается к Кирову, а в августе того же года отправляет письмо Сталину. Все попытки этого склочника обратить на себя внимание терпят крах, поскольку он ни от кого не получает ответа. Сразу после своего задержания Николаев признался, что в начале ноября принял решение совершить покушение на руководителя ленинградской партийной организации. По его словам, он был уже не в силах переносить сложившееся положение вещей. Потеряв работу и не чувствуя никакой «моральной поддержки», он не видел другого выхода, кроме покушения на убийство Кирова. Ничто не указывало на то, что он действовал по чьему-либо наущению.

Для чекистов из Ленинградского управления НКВД убийца был не чем иным, как послушным орудием в руках скрытых врагов. Везде, где обнаруживались случаи недовольства, непослушания и противодействия, они видели проявление вражеского заговора. Поиск заговорщиков и классовых врагов начался сразу же после задержания преступника. Еще до того, как Политбюро в Москве вынесло решение о том, кого следует обвинить в этом злодеянии, Ленинградское управление НКВД бросилось на поиски бывших белогвардейцев, которых оно подозревало в заговоре с целью покушения. Чекисты перепроверяли подозрительных иностранцев и попытались установить наличие связей между Николаевым и представителями дореволюционной элиты, зарегистрированными в картотеках спецслужб. Г. Г. Ягода, сталинский нарком внутренних дел, смотрел не дальше, чем его подчиненные в Ленинграде. Обсуждая факт убийства Кирова с Ф. Т. Фоминым, заместителем начальника городского управления НКВД, он спросил последнего, во что был одет преступник: Ягода хотел знать, из какой ткани — отечественного или иностранного производства — был сшит его костюм. Н. И. Бухарин, со своей стороны, вообразил, будто иностранные секретные службы завербовали Николаева, чтобы

совершить злодеяние против Страны Советов. Разработанный в НКВД сценарий заговора повлек за собой реальные последствия: в первые дни сентября 1934 г. были схвачены и без предъявления каких-либо обвинений расстреляны 103 человека — выходцы из Польши, Финляндии, Румынии и Литвы, нелегально находившиеся на территории Советского Союза.

Сталин видел вещи в таком же свете, как и его чекисты. Но, в отличие от них, он искал врагов не только за пределами Кремля, внутри которого отсиживалось политическое руководство страны. Сталин рисовал в своем воображении врага, который подчинил себе партию и прокрался во властные сферы, чтобы дестабилизировать Советский Союз и его политическую систему, а затем и разрушить их. На вопрос о том, как следует реагировать на убийство руководителя ленинградской партийной организации, у него был свой ответ, отличный от представлений Ягоды, разделявшего привычный образ мыслей, согласно которому врагом оказывался тот, у кого не было партийного билета. Поэтому Сталин поручил заняться делом об убийстве Кирова не органам НКВД, а секретарю ЦК Н. И. Ежову. Молотов вспоминает, что он сам и несколько членов Политбюро находились в рабочем кабинете Сталина, когда позвонил начальник Ленинградского управления НКВД Ф. Д. Медведь и доложил об убийстве Кирова. Сталин обозвал его «шляпой» и повесил трубку⁴. Вечером в Кремле появился и Ягода. Он принял участие в заседании Политбюро и выслушал то, что Сталин сообщил о расследовании убийства Кирова. В тот же вечер Сталин и наиболее близкие ему люди из Политбюро отправились ночным поездом в Ленинград. Сразу же по прибытии в Ленинград Сталин, Молотов и Ворошилов поехали в городскую больницу, чтобы осмотреть тело Кирова. Через несколько часов они прибыли в Смольный, штаб-квартиру ленинградской парторганизации, чтобы непосредственно ознакомиться с результатами проводимого НКВД расследования. Один из сотрудников Ленинградского комитета комсомола, находившийся в это время в здании, вспоминает, что появление Сталина внушило страх всем присутствовавшим: «Всё происходило в главном коридоре. Вижу — идет группа лиц. Смотрю, в середине — Сталин. Впереди Сталина шел Генрих Ягода с наганом в руке и командовал: “Всем лицом к стене! Руки по швам!”»⁵

Как вспоминал позже один из сотрудников НКВД, Сталин лично допрашивал Николаева. Но генсек тоже не услышал ничего, что могло бы представлять для него интерес: Николаев утверждал, что был озлоблен своим увольнением из Института исто-

рии партии и не нашел для себя иного выхода, кроме убийства руководителя ленинградской парторганизации. Сталин и слышать не хотел о подобного рода мотивах. Он требовал, чтобы обвиняемый назвал сообщников и заказчиков преступления, и пообещал ему, что, если тот согласится сотрудничать с НКВД, ему будет сохранена жизнь⁶. В свою очередь, органы НКВД делали все, чего требовал Сталин: они арестовали друзей и коллег Николаева по работе и подтвердили наличие связей между ними и бывшими деятелями антикоммунистической оппозиции. В конце декабря 1934 г. газеты выступили с новой версией событий: Николаев не был преступником-одиночкой, он входил в группу заговорщиков, духовными вождями которых были Троцкий, Зиновьев и Каменев. Николаев признался во всем, что ему было предъявлено в качестве обвинения, надеясь, что в конечном счете ему даруют жизнь, но Сталин и на этот раз нарушил свое слово — 29 декабря 1934 г. Николаеву и еще 13 соучастникам предполагаемого заговора вынесли смертный приговор, и они были казнены. Тем не менее нельзя думать, что Сталин и его приспешники были циничными лицемерами, заинтересованными только в расширении своей власти. Они сами верили в истинность того, что инкриминировали другим. Так, генеральный прокурор А. Я. Вышинский и заместитель главы НКВД СССР Я. С. Агранов упорно добивались от осужденных, чтобы те хотя бы за несколько минут до расстрела назвали имена заказчиков убийства Кирова.

Однако Сталин и члены Политбюро не успокоились на том, что расстреляли исполнителя покушения и предполагаемых заговорщиков, — во время процесса стали таинственным образом уходить из жизни отдельные сотрудники Ленинградского управления НКВД, другие были арестованы, расстреляны или переведены на иную работу. В 1937 г. расстреляли последних чекистов, имевших отношение к этому делу.

Убийство руководителя ленинградской партийной организации еще не знаменовало начало террора, но оно изменило атмосферу, господствующую в правящих партийных кругах. Это убийство бросило тень и на саму партию. Фундаментальное положение, согласно которому расстрелять можно только того, кто стоит вне партии, стало нелепостью, когда Сталин и его подручные начали видеть врагов уже и в рядах своих единомышленников. «Мы слишком мало расстреливаем», — жаловался Каганович в 1933 г. на одном из Пленумов ЦК⁷. В условиях кровавой войны, которую вела партия против населения своей страны, не могло быть пощады тем, кто плел заговоры и покушался на жизнь

вождей партии. Уклоны, за которые в 1920-е гг. расплачивались унижением и раскаянием, стали в это время смертельным преступлением. Жертве подозрения не могло помочь теперь даже обещание исправиться — она должна была впасть в полное самоуничтожение, капитулировать и содействовать собственной ликвидации именем закона. В этом были едины все представители правящих кругов. Теперь каждый, кто попал под подозрение, должен был признать обвинения, которые ранее предъявлял другим⁸. Сталин пользовался инквизиционными ритуалами коммунистов, для того чтобы убирать со своего пути предполагаемых врагов, вкравшихся в партийные ряды. Это обнаружилось со всей очевидностью уже в 1932 г., когда среди видных большевиков стала звучать критика в адрес Сталина за присущий ему стиль руководства.

Весной 1933 г. в партийных рядах начала циркулировать так называемая «Платформа» М. Н. Рютина, исключенного из партии в 1930 г., — в ней Сталин характеризовался как беззастенчивый интриган и диктатор. В сентябре Рютин был схвачен и осужден на 10 лет лагерей, а его сообщники лишились партийных билетов и оказались в тюрьме. Спустя некоторое время, в ноябре того же года, спецслужбы установили слежку за наркомом торговли РСФСР Н. Б. Айсмонтом и старым большевиком Н. В. Толмачевым. В дни революционных праздников в квартире Айсмонта собирались многие видные большевики и вели разговоры об отстранении Сталина с поста Генерального секретаря. Узнав об этом, Сталин распорядился арестовать Айсмонта и его друзей⁹. Известный старый большевик и сторонник Троцкого А. П. Смирнов, принадлежавший к кружку смещенного наркома, избежал ареста. В январе 1933 г. он был приглашен на заседание ЦК, членом которого являлся, чтобы дать отчет в содеянном и покаяться. Несколькими днями раньше Сталин получил от ОГПУ донесение, где говорилось, что Смирнов стоит во главе группы заговорщиков и является агентом Троцкого. Смирнов осудил «контрреволюционные» речи Айсмонта. Он говорил, что не может себе представить, кто сумел бы в действительности заменить Сталина на посту Генерального секретаря, и нужно совсем потерять разум, чтобы выдвигать такие требования. Подобные речи может вести только тот, кто находится в стане врагов. Сам он «всегда любил» Сталина и любит до сих пор. Перед лицом внешней угрозы всякая политическая акция, совершаемая за спиной партийного руководства, представляет собой акт враждебности по отношению к партии. Заявив, что для него теперь все это «не вызывает сомнения», Смирнов признал свои ошибки, покался и обещал исправиться¹⁰.

Но Сталина и его приближенных из ЦК не могли удовлетворять такого рода покаянные исповеди. Они требовали от каждого злоумышленника, чтобы тот признал свою вину и подтвердил все предъявленные ему обвинения. Но самое важное заключалось в том, чтобы обвиняемый, совершив унижительный ритуал покаяния, тем самым подтвердил истинность всех тех принципов, которые он сам до этого поставил под сомнение, и вновь восстановил единство в рядах партийного руководства. Все происходившее в 1930-е гг. на заседаниях ЦК было не чем иным, как попыткой посредством регулярно повторяемого ритуала удержать представителей этого партийного органа в жестких дисциплинарных рамках и карать их за любое отклонение, подвергая изгнанию. Не будет преувеличением сказать, что описанные выше процедуры покаяния связаны с традиционными деревенскими формами дисциплинарного воспитания в гораздо большей мере, чем это может показаться на первый взгляд. М. Ф. Шкирятов, председатель Центральной контрольной комиссии, утверждал, что заговоры устраиваются на вечеринках, в городских такси и на тайных собраниях, где бывшие оппозиционеры устанавливают связи между собой и плетут интриги против руководства. По его убеждению, на фоне яростного натиска классовых врагов любая идея, затрагивающая единство партии, любая шутка и анекдот на ту же тему являлись преступными сами по себе и должны были караться. Это касалось и членов бывших оппозиционных групп — руководство партии надеялось, что они «по-большевистски» признаются в том, что имели связи с противниками Сталина. Такие ритуалы должны были подтвердить верность обвинений, которые сталинистское руководство предъявляло «оппозиционерам». Эта практика и привела в конечном счете к самоликвидации ЦК.

В 1933 и 1934 гг. еще предпринимались робкие попытки ограничить карательные полномочия ОГПУ и обязать правовые органы осуществлять свою деятельность в рамках существующих законов и установленного процессуального порядка. Теперь со всем этим было покончено. В 1935 г. спецслужбы вновь вернули себе все права, которых до этого лишились. В данных обстоятельствах именно Вышинский, грозный сталинский законник, по заданию вождя снова обесценил правовые нормы, которые сам же отстаивал в качестве Генерального прокурора Советского Союза. Вышинский выглядел среди сталинского окружения инородным телом — обходительный, интеллигентный и образованный, он заметно выделялся на фоне тупых и ограниченных опричников из Политбюро. Сталин доверял ему: в 1903 г. они вместе с Вышин-

ским сидели в одной камере в бакинской тюрьме. Впоследствии Сталин способствовал его продвижению, несмотря на то что Вышинский в годы революции занимал меньшевистские позиции. Заняв пост Генерального прокурора Советского Союза, Вышинский преобразовал структуру правовых органов, восстановил авторитет законов как регуляторов человеческих взаимоотношений и пытался усилить роль профессионально подготовленных юристов, прокуроров и судей во внутренней политике страны. Между 1932 и 1935 гг. он защищал интересы закона против ОГПУ и НКВД и даже некоторое время успешно противостоял радикальным идеям правового нигилизма, которые в то время проповедовал нарком юстиции Н. В. Крыленко. Достаточно сказать, что даже в начале 1936 г. Вышинский требовал от Молотова, чтобы тот ограничил карательные полномочия НКВД. Генеральный прокурор ничего не имел против применения силы, но он хотел вложить ее в руки правосудия. Эта тенденция в немалой мере отвечала стремлениям работников государственного аппарата управления, заинтересованных в утверждении правовых гарантий и порядка¹¹. Сами дебаты вокруг сталинской Конституции, начавшиеся в 1935 г., воспринимались многими подданными режима как свидетельство попыток Сталина внести определенный порядок в жизнь общества и оставить позади хаос прошлых лет. Уже в мае 1933 г. Сталин и Молотов приняли решение прекратить депортацию кулаков. Варварский закон о защите социалистической собственности, принятый в августе 1932 г., стал применяться значительно реже, а в августе 1935 г. режим объявил об амнистии для всех колхозников, которые были приговорены к заключению в лагерь на срок меньше пяти лет; во многих местах даже начался пересмотр судебных приговоров в отношении несправедливо осужденных крестьян¹².

Между тем для Сталина и его клики такой порядок вещей был неприемлем. По их убеждению, бдительность могла торжествовать только там, где господствовала подозрительность. Убийство Кирова предоставило им широкие возможности для беспрепятственного удовлетворения обуревавшей их жажды убийства. И Вышинский содействовал им в том, чтобы зал судебных заседаний превратился в театр ужаса.

Моше Левин говорил о возможности одновременного сосуществования двух моделей господства, двух параллельных стратегий осуществления власти — насильственной и ненасильственной. Эту особенность он рассматривал в качестве существенной черты сталинского режима¹³. Действительно, на первый взгляд, и в дебатах в ЦК, и в ходе контролируемого властью обсуждения сталинской

Конституции мы не найдем никаких свидетельств диктата физического насилия. Тем не менее в языке и стилистике этих дискуссий отчетливо проглядывает однозначное стремление внушить всем — и коммунистам, и подданным режима — мысль о том, что их жизнь и свобода висят на волоске. Между тем, за пределами больших городов, в деревнях и на больших стройках коммунизма, террор продолжал свою разрушительную работу.

1 декабря 1934 г. Сталин приказал подготовить распоряжение, согласно которому органы НКВД получили право расстреливать и депортировать людей без решения суда. Отныне все лица, попавшие под подозрение, могли быть отправлены в лагеря на срок до пяти лет. Сталин лично подготовил директиву, лишавшую лиц, осужденных за «террористическую деятельность», права на судебную защиту и на кассационную жалобу. Военный трибунал Верховного суда должен был принимать решение по рассматриваемым делам уже в день предъявления обвинения, смертные приговоры приводились в исполнение немедленно. Чуть позднее, в апреле 1935 г., возможность вынесения смертного приговора была распространена и на несовершеннолетних детей. Ребенок, достигший двенадцатилетнего возраста, теперь мог быть расстрелян¹⁴.

Сразу же после убийства Кирова бывшие противники Сталина, Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев, были арестованы и каждый приговорен к заключению на десять лет. Спецслужбы обвиняли их в участии в убийстве Кирова. Зиновьев вплоть до 1926 г. занимал пост руководителя ленинградской партийной организации и лишился его и членства в партии в результате внутривнутрипартийной борьбы. Что же удивительного, если он хотел расквитаться за свое унижение? Подозрение переросло в картину чудовищного заговора. В партийных организациях Ленинграда и других городов стали выслеживать предполагаемых сторонников Зиновьева и Каменева, наконец, послышались призывы к исключению из партии и аресту всех троцкистов и бывших уклонистов. Действительно, сын Троцкого Седов встречался за границей с представителями антибольшевистской оппозиции, речь на этих встречах шла также и об альтернативах существующему политическому режиму. Но все происходившее на этих собраниях представляло собой не более чем обмен мнениями между маргинализованными интеллектуалами, уже не имевшими никакого влияния в партии¹⁵. Секретарь ЦК Ежов, руководивший операциями против бывших оппозиционеров, смотрел, однако, гораздо дальше. Он поставлял Генеральному секретарю, страдавшему подозрительностью, нужную тому

информацию: это были новые сообщения о деятельности врагов и шпионов, внедрившихся в узкий властный круг.

Летом 1935 г. спецслужбы арестовали 110 сотрудников административной службы Кремля. Как сообщалось в донесении, полученном Сталиным, подозреваемые намеревались схватить политических вождей Советского Союза на территории Кремля и убить; действовали они по поручению Троцкого и Зиновьева. В результате всего случившегося в немилость попал А. С. Енукидзе, друг и приближенный Сталина из Грузии, руководивший в это время кремлевской администрацией. Ежов не просто обвинил его в недостатке бдительности — по словам секретаря ЦК, Енукидзе игнорировал тревожные сигналы, посылаемые ему комендантом Кремля, и открыл перед врагами ворота в Кремль. Обвиняемый пытался оправдаться, но никто не хотел его слушать. Члены Политбюро настаивали на том, чтобы его полностью унижить. На Пленуме ЦК 6 июня 1935 г. Ежов, Каганович и Ягода потребовали строго наказать Енукидзе за халатность. По своей привычке, Сталин молчал, Енукидзе сам подверг себя критике, согласился со всеми обвинениями, выдвинутыми против него НКВД, и был исключен из партии. А. М. Ларина, вдова Бухарина, вспоминает, что Енукидзе должен был принести эту жертву, потому что слишком много знал об обстоятельствах, приведших в 1932 г. к самоубийству Надежды Аллилуевой, второй жены Сталина. Но ему сохранили жизнь, поскольку Сталину в то время еще доставляло удовольствие простирать покровительствующую длань над своими кавказскими друзьями. Смертный час для членов правящего партийного круга наступил лишь в конце 1936 г. Лидеры партии большевиков сами содействовали ее разрушению¹⁶.

Летом 1936 г. состоялся первый из трех показательных судебных процессов против видных членов коммунистической партии, в числе главных обвиняемых были Зиновьев и Каменев. В феврале 1937 г. Сталин распорядился организовать еще один процесс — против старого большевика Г. Л. Пятакова и партийных руководителей-хозяйственников. Прошло полтора года, и на скамье подсудимых оказались Н. И. Бухарин, А. И. Рыков — преемник Ленина на посту главы правительства, бывший глава НКВД Г. Г. Ягода и видные узбекские коммунисты Ф. У. Ходжаев и А. И. Икрамов. Этот третий показательный процесс, состоявшийся летом 1938 г., без всякого сомнения, стал высшей точкой в серии акций, которые выставили партию в глазах подданных режима и в глазах иностранных наблюдателей как место скопления заговорщиков и предателей.

Трудно придумать что-либо более абсурдное. Подсудимым вменяли в вину, будто они намеревались убить Сталина и членов Политбюро по заказу Троцкого, фашистского гестапо, секретных служб Польши и Великобритании. Они не только якобы систематически саботировали процесс промышленного производства — им приписали совершение аварий и диверсий на стройках, фабриках и железных дорогах. По заданию иностранных секретных служб заговорщики в национальных республиках строили планы по развалу Советского Союза и «продаже» за границу окраинных регионов страны¹⁷. Именно в силу этого виновные не могли ожидать никакой пощады. В марте 1938 г. на процессе против Бухарина, Рыкова и других обвиняемых Вышинский еще раз превзошел самого себя, призвав судей «раздавить» это «гнусное змеиное гнездо» и приговорить обвиняемых к расстрелу, «как паршивых псов». Его пламенная речь завершилась словами, что наконец-то «под руководством нашего любимого вождя и учителя, великого Сталина» удастся очистить мир от «грязи и нечистот, оставшихся от прошлого»¹⁸.

Обвиняемые были расстреляны сразу же после вынесения приговора, а их родственники арестованы или уничтожены. Лишь немногим из осужденных, в том числе Радеку, Сокольникову и Раковскому была дарована жизнь — они получили различные сроки заключения и вскоре умерли в лагере.

Какие же задачи ставили перед собой Сталин и его подручные, устраивая эти грубые инсценировки, выдавая видных большевиков и бывших соратников Ленина за шпионов иностранных разведок и наемных убийц, действующих по заданию Троцкого? Для них было важно придать свойственному им образу мыслей универсальное звучание, внедрить привычную для них риторику бдительности в язык и образ жизни как коммунистов, так и всех подданных их системы. В конечном счете воображаемые миры должны были заместить реальную действительность. В самом деле, если враги творили свои бесчинства даже в стенах Центрального комитета партии и в народных комиссариатах, то не могло быть уже никаких сомнений в их реальном существовании. Враги могли обнаружиться повсюду. Поэтому подданные советской системы и общественное мнение европейских стран должны были еще раз убедиться в том, какой опасности подвергается Советский Союз. Только учитывая это, мы сможем понять рвение, с которым Сталин и его приспешники готовили судебные сценарии. Сталин сам контролировал ход процессов, давая указания, как следует обращаться с арестованными и как вести слушания дел. Наконец, он

многократно переписывал сценарии этих слушаний и приказывал привозить испытуемых в свой рабочий кабинет в Кремле, где им предъявляли показания, выбитые у них силой, и устраивали очные ставки со «свидетелями» их преступлений. К примеру, в августе 1936 г. Сталин решил отменить принятое ранее решение об аресте Радека и взамен предоставил тому возможность опубликовать в «Известиях» статью против Троцкого¹⁹.

Зрелище, развернувшееся перед зрителями на московских показательных процессах, представляло собой спектакль с участием актеров, чьи роли были заранее распределены. Иностранцам наблюдателям казалось иногда, что стороны обвинения и защиты сговорились между собой. Председатель суда, ничем не примечательный военный юрист В. В. Ульрих, играл в этой драме роль статиста. Никто не отходил от подготовленного текста, если не считать бывшего секретаря ЦК и советского посла в Берлине Н. Н. Крестинского, который отказался от своих показаний, данных на предварительном следствии по делу Бухарина. Тех, кто не хотел сознаваться, чекисты знакомили со свидетельскими показаниями, выбитыми у их друзей или сотрудников, или подвергали пыткам. Сталин давал личные указания об избииении упрямых. В частности, такая судьба постигла Крестинского, осмелившегося нарушить сценарий. Арестованных ожидали не только избииения, лишение сна и прочие виды пыток, — чекисты брали в заложники родственников своих жертв и этим добивались нужных признаний²⁰.

Мы едва ли сможем понять смысл всего происходившего, не поняв представления, которые укоренились в сознании большевиков. Как оказалось, в зале судебных заседаний обвиняемые вновь практиковали ритуал подчинения, который усвоили на пленарных заседаниях ЦК еще в начале 1930-х гг. Принадлежа в прошлом к кругу избранных, будучи солдатами революции, они выполняли перед партией свой последний долг — брали на себя ответственность за то, что совершили другие. Ведь и сами подсудимые не выражали сомнения в реальном существовании врагов, угрожающих социалистическому строю. Когда старые большевики признавались во всем, чего требовало от них партийное руководство, они тем самым всего лишь восстанавливали порядок, которому отдали всю свою жизнь. В частности, Карл Радек еще до того, как его арестовали и предъявили обвинение, писал истерические письма на имя великого вождя. Чтобы избежать подозрений, он выражал готовность написать доносы на Бухарина, Рыкова и генералов Советской армии. Накануне своего ареста Пятаков,

бывший приверженец Троцкого и заместитель Орджоникидзе на посту наркома тяжелой промышленности, предложил себя Сталину в качестве палача. Чтобы доказать вождю свою лояльность, он вызвался сам расстрелять осужденных на первом показательном процессе, в том числе и свою супругу. Теоретик партии и ее «любимец» Бухарин, когда над ним нависла угроза впасть в немилость, разродился истерическими признаниями. Он отрицал свою принадлежность к шпионам и предателям, но согласился, что допускал ошибки. На Пленуме ЦК, проходившем в декабре 1936 г., Бухарин отвергал все упреки в том, что он совместно с Зиновьевым, Пятаковым и другими ведущими большевиками замыслил террористические акты против руководителей партии. Тем не менее он фактически подтвердил существование заговора, когда закричал, обращаясь к членам ЦК, что у него никогда не было ничего общего с этими «саботажниками» и «подонками»²¹.

20 февраля 1937 г., непосредственно перед началом Пленума ЦК, где решался вопрос о его аресте, Бухарин обратился с письмом к Сталину, который некогда был его другом и соратником. Он сожалел о том, что допустил промах, когда в конце 1920-х гг. выступил против генеральной линии партии. Он согрешил и в отношении самого Сталина, не «поняв» объективной истинности сталинской позиции: «Но я убежден, что, если бы даже в то время я оказался там, где тебе угрожала бы опасность, я всем телом закрыл бы тебя». Как утверждал Бухарин, за последние годы он уже ни разу не отступал от генеральной линии партии. Он каялся в своих ошибках и признавался: «Я и сейчас действительно от всего сердца тебя люблю». Самоуничтожение Бухарина не знало границ — свойственная Сталину подозрительность теперь представлялась ему проявлением «мудрости» вождя и его непостижимой предусмотрительности. Он утверждал, что придет новое, еще более великое время и Сталин является живым его воплощением, выступает в виде «мирового духа» (Weltgeist), о котором когда-то говорил Гегель²². Но, как видно, эти знаки преклонения уже не производили на Сталина никакого впечатления. Во время пленарного заседания ЦК в конце февраля 1937 г. Бухарин и Рыков были арестованы, хотя и здесь они отступили от заранее заготовленного официального протокола и отвергли все обвинения, которые предъявляли им Ежов и его охранка.

Сталин колебался. Он выжидал до самого конца 1937 г., пока не принял решение устроить суд над видными большевиками. Ведь пока Бухарин и Рыков оставались в живых, у остальных членов ЦК и Политбюро могло создаться впечатление, будто Сталин

простил их и использует в своей борьбе против правящей элиты²³. И даже теперь, в декабре 1937 г., Сталин еще окончательно не определил судьбу Бухарина. Подобно тому как в свое время он пообещал оставить в живых Зиновьева и Каменева, если они публично признаются в совершенном, так и теперь он оставлял Бухарина в неведении относительно его будущего. В декабре 1937 г. «любимец партии» пишет из камеры свое последнее письмо к диктатору. В нем он повторяет все, что говорил раньше на Пленуме ЦК, и опровергает все выдвинутые против него обвинения. Однако он признает, что «масштабные идеи» и «великие интересы» могут сводить на нет частные потребности отдельных людей. Поэтому Сталин, на плечи которого легло решение стоящих перед страной «всемирно-исторических задач», вынужден идти на человеческие жертвы. Личный же долг самого Бухарина заключается теперь в том, чтобы представлять в своем лице образ врага, который встал на историческом пути человечества. И у него нет иного выбора, кроме как признаться в совершении того преступления, которое нынче ставят ему в вину. В противном случае может сложиться впечатление, что он не хочет склониться перед волей партии и безоговорочно согласиться с ее решением. Вместе с тем Бухарин хотел смягчить свою участь, он не отказался от надежды, что Сталин спасет ему жизнь, — тот мог, например, выслать его в США, где Бухарин согласен был жить под присмотром чекистов. Он обещал организовать там публичную кампанию популяризации состоявшихся в Москве показательных судебных процессов и вести уничтожающую критику Троцкого. Все это время его жена могла бы оставаться в Советском Союзе в качестве заложницы. Далее Бухарин пишет: «Но если у тебя остается даже тень сомнения, в том, что я пишу, то сошли меня в какой-нибудь лагерь на Печору или в Колыму, пусть даже на 25 лет. Я могу организовать там университет, музей местной культуры, технические станции и т.д., институты, картинную галерею, этнографический музей, музеи зоологии и ботаники, лагерную газету и журнал»²⁴. Картинные галереи в Гулаге — столь абсурдная идея красноречиво характеризует стиль мышления человека, не имеющего уже никакого представления о жизненных реалиях сталинского режима.

Такие большевики, как Зиновьев и Каменев, были фанатиками, живущими среди заговоров и вражеских козней. Мир, в котором жил Сталин, был также и их миром. Все, что им пришлось пережить, они рассматривали как составную часть большевистского ритуала единения и подчинения, для совершенствования

которого они и сами прилагали немалые усилия. Эти большевики не могли отвергать для себя то, чего сами постоянно требовали от других. В ходе показательных процессов партийные лидеры продемонстрировали общественности весь спектр большевистских ритуалов, практиковавшихся в ЦК²⁵.

В атмосфере подозрительности возникали все новые теории заговора, внедряемые в общество изобретательными сотрудниками НКВД и их осведомителями в угоду кремлевскому тирану. Эти теории отвечали интересам Сталина. 23 августа 1936 г., когда были оглашены приговоры по делу Каменева и Зиновьева, Н. М. Лукина, первая жена Бухарина, написала письмо Сталину. Она сообщила ему, что еще в декабре 1934 г., на похоронах Кирова на Красной площади, заметила, как «это отвратительное чудовище» Каменев беседовал с руководителем грузинских коммунистов Буду Мдивани. По ее словам, во время разговора с ним Каменев улыбался «с нескрываемым злорадством», будто хотел показать, что рад смерти Кирова. Она не видела лица Мдивани, поэтому ничего не может сказать о его реакции. Но разве мог Каменев в этот момент улыбаться Мдивани, если бы не признавал в нем своего союзника? Она, Надежда Лукина, была свидетелем этой сцены и не может молчать: «Одним словом, я не могла не написать Вам»²⁶. Чуть позже Сталин отдал распоряжение арестовать и Мдивани²⁷. Все, что хотели донести до Сталина авторы тысяч писем, телеграмм и составители тайных досье, было не чем иным, как свидетельством существования огромного заговора, идею которого он сам повседневно разрабатывал.

Верил ли сам Сталин в реальность заговоров, придуманных для него Ежовым и Вышинским, остается под вопросом. Однако и в кругу приближенных лиц он говорил о врагах и заговорах с такой же убежденностью, как и в своих публичных выступлениях, хотя в кругу своих помощников и послушных исполнителей у него не было никакой необходимости оправдываться. Возможно, уже в 1936 г. инсценированные заговоры превратились для Сталина в реальность, с которой он больше не мог расстаться. Сразу после расстрела Каменева он пишет письмо Кагановичу, в котором оправдывает физическое устранение бывших оппозиционеров, рассматривая эти действия как превентивную меру. По его словам, Каменев через свою жену устанавливал контакты с французским послом. «Я думаю, что Каменев искал выходы также и через английского, немецкого и американского послов. Это значит, что он собирался открыть этим иностранцам планы заговора и убийства вождей ВКП(б). Это означает также, что Каменев уже

открыл им эти планы, иначе иностранцы не начинали бы говорить с ним о будущем зиновьевско-троцкистском «правительстве»²⁸.

Сталин, как и его подручные, был палачом по убеждению. Об этом свидетельствуют приказы об уничтожении 1937 и 1938 гг., жертвами которых стали многие сотни тысяч людей и которые привели Советский Союз на край пропасти. Убедительным свидетельством обуревающей Сталина мании преследования стал его разговор с американским послом в 1946 г., где он объяснял, почему Советский Союз продолжает держать под своим контролем северную часть Ирана: нефтяные промыслы Баку находятся слишком близко к советско-иранской границе и потому «легко уязвимы». Глава секретной службы Берия заверил его, что «что любой саботажник — будь то даже один человек с коробкой спичек в руке — в любую минуту может нанести серьезный ущерб» бакинским нефтяным промыслам²⁹. Интересно, что даже спустя 50 лет после описанных событий Каганович не видел оснований отказываться от этой, унаследованной от прошлого, теории заговора. Для него Сталин все еще оставался «великим стратегом», чувствовавшим опасность, исходящую от предателей из круга партийного руководства, занимающихся «подпольной работой и конспирацией». Каганович признал, что эти люди, «может, и не были шпионами, но могли пойти на соглашения против народа»³⁰.

Террор не был порождением сознания диктатора, он стал результатом стремления большевиков очистить общество от врагов и придать амбивалентным социальным отношениям желаемую однозначность. Но именно из-за болезненной недоверчивости Сталина, обуревавшей его мании преследования и атмосферы подозрительности, господствующей при дворе тирана, этот террор обрел невиданные масштабы и в 1937 г. вышел далеко за границы партийных кругов.

Партийная чистка

Показательные судебные процессы в Москве были драматическими представлениями, которые должны были продемонстрировать населению страны и международной общественности, каким руководящие круги партии видят мир и свою роль в нем. Однако эти инсценировки представляли собой лишь видимую сторону террора. Сам террор стал результатом чисток, проводимых внутри партии в начале 1930-х гг., и убежденности Сталина и его сообщников в том, что вассальные отношения феодального типа и система патронажа, которые связывали центр империи с ее про-

винциями, перестали быть эффективным инструментом централизованного воздействия на жизнь окраин.

«Чистка» первоначально представляла собой процедуру, с помощью которой коммунистическая партия освобождалась от ненадежных элементов внутри нее самой — от карьеристов, подозрительных и политически незрелых личностей. Подобные методы работы стали практиковаться с 1921 г. как способ ненасильственного воздействия на членов партии, результатом которого было исключение соответствующей персоны из партийных рядов без ее физического устранения. Однако, когда в 1930-е гг. яд подозрительности стал разъедать партию изнутри, процедура чистки существенно мутировала, превратившись в «охоту на ведьм». Ощущение, будто партия со всех сторон окружена врагами и саботажниками, возникло не в последнюю очередь в результате изменений, которые произошли в самой партии. За годы первой пятилетки, с 1929 по 1933 г., число членов партии выросло с 1,5 до 3,5 млн чел. Более половины секретарей заводских партийных организаций, занимающих эту должность в 1933 г., вступили в партию уже после 1929 г. Партия профессиональных революционеров превратилась в организацию, членами которой были необразованные рабочие, крестьяне и представители кочевых народов³¹. В силу этого партийное руководство имело уже весьма слабое представление о тех мужчинах и женщинах, выходцах из народа, которые массами заполняли орден избранных. И только чистки 1929–1933 гг., целью которых было лишить бывших оппозиционеров их влияния и свести к минимуму крестьянскую составляющую в партии, показали партийному руководству, что его властные амбиции во многом иллюзорны. Оно не в состоянии было контролировать даже процедуру приема в партию. Приход рабочих и крестьян, наводнивших партию в годы Великого перелома, привел не только к пролетаризации партийного аппарата, но и к его традиционализации. В него проникли не только карьеристы, использовавшие свое членство в партии в корыстных целях, — партия превратилась в собрание неграмотных, склонных к пьянству и недалеких в политике людей. Поскольку членство в партии предоставляло определенные привилегии и защиту от уголовного преследования, а слово «коммунист» звучало как почетное звание, партия, как магнит, стала притягивать к себе также и социально табуированные слои населения. Кулаки, бежавшие из деревень в годы коллективизации и укрывающиеся в городах и на больших стройках коммунизма, среднеазиатские и кавказские беи, главы кланов и муллы, добывшие себе поддельные паспорта

и новые удостоверения личности, — все они нашли в рядах партии защиту от преследования. На Кавказе же и в Средней Азии идея создания большевистской партии и без того представляла собой химерический проект — партия превратилась здесь в объект господства больших семей и кланов, и это случилось еще до того, как новые члены партии подчинили ее своим интересам. Вопрос о высших целях социализма нисколько не интересовал коммунистов нового толка ни в центральной части России, ни на азиатской периферии. Выяснилось, что некоторые члены партии противятся коллективизации сельского хозяйства, поскольку не хотят становиться врагами для своих подданных. В Смоленской области один из членов партии в ответ на вопрос комиссии по партийной чистке о смысле и целях коллективизации ответил: «Колхозы — это штрафные батальоны, в которые отправляют людей для самокритики». Лишь немногие коммунисты в целом осознали, что членство в партии и внутренняя приверженность ее целям тесно связаны между собой. На заводах члены партии протестовали против ударной работы, обязательного выполнения норм и строгой рабочей дисциплины. Коммунисты принимали участие в религиозных праздниках, посещали церковные службы, крестили детей и напивались не только на Пасху, но и в годовщину Октябрьской революции. Как жаловалась комиссия по партийной чистке, на некоторых предприятиях Смоленска до 30 % рабочих пребывали в состоянии «постоянного опьянения».

Мало кто из коммунистов был способен ответить, какие цели в действительности стоят перед руководством партии. В городе Баку, промышленном центре Каспийского региона, даже партийные агитаторы, которые должны были учить рядовых партийцев азбуке коммунизма, не имели представления о том, что говорится о содержании марксистской идеологии в партийных учебниках. Инспекторов ЦК партии возмутила сцена, которую им пришлось наблюдать, когда на их глазах партийный агитатор сам по слогам читал строки из учебника, — он производил впечатление неграмотного человека, столь же мало осведомленного об истории партии, как и слушавшие его рабочие. Дело доходило до комических ситуаций, когда члены Центральной контрольной комиссии стали задавать слушателям свои вопросы, — по мнению бакинских коммунистов, выражение «правый уклон» можно было переводить как «крупный инженер». В других регионах члены партии были убеждены, что коммунизм наступит в 1942 г., поскольку именно в этот год истек срок действия их партийного билета.

Партийное руководство могло полагаться на своих партийных секретарей, на председателей Советов и колхозов не больше, чем на рядовых членов партии. Необразованные, продажные, деспотичные — вот какими жесткими словами могла бы охарактеризовать Центральная контрольная комиссия многих коммунистических чиновников. На азиатских окраинах империи ключевые должности в партийных комитетах и в государственном аппарате заняли главы влиятельных семейств; они не допускали туда притязавших на власть конкурентов из других семейств и кланов. Коммунисты такого рода не имели никакого представления ни о правом, ни о левом «уклонах». Они даже не знали, ради достижения какой цели была организована партия, к которой они принадлежали³². В общем, партия не только состояла из невежд — ею и руководили невежды.

В результате чистки 1933 г. более 18 % коммунистов лишились партбилетов, другие успели покинуть партию еще до того, как были исключены из нее. В то же время нельзя сказать, что партийные вожди с помощью этой чистки добились значительного успеха. К концу 1935 г. в некоторых регионах чистки все еще продолжались, а в других даже и не начинались.

Партийные чистки не разрешили проблем, вставших перед партией, они только обнажили их. Перед глазами руководителей предстала партия, состоящая из карьеристов, политических невежд и традиционалистов, живших еще привычками прошлого века, из троцкистов, бывших оппозиционеров и представителей дореволюционной элиты. На фоне хаоса, господствующего в городах и на больших стройках, ужасов голода и массового бегства крестьян из деревни в партийном руководстве разразилась истерика. Для Сталина и членов Политбюро на карту было поставлено само существование социалистического строя. Поэтому в начале 1935 г. местные партийные комитеты по указанию Сталина провели перепроверку партийных документов. В их задачу входило выявить бывших оппозиционеров, саботажников и шпионов и исключить их из партии. Перепроверка лишней раз подтвердила подозрения Политбюро: партийные билеты не только подделывались — их можно было приобрести на рынке и получить за взятку. В картотеках многих партийных комитетов числились «мертвые» души, а в Узбекистане партбилеты выдавались колхозницам в качестве премии³³. В конце декабря 1935 г. Ежов доложил ЦК о результатах проведенных чисток: 33 % коммунистов, исключенных из партии с начала июля 1935 г., были, по его словам, шпионами, белогвардейцами и троцкистами, в целом же их число превысило

43 000 чел. Ежов придумал операции по чистке исключительное политическое значение и драматически описал опасности, грозившие отныне руководству партии. По его словам, во всех партийных организациях было разоблачено множество «злостных врагов». Л. П. Берия, секретарь Закавказского обкома партии, тотчас поспешил заверить Сталина, что в подведомственном ему регионе органами НКВД было арестовано более тысячи «врагов» сразу же после их исключения из партии³⁴.

И в этой ситуации Сталин не видел иного пути, кроме продолжения перепроверок и усиления контроля над нижестоящими партийными структурами. В 1936 г. он распорядился собрать все партийные билеты, чтобы заново их проверить и заменить на новые. Чистки вновь показали, что провинциальные власти игнорируют решения центра. От центра не укрылось и то, что секретари местных партийных организаций пользуются чистками прежде всего с целью вытеснить своих противников и сохранить места в партии для людей из своей свиты. Если друзья и клиенты того или иного партийного секретаря вынуждены были покидать ряды партии, после завершения чистки их принимали обратно³⁵.

Советский Союз сталинских времен представлял собой феодальное государство, основанное на личных связях и управляемое могущественными кланами. Провинциальные вельможи являлись вассалами Сталина, которые, при условии повиновения своему хозяину, получали право создавать вокруг себя сеть собственных феодальных связей. В свою очередь, Сталин был заинтересован в том, чтобы все, кто удостоился его доверия, могли заполнять локальные партийные структуры людьми из своего окружения. Только таким путем установки центрального руководства могли обрести вес на местах. В этих условиях советские провинции превращались в малые феодальные владения. Во главе такого владения, как правило, находился вассал Сталина, а места в партийном аппарате, в органах государственного управления, юстиции и НКВД занимали его друзья и родственники. Они проявляли лояльность прежде всего по отношению к своему патрону, которому служили, а не к законам и распоряжениям Советского государства. Эта система в полной мере отвечала сталинскому стилю руководства, поскольку везде, куда простиралось его влияние, диктатор предпочитал феодальный принцип управления всем остальным.

Система патронажа препятствовала вмешательству центрального руководства в экономическую жизнь провинции, блокировала выполнение разработанных в Москве плановых заданий и

защищала местных хозяйственных руководителей и государственных чиновников от карающей руки центра³⁶. На официальном уровне все выглядело так, будто местные партийные комитеты являются законопослушными исполнителями воли Москвы, из последних сил старающимися исполнить любое указание ЦК. Это проявлялось прежде всего в языке и воинственных ритуалах, характерных для публичных выступлений партийных лидеров. Однако за риторикой насилия, призывами к разоблачению и уничтожению врагов скрывалось непреодолимое противоречие интересов между московским центром и областными партийными комитетами: в то время как центр настаивал на достижении утопических плановых показателей, провинциальные исполнители плановых заданий старались избежать этого всеми доступными им способами. Руководители местных партийных организаций были заинтересованы прежде всего в том, чтобы снизить плановые задания и нейтрализовать террористические приказы, исходящие от диктатора. Обойтись без насильственных методов было невозможно, но местные партийные комитеты могли применять их против своих противников, чужаков и аутсайдеров.

В результате всего этого сложилась система взаимозависимости и взаимных обязательств, буквально приковывающая местных функционеров друг к другу. В Смоленске члены «свиты», окружавшей областного партийного руководителя, получали от него деньги в подарок, наделялись различными привилегиями и приглашались на пышные застолья. По свидетельству очевидцев, И. П. Румянцев, партийный руководитель Западной области, собирал в выходные дни и во время многочисленных праздников людей из своего окружения в одном из домов отдыха под Смоленском, где угощал их «коньяком, шампанским, водкой, дорогими сладостями, фруктами и отборными продуктами». До самого рассвета друзья по партии вместе со своими женами и подругами предавались азартным играм и напивались до потери сознания. В результате «дом отдыха превратился в дом для организации пьяных оргий». Во время этих сборищ партийные секретари и советские чиновники произносили тосты в честь Румянцева и соревновались между собой в «подхалимстве». Так утверждали их шоферы и обслуживающий персонал, давая показания работникам «органов» после ареста Румянцева в июне 1937 г.³⁷

В своем отношении к центру местные системы вассальной взаимозависимости выступали сомкнутым фронтом, не допускавшим в своих рядах никакого разногласия. Это внешнее единство

достигалось благодаря монопольному контролю местных руководителей над каналами информации, связывающими их с центром. Как только отдельные функционеры из состава провинциального партийного аппарата пытались нарушить правила игры, пожаловаться в Москву или представить Политбюро негативные сведения, местная элита применяла против них меры насильственного воздействия: их лишали занимаемых должностей, клеймили как врагов народа и отдавали органам НКВД распоряжения об их аресте. А чтобы у Политбюро в Москве не возникало никаких подозрений, местные фарсы представлялись как элемент борьбы против шпионов и саботажников, которую вели Сталин и его окружение.

Кампания травли шпионов и саботажников, развернувшаяся со второй половины 1936 г., несомненно, стала возможной лишь потому, что и провинциальные чиновники не сомневались в существовании «врагов народа», правда, они не искали их в своих рядах. Когда заводы не выполняли плановые показатели, их директора и партийные секретари искали виноватых не в собственных ведомствах, а среди поставщиков продукции или на транспортных предприятиях. Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома Р. И. Эйхе самолично ездил на такие предприятия, приказывая арестовывать и расстреливать функционеров и государственных служащих, которых он считал «вредителями». Но о таких мерах руководство партии не хотело ничего знать. В конце 1936 г. Свердловский обком в первый раз попал в поле зрения центральных органов партии: Центральная контрольная комиссия посчитала недопустимым арестовывать и карать на показательных процессах чиновников даже за малейшее нарушение³⁸.

С началом партийных чисток возник конфликт между интересами Сталина и его вассалов из провинции, ибо после каждого разоблачения троцкистов, шпионов и саботажников местные правители теряли своих клиентов, на которых была основана их власть. Поэтому они прилагали все усилия, чтобы воспрепятствовать такого рода саморазрушению партийного аппарата. А поскольку местные органы НКВД сами входили в состав существовавших в провинции властных структур, то в этом случае московское руководство не могло полагаться даже на органы безопасности. Таким образом, жертвами насилия становились клановые структуры «конкурентов». Сталин видел, что в провинции террор принимает формы, не соответствующие установкам центра. Этот террор воспроизводил свойственные диктатору насильственные методы управления, но зато противоречил его интересам. Феодализация

властных отношений, которая первоначально давала Сталину определенные преимущества, в условиях экономического кризиса и усиливающегося сопротивления провинций вмешательству центра воспринималась им как знак опасности.

Угроза, которая, по мнению Сталина, исходила от структур власти в провинциях, в значительной мере выражалась в символических формах репрезентации власти. Особенно тревожило Сталина то, что провинциальные вассалы воспроизводили не только присущий диктатору стиль управления, опирающийся на насилие, но еще и копировали на своем уровне сопровождающий его культ личности. Руководители местных партийных организаций называли своими именами города, заводы и колхозы, увековечивали память о себе в многочисленных портретах и стихах, окружали себя раболепствующими льстецами, поющими славу своим вождям. По некоторым данным, в Смоленской области 134 колхозам было присвоено имя главы областной партийной организации Румянцева. Самого Румянцева в подведомственной ему Западной области окружали почестями на уровне Сталина. Этот местный бонза содержал за свой счет «Салон-Помпадур», куда приводил своих любовниц, одну из лож недавно построенного в Смоленске театра он велел соединить подземным переходом со своей канцелярией. Посещение им окрестных деревень превращалось в торжественную процессию: Румянцев со своей свитой объезжал их в открытой машине и бросал голодным крестьянам медные гроши. Но не один только Румянцев уподоблялся в эти годы Сталину³⁹. Л. П. Берия, первый секретарь Закавказского крайкома партии, почитался как создатель нефтяной промышленности; партийные боссы в других советских республиках, создавая свои, гротескные формы культа личности, уже не знали никаких границ. Л. И. Мирзоян, руководитель партийной организации Казахстана и человек из свиты Сталина, велел переименовать главную вершину Памира в «Пик Мирзояна», окружил себя армянскими и азербайджанскими коммунистами из своего родного города Баку, которые пели хвалебные песни во славу своего вождя и отбивали все атаки центра на местные партийные организации.

Практика пренебрежения центральными директивами партии была воспринята в Политбюро как свидетельство непокорности и саботажа. При появлении хоть тени подозрения Сталин приказывал отыскивать и уничтожать врагов. Он настаивал на том, чтобы местные партийные и государственные органы изгоняли из своей среды «настоящих» врагов и не испытывали страха перед своим возможным саморазрушением. Эффективным мог быть только

такой террор, который не делал исключения для людей, близких к руководству. Поскольку члены ЦК и Политбюро были убеждены в существовании заговоров в той же мере, что и Сталин, а также ввиду того, что сами они были главами могущественных систем вассальной зависимости, то в конечном счете и партийные функционеры оказались неспособны отклонить от себя подозрение в связях с врагами⁴⁰. В результате партийные чистки переросли в кровавый террор.

Летом 1936 г., во время показательных судебных процессов против Зиновьева и Каменева, когда шпиономания достигла своего пика, провинциальные владыки не смогли устоять перед давлением, оказываемым на них из центра. Сталин начал с того, что привел к покорности НКВД, поскольку в его представлении службы безопасности утратили свою способность вылавливать «шпионов» и «саботажников»⁴¹, укрывающихся в провинциальных партийных и государственных органах. Главы НКВД в провинции были частью местных структур власти: они лишь выполняли распоряжения, которые им отдавали последние. Поэтому и на НКВД упала тень подозрения в том, что он стал очагом измены и предательства. Впервые это стало очевидным после убийства Кирова, когда НКВД не поторопился исполнить требование Сталина провести кровавые репрессии внутри партии. Когда глава НКВД Г. Г. Ягода выразил сомнение в реальности теории заговора, созданной в Секретариате ЦК, Сталин пригрозил: «Смотри, а то и ты получишь по морде!»⁴² По окончании первого показательного процесса в Москве в августе 1936 г. Ягода стал терять прежнее влияние. В сентябре того же года Сталин послал членам Политбюро телеграмму с места своего отдыха с требованием сместить Ягodu с занимаемого поста, поскольку тот показал себя неспособным разоблачить врагов-троцкистов, проникших в партию. По его словам, в этом деле органы безопасности «опоздали на четыре года»⁴³.

Преемником Ягоды был назначен Н. И. Ежов, приспешник Сталина из Секретариата ЦК. Ежов сослужил Сталину верную службу в качестве организатора партийных чисток и представителя ЦК в НКВД. Он представлял собой тип жестокого и беззастенчивого исполнителя бесчеловечных приказов, в котором криминальная энергия сочеталась с рабской преданностью Сталину. Тем не менее назначение Ежова первоначально было воспринято работниками аппарата как свидетельство некоторой разрядки. Новый глава НКВД вышел из Секретариата ЦК и даже после своего назначения оставался членом этого руководящего органа пар-

тии. Казалось, что при Ежове сотрудники органов безопасности превратятся в истинных борцов по убеждению (*Weltanschauungskrieger*). В действительности же под его руководством НКВД стал инструментом в руках Секретариата ЦК и самого Сталина. Ежов наводнил органы НКВД функционерами из аппарата ЦК и доверенными ему людьми, сторонники же Ягоды были лишены своих мест и весной 1937 г. арестованы как враги народа. Результаты замены персонала НКВД сказались и в провинции: отныне главы местных партийных организаций потеряли всякое влияние на НКВД и на проводимую властью репрессивную практику. С этого момента уже центр решал, кого следует арестовать, а кого пощадить⁴⁴. Ежов обеспечивал Сталина тем, что тот от него требовал, — сценариями заговоров, донесениями о шпионах и саботажниках, которые, как утверждалось, делали свое черное дело в партийных и государственных органах. Сталин эмансипировал себя от своих приспешников, разорвал тонкую сеть феодальных отношений зависимости. Это случилось после того, как он в начале 1937 г. принял решение о физическом уничтожении провинциальных партийных вождей и их вассалов.

На Пленуме ЦК, состоявшемся в конце февраля — начале марта 1937 г., Сталин дал сигнал к началу оргии насилия, которая продолжалась до ноября месяца следующего, 1938 г. Маленков, Молотов, Каганович и Ежов заговорили об иностранных шпионах и «вредителях», проникших в сердце партии и осуществляющих саботаж в советской промышленности. Они призвали членов ЦК свести последние счеты с врагами народа. В своей заключительной речи на Пленуме сам Сталин обозначил перспективы дальнейшего развития событий. Он подчеркнул, что республиканские партийные руководители не просто отказались выявлять и разоблачать врагов, — они способствовали формированию недопустимого культа своих персон и связали себя сетью приятельских отношений со своими подчиненными, они пренебрегали директивами центра и спасали врагов народа от ликвидации. Для устранения этих нарушений остается одно неизбежное средство: необходимо, чтобы каждый секретарь партийной организации мог назвать двух своих заместителей, способных в случае необходимости занять его место. Процедура замещения должна быть санкционирована сверху. Как заметил Сталин, «неотъемлемым качеством каждого большевика является в нынешних условиях способность выявлять врагов партии, как бы хорошо они ни маскировались»⁴⁵.

Сразу по завершении февральско-мартовского Пленума ЦК Сталин и Ежов запустили машину террора. Весной 1937 г. дикта-

тор продемонстрировал, как он представляет себе разрушение сети личных связей в провинции — он вынудил партийного руководителя Западной области И. П. Румянцева согласиться на арест его заместителя, второго секретаря партийной организации А. Л. Шильмана. Но даже после этого Румянцев не хотел понять, какой услуги добивалось от него руководство партии, потому что отвергал выдвинутые в адрес его заместителя обвинения в том, что тот является агентом иностранных государств и врагом народа — троцкистом. Только под давлением центра Шильман в конце концов был выведен из состава бюро обкома. Сразу же после ареста его заместителя начала закатываться звезда самого Румянцева. Каганович, которого Сталин послал в Западный край, чтобы тот способствовал ужесточению репрессивных мер, проводимых органами безопасности, открыл здесь чудовищный заговор. Он утверждал, что Румянцев установил связи с тайными службами Польши и Германии, а после своего возвращения из заграничной поездки открыто хвалил «иностранные порядки», имея в виду прежде всего национал-социалистическую Германию. По словам Кагановича, частым гостем в доме Румянцева был комендант Западного военного округа генерал И. П. Уборевич: хозяин и гость развлекались «карточной игрой и бильярдом» и при этом разрабатывали коварные планы. Так, по крайней мере, казалось Кагановичу, и он немедленно сообщил Сталину о своем открытии. В июне 1937 г. Румянцев и его приближенные были арестованы, а чуть позже Сталин приказал их уничтожить. Новый партийный руководитель был прислан из Москвы — это был Д. С. Коротченков, который до этого занимал должность секретаря московского Бауманского райкома. Но и Коротченков не смог обойтись без аппаратчиков из своего московского круга, которых он позже вызвал в Смоленск с одобрения Кагановича⁴⁶. В это же время попали в немилость партийные руководители из Узбекистана и с Урала — А. И. Икрамов и И. Д. Кабаков.

Были и свои исключения, например, руководитель компартии Белоруссии Н. Ф. Гикало и второй секретарь компартии Украины П. П. Постышев были в 1937 г. смещены со своих постов, но занимали руководящие места в других регионах, пока в 1938 г. Сталин не приказал их расстрелять. В свою очередь, руководитель компартии Украины С. В. Косиор, входивший в состав Политбюро, оставался на своем посту до конца 1938 г., пока его не постигла та же участь.

Весной 1937 г. в поле зрения политического руководства попала и армия. Ведь армейские офицеры не только состояли в тесном

контакте с партийными функционерами, осуществлявшими политическую власть в их военных округах, — ко всему прочему, они несли ответственность за обороноспособность страны, руководство которой чувствовало, что ему угрожают внутренние и внешние враги. Поэтому военные с самого начала находились под усиленным контролем со стороны органов безопасности, которые еще в 1920-е гг. создали в Красной армии густую сеть наблюдения. В 1928–1931 гг. большевистский режим уволил многих офицеров с занимаемых должностей, поставив им в вину участие в Белом движении в годы гражданской войны. Но и этого оказалось мало — весной 1931 г. ОГПУ приказало расстрелять одного дивизионного командира, отмеченного многими наградами, заподозрив его в том, что он шпионит в пользу чехословацкого генерального штаба. В том же году органы безопасности раскрыли «контрреволюционную организацию» на Черноморском флоте: все арестованные служили ранее царскими морскими офицерами. В это время под подозрение в нелояльности впервые попали легендарный герой гражданской войны генерал М. Н. Тухачевский, а также многие другие военные, выразившие сомнение в необходимости насильственной коллективизации.

Не одни только крестьяне выражали свое недовольство началом коллективизации — в армии это проявилось в неповиновении приказам и пассивном сопротивлении. Да и как могло быть иначе, если она по большей части состояла из крестьян? Известно, что там, где в процессе коллективизации режим вынужден был прибегать к крайним формам насилия, он больше полагался на верные ему подразделения ОГПУ.

В 1932 г. из армии были удалены 3 899 «социально чуждых элементов», а в 1933 г. их было уже 22 308. В 1936 г. на фоне показательных процессов и партийных чисток под подозрение Сталина попали генералы Красной армии. Он начал с того, что подверг репрессиям оставшихся в живых офицеров царской армии и приказал расстрелять многих высокопоставленных офицеров, имеющих заслуги еще со времен гражданской войны. Политбюро ставило им в вину то, что они состояли в союзе с теми деятелями прежней оппозиции, которые подверглись осуждению на московских процессах⁴⁷. Но когда в марте 1937 г. на Пленуме ЦК Сталин призвал присутствующих окончательно искоренить внутреннего врага, это означало, что и для командования Красной армии пробил последний час. В середине мая 1937 г. К. Е. Ворошилов, сталинский военный нарком, доложил руководящим работникам своего наркомата, что он думает по поводу тех угроз, о которых ра-

нее говорил Сталин: пять шестых территории Земли находятся в руках враждебных капиталистов, которые только и ждут, как бы им уничтожить Советский Союз. Поэтому он тоже «глубочайшим образом» убежден в том, что грандиозные пожары, происходившие на Дальнем Востоке возле мест расположения частей Красной армии, не могли возникнуть «ни с того ни с сего» или «внезапным образом» — здесь виден почерк врага. Он сам лично послал по телеграфу распоряжения соответствующим службам, чтобы они отыскиали «вредителей». В связи с этим через некоторое время были арестованы командир дивизии и майор одной из частей. Враг не только разлагал партию изнутри, он вытворял свои бесчинства везде, где на кон были поставлены интересы безопасности режима⁴⁸.

Сигнал, поданный Ворошиловым, вызвал волну арестов в Красной армии. Да и трудно было ожидать чего-либо иного в армии, генералы и полковники которой могли похвастаться полным взаимопониманием с руководителями местных партийных организаций⁴⁹. Тесная связь, установившаяся между военачальниками и провинциальными секретарями партии, всегда давала о себе знать, когда необходимо было противостоять вмешательству центральной власти. Когда руководители партии и правительства Украины С. В. Косиор и В. Я. Чубарь в начале 1930-х гг. осмелились выступить против немислимых квот на поставку хлеба, утвержденных центром, и подвергли открытой критике беспощадный курс Сталина на коллективизацию крестьян, они получили поддержку со стороны И. Э. Якира и Ф. Ф. Раскольникова, командиров частей Красной армии и Черноморского флота, расположенных на Украине. Во время кампании за коллективизацию Якир даже публично высказался против использования вооруженных сил для подавления крестьян. А всякое проявление верности не его собственной персоне воспринималось Сталиным как предательство. В 1937 г. ему представилась возможность покарать подобное предательство: в мае этого года Ежов выступил с разоблачением заговора глав военных ведомств против политического руководства страны, организованного по заданию германских секретных служб. Заместитель Ежова М. П. Фриновский дал указание заместителю начальника Московского областного управления НКВД А. П. Радзивилловскому подвергнуть пыткам арестованных к тому времени офицеров, добываясь от них признания в существовании этого грандиозного заговора. И Ежов получил от него соответствующие признания⁵⁰.

Арестованных генералов пытали жестоко — у будущего маршала К. К. Рокоссовского были выбиты зубы и сломаны ребра, — но у Сталина в этот раз не хватило решимости организовать против военных показательный процес. Тем не менее Тухачевский, Уборевич, Якир и четверо других высших командующих в июне 1937 г. на закрытом процессе предстали перед Военной коллегией Верховного суда СССР, были приговорены к смертной казни и сразу же расстреляны. Население страны было оповещено об этом в краткой газетной заметке⁵¹.

Сразу после ареста видных военачальников в июне 1937 г. Сталин приказал собрать в Кремле главных командиров и политических комиссаров Красной армии, чтобы ознакомить их с позицией Политбюро и самому услышать от них, что они думают о военном заговоре. С сообщением о существовании «заговора военных» выступил Ворошилов — после его доклада уже не оставалось сомнений в том, что произведенные за предыдущие недели аресты являлись не чем иным, как началом грандиозной карательной акции по уничтожению врагов народа, укрывающихся в вооруженных силах⁵². Как и во всех других случаях, когда нужно было кого-нибудь запугать, Сталин прибег к помощи своих ближайших сподвижников — Молотова, Кагановича и Ворошилова, которые сначала допросили выступивших военных, а затем стали им угрожать. Даже герою гражданской войны и легендарному создателю Конной армии маршалу С. М. Будённому с трудом удалось отвести от себя подозрение в том, что он состоял в дружбе с арестованными генералами⁵³. Уже с самого начала такого «обмена мнениями» диалог принял абсурдный характер. Начальник штаба Красной армии генерал А. И. Егоров клялся в своей невиновности и доказывал, что ничего не знал о заговоре, организованном Тухачевским и другими по заданию германских секретных служб. Он заявил, что голову дает на отсечение. Сталин ему цинично возразил, что в такой гарантии нет необходимости: «Виновным у нас не рубят головы — их расстреливают»⁵⁴. Видимо, Сталин и в этот раз одобрил сценарий заговора, который был разработан для него Ежовым. На собрании политических работников Красной армии в августе 1937 г., когда один комиссар спросил у Сталина, как следует объяснять красноармейцам арест генералов, которые ими командовали, тот ответил: «Все-таки показания имеют значение». Сомнения многих комиссаров в том, действительно ли они должны «в полный голос» говорить о наличии в армии врагов народа, диктатор развеял словами: «Обязательно должны»⁵⁵.

Разрушение армии не было для Сталина самоцелью — оно являлось составной частью террора, с помощью которого Сталин и его сподвижники ломали сложившуюся в стране структуру феодальных взаимоотношений, независимость которой от центральной власти они воспринимали как серьезную угрозу для режима. Ввиду напряженной международной обстановки политическое руководство страны не видело для себя другого выхода, кроме истребления потенциальных врагов и применения террористических методов против нелояльных групп населения. Вряд ли Сталин всерьез воспринимал признания, выбиваемые чекистами у арестованных офицеров. Но он был убежден, что не только руководители провинциальных партийных организаций, но и армейские генералы пытаются обвести его вокруг пальца. Именно так много десятилетий спустя представлял себе суть всего происшедшего в то время Молотов. В своем интервью, которое он дал журналисту Феликсу Чуеву, Молотов не исключил, что в то время могли погибнуть и невинные люди, но действия Сталина следует оценивать с учетом вражеских угроз, направленных против социалистического строя. По его словам, после революции 1917 г. партия «рубилась направо и налево», но в стране все еще остались «враги разных направлений». Молотов полагал, что «перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны. Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но если начнется что-нибудь, они дрогнут, переметнутся... Вряд ли эти люди были шпионами, но с разведками связаны были, а самое главное, что в решающий момент на них надежды не было»⁵⁶. Молотов не оправдывался — он только вслух высказал то, во что верили тогда он и его сообщники.

Террор, развязанный сталинским режимом против офицеров советской армии, можно уподобить кровавому опьянению, не знавшему границ. Красная армия разрушала сама себя. Военные командиры подвергались зверским пыткам с целью заставить их сознаться и назвать имена своих единомышленников и сообщников. Чекисты бросали офицеров в переполненные камеры, где заключенные были лишены возможности двигаться и погибали мучительной смертью от издевательств и болезней. С ними обращались как с животными, цинга подточила их организм, у них выпали все зубы — так писал Сталину из тюремной камеры в марте 1939 г. один из офицеров. Фантазия палачей из НКВД не

знала границ — заключенным ломали ребра, выбивали зубы, многие чекисты плевали им в рот или справляли нужду прямо на них⁵⁷.

Офицерский корпус Красной армии перестал существовать. Руководитель Особого отдела 5-го механизированного корпуса с гордостью докладывал в апреле 1938 г., что «в корпусе и во всех входящих в него бригадах командный состав арестован на 100 процентов». Жертвами террора стали 10 000 офицеров Красной армии. Были арестованы трое из пяти маршалов Советского Союза, 15 командиров армий, 15 комиссаров армий, 63 командира корпусов, 30 комиссаров корпусов, 151 командир дивизии, 86 комиссаров дивизий, 243 бригадных командира и 143 бригадных комиссара, 318 полковых командиров и 163 полковых комиссара.

Уже к осени 1937 г. армия оказалась разрушенной под ударами собственного руководства. Некоторые дивизии перешли под командование майоров, а танковые бригады — капитанов. Естественно, что при таких обстоятельствах армия едва ли была в состоянии выполнять свой воинский долг. В годы террора существенно возросло число несчастных случаев и катастроф. Они были вызваны не только неопытностью молодых офицеров — там, где армейский офицер мог быть арестован по доносу, падала и воинская дисциплина. Кто стал бы подчиняться командиру, чья участь была неопределенной, командиру, который в любую минуту по доносу своего подчиненного мог лишиться свободы и жизни?⁵⁸

Армия уничтожала сама себя, она подверглась разрушению со стороны своего собственного политического руководства. От последствий этого яростного разрушения советские вооруженные силы так и не смогли полностью оправиться вплоть до начала Второй мировой войны: страшные поражения, которые терпела Красная армия во время зимней войны 1939–1940 гг. с Финляндией и в столкновениях с немецкими войсками в 1941 и 1942 гг., в немалой степени объясняются тем, что у ее солдат не было умелых командиров. Террор затронул не только партийное руководство и армию — он распространился и на нижестоящих секретарей партийных организаций, а также на советских чиновников и хозяйственных руководителей. Начиная с марта 1937 г. по Советскому Союзу прокатилась волна насилия. Опустели канцелярии и административные отделы на заводах и в учреждениях. Всякий, кто в это время назначался на должность секретаря партийного комитета, подвергался смертельной опасности, поскольку во многих местах руководители партийных организаций многократно сменялись за короткий срок. В большинстве случаев такое заме-

щение заканчивалось смертью партийного чиновника. Директора заводов, управляющий и технический персонал погибали, потому что состояли в связи с осужденными партийными руководителями и несли ответственность за невыполнение хозяйственных планов и многочисленные несчастные случаи на производстве, вызванные перегрузкой техники и некомпетентностью работников. Везде, где партийные секретари и чиновники госаппарата попадали под суд и приговаривались к расстрелу, та же участь ожидала их подчиненных. Ибо сама логика построения феодальной системы власти требовала, чтобы в случае применения террора вместе с патроном погибал и его клиент⁵⁹.

В таких условиях канцелярии и хозяйственные предприятия превращались в бедламы, служащие трепетали от страха на своих рабочих местах и писали друг на друга доносы. Не проходило дня без арестов. Но ни в каком другом населенном пункте террор не произвел такого опустошения в рядах коммунистов, как в Москве. Тот комплекс зданий в столице, который населяли высшие государственные чиновники, стал похож в эти дни на перевалочный пункт для будущих арестантов. Юрий Трифонов увековечил его в автобиографическом романе «Дом на набережной»⁶⁰. Сталин из окна своего кабинета в Кремле мог наблюдать, как одно за другим гасли окна в квартирах этого дома, когда работники «органов» забирали из них очередного служащего госаппарата. Видимо, ему доставляло удовольствие чувствовать себя хозяином их жизни и смерти. Порой он звонил своим жертвам и ободрял их, хотя приказ об их аресте уже лежал в ящике его стола. Москва пострадала от этого беспощадного террора больше, чем другие крупные города, и дело было не только в том, что именно в столице была сосредоточена бóльшая часть чиновников Советского Союза, — здесь жило много оппозиционных коммунистов из союзных республик, изгнанных с родины местными партийными вождями. Если где-то и существовал режим тотального контроля над государственным и партийным аппаратом со стороны руководства, то в Москве. Он стал роковым для советских функционеров. Из руководящих сотрудников Московского Совета 1937-й год не пережил никто, за исключением его председателя — Н. А. Булганина⁶¹.

Волна террора не обошла и НКВД: Ежов приказал физически уничтожить не только всех оставшихся в живых людей из свиты своего предшественника на посту руководителя НКВД, — вместе с провинциальным партийным руководством погибли и все приближенные к нему чекисты. Но и на этом террор себя не исчерпал.

Узкий властный круг людей, сложившийся вокруг диктатора, держал НКВД под подозрением — в нем видели исполнителя воли иностранных держав и убежище для политических лицемеров: в 1936 г. НКВД почти на треть состоял из тех, кто в прошлом сотрудничал с некоммунистическими партиями и стал большевиком уже после революции. Поэтому с началом чисток подозрение в неблагонадежности пало и на НКВД. Аппарат секретных служб не просто попал в руки «классово враждебных» элементов — его сотрудники принадлежали к окружению тех руководителей местных партийных организаций, которые к началу 1937 г. оказались в опале. Поэтому Сталин поручил новому главе службы безопасности Ежову очистить аппарат НКВД от чекистов с сомнительным прошлым⁶². Уже в начале февраля 1937 г. Ежов отдал распоряжение органам НКВД на местах, чтобы те выслали ему списки с именами их сотрудников, которые были арестованы как бывшие члены оппозиции.

В июне 1937 г., когда начались аресты высших офицеров Красной армии и НКВД, Сталин задумал новое дело — он поручил Ежову представить ему списки с именами функционеров государственных, военных и административных органов, которые были заподозрены в том, что выполняли задание вражеских сил. Ежов исполнил заказ Сталина — в те дни он ежедневно заходил к диктатору в кабинет с новыми и новыми списками имен кандидатов на казнь. Сталин сразу же их подписывал. Когда у него возникали какие-либо сомнения, он заменял казнь тюремным заключением. Однако в большинстве случаев Сталин отправлял всех перечисленных в списке лиц на смерть одним росчерком пера. В один день, 12 декабря 1938 г., он подобным образом решил судьбу 3 167 человек. Между февралем 1937 г. и октябрём 1938 г. он получил 383 листа с именами 44 447 государственных служащих, офицеров армии и службы безопасности. 38 995 из них, чьи имена Сталин отметил, были расстреляны без суда⁶³. В июне 1937 г. он вновь напомнил органам безопасности о том, как следует осуществлять кровавое дело террора. Любой коммунист, по его словам, как бы хорошо он ни скрывался, потенциально является «скрытым врагом». А поскольку сразу отличить врага может далеко не каждый, нужно уничтожить как можно больше людей. И если хотя бы 5 % уничтоженных были настоящими врагами, можно считать, что цель достигнута⁶⁴.

По самой своей природе Сталин не мог доверить процесс саморазрушения местным структурам власти. Лишь в Грузии и Азербайджане он поручил уничтожение партии местным партийным

лидерам — Л. П. Берии и М. А. Багирову. Дело было не только в том, что Берия и Багиров принадлежали к кавказскому окружению диктатора и имитировали присущий ему стиль управления, — они оба буквально по губам читали любое его желание. Берия и Багиров истребляли свои жертвы с предупредительной готовностью и не останавливались перед ликвидацией даже своих приближенных, лишь бы угодить кремлевскому диктатору. Сталин умел ценить такую преданность: Берия и Багиров оказались единственными из провинциальных партийных руководителей, которые уцелели после Большого Террора. В ноябре 1938 г. Берия получил в качестве награды за свои старания пост наркома внутренних дел и место в Политбюро; Багиров в начале 1950-х гг. еще продвинулся в высшие органы партии, пока Хрущев не приказал арестовать и расстрелять их обоих⁶⁵.

Все, что вызывало у Сталина подозрение, должно было стать объектом атак его верных сподвижников. В июле 1937 г. партийные секретари республик и областей получили от Ежова директиву, где тот выражал свое недовольство плохой работой органов безопасности по аресту «врагов народа». Последних, писал Ежов, содержат в условиях, близких к санаторным. Поэтому в конце июля 1937 г. в провинцию были направлены сталинские эмиссары с целью проверить, как исполняются террористические приказы руководства. Микоян отправился в Армению, Маленков — в Ленинград, Хрущев занялся разрушением партийного и государственного аппарата на Украине, Андреев свирепствовал в Средней Азии⁶⁶. Каганович исполнял свой долг в центральной части России и западных областях Советского Союза. Чекист М. Б. Шрейдер, занимавший в то время должность заместителя начальника Ивановского УНКВД, вспоминает, что Каганович появился в Иванове в сопровождении секретаря Центральной контрольной комиссии Шкирятова в начале августа 1937 г. Функционеры из местных партийных органов и НКВД трепетали от страха, поскольку за несколько дней до этого Каганович разгромил ярославскую партийную организацию. Секретарь Ярославского обкома И. А. Нефедов был снят с должности, арестован и расстрелян. Центральное партийное руководство обвинило его в участии в покушении на Кагановича⁶⁷. Каганович прибыл в Иваново на специальном поезде в сопровождении многих членов ЦК и под охраной 30 бойцов НКВД. В его свиту входили также 3 секретаря различных партийных организаций Москвы, которые должны были сменить впавшего в немилость руководителя ивановских коммунистов. Но даже эта процедура замещения функционеров не

обошлась без инсценировок — Каганович поручил сотруднику НКВД Шрейдеру выступить в качестве доносчика на срочно созванном пленуме областного комитета партии. Его роль заключалась в том, чтобы подвергнуть публичному разоблачению И. П. Носова, секретаря областного комитета партии, как «врага народа» и бросить реплику с призывом свести счеты со старым руководством областной партийной организации. После него выступал сам Каганович. Он говорил несколько часов, стоя перед членами обкома, бушевал и выкрикивал проклятия в адрес присутствовавших партийных функционеров — их вывели из зала еще во время его выступления. Из его речи следовало, что руководство партии в Москве знает и видит все, происходящее в провинции, и теперь уже никто не в силах будет от него укрыться: «Мы не смотрим, народные ли это комиссары и их заместители или это какие-либо другие функционеры — мы беспощадно выкорчевываем всех тех, кто толкает наш народ к гибели. Рука Сталина никогда не дрожала и никогда не дрогнет», — крикнул в зал Каганович. Руководитель ивановской парторганизации Носов вынужден был выслушивать все его обвинения; он еще пытался оправдываться, пока сам не был арестован прямо в зале. На фоне истошно кричащего и неистовствующего Кагановича его не было слышно. По словам Кагановича, Носов «не заподозрил ни одного подлеца», в то время как партия «окружена кольцом врагов», состоящим из капиталистических держав и шпионов. «Все, кто не работает с полной отдачей на наше государство, тоже являются вредителями. Саботаж и вредительство начинаются там, где работают не с полной отдачей»; все, кто восстает против партии, «будут уничтожены»; такова историческая участь всех «негодяев, подлецов и отбросов человеческого общества»⁶⁸.

Шрейдер вспоминает: «Все произошло очень быстро. Каганович и Шкирятов назвали ряд фамилий руководящих работников, обвинив их в троцкизме и в прочих грехах. Всех их тут же на пленуме исключили из партии и по выходе из зала арестовали. Для этой цели Радзивиловский заранее вызвал в помещение обкома своих сотрудников». На следующий день Каганович ознакомил членов обкома с показаниями арестованных партийных функционеров, чтобы продемонстрировать им последствия, которые могут ожидать всех членов партии: «Возьмем Епанечникова, его арестовали в день открытия пленума, в три часа дня. Когда его арестовали, он был удивлен. Недоразумение, недоразумение. Что ж, посмотрим. В четыре часа он сознался... Вот вам и Епанечников! А разве вы не верили слову Епанечникова до самого

последнего момента? Возможно ли это? Даже в день ареста вы ему верили. И Носов верил ему. Вот перед вами ваш руководитель, ваш руководящий террорист!»⁶⁹ После этого Каганович велел присутствующим «избрать» сопровождающих его секретарей московских парторганизаций на руководящие должности в областной партийной организации. Со смещенным со своего поста Носовым Сталин обошелся особым образом — он приказал привезти его в Москву и уже там расстрелять. Сталин неизменно держал все под своим контролем, в том числе и процесс, проходивший в Иванове, где Каганович лишь выполнял его распоряжения. Шрейдер вспоминает, как общались между собой диктатор и исполнитель его воли: «Из Иванова Каганович по нескольку раз в день звонил Сталину и докладывал ему о количестве арестованных и о ходе следствия. После каждого такого разговора он обращался к Радзивиловскому и требовал принять меры к ускорению дачи показаний тех или иных арестованных работников». Радзивиловский и его подчиненные с невероятной скоростью добивались от заключенных необходимых признаний, прибегая для этого к ужасным пыткам. Они главным образом требовали от них назвать как можно большее число своих коллег, друзей и знакомых и обвинить их в том, что они являются врагами народа, тем самым давая повод для новых арестов. Несмотря на это, Каганович и Шкирятов не были удовлетворены достигнутыми результатами — они продолжали настаивать на том, чтобы Радзивиловский еще больше увеличил число арестов. В промежутках Каганович звонил Сталину и получал от него новые указания. Сталин, по всей видимости, был недоволен. Шрейдер слышал, как Каганович, отвечая Сталину по телефону, говорил: «Слушаю, товарищ Сталин. Нажму на руководителей УНКВД, чтобы не либеральничали и максимально увеличили выявление врагов народа».

Ивановская партийная организация была полностью разгромлена. Тюрмы заполнялись членами партии и сотрудниками органов государственного управления. В конце концов там не осталось мест для заключенных, тогда УНКВД пришлось реквизировать помещения городских детских садов, чтобы размещать в них вновь поступающих узников. Когда Каганович покидал дачу руководителя местного УНКВД, которая служила ему резиденцией во время пребывания в Иванове, он ехал на вокзал по пустынным улицам, оцепленным постами НКВД. Там его ожидали члены нового партийного руководства, собравшиеся, чтобы проводить верного сталинского палача. Каганович был доволен — он сделал свое

дело: ивановская партийная организация больше не существовала, тюрьмы были переполнены. На прощание Каганович rozdal прислуге и поварам, работавшим на НКВД и обслуживавшим высоких гостей, щедрые чаевые, после чего отправился в другие места, чтобы вершить дальше свое кровавое дело. Сразу же после отъезда Кагановича начались убийства, в которых принимал участие новый секретарь Ивановского обкома Симошкин, использовавший для этого свой служебный револьвер. То же самое происходило в Узбекистане, Таджикистане и в Сибири, где осенью 1937 г. появлялся член Политбюро А. А. Андреев: целью его поездок было усиление эффективности террористических приказов Сталина⁷⁰.

Власть Сталина строилась на терроре. Везде, где чиновники доносили друг на друга и при этом дрожали от страха, он мог исполнять роль властелина над жизнью и смертью своих подданных. А поскольку члены политического руководства сами участвовали в создании террористической системы власти, они не могли избежать общей участи. Волна кровавого террора размывала нравственные основания их бытия. Центральный комитет, в который входили и все видные партийные руководители на местах, уничтожил сам себя: более двух третей его членов ушли из жизни в течение 1937 и 1938 гг. В тот момент, когда по решению февральско-мартовского Пленума ЦК были арестованы и расстреляны Бухарин и Рыков и санкционировано уничтожение патронажных связей внутри партии, ЦК подписал себе смертный приговор. Ибо всякий раз, когда члены ЦК давали согласие на расстрел своих коллег, они тем самым давали Сталину и его приспешникам возможность подвергнуть террору и самих себя. В конце концов преследования не смогли избежать даже члены Политбюро: Я. Э. Рудзутак, Р. И. Эйхе, В. Я. Чубарь, С. В. Косиор, П. П. Постышев — всех их Сталин приказал арестовать и убить, несмотря на то что они входили в высший партийный орган, принимавший важнейшие для страны политические решения. Правда, в годы террора Политбюро уже утратило свою значимость, Сталин вообще редко собирал его, ведь все важные вопросы он решал в самом узком кругу своих приближенных, в своем рабочем кабинете или на даче в Кунцево под Москвой. К этому времени все приказы исходили от самого диктатора⁷¹.

Сталин ожидал от своих помощников, чтобы они безоговорочно подчинялись ему, чтобы их верность доходила до самопожертвования. Всякий, кто совершал измену, тем самым нарушал кодекс чести, принятый в скрепленных взаимной клятвой мужских

союзах. Сталин усвоил это еще со времен своей жизни на родине — в Грузии. Дружба и личная верность имели для Сталина иное значение, чем для «европеизированных» большевиков. Его представления о дружбе брали свое начало в обществе, где идеалы верности и чести придавали устойчивость нестабильным человеческим коллективам и охраняли их от внешних угроз. Сталинская модель общества соответствовала образу жизни разбойничьей банды, участники которой могли выжить в жестокой действительности только в том случае, если приносили друг другу клятву верности не на жизнь, а на смерть. В условиях войны, которую коммунисты вели против населения своей страны, сталинская идеология дружбы превратилась в идеологию всей партии. Сталин и его ближайшие доверенные лица вообще не представляли себе мира, который не находился бы под управлением мужских союзов. Правда, недоверие и подозрительность тоже составляли часть системы дружеских отношений. Сталин испытывал своих друзей на верность, он ждал, чтобы те принесли ему жертву и тем самым доказали свои дружеские чувства к нему.

В конце 1936 г. Серго Орджоникидзе, грузинский соратник Сталина, с 1932 г. занимавший должность наркома тяжелой промышленности, вступил в конфликт со своей совестью, когда попытался оградить сотрудников своего ведомства от обвинений в том, что они являются шпионами и саботажниками. Будучи членом Политбюро, Орджоникидзе сам способствовал расширению масштабов террора, поэтому он был не вправе отвергать его. При этом он принадлежал к кругу самых близких друзей диктатора. С другой стороны, он считал недопустимым для себя как наркома тяжелой промышленности участвовать в процессе самоуничтожения советской хозяйственной бюрократии. Когда Сталин и Ежов приказали арестовать не только управляющих и директоров заводов, но и ближайших сотрудников Орджоникидзе, последний впервые осмелился высказать робкое возражение. Сталин ознакомил его с материалами признаний, данных этими лицами. Под впечатлением знакомства с подобного рода «доказательствами» Орджоникидзе уступил, но отказался безучастно наблюдать за процессом разрушения своего ведомства. Когда в феврале 1937 г. Сталин потребовал, чтобы на предстоящем Пленуме ЦК Орджоникидзе выступил с призывом свести кровавые счета с саботажниками и «вредителями» в тяжелой промышленности и форсировать акты террора против близких к нему сотрудников, дело дошло до жесткого противостояния. После одного из разговоров, состоявшегося у Сталина в Кремле, Орджоникидзе не нашел для

себя иного выхода, кроме самоубийства. Это случилось за несколько дней до начала заседаний Пленума ЦК в Москве. По завершении его Молотов произнес ту самую зажигательную речь, которая предназначалась для Орджоникидзе⁷².

В самом узком кругу власти мог оставаться лишь тот, кто жертвовал ради общего дела даже друзьями и близкими. Сталин приказал арестовать братьев у Кагановича и Орджоникидзе, занимавших высокие должности в рядах советской бюрократии. По его приказу были арестованы также два сына Микояна, невестка Хрущева, сын руководителя финских коммунистов Отто Куусинена и супруга самого секретаря Сталина — Поскребышева. Даже супруга Калинина, номинального главы государства, была по приказу Сталина отправлена в лагерь. В 1938 г. он вынудил жену Ежова покончить с собой — еще до того, как всеильный руководитель НКВД сам попал в опалу. Наконец, после завершения войны такую же жертву был вынужден принести и ближайший поверенный Сталина — Молотов: Сталин издал приказ, по которому супруга Молотова была схвачена и отправлена в концлагерь. К мужу она вернулась уже после смерти тирана. Бывали и исключения. В конце 1936 г. грузинский друг Сталина Сергей Кавтарадзе был арестован под предлогом того, что он и грузинский коммунист Мдивани планировали убить диктатора. Сталин узнал о том, что случилось с Кавтарадзе, но ничего не предпринял для того, чтобы освободить друга из камеры смертников. Затем он внезапно решил выпустить Кавтарадзе из-под ареста и подарить ему квартиру в Москве. Кавтарадзе был приглашен в Кремль и на дачу Сталина, Сталин и Берия даже посетили своего грузинского земляка в его новой квартире. Но недоверие Сталина не удалось преодолеть даже Кавтарадзе: «А все-таки ты хочешь меня убить» — так, по словам последнего, сказал ему Сталин во время одной из встреч⁷³.

Калинин, Каганович и Молотов прошли испытание на верность, поскольку безропотно согласились на аресты жен и близких. Всякий, кто выдерживал эту психическую перегрузку, тем самым давал знать, что верность своему вождю он ставит выше семейных связей и доверия. Только тот, кто был способен сохранять равновесие в режиме такого психологического террора, мог оставаться в кругу друзей Сталина.

Как утверждал когда-то Роберт Такер, если бы Сталин оставил нам свои мемуары, они представляли бы собой не более чем новое издание «Краткого курса истории ВКП(б)». Но я добавил бы, что, возможно, он преподнес бы эту историю в форме кавказской поэмы о разбойниках. Когда в ноябре 1937 г. в кругу самых доверенных

лиц Сталин произносил тост в честь годовщины Октябрьской революции, он говорил о задаче искоренения вражеских родов и семейств. В этих словах прозвучал не только призыв к развязыванию террора, который должен был стереть с лица земли потенциальных врагов социалистического строя, — в них выразилось представление о формах насилия, усвоенное диктатором еще при жизни на его кавказской родине. Председатель Коминтерна Георгий Димитров записал в своем дневнике, о чем говорил тогда Сталин: «Мы уничтожим каждого из этих врагов, пусть даже это будут старые большевики, мы уничтожим заодно и весь их род, их семейства. Мы беспощадно уничтожим всякого, кто в своих мыслях и делах совершает покушение на единство социалистического государства. За уничтожение всех врагов, их самих и их рода — до конца!»⁷⁴

Победитель не может быть спокоен, пока не уничтожит всех побежденных, — считается, что так говорил Чингисхан. Сталин, читая какую-то историческую книгу, подчеркнул в ней эти слова. Когда в июне 1937 г. были расстреляны сподвижники Ягоды из НКВД и связанные с Ягодой чекисты из лагеря в Дмитровске, Сталин дал указание закопать тела убитых вблизи от дачи Ягоды. Обстоятельства их смерти являются еще одним документальным свидетельством, подтверждающим силу влияния на Сталина традиций вассалитета.

Действительно, в годы Большого Террора арестовывали и брали в качестве заложников не только мнимых врагов народа, но, как правило, и их родных. 15 августа 1937 г. Ежов дал указание своему ведомству впредь заключать под арест также и родственников врагов народа. Их дети в возрасте до трех лет отдавались в детские сады, находящиеся в ведении Народного комиссариата здравоохранения; «социально опасные дети» старше 15 лет направлялись в устроенные специально для них лагеря. Жены врагов народа всегда подвергались аресту. В ноябре 1937 г. Сталин впервые получил от Ежова наряду со списками имен арестованных армейских офицеров и сотрудников НКВД также и листки, содержащие имена их жен. Ежов передал эти списки Сталину с просьбой дать согласие на их расстрел. Сталин, как и следовало ожидать, согласился⁷⁵.

Массовый террор

Террористические приказы, исходящие от диктатора и его клики, оказали на общество разрушительное воздействие. Они разорвали существовавшую в нем тонкую сеть вассальных отноше-

ний и привели Советский Союз в состояние перманентного чрезвычайного положения.

Террор был направлен не только против коммунистов, государственных чиновников и окружающих их людей в различных учреждениях. Он затронул также администраторов, директоров заводов и председателей колхозов, которые отныне головой отвечали за невыполнение планов, производство бракованной продукции и несчастные случаи на производстве. Ибо, если задания не выполнялись, это считалось делом рук врагов и саботажников. Такая форма террора стала реальностью с началом второй пятилетки. В одном только Донбассе за 1933–1936 гг. было осуждено и отправлено в лагеря более 1 500 администраторов и инженеров, обвиненных в саботаже и вредительстве⁷⁶. Подобная стигматизация работников в немалой степени служила целям негативной интеграции общества. Когда администраторы и красные директора подвергались аресту, рабочие и крестьяне получали возможность свести счеты с начальством. Таким способом сталинский режим держал директоров заводов и инженеров в постоянном страхе и мобилизовал рабочих в интересах партийного руководства. В этом отношении режим полагался прежде всего на так называемых рабочих-стахановцев, которые активно подхватили его призыв — доносить на врагов народа.

В конце августа 1935 г. горняк Алексей Стаханов из поселка Ермино в Донбассе добыл за одну рабочую смену 102 тонны угля, перекрыв свою норму в 14 раз. В действительности местный партком инсценировал таким образом начало социалистического соревнования, прикрепив к Стаханову двух подсобных рабочих, которые помогли ему установить рекорд. Новость о трудовом подвиге Стаханова распространилась со скоростью ветра, в начале сентября «Правда» уже сообщала о начале «стахановского движения». Сталин и его приближенные мгновенно сообразили, какая революционная сила скрыта в этом движении. Нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе и его заместитель Пятаков увидели здесь возможность сломить сопротивление управленцев завышенным плановым показателям и тем самым революционизировать трудовой процесс. Прозвучал недвусмысленный сигнал: начиная с этого момента директора и администрация предприятий стали испытывать давление не только со стороны партийных функционеров, но и со стороны необразованных рабочих-ударников. Стахановское движение превратилось в организационный принцип советской экономики, который уже зимой 1935 г. закрепился во всех отраслях промышленности Советского

Союза. Рабочие-стахановцы сдвигали горы, они воплощали в себе людей дела большевистского типа, которые ни во что не ставили всякие сомнения «буржуазных» специалистов. Поэтому все стахановское движение вызвало одобрение и у Сталина. В конце ноября 1935 г. «Правда» объявила, что «борьба за высокие нормы должна идти во всех отраслях производства». Сталин выступал в это время на съездах рабочих-ударников, принимал героев труда в Кремле и фотографировался с ними для первой страницы «Правды». Рабочие-стахановцы получали привилегии и премии, они могли приобретать товары в тех магазинах, которые обслуживали функционеров коммунистической партии. Поэтому никого не удивляло, что рабочие относились к стахановцам с отчуждением и враждебностью, тем более что постоянное перевыполнение норм приводило к завышению плановых заданий для заводов и строек.

При всем том практика стахановского движения только в исключительных случаях положительно влияла на развитие социалистической промышленности. Ударный труд расшатывал производство, потому что во всем, что не касалось мускульной силы рабочих рук, он приводил лишь к потерям. Рабочие-стахановцы мешали производственному процессу, перегружали технику и способствовали производственным травмам. Они принадлежали к касте рабочих выдвинутых, которые открыто выставляли напоказ не только свое невежество, но и враждебность к директорам и инженерам⁷⁷. Однако именно в этом и заключался основной смысл стахановского движения для партийного руководства. Оно поляризовало социальные силы, сеяло между ними семена раздора и таким образом выявляло скрытых врагов, не веривших в победу социализма. Уже в сентябре 1935 г., всего через несколько недель после начала стахановской кампании, Орджоникидзе выразил глубокое убеждение в том, что внедрение стахановских методов в производство позволит вытащить «саботажников и вредителей» из их укрытий. Сталин сам в ноябре 1935 г. выступил с речью перед делегатами первой Всесоюзной конференции рабочих-стахановцев. Он предупредил их о саботажниках и вредителях, мешающих рабочим в их классовой борьбе, и пообещал «надавать оплеух» всем управляющим и директорам, которые ставят им препятствия.

Стахановское движение было кадровой революцией, «политическим погромом», направленным против директоров заводов. Административных работников, протестовавших против разрушительных последствий стахановского движения, арестовывали и судили на скандальных показательных процессах. К концу 1936 г. террор, развязанный сталинским режимом против управ-

ляющих производством, перешел все границы. В Донбассе к апрелю 1938 г. «органы» арестовали и расстреляли четверть всех инженеров и представителей заводской администрации. На некоторых предприятиях совсем не осталось специалистов, в результате чего производство остановилось. «Они просто исчезли, и мы так и не узнали, расстреляли их или нет», — вспоминал один иностранный специалист⁷⁸. Зачастую именно рабочие-стахановцы доносили на своих директоров, которые препятствовали им в осуществлении безумных мероприятий с применением ударного труда. Рабочие писали доносы, зная, что партийному руководству придется по вкусу их пролетарская бдительность. Когда донбасские горняки пожаловались Сталину на жалкие условия, в которых им приходится жить и трудиться, Сталин уже знал, кто в этом виноват, и ответил так: «Ваш директор является врагом народа». Многие рабочие несли реальную ответственность за простои и несчастные случаи на производстве, но расплачивались за это чаще всего «саботажники» директора заводов. А случалось и так, что рабочие выступали в роли свидетелей на инсценированных властью показательных процессах, стараясь призвать на головы обвиняемых всю ярость сталинского партийного руководства. Эта вакханалия террора была на руку прежде всего рабочим-стахановцам — в одном только Донбассе более 300 рабочих были выдвинуты на руководящие должности, а более 1 000 инженеров и администраторов лишились своих мест и подверглись аресту. Умопомрачительные масштабы, которые принял террор в Донбассе, в центре производства угля и стали, объясняются прежде всего тем, что секретарь местной партийной организации поддержал волну насилия, так как боялся, что и сам может быть схвачен и расстрелян по приказу Сталина⁷⁹.

1937-й год обернулся кошмаром и для деревни — в начале августа Сталин дал указание партийным организациям на местах организовать в каждом районе «от двух до трех» показательных процессов против должностных лиц, председателей колхозов и агротехников, чтобы покарать их за потери урожая, несчастные случаи и недовольство крестьян. Приговоры, вынесенные по их делам, следовало опубликовать в прессе. В течение нескольких следующих дней он разослал десятки телеграмм в провинцию, требуя от местных партийных секретарей расстреливать всех виновных в неурожае, порче машин и производственных травмах. Примеры осуществления такого возмездия должны были получить освещение в прессе. Сталинский режим предоставил крестьянам возможность отомстить за претерпеваемые ими несправедливости, не

привлекая к ответственности подлинных мучителей. Советская пресса сообщала о показательных процессах, представляя их как акты мести трудящегося народа своим врагам и угнетателям. Она рассказывала о свидетелях, которые проклинали обвиняемых, называли их «жуликами», «свиньями», «людоедами» и требовали для них смертной казни, как это происходило на одном из процессов в Новгородской области. В терроре Сталин видел залог успеха. Когда руководитель сибирской партийной организации Р. И. Эйхе докладывал на Пленуме ЦК в октябре 1937 г. о достижениях сельского хозяйства Сибири, Сталин не сомневался в том, за счет чего они стали возможны, — колхозники, по словам докладчика, сами избавились от саботажников: «Счастливые!»⁸⁰

Сталинский террор представлял собой насилие, обращенное против всех и каждого, будь то представители элиты или рабочие и колхозники. Понятие «классовый враг» лишилось конкретного социального содержания. Ссылка на социальное происхождение уже не давала людям возможности избежать карающей руки режима. Каганович дал показательный пример большевистской словесной акробатики, когда в 1937 г. объяснял членам Ивановского обкома, что означает понятие «класс». Он утверждал, что даже рабочий может считаться контрреволюционером, — в тех случаях, когда он выступает как отдельный субъект, а не как представитель своего класса. Таким образом, всякая критика в адрес большевистского руководства являлась контрреволюционным актом, и неважно, кто этот акт совершал и чьим именем он прикрывался. Отныне контрреволюционер принадлежал к коллективу, характерные черты которого определялись по усмотрению большевиков, и ни один индивидуум не мог от этого коллектива отмежеваться. Случалось и так, что, когда рабочие начинали критиковать руководство предприятия и пытались защититься от действующих на нем дисциплинарных законов, режим применял силу и против них. Сразу же после убийства Кирова власти приказали выселить из Ленинграда 40 000 чел.; летом того же года в Донбассе расстреливали «кулаков» и «бандитов». Рабочие, исполнявшие оскорбительные для памяти Кирова частушки и желавшие смерти Сталину, отправлялись в вагонах в Сибирь. В 1937 г. тысячи рабочих, квалифицированных как вредители, саботажники и враги народа, пали от рук расстрельных команд НКВД. Стоило кому-нибудь шутливо высказаться о политических вождах, вступить в конфликт со стахановцами, допустить какой-нибудь промах, и он уже мог ожидать наихудшего. В одном из

поселков Донбасса был расстрелян рабочий-кровельщик — вся его вина состояла в том, что он плохо трудился. В другом месте рабочий погиб из-за того, что принял участие в богослужении. В Ивановской области тысячи рабочих попали в застенки НКВД только потому, что выразили недовольство условиями труда и жизни. В начале августа 1937 г. сотрудники НКВД из города Александровска Ивановской области докладывали начальству, что из 2 000 рабочих местной радиофабрики 112 представляют собой «социально чуждые» элементы — они ранее были высланы из Москвы и в настоящее время занимаются на фабрике саботажем. В 1937 г. деревня также переживала пик насилия. Крестьяне, не выполнявшие плановые нормы, обвинялись в саботаже. Партийному руководителю Азербайджана Багирову Сталин отдал приказ ликвидировать в колхозах, находящихся в пограничных районах, всю человеческую «нечисть». Никто не пытался сосчитать, сколько людей стали жертвами этого террора. Хироаки Куромия в своей книге, посвященной террору в Донбассе, говорит о 50 000 чел., расстрелянных в одном только этом промышленном районе в 1937–1938 гг. Все казненные принадлежали к рабочим и крестьянам⁸¹.

Врагом народа становился всякий, кто считался таковым в глазах партийного руководства. И никого уже не интересовали политические убеждения тех, кто попал под подозрение. Если оно только возникало, Сталин и его палачи требовали смерти подозреваемых. Массовый террор, начавшийся летом 1937 г. и продолжавшийся вплоть до осени 1938 г., представлял собой попытку избавить общество от его врагов. В нем можно видеть советскую версию «окончательного решения»⁸².

Решение о массовых казнях было принято не в последнюю очередь на основании печальных вестей, поступающих в Политбюро из провинций. В связи с обсуждением новой советской Конституции, принятой в 1936 г., Сталин и остальные члены Политбюро стали получать многочисленные заявления и просьбы, в которых подданные режима, ссылаясь на новые статьи Конституции, просили дать им право на открытие храмов и обеспечить провозглашаемую в ней свободу вероисповедания. Наряду с этим, шокирующее воздействие на партийное руководство оказали и результаты переписи населения, проведенной в 1937 г.: более половины опрошенных граждан признались в том, что отправляют религиозный культ. В марте 1937 г. на Пленуме ЦК секретари региональных парторганизаций говорили о «враждебных элементах», о кулаках и священниках, которые, как оказалось, восполь-

зовались прошедшими кампаниями, чтобы открыто высказывать свои антисоветские убеждения. Е. М. Ярославский, председатель «Союза воинствующих безбожников», расписывал, как некие могущественные силы только и ждут, чтобы организовать «антисоветские выборы» и разрушить существующий политический строй. В Смоленской области во время переписи 70 % населения признались в своей религиозности. Каганович сделал отсюда вывод, что следует уничтожить оставшихся в области попов и сектантов — евангелистов и баптистов.

Вместе с тем, начиная с 1935 г. в свои деревни из изгнания сумели вернуться многие кулаки и священнослужители; более 75 000 из них попали под амнистию, которую режим объявил в августе 1935 г. Приняв к сведению поступающие из деревни сообщения, политическое руководство восприняло возвращение кулаков как угрозу собственному существованию. Я. А. Попок, первый секретарь ЦК компартии Туркменистана, сообщил, что изгнанные в свое время главы различных кланов вновь вернулись в свои деревни и, ссылаясь на Конституцию, стали требовать возвращения изъятой у них собственности. В большинстве случаев сельские жители принимали возвратившихся кулаков в свои колхозы. Непредвиденную угрозу представляла для большевиков и ситуация, сложившаяся в городах: в период с 1931 по 1937 г. почти 400 000 бывших кулаков бежали из спецпоселений в Сибири, куда были ранее сосланы, и укрылись в городах и рабочих поселках. Партийный руководитель Уральской области И. Д. Кабаков докладывал о тысячах «чуждых элементов», которые в ходе раскулачивания бежали в города, где сейчас дожидаются своей реабилитации. Но ни в каком другом регионе Советского Союза большевиков не ожидали такие неприятные сюрпризы, как в Сибири — краю лагерей и спецпоселений. Там, объявил участникам Пленума Р. И. Эйхе, повсюду прячутся враги, которые «используют все средства, чтобы продолжить борьбу против Советского государства». По его словам, в сибирских деревнях и городах господствовали «отсталые взгляды и враждебные настроения», подлежащие в дальнейшем полному искоренению. К «чуждым элементам» следовало отнести разбойников на дорогах, бродяг, беспризорников и проституток — всех их руководители партии включили в число своих смертных врагов. Повсюду, где заключенные совершали побеги, где людей объявляли проклятыми и отказывали им в праве вернуться в общество, из которого они когда-то происходили, возникали разбойничьи банды. В Сибири такие банды нападали на колхозы, железнодорожные составы и отделения милиции, они грабили и

разоряли. В Омске открытое насилие, грабежи, убийства и жестокие избиения стали частью повседневной жизни местных жителей. Государственные органы защиты порядка были в не состоянии справиться с насилием такого масштаба. В середине 1930-х гг. большевистский режим одновременно вел войну и на территории Северного Кавказа — ему противостояли вооруженные группы чеченцев и ингушей, действовавшие в недоступных горных районах и совершавшие нападения на опорные пункты социалистического порядка. В Сибири массовые операции по уничтожению «бандитов», «социально опасных» и уголовных «элементов» начались еще в 1933 г., хотя режиму так и не удалось тогда покончить с многочисленными угрозами социалистическому строю. В начале 1937 г. глава НКВД Западно-Сибирского края С. Н. Миронов вновь указал на опасность, исходящую от маргинализованных групп населения. В угледобывающей Кемеровской области проживало 9 000 «социально опасных элементов»: кулаков, главарей банд, белогвардейцев и священнослужителей. В Нарыме и на Кузбассе пребывали 20 000 сосланных сюда кулаков и бандитов. Миронов также включил в число врагов бродяг, попрошаек и цыган, скитающихся по округе. Он уверял, что все эти люди являются саботажниками, которые при первой же возможности найдут в японцах союзников в борьбе с советской властью. Поэтому он хотел устранить их раз и навсегда⁸³.

В июне 1937 г. Политбюро приказало сибирскому партийному руководству регистрировать и расстреливать членов «контрреволюционных организаций по подготовке восстания сосланных кулаков». Все «активисты» этого движения подлежали немедленному уничтожению. 3 июля 1937 г. Сталин лично разъяснил секретарям местных партийных организаций, что имелось в виду: кулаки, священники, уголовные преступники, вышедшие из мест заключения, бывшие белые офицеры и члены партий, возникших до революции, должны были пройти регистрацию, а «наиболее враждебные» из них подлежали расстрелу. В ЦК ожидали, что в течение пяти дней им доложат, кого следует депортировать, а кого — расстрелять.

Судя по всему, распоряжение Сталина нигде не встретило сопротивления. Его телеграмма вызвала лихорадочную деятельность в провинциальных партийных комитетах и управлениях НКВД. Спустя всего несколько дней в Москву уже поступали первые предложения, в которых партийные секретари докладывали вождю, как они собираются выполнять эту программу по истреблению. Московский партийный руководитель Н. С. Хрущев реко-

мендовал Политбюро расстрелять 8 500 чел., а более 32 000 чел. отправить в лагеря. А начальник Западно-Сибирского НКВД чрезвычайно завысил показатели — он полагал, что необходимо зарегистрировать 26 000 чел., из которых 11 000 отнести к первой категории (расстрел), а 15 000 — ко второй (регистрация). Все данные, которые Политбюро получило от партийных комитетов, послужили органам НКВД основанием для разработки оперативного плана. 31 июля 1937 г. этот проект был утвержден Политбюро под названием «Приказ 00447». Он был спущен нижестоящим подразделениям органов безопасности в начале августа под грифом строгой секретности. В прилагаемой инструкции были выделены следующие группы врагов: кулаки, вернувшиеся из ссылки и скрывающиеся в городах или на крупных стройках; члены бывших «антисоветских партий»; священнослужители, сектанты; бывшие белые офицеры и чиновники царского правительства; бандиты, уголовники и рецидивисты, уже побывавшие в лагерях. Но в ней не указывалось, кто из них должен быть расстрелян, а кто заключен под стражу. По приблизительным подсчетам и с учетом региональных особенностей предполагалось уничтожить 72 950 чел. и отправить в лагеря 194 000 чел. Родственники «активных» врагов народа должны были оказаться в лагерях, а близкие всех других жертв этой операции — подвергнуться выселению из мест проживания и далее находиться под «систематическим наблюдением». Хотя в инструкции содержалось указание насчет того, сколько лиц в каждом регионе должно быть отнесено к первой, а сколько — ко второй категории, тем не менее классификация жертв была оставлена на усмотрение местных органов НКВД: «Перед органами государственной безопасности поставлена задача беспощадным образом уничтожить всю эту банду антисоветских элементов». Акция уничтожения должна была начаться 5 августа 1937 г. и завершиться в начале декабря того же года. Тройственные комиссии (так называемые «тройки»), состоящие из секретаря партийного комитета, руководителя местного управления НКВД и прокурора, были наделены полномочиями по осуществлению программы уничтожения. Тройки должны были самостоятельно определять принадлежность жертвы к той или иной категории и в течение каждых пяти дней докладывать высшему руководству НКВД о ходе операции. Впрочем, Ежов и Сталин держали контроль над операцией по уничтожению врагов в своих руках: хотя в инструкции и говорилось об «ориентировочных цифрах», местным органам НКВД все-таки запрещалось своевольно занижать или завышать число репрессированных⁸⁴.

16 июня 1937 г. Ежов вызвал в Москву республиканских и областных руководителей НКВД, чтобы разъяснить им цели операции. Он дал им понять, что в предстоящие месяцы важно уничтожить как можно большее число врагов. «Бейте, уничтожайте их без различия, — призвал он присутствовавших на собрании, — лучше сделать больше, чем меньше». В этом смысле органам безопасности не стоило проявлять сдержанность. Допускалась возможность превышения установленных центром квот: по словам Ежова, если во время операции будут расстреляны «лишние тысячи людей», то это «большой роли не играет». Всякого, кто осмеливался критиковать планы руководства, заставляли молчать. Когда глава Омского управления НКВД Э. П. Салынь критически отозвался о принципе квотирования, Ежов приказал арестовать его прямо в зале, другие участники собрания были чуть позже сняты с должностей и расстреляны. Таким образом, у руководителей местных управлений НКВД не оставалось выбора, и они должны были подчиниться террористическим приказам Сталина и Ежова. Уже в середине июля Миронов собрал в Новосибирске чекистов Западной Сибири, чтобы подготовить их к выполнению предстоящих задач. По его словам, для Сибири число подлежащих расстрелу было установлено в 10 000 чел., но работники местных органов безопасности могли повысить эту цифру и до 20 000 чел. По свидетельствам очевидцев, присутствующие встретили сообщение Миронова «бурными аплодисментами»⁸⁵.

Хотя начало массовых расстрелов было назначено лишь на первые числа августа, руководители НКВД в Западной Сибири и на Северном Кавказе опередили события: первые жертвы были схвачены и расстреляны здесь еще в конце июля. Уже в сентябре 1937 г. органы НКВД арестовали 100 000 чел., а в некоторых регионах квоты были исчерпаны в первые же недели после начала акции. И хотя для Западной Сибири Политбюро установило квоту в 5 000 казненных, органы НКВД уже к октябрю месяцу арестовали здесь почти 14 000 чел., и все они были отнесены к первой, расстрельной категории жертв. В Омске число жертв первоначально было установлено всего в 1 000 чел., но в декабре 1937 г. начальник местного управления НКВД Г. Ф. Горбач доложил Ежову, что за прошедшее время было убито более 11 000 чел. Поэтому главы местных управлений НКВД и секретари региональных партийных организаций стали обращаться к центру с просьбами о повышении предписанных им квот. В течение осени 1937 г. Сталин получал из всех регионов страны просьбы, в которых секретари местных комитетов партии настаивали на повышенных квотах.

Как правило, Сталин давал свое согласие, чаще всего устно, во время оперативных совещаний с Ежовым в своем кабинете в Кремле, но иногда и письменно — обычно он выражал свое одобрение, расписываясь на депешах, присланных из провинции, которые затем передавал Ежову. К декабрю 1937 г. Политбюро повысило квоты по первой категории еще на 22 500 чел., а по второй категории — на 16 800 чел. В конце января 1938 г. Сталин отдал распоряжение арестовать до середины марта дополнительно еще 57 200 врагов народа, из них 48 000 — расстрелять⁸⁶.

В кровавом угаре никто уже не придерживался тех правил проведения операции, которые были определены в приказе 00447. В большинстве регионов «тройки» существовали лишь на бумаге, на практике же порядок выполнения установленных показателей определяли по своему усмотрению секретари местных партийных организаций и главы органов НКВД. Арестованные, как правило, не имели дела ни с обвинителем, ни с судьей, и их судьба решалась за их спиной. Уполномоченный начальник местного органа НКВД сам составлял фиктивные акты расследования, где определял состав преступления и меру наказания. Расстрелу подвергался всякий, кто попадал в список смертников, составленный НКВД. Таким образом «тройки» в течение одного дня решали судьбы более 1 000 чел., как это происходило, например, в Омске, где местная «тройка» за один только день 10 октября 1937 г. приговорила к смерти 1 301 чел. В Белоруссии руководство НКВД организовало настоящее социалистическое соревнование по физическому уничтожению врагов народа. В концентрационных лагерях Советского Союза органы безопасности сначала изолировали, а потом расстреляли более 10 000 заключенных. В феврале 1938 г. Политбюро издало директиву, в которой требовало от органов НКВД Дальнего Востока, расстрелять еще 12 000 чел., чтобы таким образом «сократить состав заключенных» в лагерях. Жертвами этой кровавой расправы стали более 30 000 чел. — по большей части узники, осужденные за политические преступления, или же те, кто в прошлом протестовал против лагерных порядков. В Москве в начале 1938 г. сталинский режим распространил массовый террор на инвалидов, безруких и больных туберкулезом, которые не могли быть использованы как рабочая сила в лагерях. В Ленинграде расправлялись и с глухонемыми.

Во многих местах органы НКВД уже не отдавали себе отчета в том, какие цели ставило перед ними московское руководство: там, где квоты были исчерпаны, чекисты принимались за поиски новых врагов, не имея представления о том, кто эти враги и где их

следует искать. В Туркмении сотрудники НКВД хватили на базарах мужчин с длинными бородами, чтобы таким образом выловить всех скрывавшихся мулл. Никто не мог избежать этой бойни. Часто руководители местных органов НКВД по собственному усмотрению расширяли круг своих потенциальных жертв. Так, глава Западно-Сибирского управления НКВД Г. Ф. Горбач в августе 1937 г. отдал распоряжение ликвидировать бывших солдат и офицеров царской армии, находившихся в немецком плену в годы Первой мировой войны. В этом списке числилось 25 000 чел. Жертвы насилия не встречались ни с обвинителями, ни с судьями, в камерах допросов им часто приходилось подписывать признания в том, что они являлись участниками заговоров и принадлежали к шпионской сети. Жертвы подвергались пыткам: чтобы добиться нужных показаний, палачи из НКВД избивали их до потери сознания, ломали им ребра и другие кости, били их током высокого напряжения. С помощью таких методов органы НКВД добивались видимости успешного раскрытия в Сибири подпольных монархических и религиозных организаций, включающих в себя тысячи участников, которые будто бы угрожали самому существованию социалистического строя.

Происходящее не оставалось незамеченным, хотя НКВД прилагал все усилия, чтобы скрыть от общества свою программу уничтожения. В Иванове к осени 1937 г. сотрудниками НКВД было убито столько людей, что им оказалось не по силам вывезти из тюрем трупы расстрелянных, не привлекая внимания окружающих. М. Б. Шрейдер вспоминает, что сотрудники НКВД ежедневно «сотнями» расстреливали раздетых догола заключенных в тюремных душевых и складывали убитых штабелями друг на друга, прежде чем закопать их на территории тюрьмы. В Орле жертв расстреливали за городом в близлежащих лесах. При этом палачи из НКВД не смогли с должной «тщательностью» скрыть следы своих деяний, потому что уже через несколько дней после первых расстрелов колхозники из окружающих сел обнаружили торчащие из земли кисти и ступни погребенных.

В ряде случаев главы местных органов НКВД поручали проведение расстрелов лишь немногим своим сотрудникам, которые славились особой беспощадностью. В районе Бутово, недалеко от Москвы, где был устроен специальный полигон для расстрела заключенных в затылок, между августом 1937 г. и октябрём 1938 г. было убито 20 000 чел. — с этой задачей справились всего 12 исполнителей. Так обстояло дело почти во всех регионах страны, где осуществлялись расстрелы врагов народа. В лагере смерти Бикин, расположенном

на отрезке дороги, связывающей Хабаровск с Владивостоком, дьявольскую работу выполняли всего несколько чекистов. Один из исполнителей этих казней вспоминает, что каждое утро четыре автомобиля, в каждом из которых находилось по шесть человек заключенных, направлялись к сопкам, расположенным недалеко от лагеря. Здесь и производились расстрелы заключенных. Уголовники зарывали трупы и копали ямы для новых жертв: «Мы кричали им: «Построиться! Построиться!» Они выбирались наружу, где их ждала уже вырытая яма. Они стояли перед ней, спрятавшись, и мы сразу же начинали в них стрелять... Затем мы снова возвращались в лагерь, сдавали оружие, а потом пили за счет государства — кто сколько хотел». Таким способом здесь было уничтожено более 15 000 чел. По некоторым сведениям, в Москве для убийства заключенных использовались машины-душегубки, ввиду того, что сотрудники местных органов НКВД были перегружены этой нелегкой работой⁸⁷.

Во второй половине 1937 г. Политбюро распространило акции террора и на этнические группы населения, поскольку в глазах большевиков враги принадлежали не только к определенным классам, но и к определенным нациям. К этому времени жертвы уже не могли выбирать, к какой нации они хотели бы принадлежать. Будучи заранее приписанными к какой-либо нации, они не имели права от нее отречься, подобно тому, как бывшие кулаки и священники не могли рассчитывать на снисхождение, даже если клялись в верности советской власти. Овладевшая большевиками навязчивая идея о принадлежности отдельных индивидуумов к различным враждебным группам, обладающим не только социальными, но и национальными чертами, брала начало в политике коренизации 1920-х гг. Захватившие власть большевики не только привязывали национальные коллективы к определенной территории, но и выстраивали среди них иерархию. Чтобы прийти к общему понятию о враждебной нации, необходимо было предварительно сконструировать ее образ и придать ему определенный смысл. Представление о том, что понятие нации не имело для большевиков никакого значения, совершенно несостоятельно. Нации, по их мнению, обладали неотъемлемыми признаками, по которым их можно было различать между собой. Там, где национальные иерархии приводили к конфликтам между различными этническими группами, категории, заданные извне, становились частью собственной идентичности. Большевикам, одержимым национальной идеей, было свойственно наделять эти конфликты идеологическим содержанием. Получилось так, что этническое

происхождение наряду с классовой принадлежностью стали важнейшими характеристиками советских подданных. Мэри Ледер, американская гражданка, исповедовавшая иудаизм и в начале 1930-х гг. эмигрировавшая в Советский Союз, вспоминает, что жители Москвы были просто помешаны на вопросе о национальной принадлежности своих соседей и коллег: «Эта одержимость касалась всех наций: “Вы знаете армянина, что живет на втором этаже?.. Татарина из литейного цеха?.. Ассирийца — чистильщика обуви?.. Школьную учительницу — грузинку?” и так далее». Ледер говорит, что не встретила ни одного русского, который не считал бы, что евреи являются нацией и что Соединенные Штаты Америки представляют собой конгломерат различных национальностей⁸⁸.

Когда Каганович в 1927 г. посетил один из районов Украины, примыкающий к польско-украинской границе, он пожаловался, что украинские рабочие не скрывают своей ненависти к коммунистам и евреям. На сахарном заводе в Бердичеве рабочие прямо заявили ему, что «надо рассчитаться с коммунистами и евреями». Каганович нашел этому свое объяснение, проникнутое враждебностью, как и антисемитские выпады украинских рабочих: по его мнению, весь район был наводнен польскими шпионами, которые настраивали рабочих против советской власти. Польское же население района было отмечено «антисоветизмом» и «пораженческим настроением»; поляки, жившие близ границы, поддерживали тесные связи со своими родственниками в Польше. Как показалось Кагановичу, там везде царило убеждение, что после очередной войны весь этот регион отойдет к Польше. Каганович не говорил этого прямо, но из его сообщения мы можем однозначно сделать вывод, что сам он предпочел бы выселить поляков из советских приграничных районов⁸⁹.

Подданные режима лишь воспроизводили в своем сознании ту одержимость национальным вопросом, которую правящие круги прививали советскому обществу. Сталин, Микоян, Орджоникидзе, Каганович, Ежов и другие представители узкого властного круга или сами принадлежали к этническим меньшинствам, или же выросли на многонациональных окраинах царской империи. В их представлении социальные конфликты всегда были одновременно и этническими. Поэтому они придавали этнической идентификации человека такое значение, которое было бы непонятно для большевиков типа Ленина или Бухарина. Ежов, выходец из Литвы, испытывал глубокую антипатию к полякам; Кагановича отталкивал антисемитизм, обычный в городах и деревнях Запад-

ной Украины, а Сталин испытывал острую неприязнь к горным народам Кавказа и населяющим его малым нациям, которых он считал неблагонадежными и нелояльными к власти. Это субстанциональное, романтическое восприятие наций как судьбоносных культурных сообществ, конечно, не было сопоставимо с расистскими идеями национал-социализма. У большевиков имелось представление о биологической расе, но не оно определяло их действия. Чем иначе можно объяснить тот парадоксальный факт, что, распорядившись в конце 1930-х гг. выселить с Украины всех армян и немцев, власти в то же время воздержались от проведения национальных чисток на территории Армении и в республике немцев Поволжья? В представлении большевиков враги принимают формы социальных и этнических групп. Но подобные коллективы представляли реальную опасность для советского строя лишь в тех случаях, когда их существование как бы «инфицировало» гомогенную социальную среду. Следовало опасаться и того, что этносы, живущие за границами Советского Союза, смогут воспользоваться представителями этих национальных меньшинств, проживающих в Советском Союзе, для дестабилизации страны. Только национально однородные ландшафты, полагали большевики, могут считаться также и современными ландшафтами. Короче говоря, там, где благодаря этническим меньшинствам складываются ситуации неопределенности, они таят в себе непредвиденные угрозы. С точки зрения большевиков, эти угрозы можно было устранить, только применяя силу⁹⁰.

Уже 20 июня 1937 г. Сталин отдал Ежову распоряжение арестовать и депортировать всех немцев, работающих в сфере оборонной промышленности Советского Союза, не делая различий между теми из них, кто является гражданином Германского Рейха, и теми, кто принадлежит к эмигрировавшим из Германии коммунистам. Отныне всякий, кто попадал под подозрение и, с точки зрения политического руководства, имел отношение к германской нации, мог быть арестован, депортирован или расстрелян. В ходе «немецкой операции» погибли 42 000 чел. Немного позже, в августе 1937 г., Сталина и Ежова захватила навязчивая идея о том, что весь Советский Союз напичкан польскими шпионскими группами, осуществляющими акции саботажа в советской оборонной промышленности. Вначале новая операция затронула бывших польских военнопленных, оставшихся в Советском Союзе после 1920 г., политических эмигрантов, членов польских политических партий и польское население в приграничных районах на западе Советского Союза. Однако уже через несколько недель после ее

начала Ежов отдал приказ местным службам НКВД о распространении акции на «всех поляков»: «Поляки должны быть полностью уничтожены». Все, кого органы НКВД определяли как польских агентов, теряли свободу или жизнь. При этом совершенно не принималось в расчет, каких убеждений — коммунистических или националистических — придерживались обвиняемые. Террор не пощадил никого — ни коммунистов, ни сторонников иных партий. Были истреблены почти все представители польской секции Коммунистического Интернационала, а Польская коммунистическая партия вынуждена была в августе 1938 г. объявить о своем роспуске. Более 35 000 поляков были выселены из приграничного района на польско-украинской границе⁹¹. Точно так же обстояло дело и с другими нациями, превратившимися теперь во вражеские: латышами, эстонцами, корейцами, финнами, курдами, греками, армянами, болгарами и другими малыми этносами, населявшими советские республики. Секретарь Красноярского крайкома Соболев нашел, что «игры» в интернационализм пора прекратить, а всех представителей национальных меньшинств следует «схватить, поставить на колени и пристрелить как бешеных псов». А. П. Радзивилловский, начальник Московского управления НКВД, вспоминает, что Ежов поручил ему сконструировать «антисоветскую подпольную организацию латышей», арестовать нескольких латышских коммунистов и «выбить из них необходимые признания». Ежов нисколько не сомневался, что поляки и латыши являются шпионами: «С этой публикой не церемоньтесь... Надо доказать, что латыши, поляки и др., состоящие в ВКП(б), шпионы и диверсанты»⁹².

В ноябре 1937 г. в Киеве были выдворены из своих квартир и депортированы 5 000 немецких семейств, а все китайцы, которые еще проживали в городе, были схвачены органами внутренних дел. В Харькове НКВД начал с того, что арестовал представителей национальных меньшинств, чьи земляки проживали в соседних с Советским Союзом странах. Австрийский ученый Александр Вайсберг-Цибульский, попавший в руки харьковского НКВД, вспоминает, как осенью 1937 г. в тюрьме, где он находился, появились представители малых народов: «Уже в течение сентября распространилась новость о том, что арестам подвергаются латыши, затем — армяне. Мы не могли понять, что это означает. Мы исключали возможность того, что ГПУ могло выбрать в качестве основания для репрессивных мер против политических убеждений какого-либо человека такой малозначащий критерий, как его национальная принадлежность. Однако мы вынуждены были

констатировать тот факт, что в один определенный день все заключенные, доставленные в тюрьму, оказались латышами, в другой день это были армяне. В обоих случаях речь шла о сотнях заключенных»⁹³.

«Национальные» чистки не подчинялись определенному, строго выверенному плану, у органов НКВД даже не было ориентировочных данных относительно предполагаемого числа арестованных. Но и эта операция находилась под контролем центра. Хотя количество избираемых жертв было оставлено на усмотрение местных инстанций, последнее слово всегда оставалось за Москвой — Ежов и Генеральный прокурор Советского Союза Вышинский сами составляли «черновые наброски» планов, сколько людей следует ликвидировать, а сколько — отправить в концентрационные лагеря; они утверждали списки жертв, поступающие из провинции, или вносили в них свои изменения. Ежов и Вышинский каждый вечер рассматривали от 1 000 до 2 000 случаев и выносили по ним решение. 29 декабря 1937 г. они «приговорили» 992 латышей из Ленинградской области к высшей мере наказания — расстрелу. Вопрос о депортации враждебных народов не входил в сферу их компетенции — здесь последнее слово принадлежало Сталину.

Большевики грезили об этнически гомогенном ландшафте, в котором больше не было бы места для нелояльных групп населения. Но этот проект невозможно было осуществить без крупномасштабных этнических чисток. Поэтому в годы Большого Террора власти также прибегли к выселению национальных меньшинств из приграничных районов Советского Союза. Уже в апреле 1936 г. Политбюро санкционировало депортацию с Украины 45 000 поляков и немцев, чтобы очистить приграничные районы от враждебных этнических групп. В августе 1937 г., после того как японская армия начала свой поход в Северный Китай, Сталин велел депортировать в Казахстан корейцев, проживавших на Дальнем Востоке. В то же самое время более 1 000 курдских семейств из Азербайджана и Армении были отправлены через Каспийское море в Казахстан. В январе 1938 г. Сталин отдал НКВД распоряжение переселить в Среднюю Азию всех иранцев с советским гражданством, проживавших вблизи от советско-иранской границы⁹⁴.

Жертвами «национальных» чисток, продолжавшихся вплоть до ноября 1938 г., стали более 350 000 чел., около 144 000 чел. были арестованы лишь во время депортации поляков. Почти 250 000 чел. были расстреляны специальными подразделениями

НКВД. В целом жертвами террора между августом 1937 г. и ноябрем 1938 г. стали 767 397 чел., из них 368 798 чел. были расстреляны по решению «троек». По данным НКВД, с 1 октября 1936 г. по 1 ноября 1938 г. были арестованы 1 565 041 чел., из них в связи с «национальными» чистками — 365 805 чел. и на основании приказа 00447 — 702 656 чел. 668 305 чел. были расстреляны, остальные — заключены в лагеря⁹⁵.

То, что в начале 1937 г. представлялось как кровавое «самоочищение» коммунистической партии, вылилось в безумную оргию насилия, которая произвела ужасающие физические и нравственные опустошения. пытки и убийства продолжались до самой зимы 1938 г., а партийному руководству и в голову не приходило положить им конец. В 1937 г. жизнь вышла из привычной колеи, и воцарилось чрезвычайное положение. Весь этот апокалиптический театр ужаса был замыслен в центре и там же срежиссирован. Сталин и его подручные контролировали процесс террора, именно они принуждали местные партийные организации и органы безопасности осуществлять экстремистские акции безмерного масштаба. Происходившее в те годы вовсе нельзя свести к прихоти недалеких провинциальных сатрапов, которые навязывали центру свои стратегии уничтожения. Это было дело рук Сталина — ведь для него страдания, которые он причинял другим людям, были не бессмысленной жестокостью, а очистительной грозой. По его замыслу, она должна была раз и навсегда очистить мир от прилипшей к нему грязи, и для достижения этой цели никакой террор не мог быть слишком жестоким⁹⁶.

Террор завершался в несколько этапов. На Пленуме ЦК в январе 1938 г. Сталин и Маленков впервые критически высказались о перегибах, допущенных при исключении из партии и при арестах членов партии. П. П. Постышев, до 1937 г. занимавший должность первого секретаря коммунистической партии Украины, впал в немилость из-за крайностей, допущенных под его руководством на Украине. Как говорилось на Пленуме, Постышев приказывал преследовать невинных людей и при этом терял из виду настоящих врагов. Пример с Постышевым давал сигнал о прекращении террора внутри партии: сразу по завершении Пленума лица, несправедливо исключенные из партии, снова были восстановлены в ее рядах, а заключенные освобождены из тюрем. Напротив, террор в отношении «социально чуждых элементов» и враждебных народов непрерывно продолжался и в течение всего 1938 г. Более того, Сталин дал понять Ежову, что он недоволен результатами проводимых им операций: тюрьмы переполнены,

НКВД не в состоянии быстро и в заданные сроки покончить с оставшимися на воле врагами. Чтобы ускорить процесс, в сентябре того же года в руки «троек» были переданы также дела, связанные с депортацией народов. Все эти операции следовало завершить к 15 ноября 1938 г. Таким образом, осенью 1938 г. колесо смерти совершило еще один чудовищный поворот, пока Сталин не объявил в середине ноября о прекращении массового террора, — в промежутке между сентябрем и ноябрем в застенках НКВД были убиты еще 72 000 чел.

Никто никогда не узнает, что заставило диктатора прекратить массовые расстрелы. Быть может, он и его подручные осуществили свою мечту, стерев с лица земли своих врагов? Однако против такой версии событий говорит тот факт, что в военные и послевоенные годы террор все-таки продолжался. Возможно также и то, что Сталин постепенно начал осознавать разрушительные последствия террора. И вот настал момент, когда центральные органы стали вмешиваться в своевольные действия чекистов на местах. Когда заместитель начальника Новосибирского управления НКВД в конце 1938 г. обратился к своему начальнику за разрешением на арест 100 священнослужителей, обвиняемых в контрреволюционной деятельности, тот ответил ему, что уже не время «бросать попов в темницу»⁹⁷.

Последний час Н. И. Ежова пробил, когда массовый террор стал подходить к своему завершению: финал «ежовщины» — этим словом народная молва обозначила кровавую вакханалию 1937–1938 гг. — означал конец и для самого Ежова. Если в начале 1938 г. Ежов еще в полной мере пользовался милостями диктатора, то, когда в апреле того же года Сталин дополнительно возложил на него обязанности наркома водного транспорта, сразу поползли слухи о том, что Сталин хочет ослабить позиции Ежова и отстранить его от работы в НКВД. Сам же Ежов не предпринимал ничего для того, чтобы сохранить благосклонность Сталина. Он развязал беспощадный террор в наркомате водного транспорта и наводнил его людьми из НКВД. Начиная с лета 1938 г. Ежов стал распространять свое влияние и на провинциальные партийные комитеты, в которые он продвигал людей из своего окружения. Им овладела мания величия, он не умел пользоваться властью, которой его наделил Сталин. На своей даче и в служебном кабинете он предавался пьяному разгулу и сексуальным оргиям и не мог воздержаться от привычки напиваться даже во время своих командировок в провинции. Во время посещения Киева в феврале 1938 г. Ежов и руководитель НКВД Украины А. И. Успенский появились на приеме в партийном коми-

тете в нетрезвом виде. Алкоголь развязал высокопоставленному чекисту язык: он утверждал, что обладает безграничной властью и держит в своих руках всех и каждого, что может по своему усмотрению арестовать любого советского руководителя. Сталину стало известно об образе жизни и бахвальстве главы его органов безопасности. Летом 1938 г. звезда Ежова начала закатываться. Болезненная подозрительность Сталина усилилась после того, как начальник Дальневосточного управления НКВД и доверенное лицо Ежова Г. С. Люшков бежал в Японию. В августе 1938 г. Сталин назначил заместителем Ежова своего грузинского земляка Л. П. Берию. Благодаря своей беззастенчивости и жестокости Берия хорошо зарекомендовал себя для этой должности. Именно эти присущие ему качества он поставил на службу НКВД. Берия начал арестовывать приближенных Ежова и замещать руководителей местных органов НКВД своими людьми. Но самое главное — он стал поставлять Сталину информацию о крайностях и промахах в работе руководства НКВД. Ежов впал в панику, его охватил страх утратить влияние и более того — лишиться жизни. Но Сталин удалил от себя Ежова лишь в ноябре 1938 г., после окончания массового террора, и заменил его на Берию. Последний начал с того, что сразу же велел арестовать и ликвидировать сторонников своего предшественника по руководству НКВД. Агония Ежова затянулась больше чем на год. Сталин еще оставил бывшего главу НКВД в составе Политбюро, в январе 1939 г. Ежов в последний раз принял участие в заседании этого органа, а в апреле Сталин приказал его арестовать. Жизненный путь Ежова завершился лишь в феврале 1940 г., когда Военная коллегия Верховного суда на закрытом заседании приговорила его к расстрелу: его обвинили в том, что он являлся руководителем иностранного заговора в органах НКВД и хотел убить Сталина и Берию. Вместе с Ежовым ушли из жизни все его приближенные и их близкие, их жены и дети — всего 346 чел. Но даже в предоставленном ему последнем слове по-прежнему звучал голос сталинского опричника: он утверждал, что никогда не совершал ошибок, наоборот, «очистил» НКВД от 14 000 чекистов: «Но самая главная моя вина состоит в том, что я на самом деле так мало вычистил их... Вокруг меня везде были враги, мои враги. Я везде вычищал чекистов. И только в Москве, Ленинграде и на Северном Кавказе я не смог их вычистить. Я верил в их честность, но оказалось, что я собрал под своей крышей саботажников, вредителей, шпионов и врагов народа».

Ежов стал персоной *non grata*, его имя больше нигде публично не произносилось, как будто он никогда не существовал. Сам Ста-

лин редко о нем упоминал. Авиаконструктор А. С. Яковлев вспоминает, как уже годы спустя Сталин говорил: «Ежов был мерзавец. Разложившийся человек. Звонишь ему в наркомат — говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК — говорят: уехал на работу. Посылаешь к нему на дом — оказывается, лежит на кровати мертвецки пьяный. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли»⁹⁸.

Сталин

Сталинский террор трудно понять вне той культуры насилия, которая породила преступников. Практики, претворявшие в жизнь бесчеловечные идеи большевизма, были убеждены, что все страдания, которые они причиняли людям, были необходимым хирургическим вмешательством. Утопические проекты большевиков были бы невымыслимы без того импульса, который был задан им европейским марксизмом. Однако насилие, посредством которого большевистская программа реализовалась на практике, рождалось не из текстов классиков марксизма. Оно было возвращено в головах самих сталинских руководителей, способных представлять себе всякую власть только как власть насильственную. Большевики были приверженцами насилия. Всякий раз, появляясь на публике, они украшали себя знаками воинской силы: военные сапоги, черная кожаная куртка, мундир и револьверная кобура. Это были свидетельства их умонастроения. Сталинский функционер происходил из деревни, он был порождением культуры, которую сам же и преследовал огнем и мечом. Сталин не мучился угрызениями совести, он исповедовал насилие. Он не был психически больным, не страдал депрессиями и галлюцинациями. Сталин вырос в таком окружении, где насилие конституировало межличностные отношения. Распри на почве кровной мести, власть бандитских группировок и ритуализированные «битвы» между рабочими и крестьянами разных деревень — такова была среда, окружавшая молодого грузина Сталина. И выстоять в таком окружении мог только тот, кто обладал превосходящей силой и был способен убить другого человека прежде, чем он убьет его самого. Культовыми фигурами для Сталина стали главари разбойничьих банд, и не только потому, что они бросали вызов самодержавному государству и его чиновникам, — подросток видел в них воплощение идеала мужества и способности к насилию, необходимому для собственной безопасности. Мужчины были воинами, готовыми преодолеть свою разобщенность и маргинальность, объединившись с другими воинами в борьбе с врагом. И они оставались во-

инами даже тогда, когда оказывались заброшенными в такую среду, где в насилии уже не было нужды. Ибо свойственные человеку культурные навыки не исчезают даже в тех случаях, когда он сталкивается с чуждым ему миром. Наоборот, их значимость возрастает, поскольку благодаря им непостижимая реальность обретает доступный человеку смысл. В любом случае, Сталин воспринимал окружающий мир сквозь призму насилия. Он видел вокруг себя врагов не потому, что марксизм не оставлял ему возможности выбрать иной способ истолкования мира, а потому, что в привычной для него картине мира неверность должна была подвергаться суровой каре. В этом нужно видеть не проявление психической травмы обиженного жизнью существа, но прежде всего выражение культуры, в основе которой лежало насилие. «Бывают такие слабаки, которые пугаются снарядов и ползают по земле, — эти люди вызывают смех» — так Сталин говорил на заседании Политбюро по случаю годовщины Октябрьской революции в ноябре 1938 г. В этом у Сталина было много общего с людьми из его свиты — Орджоникидзе, Берией и Микояном. Но Ворошилов, Молотов и Каганович говорили и судили о насилии точно так же, как их вождь и его кавказские друзья. Как объяснял Ворошилов на одном из таких же собраний, если бы после смерти Ленина победа во внутрипартийной борьбе досталась не Сталину, а его противникам — Троцкому и Зиновьеву, — то, по его словам, «они вырезали бы нас всех». Другого решения люди из сталинской свиты представить себе не могли⁹⁹.

Сталин и его соратники были непосредственно, физически привязаны к насилию. Сталин приказывал приводить людей, подвергшихся пыткам и избиениям, в свой рабочий кабинет; он сам давал указания, как следует истязать арестованных. Сталин лично избивал своего секретаря Поскребышева. После смерти тирана Поскребышев рассказал об этом писателю Александру Твардовскому: «Он избивал меня, хватал за волосы и бил головой о стол». «Бить и бить» — такие слова Сталин иногда оставлял на листах со списками врагов народа, которые ему представляли. Сталинские опричники, Ежов и Берия, не просто принимали участие в допросах, они и сами прибегали к избиению подозреваемых. Хрущев вспоминает о своей встрече с Ежовым в 1937 г. — на сорочке главы НКВД были видны следы крови: крови «врагов народа», как уточнил сам Ежов. Порой перед посещением тюрьмы в Лефортово, где Ежов участвовал в допросах заключенных, он напивался. Известно, что он приказал отрезать нос и уши одному из арестованных. Ежов участвовал в расстрелах заключенных и даже

собирал гильзы от револьверных патронов, которыми чекисты расстреливали свои жертвы. После ареста Ежова в марте 1939 г. в ящике его стола были найдены гильзы от патронов с выгравированными именами людей, убитых пулями из этих патронов. Такое же поведение был свойственно большевистским опричникам из второго звена партийной иерархии — глава компартии Азербайджана М. А. Багиров, секретарь Ивановского обкома Симошкин, заместители Берии в НКВД Б. З. Кобулов и Ю. Д. Сумбатов-Топуридзе лично участвовали в пытках и казнях, совершаемых во имя вождя народов¹⁰⁰. В заключение следует сказать, что невозможно понять природу сталинизма, не уяснив для себя характер интеллектуальных установок диктатора и своеобразие того исторического окружения, в пределах которого осуществлялось насилие. Цивилизованные нравы, об усвоении которых так пеклись большевики, были присущи организаторам преступных деяний в столь же малой степени, как и их жертвам.

Сталинизм представлял собой способ насильственного утверждения однозначных отношений в обществе; он был попыткой создания человека нового типа путем физического устранения людей, принадлежащих к миру прошлого. Триумфальное шествие сталинизма непрерывно сопровождалось беспредельным насилием, вырвавшимся из той традиции, которую сталинизм хотел сокрушить. Он был укоренен в прошлом больше, чем нам может показаться. Сталинизм в его худших проявлениях стал возможен благодаря союзу безумных манихейских идей с архаической традицией насилия. Именно поэтому идея культурной однородности общества привела в условиях большевизма к массовому террору.

Никто так убедительно не показал отвратительное лицо сталинизма, как Густав Херлинг, польский офицер, попавший в советский лагерь после подписания пакта Молотова–Риббентропа. Он вспоминает, какие картины советской жизни увидел, когда в 1942 г. был выпущен на свободу. Даже проведя несколько лет в нечеловеческих условиях в советских лагерях, он был шокирован тем, с чем ему пришлось столкнуться в городе Вологде. Сотни отпущенных на волю заключенных лежали на земле в зале ожидания местного железнодорожного вокзала, уже несколько дней дожидаясь прибытия поезда. «День за днем они слонялись по городу, где с утра и до вечера пытались найти себе какое-нибудь пропитание. Ближе к ночи они заполняли огромное здание вокзала, где органы НКВД разрешили им ночевать. Я воздержусь от воспоминаний об этих четырех ночах, проведенных мной на вок-

зале в Вологде, иначе придется погрузиться в такие бездны, которые едва ли поддаются описанию. Достаточно будет сказать, что все мы лежали там, как сельди в бочке, тесно прижавшись друг к другу и распространяя невыносимое зловоние... Всякая попытка ночью перебраться через эту человеческую массу, чтобы добраться до ближайшей параша, почти всегда приводила к тому, что кто-то оказывался на грани смерти... Я и сам однажды наступил на чье-то лицо, когда, внезапно проснувшись и еще не придя в себя, шатаясь, пробирался к баку с нечистотами. Одна моя нога оказалась зажата между двумя лежащими телами, и, чтобы освободить ее, я перенес всю тяжесть своего тела на другую ногу. При этом я почувствовал, как под моим сапогом продавилась и хрустнула какая-то рыхлая масса, а из-под подошвы брызнула кровь. Возле бака меня сразу же вырвало... Каждое утро из зала выносили и сбрасывали в открытый товарный вагон по меньшей мере десятков трупов людей, полностью раздетых их сотоварищами». Но и по ту сторону вокзала Херлинг видел одни только ожесточившиеся и несчастные лица людей, грызущихся между собой из-за последнего куска хлеба, который еще можно было здесь добыть: «Презрение к человеку, деградировавшему до состояния механизма и утратившему человеческие функции, пронизало все слои русского народа, оно охладило и ожесточило даже самые чистые человеческие сердца»¹⁰¹.

V. ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Вторая мировая война

В начале 1940 г. НКВД поверг в ужас все польское население Львовской области, отошедшей к Советскому Союзу после заключения пакта Молотова–Риббентропа. Чекисты начали переписывать всех иностранцев, должностных лиц бывшего польского государства и всех граждан польского происхождения. В феврале того же года начались депортации, которые продолжались до апреля месяца. Все, кто попал в списки НКВД, не могли избежать изгнания и должны были навсегда оставить свои дома и хозяйство. Палачи, действовавшие по заданию сталинского режима, не знали снисхождения ни к детям, ни к старикам, ни к больным: они не оставляли никого, кто мог бы рассказать о том, что здесь происходило.

Красный террор начался сразу же после вступления Красной армии в Восточную Польшу. Он затронул вначале только людей состоятельных и образованных: чиновников и офицеров, помещиков, полицейских и судей, учителей и интеллектуалов. А поскольку насилию подвергались прежде всего представители польской элиты, в некоторых районах в их арестах и расстрелах приняли участие также украинские крестьяне и еврейское население. Большевики и в этом случае прибегли к социальной профилактике — они использовали здесь накопленный внутри Советской страны опыт по очищению общества от скопившегося в нем социального и этнического «сора», а также по искоренению всех его врагов. В Восточной Польше, отличавшейся этническим многообразием населения, жертвами красного террора стали прежде всего поляки, которых большевики рассматривали как представителей враждебной нации, угнетавшей украинских и белорусских крестьян. В Украинской и Белорусской советских республиках, к которым были присоединены захваченные области Польши, уже не было места для враждебных наций. Поэтому после раздела Польши в начале 1940 г. сталинский режим продолжил на захваченных им территориях политику этнических чисток, практиковавшуюся им еще в 1930-х гг. на территории советских приграничных областей.

Специальные подразделения НКВД появлялись здесь внезапно. У их жертв оставалось время, только чтобы одеться и собрать в карманы предметы первой необходимости, прежде чем сотрудники НКВД изгоняли их из домов. Во многих местах дети, возвра-

тившиеся из школы, уже не заставляли дома своих родителей; во время депортации разлучались между собой целые семьи, друзья и родственники. И почти нигде жертвы выселения не имели представления, почему их запирают в вагоны для скота и увозят с родины. Как правило, им не сообщали и о том, куда их отправляют. Операция по изгнанию во многих районах привела к транспортному хаосу. Тысячи грузовых автомобилей и двуколок с грохотом неслись по улицам Львова, центра Восточной Украины. Как вспоминала одна оставшаяся в живых свидетельница тех событий, в ранние утренние часы слышался только плач детей, вой собак и отдельные выстрелы, производимые сотрудниками НКВД: «Когда мы приблизились к улице, нашему взгляду открылось весьма неприятное зрелище: там уже стояли наготове несколько сот саней, заполненных польскими семьями. Дети плакали. Вокруг колонны разъезжали верхом солдаты Красной армии. Это была живая драма».

Сельские жители польского происхождения конвоировались в лютый мороз на железнодорожные вокзалы, где их погружали в вагоны. Маленькие дети обычно погибали еще во время транспортировки на вокзал. Один из выживших свидетелей вспоминает, что видел в Пшемысле замерзших грудных детей, оставленных их матерями на обочинах дорог. Вокзалы представляли собой жуткую картину: выселяемых запикивали в тесные телячьи вагоны, где они оставались взаперти много дней, прежде чем поезд отправлялся в путь. Часто смерть настигала людей уже на вокзале или во время перевозки в неотапливаемых вагонах¹.

Национал-социалисты, как и большевики, хотели стереть с лица земли польское государство и его элиту. Этой цели служили прежде всего систематические преследования католических священников и офицеров польской армии. Там, где речь шла об уничтожении врага, Сталин и его приспешники также не останавливались ни перед чем, отдавая роковые приказы. 5 мая 1940 г. Политбюро дало НКВД задание организовать расстрел 25 700 польских «офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, шпионов, жандармов и тюремных надзирателей», находящихся в советских лагерях для военнопленных и в украинских и белорусских тюрьмах. Советские власти исключали возможность проведения по их делам какого-либо судебного расследования с предъявлением обвинения. Все, кто попал в списки НКВД, подлежали расстрелу, поскольку, с точки зрения сталинского режима, находящиеся в лагерях и в тюрьмах польские офицеры, чиновники и помещики являлись «смертельными врагами Советской власти,

исполненными ненависти к советскому строю»; «каждый из них только и ждет возможности выйти на свободу, чтобы активно включиться в борьбу против Советской власти». А поскольку органы НКВД выискивали во всех завоеванных областях следы готовящегося восстания, то, с их точки зрения, польские офицеры представляли опасность для нового порядка. По словам Берии, НКВД считал необходимым расстрелять их всех как «неисправимых врагов» советского строя. Сталин, по своему обыкновению, дал на это согласие. Приказ тирана был немедленно приведен в исполнение — 4 500 польских офицеров были расстреляны сотрудниками НКВД в лесу под Катынью².

Совершенное сталинским режимом в Восточной Польше не ограничивается границами этого региона, поскольку после окончания финско-советской войны и после аннексии Прибалтийских республик в июне 1940 г. режим продолжал практику неограниченного террора против интеллектуальных элит завоеванных им стран. А поскольку в состав этих элит обычно входили представители титульных наций, террор всегда обретал характер этнических чисток. Во всяком случае, так воспринимали этот террор его жертвы, хотя Жданов и Вышинский, перед которыми Сталин летом 1940 г. поставил задачу распространения террора и на Прибалтийские республики, при осуществлении операций по истреблению и депортации людей задеиствовали в них также и прибалтийских коммунистов.

Завершение Большого Террора зимой 1938 г. не означало конца сталинизма. Напротив, он непрерывно продолжался вплоть до 1953 г., принимая новые формы. Ведь ни Сталин, ни его подручные не расставались с обуревавшей их в прошлом манией насилия и теорией заговоров — они только придали им иную направленность и облекли в новые формы. Чем же характеризуется тот этап в истории сталинизма, который наступил после Большого Террора? Режим жил в ожидании заговоров и высматривал себе новые жертвы. Кремлевские вожди впредь уже не возвращались к саморазрушительной практике массового террора, против членов коммунистической партии и государственных служащих. И хотя даже в конце 1930-х и в 1940-х гг. режим еще хватал и расстреливал партийных функционеров, подозреваемых им в нелояльности, партийная система уже не стремилась к саморазрушению. Везде, где власть имущие осуществляли практику террора, они каждый раз направляли его в новое русло. Но при этом твердо придерживались правила, согласно которому стигматизации и мерам кара-

тельного воздействия следовало подвергать целые человеческие коллективы. Однако сообщества прокаженных обретали иные, «объективные» отличительные признаки: обозначая врагов, большевики называли их уже не «социально чуждыми элементами», «бывшими» или «кулаками», а «поляками», «немцами», «сионистами», иностранными шпионами и «чужими». Когда же речь шла об уголовниках, бандитах и бродягах, то они теперь именовались «социально опасными элементами». Большевики придали понятию врага этнический и биологический смысл. Поскольку способы обращения с врагом полностью зависели от прихоти большевистских вождей, их жертвам была оставлена единственная возможность — смириться с неизбежностью. Никого из партийного руководства не интересовало, имеют ли обвиняемые доказательства своей невинности. Любой приписанный к вражескому коллективу уже не мог по своей воле выйти из него. За одну ночь друзья могли превратиться во врагов, и никто из людей, вовлеченных в эти события, не мог повлиять на свою судьбу. Так случалось уже во время этнических чисток 1937 и 1938 гг. С тех пор придание враждебным группам объективного содержания и этнических характеристик стало основополагающим принципом большевистского террора.

Через десять лет после начала массового террора понятие «классовый враг» полностью утратило свою актуальность. Действительно, кто стал бы в 1939 г. всерьез говорить о том, что Советскому Союзу угрожают дворяне, кулаки, белогвардейцы или эсеры? Но большевики не могли жить без врагов. В своем тщетном стремлении к однозначности они должны были всякий раз справляться с новыми врагами. В это время к врагам стали относить прежде всего представителей малых наций или иностранцев, а в конце 1940-х гг. террор был обращен также и против «асоциальных» и уголовных элементов. Однако то, что происходило в Советском Союзе после Большого Террора, невозможно понять без учета изменений, которые произошли в отношениях между Советским Союзом и его соседями. Вплоть до начала процесса коллективизации советская национальная политика была направлена на то, чтобы дестабилизировать политические режимы в соседних странах. Малые народы Советского Союза получили определенные привилегии, недоступные для этнических меньшинств, населявших соседние государства. Но московское руководство вынуждено было принять к сведению тот факт, что за пределами страны привлекательность советской модели общества была весьма незначительной. Прибалтийские республики, Финляндия и

Польша не знали коллективизации, как и не сталкивались с массовым террором. Они не видели ужасов голода, характерных для советской действительности. Даже у южных соседей Советского Союза, таких, как Турция и Иран, советский пример построения общества особых симпатий не вызывал. В 1930-е гг. тысячи крестьян из Советского Союза бежали через границу, спасаясь от большевистского террора. У руководителей Советского Союза уже не было иллюзий относительно преимуществ своего социального строя, они видели притягательность общественных систем, утвердившихся в соседних странах. Именно поэтому они отдавали приказы о депортации этнических меньшинств из приграничных областей и об уничтожении принадлежащих к ним элит. Немцы, поляки, эстонцы, латыши, финны и другие меньшинства попадали под подозрение в том, что они являются «троянскими конями», действующими в интересах зарубежных держав. Тогда и межгосударственные границы превращались в бастионы, а приграничные районы — в зоны безопасности, из которых следовало выселять все потенциально нелояльные группы населения.

Ксенофобия большевистских вождей процветала в изоляции, она возникла в социальной среде, выходцы из которой не имели никакого представления о жизни людей по ту сторону советской границы и видели угрозу во всем, что выходило за пределы знакомого им круга. Большевистские вожди заперли подданных Советского Союза в его границах, они перекрыли для них все каналы внешнего влияния. Власть имущие, как и их подданные, в равной мере пребывали в изоляции от внешнего мира. Общаясь между собой, они обменивались друг с другом враждебными чувствами. Советское общество было пропитано ядом большевистской ненависти ко всему чужому. Но все то, что большевики привнесли в общество, возвращалось к ним. Именно ксенофобия и постоянная боязнь заговоров связали воедино жизнь большевистских вождей с жизнью их подданных. Всякий раз, когда в языке режима слышалась вражда, присущие властным кругам представления о мире получали свое подтверждение. Этот мир был отравлен, ему со всех сторон угрожали враги. В 1930-е гг. такого рода фобии обрели статус достоверности. Приход нацистов к власти в Германии, утверждение авторитарных фашистских режимов в Центральной Европе и на южном фланге империи, столкновение враждебных друг другу политических сил во время гражданской войны в Испании — все это убеждало советских политических лидеров в том, что враг не только прячется внутри страны, но и угрожает ей извне. С вторжением немецких войск эти воображаемые картины превратились в

реальность. Поэтому Вторая мировая война вовсе не привела к десталинизации Советского Союза. Наоборот, она способствовала радикализации сталинской ксенофобии, потому что оккупационная политика национал-социалистов не оставляла населению завоеванных территорий другого выбора, кроме признания своего этнического и расового статуса в соответствии с тем рангом в иерархии, который нацисты для него предназначили. Получилось так, что национал-социалисты приняли участие в процессе «объективирования» образа врага³.

Когда в рассветные часы 22 июня 1941 г. несколько миллионов солдат немецкой армии перешли границу Советского Союза, казалось, что сталинскому режиму пришел конец. В первые месяцы войны ничто не предвещало, что советской армии удастся добиться перелома в ходе войны. Уже к осени 1941 г. под ударами немецких вооруженных сил она приблизилась к развалу. Красная армия не подготовилась к нападению немецких войск, она даже не была приведена в состояние боевой готовности, потому что Сталин не пожелал всерьез отнестись к сообщениям своих разведывательных служб о готовящемся нападении. Он не поверил и словам немецкого посла, для которого задача сохранения германо-советского союза значила больше, нежели его лояльность по отношению к Гитлеру. Сталин не придавал значения и предупреждениям, сделанным заместителем главы НКВД В. Н. Меркуловым. Когда Меркулов захотел подробно доложить Сталину о том, что враг готовится к нападению, тот грубо посоветовал ему послать своих агентов в штабе люфтваффе «к такой-то матери». Все то, реальность чего Сталин не хотел признавать, для него не существовало. Когда новый нарком обороны маршал С. К. Тимошенко на совещании в Кремле потребовал, чтобы войска были приведены в состояние боевой готовности, Сталин оборвал его. Свидетели так описывают эту сцену: «Сталин вернулся к столу и резко сказал: “Это работа Тимошенко. Он готовит нас всех к войне. Его давно следовало бы расстрелять... Тимошенко — детина с большой головой и вот такими маленькими мозгами”, — при этом он вытянул палец руки... После этого Сталин вышел из комнаты. Затем он еще раз приоткрыл дверь с другой стороны, просунул в щель свое покрытое оспинами лицо и жестко добавил: “Если вы спровоцируете немцев недозволенными передвижениями войск вдоль границы, тогда полетят головы! Имейте это в виду!” С этими словами он хлопнул за собой дверью»⁴.

Вследствие этого нападение немецких войск вылилось для Красной армии в настоящую катастрофу. Немецкое командование

ликовало, вновь добившись блицкрига. И снова все указывало на скорую победу немецкой армии, подобную той, какую она одержала на Западном фронте в 1940 г. После первых же недель боев в ее руках были Вильнюс и Минск, а в сентябре 1941 г. немецкие солдаты уже стояли у стен Ленинграда. Между тем Гитлер распорядился отложить наступление на Москву. Вместо этого он приказал своим генералам повернуть острие главного удара на Украину, чтобы поставить под немецкий контроль важные в военном отношении зерновые районы Украины и предотвратить возможность захвата советскими войсками румынских нефтяных полей. Генералы вынуждены были подчиниться фюреру, хотя и не одобряли его стратегии. Но и на южном направлении немецкие войска быстро продвигались вперед — в середине сентября был взят Киев, а в октябре они овладели Харьковом. В одном только киевском котле немцы взяли в плен более 600 000 советских солдат.

Все происходившее на фронте в первые недели с начала войны, казалось, подтверждало убежденность немецких генералов в том, что советская армия не обладает достаточной боевой мощью. Советские офицеры были малоинициативны, плохо подготовлены и необразованны; советский генералитет отличался своей некомпетентностью. Лишь немногие из новых выдвиженцев и партийных ставленников, получивших офицерские звания и выдвинутых на руководящие должности после террора 1937 г., соответствовали поставленным перед ними задачам. На фронте господствовал управленческий централизм. Сталин и его военные советники отказывали боевым командирам в праве принимать самостоятельные решения и приказывали дожидаться указаний из центра. Но его распоряжения лишь в редких случаях доходили до командующих войсками на фронте, потому что немецкие подразделения перерезали систему связи Красной армии. А всякий раз, когда центральному военному руководству удавалось наладить связь с действующими штабами, его указания приводили только к путанице и хаосу. Сталин раздавал бессмысленные приказы об удержании позиций любой ценой; он и его советники настаивали на том, что лучшим способом обороны является нападение, и гнали советские войска на гибель. Везде, где армия большевистского государства сталкивались с технически и стратегически превосходящей ее немецкой военной машиной, она терпела сокрушительные поражения. В начале войны Красная армия не могла даже рассчитывать на готовность своих солдат к самопожертвованию: хотя на многих участках фронта красноармейцы оказывали врагу ожесточенное сопротивление, в других местах целые подразделения в

сотни тысяч солдат бежали с поля боя. Самоуверенность национал-социалистического режима возросла безмерно, его представители из гражданских и военных кругов не осознавали, какие опасности таит в себе план «Барбаросса»⁵.

Тем не менее война против Советского Союза не стала молниеносной войной, она перешла в войну на истощение, полностью исчерпавшую силы вермахта. Только к концу августа 1941 г. германские вооруженные силы потеряли более 400 000 солдат, и уже к осени того же года стало ясно, что стратегия быстрого покорения Советского Союза оказалась нереальной. Но к долгой, пожирающей все силы войне Германский рейх готов не был. Ему не хватало не только солдат, но и материальных ресурсов, которые могли бы способствовать победоносному завершению войны. Финал блицкрига, наступивший зимой 1941 г., означал и конец военных завоеваний национал-социализма. И никто не понимал это лучше, чем сам Гитлер, полагавшийся теперь только на то, что он сможет противопоставить техническому и экономическому превосходству союзников железную стойкость своих солдат⁶.

Когда германское военное руководство было вынуждено отказаться от стратегии молниеносной войны, немецкая армия на Востоке утратила свойственную ей мобильность и ударную мощь. Солдатам не хватало зимнего обмундирования и снаряжения, под влиянием тяжелых климатических условий стала отказывать военная техника, а когда температура воздуха опускалась ниже допустимых пределов, глохли и моторы у танков. И за все это время немецкой военной индустрии так и не удалось восстановить технические потери и построить необходимое количество боевых машин, с помощью которых военное руководство смогло бы поддерживать мобильность войск. Восточная армия голодала и мерзла. Уже зимой 1941 г. можно было видеть немецких солдат, слонявшихся на морозе в добытых у населения шубах и дамских пальто, подобно «бродягам, потолстевшим от одежды». Большие потери, которые пришлось понести немецким войскам, несмотря на их первоначальные успехи, привели к разрывам в линии обороны; на многих участках фронта немногочисленные немецкие подразделения противостояли подавляющим силам советской армии. Потери деморализовали солдат. Боевые части теряли свою внутреннюю спаянность, постоянное пополнение дивизий вновь набранными солдатами и офицерами вело к падению дисциплины и сплоченности. Души солдат грубели не от того, что те воевали на стороне национал-социализма, а потому, что эта война поставила их

в такие условия, при которых выжить мог только тот, кто отбросил все моральные препоны. Вермахт и Красная армия вели войну, соответствующую определенным климатическим условиям и примитивным техническим возможностям их времени⁷. В этой схватке не было места цивилизованным правилам. Вермахт нарушал все действующие военные конвенции, а Красная армия платила ему той же монетой. Советско-германская война была войной, соответствующей природе национал-социализма и коммунизма; это была война, где врага не побеждали, а искореняли.

Летом 1944 г. советские войска разгромили группу армий «Центр», а осенью того же года они уже подошли к прежним государственным границам Советского Союза. Они все еще с большим трудом продвигались вперед, и на этой последней фазе войны, завершившейся в мае 1945 г. взятием Берлина, Красная армия потеряла еще более миллиона солдат. Несмотря ни на что, она одержала победу, в которую в 1941 г. никто не верил⁸.

Но как стало возможным то, что Советский Союз не только оправился от сокрушительных ударов немецких войск, но в конце концов вошел в число победителей во Второй мировой войне? Вначале, казалось бы, ничто не предвещало того, что сталинский режим сможет еще раз подняться. К концу октября 1941 г. более миллиона советских солдат находились в немецком плену, а на Западной Украине, в бывших Прибалтийских республиках, в Молдавии и в Крыму немецких солдат встречали как освободителей от сталинского ига. Во Львове, который до пакта Молотова–Риббентропа принадлежал Польше, местное население подняло восстание против Красной армии еще до того, как немецкие войска вошли в город. Хотя город находился в руках Красной армии до 30 июня 1941 г., украинские стрелки обстреливали советских солдат с крыш домов. Как вспоминал один советский офицер, красноармейцы смогли покинуть Львов лишь под прикрытием танков⁹. Когда во Львов вошли немецкие войска, украинское население города устроило кровавую расправу над всеми коммунистами, которых смогло захватить, и начало терроризировать еврейских жителей города, считая их виновными в поддержке большевистского режима. Этот погром украинские националисты представили как справедливую кару за совершенные большевиками зверства, которые считались делом рук евреев, как убеждала национал-социалистическая пропаганда. В Одессе, в Литве, в Латвии местные жители также участвовали в убийствах евреев и коммунистов: с одной стороны, они делали это, спеша выразить свою

лояльность по отношению к немецким властям, а с другой — предвидели, что национал-социалисты не только будут снисходительны к такому поведению, но даже станут его поощрять. В литовском городе Каунасе один немецкий солдат видел, как молодой литовец насмерть забивал людей металлическим прутом. Он впал в кровавое безумие и в таком состоянии убил более 40 человек. Закончив «работу», юноша вытащил из кармана губную гармонику и сыграл на ней национальный литовский гимн. Стоявшие вокруг местные жители наградили его аплодисментами. Немецкому солдату, пожелавшему узнать, что здесь произошло, они объяснили, что родителей этого юноши расстреляли сотрудники НКВД, посчитав их националистами. Теперь же он совершил акт мести над своими мучителями¹⁰.

В глубине советской империи, в сердце России, тоже появились признаки недовольства. Мэри Ледер вспоминает, как на улицах Ростова-на-Дону она услышала разговор местных жителей, говоривших о скором конце режима. Молодая женщина, встретившаяся ей, уже не видела необходимости притворяться. «Скоро все будет по-другому», — предрекла она, добавив, что коммунистам и евреям теперь придет конец. Учитывая изменившиеся обстоятельства, режим уже не мог противодействовать таким настроениям и оказался не в состоянии помешать людям изобличать ту ложь, которую он прежде непрерывно продуцировал. Его пропагандистская машина потеряла всякое влияние, поскольку никто уже не хотел ей верить: она обратилась теперь против своих изобретателей. Все, кто еще не видел своими глазами злодеяний СС, не испытывали доверия и к коммунистической пропаганде. Ледер пишет, что ее свекор, советский еврей из Ростова-на-Дону, отказался покинуть город, поскольку считал выдумками сообщения советской прессы о зверствах немецких войск. За свою наивность он заплатил жизнью. Везде, где ожидали скорого прихода немецких войск, возникали пораженческие настроения и недовольство. В Донбассе рабочие не выражали никакого почтения к партийным функционерам и руководителям предприятий, которые осенью 1941 г. спешно покидали регион. Дело дошло до грабежей и кровавых столкновений между рабочими и подразделениями НКВД. Даже в далекой Вологде настроение населения становилось все более мрачным. Польский офицер Густав Херлинг видел женщин, в январе 1941 г. стоявших в очереди у государственного магазина и ожидавших выдачи хлеба, — они жаловались на уменьшение рациона продуктов питания и проклинали войну, забравшую у них мужей: «Два раза я даже услышал произнесен-

ный шепотом вопрос: “Когда же придут немцы?”» Везде, где ослабевал авторитет власти, возрастала и сила сопротивления. В Иваново, к северу от Москвы, в октябре 1941 г. начались волнения, связанные с тем, что партийные функционеры и директора заводов попытались покинуть город.

Осенью 1941 г. волнениями были охвачены и города революции — Москва и Ленинград. 15 октября 1941 г., когда немецкие войска находились в нескольких километрах от Москвы, правительство отдало приказ об эвакуации из города сотрудников партийного и государственного аппарата. В городе началась паника. Партийные функционеры, государственные служащие и директора заводов загружали машины документацией и покидали Москву, присоединяясь к длинной веренице автомобилей. Многие коммунисты смотрели еще дальше и сжигали свои партийные билеты. Вскоре к исходу служащих стали присоединяться и другие жители Москвы, которые длинными колоннами двигались по шоссе к Рязани. В эти дни приблизительно пятая часть населения покинула Москву. А. Д. Сахаров был свидетелем того хаоса, который охватил столицу в эти октябрьские дни 1941 г.: «По улицам, забитым людьми с рюкзаками, грузовиками и повозками, набитыми тюками и детьми, ветер разносил черные тучи пепла — во всех учреждениях сжигали документы и архивы». Когда Сахаров и еще несколько других студентов вошли в здание университета, чтобы предложить свою помощь, местные функционеры уже готовились к отъезду: «Наконец мы, всего несколько человек, сумели прорваться в бюро парткома. За столом сидел секретарь партийного комитета. Он посмотрел на нас безумными глазами и в ответ на вопрос, что нам делать, крикнул “Спасайся, кто может!”»

Нимб непобедимых вояк, окружавший большевиков, поблек. И с утратой авторитета исчез страх, внушаемый ими своим подданным. В центре Москвы начались нападения на чиновников режима, пытавшихся покинуть город, рабочие избивали управляющих и директоров. На улицах появились грабители, которые разоряли магазины и угоняли автомобили. По наблюдениям агентов НКВД, в центре Москвы скопилось «несколько десятков тысяч человек». Возбужденная толпа грабила хлебные ларьки и киски, милиция была не в силах справиться с ней. Утрата влияния режима на население еще быстрее сказалась в Ленинграде и приобрела там более устойчивые формы. Дело дошло до того, что 7 ноября 1941 г., в годовщину Октябрьской революции, в центре Ленинграда состоялась демонстрация женщин и детей, которые разбрасывали листовки и несли транспаранты с требованиями

объявить Ленинград открытым городом и впустить в него немецкие войска. «Уже близок конец проклятых палачей из Кремля и Смольного», — говорилось в одной из листовок. Как видно, у советских подданных были весьма туманные представления, о целях и стратегии национал-социалистов. Создавалось впечатление, что война, которую немецкая армия вела против Советского Союза, угрожала только евреям и коммунистам, в то время как остальному населению страны не стоило опасаться оккупантов. Очевидно, что в начале войны это убеждение было широко распространено среди населения. Ирина Эренбург, дочь писателя Ильи Эренбурга, вспоминает, что в те дни многие москвичи уже не скрывали своих враждебных антисемитских настроений¹¹.

Нигде освобождению от большевистского деспотизма не радовались больше, чем в деревнях, занятых немецкой армией, — крестьяне ожидали, что война навсегда освободит их от большевиков и созданных ими колхозов. Многие немецкие солдаты вспоминали, что селяне приветствовали их, выходя к ним навстречу с хлебом-солью. Один лейтенант немецкой армии писал: «Украинское население встречало нас как освободителей. Нам было очень приятно ежедневно ощущать эту сердечную признательность. Везде были дружеские лица, люди с букетами в руках стояли вдоль дороги, все деревенское население приходило к местам нашего расположения, с готовностью предлагая нам все, в чем мы нуждались»¹². Так в действительности и было, несмотря на то что специальные подразделения оккупантов уже в первые недели похода против Советского Союза начали свою кровавую работу далеко от линии фронта, тысячами расстреливая евреев и тех, кого считали партизанами. Вначале казалось, что этот террор не коснется крестьян: он не задевал их, потому что был направлен против евреев и коммунистов. Главное, что большевистская власть навсегда ушла из деревни, и это было важнее всего. Отношение крестьян к оккупантам изменилось лишь на втором году войны, когда немецкие завоеватели принесли смерть и разорение также и в украинские и русские деревни¹³.

Красная армия была крестьянской армией, она состояла из представителей многих народов, и вместе с тем ею командовали молодые и неопытные командиры. Она разваливалась под ударами немецких войск не только потому, что ею плохо руководили, но и вследствие того, что в начале войны ее солдатам не хватало боевого духа. На многих участках фронта части Красной армии оказывали немецким войскам ожесточенное сопротивление, сражаясь до последнего солдата. В то же время там, где командиры военных

частей не пользовались авторитетом, в плен попадали сотни тысяч советских военнослужащих. Одновременно летом и осенью 1941 г. угрожающе выросло число дезертиров. Можно привести в пример Москву, где многие новобранцы пытались избежать службы в армии, причиняя себе увечья или скрываясь от призыва. Так, в Октябрьском районе Москвы из 1 800 новобранцев, призванных на службу в июне 1941 г., в своих частях оказались лишь 814 чел. Вплоть до октября 1941 г. дезертировали или без разрешения покинули место службы более 650 000 чел. Ни в одной другой армии во время Второй мировой войны не было столько дезертиров и перебежчиков, сколько в советской. Более миллиона попавших в плен советских солдат перешли на службу в войска СС или в вермахт. Казаки и украинцы служили в качестве «добровольцев» в обозе немецких частей; десятки тысяч туркмен, азербайджанцев, калмыков, татар и башкир были завербованы в войска СС. В конце концов к такому сотрудничеству оказался готов и генерал А. А. Власов, попавший в плен в 1942 г. и организовавший с помощью прибалтийских функционеров из национал-социалистической партии русские военные части, предназначенные для борьбы с коммунистами на стороне вермахта. Но мечты Власова не совпали с мечтами национал-социалистов. Гитлер вел войну на уничтожение, меньше всего учитывая интересы мирного населения, достигнутого этой войной. В результате тот хрупкий союз, который в начале войны начал складываться между населением завоеванных территорий и немецкими оккупантами, уже на втором году войны полностью себя исчерпал¹⁴.

Идеологическая и расовая война, развязанная национал-социалистами, служила целям порабощения и ограбления «неполноценных», с точки зрения национал-социализма, народов. Уже в марте 1941 г. Гитлер разъяснил своим генералам, какую войну против Советского Союза им следует вести. Гальдер записал в своем дневнике, что говорил им Гитлер: «Мы должны отказаться от понятия товарищества между солдатами. Коммунист не может быть для нас товарищем ни до, ни после сражения. Речь идет о войне на уничтожение. Мы ведем войну не для того, чтобы сохранить своих врагов... Комиссары и сотрудники ГПУ являются преступниками, и с ними нужно обращаться как с преступниками». В мае 1941 г. военное руководство разработало инструкцию, которая в июне того же года была доведена до сведения всех командующих войсками как «Приказ о комиссарах». Она обязывала офицеров вооруженных сил уничтожать взятых в плен комиссаров и высокопоставленных деятелей большевистского государства.

«Изобретателями варварских, азиатских методов ведения боевых действий являются политические комиссары... Именно поэтому, будучи взятыми в плен во время боя или при попытке оказать сопротивление, они должны быть немедленно и безоговорочно ликвидированы военными средствами», — говорилось в «Приказе о комиссарах». В случаях, когда местное население с оружием в руках выступало против оккупантов или оказывало помощь партизанскому движению, солдаты немецкой армии должны были применять против него огнестрельное оружие. Отныне преступления, совершаемые немецкими солдатами «вследствие ожесточения, вызванного злодеяниями или подрывной деятельностью представителей иудейско-большевистской системы», уже не должны были рассматриваться как объект судебного преследования. И хотя во многих частях немецкой армии находились командиры, которые выражали свое несогласие с этими убийственными приказами, чаще всего эти распоряжения принимались к исполнению. Генерал-фельдмаршал фон Райхенау, принадлежавший к кругу убежденных национал-социалистов в военном руководстве, издал в октябре 1941 г. инструкцию, которая давала понять солдатам, что впредь совершенные ими жестокости не повлекут за собой наказания: «Солдат, находящийся в Восточной Зоне, является не только бойцом, выполняющим свой долг по всем правилам военного искусства, но и носителем непреклонной народной идеи и мстителем за все зверства, совершенные по отношению к немецкому и всем родственным с ним народам. Поэтому долг немецкого солдата — целиком и полностью принять необходимость осуществлять суровое, но справедливое воздаяние по отношению к недочеловекам в иудейском обличье»¹⁵.

Варварскому и противоречащему всем нормам международного права обращению подвергались советские военнопленные, которых национал-социалистический режим использовал в качестве рабской рабочей силы. Многие миллионы советских солдат погибли от истощения, голода и в результате прямых убийств в созданных нацистами лагерях для военнопленных и в лагерях для уничтожения. Из 5,7 млн советских солдат, попавших в немецкий плен в 1941–1945 гг., к концу войны в лагерях остались в живых всего 930 000 чел. 1 млн солдат перешли на службу в немецкую армию, полмиллиона бежало из плена или же было освобождено советской армией. 3,3 млн советских военнопленных умерли от голода или лишились жизни другим путем — это больше половины тех солдат, что сдались в плен врагу¹⁶. Уже на втором году войны готовность советских солдат попасть в немецкий плен полностью

сошла на нет, поскольку сведения о зверствах оккупантов распространялись и в советских воинских частях.

Немецкие завоеватели столкнулись не только с советской армией — в конце концов они восстановили против себя и мирное население в захваченных ими районах. Ведь уже в первые недели после начала русской кампании стало очевидным, что национал-социалисты вовсе не собираются привлекать к сотрудничеству тех, кто отвергал советский строй и считал их освободителями. Гитлер и его окружение рассматривали народы Советского Союза в качестве илотов, которых надо подчинить и эксплуатировать, исходя из экономических интересов рейха. И хотя идеологический вождь национал-социализма Артур Розенберг настаивал на необходимости союза с нерусскими народами Советского Союза, он не мог пойти наперекор могущественным рейхскомиссарам Коху и Кубе и действовать вопреки потребностям немецкой экономики и СС. Оккупационный режим, осуществляемый национал-социалистами, нисколько не считался с интересами лидеров националистических движений на захваченных ими территориях и пренебрегал нуждами местного населения. Осада и голодная блокада Ленинграда немецкими войсками, беспощадная хозяйственная эксплуатация деревенских жителей, принудительный угон русских и украинских крестьян на работу в Германию, повседневный террор, осуществляемый оккупантами в захваченных ими деревнях, расстрел заложников в качестве расплаты за нападения партизан на немецких солдат — все это превратило крестьян в ожесточенных врагов оккупационного режима. В 1942 и 1943 гг., прежде всего в Белоруссии, шла жестокая война между подразделениями вермахта и СС с одной стороны и отрядами русских, еврейских, литовских и польских партизан — с другой. В ходе боевых действий эта территория была полностью опустошена и обезлюдена¹⁷.

Сталинизм выжил. Он выжил потому, что террор, который несли с собой национал-социалисты, оказался страшнее сталинского террора. Именно в силу этого сталинский террор стал выглядеть в глазах населения меньшим злом, а его носители сумели мобилизовать советских подданных на борьбу с врагом. В самом начале войны казалось, что режим парализован: Сталин заперся у себя на даче и отказался от публичных выступлений. Возможно, впервые в жизни он по-настоящему потерял уверенность в себе. Он поручил своему заместителю Молотову выступить по радио и сообщить народу о нападении Германии на Советский Союз. Микоян вспоминал, что Сталин в эти дни «ничем

не интересовался и не проявлял никакой инициативы». Даже когда члены Политбюро без предупреждения явились к Сталину на его дачу в Кунцево, чтобы призвать диктатора к каким-либо действиям, он встретил их с подозрением и лишь спросил: «Что вам нужно?» Как полагает Микоян, Сталин, видимо, боялся, что члены Политбюро приехали его арестовать¹⁸. Прошло больше недели, прежде чем Сталин обрел свою прежнюю форму. 1 июля 1941 г. по его приказу был создан Государственный комитет обороны, в который вошли наиболее влиятельные члены Политбюро, и он отдал распоряжение об эвакуации предприятий тяжелой промышленности в азиатскую часть страны. 3 июля Сталин сам обратился по радио к народу с речью. «Товарищи, граждане, братья и сестры» — так начиналось его обращение, с помощью которого он хотел укрепить в народе волю к сопротивлению оккупантам. Он говорил о защите родины и о «народной отечественной войне», которую надо вести с агрессором. По случаю празднования годовщины Октябрьской революции в ноябре 1941 г. Сталин вспомнил и о наследстве, которое осталось советскому народу от царской России, — он говорил о России как стране Пушкина и Толстого и возвал к именам военных героев — Александра Невского, Александра Суворова и Михаила Кутузова. Когда раньше большевики упоминали о «братьях и сестрах», о народе и родине? Речь Сталина произвела огромное впечатление на многих представителей советской интеллигенции. Константин Симонов был глубоко тронут, когда услышал, как Сталин произнес эти примиряющие слова. «Я ненавидела войну, но вместе с тем я видела смысл в защите родины, какой бы она ни была, если речь шла о защите от вражеского нашествия» — так сформулировала свое отношение к происходящему Надежда Мандельштам, жена поэта Осипа Мандельштама, ставшая, как и ее муж, жертвой сталинского террора.

Но решился ли режим в самый тяжкий свой час отказаться от привычной для него практики террора? Смогли ли Сталин и его подручные с началом войны против иностранной агрессии остановить войну, которую они вели внутри империи против своего народа? Многие позволяло надеяться на это. Уже в 1942 г. Сталин отступил от разработки стратегических планов и передал решение стратегических военных задач своим генералам, оставив за собой лишь право принимать окончательное решение. Еще осенью 1941 г. он снял с постов бездарных «политических» генералов — Ворошилова и Буденного — и поручил осуществление военных операций компетентным военачальникам. Рост чувства собствен-

ного достоинства у военных проявился прежде всего в том, что в советской армии вновь были восстановлены гвардейские полки, униформа и ордена, существовавшие еще в царской армии. Даже в образной символической раскрывающей характер войны, обнаружился заметный сдвиг: Красная армия вела «отечественную войну», подобную той, что вела в 1812 г. русская армия против Наполеона. Война должна была послужить основанием для объединения всех народов и культур, составляющих Советский Союз. Именно об этом и говорил Сталин в своем обращении от 3 июля 1941 г. Режим остановил преследование православной церкви и открыл для советской интеллигенции скромное пространство свободы для самовыражения. Появились признаки отхода от догм прошлого: подвиги, совершенные советскими солдатами, уже не воспевались, по крайней мере в первые годы войны, как дары партии и ее вождя своему народу. Даже пропаганда ненависти к немцам, которую возглавляли писатели Эренбург и Симонов, с ее призывами покончить со всеми немцами, этими «идиотами с выпученными глазами», похожими на «серо-зеленых улиток», и «зарыть их в землю», проводилась ими без идеологических ссылок на партию и ее вождя. В начале войны Сталин старался держаться в тени, по крайней мере визуально, чтобы его имя не связывали с сокрушительными поражениями, которые терпела Красная армия в первые месяцы. Культ Сталина в его худших формах вновь вернулся в советскую действительность лишь после первых успехов советской армии.

Между тем обращение к метафоре Великой Отечественной войны и возрождения Советского Союза, отстаивавшего свое право на существование, было в значительной мере продуктом постсталинского этапа в развитии советской страны, когда большевистский режим стремился придать легитимность своему существованию, уже не будучи в состоянии сделать это на идеологической основе. В то время многие деятели советской интеллигенции пытались представить происходившее в стране в годы Второй мировой войны как выражение национального единения, как героический подвиг, позволивший Советскому Союзу как бы заново родиться. Правда, современники событий военных лет воспринимали все это совсем по-другому. Несомненно, сталинский режим достиг впечатляющих успехов в организационной и военной сферах: его генералы стали извлекать уроки из поражений, военная промышленность с помощью союзников добилась высокого уровня производства, и даже эвакуация промышленных предприятий в азиатскую часть страны стала примером мастерски проведенной

технической операции, какой в начале войны никто от советского правительства и не ожидал¹⁹. Сталинская власть мобилизовала все ресурсы страны для продолжения войны, осенью 1941 г. она вновь пришла в себя благодаря тому, что воспользовалась в своих интересах патриотическим подъемом народа и моральными преимуществами стороны, подвергшейся агрессии. Когда в середине октября 1941 г. на фоне распространяющейся в Москве паники пронесся слух о том, что Сталин и Молотов не собираются покидать город, когда на улицах столицы появились части НКВД и положили конец грабежам, в души подданных вновь вернулся прежний страх. В годовщину Октябрьской революции Сталин выступил на станции метро «Маяковская» перед солдатами, которые сразу после этого отправились на боевые позиции. Его выступление вселило в народ уверенность, что большевики не отступят, что они выстоят. Последние сомнения в этом рассеялись после того, как немецкое наступление было остановлено у стен Москвы. Явным свидетельством усиливающейся мощи режима стал террор, с помощью которого он вновь напомнил о себе.

Сталин и другие члены политического руководства страны доверяли своей военной элите не больше, чем своим подданным. По их представлениям, дисциплина и преданность могли существовать только там, где правят страх и террор. Силу воздействия этого террора смогли почувствовать на себе в равной мере как гражданские лица, так и офицеры с солдатами. Сразу же после нападения Германии на Советский Союз Сталин дал начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову указание наказывать любого офицера, сообщившего в главный штаб неверные сведения. Он угрожал своим генералам репрессиями в случае, если они с чем-то не справятся. В декабре 1941 г. на Северо-Западном фронте появился цепной пес Сталина, начальник Главного политического управления Красной армии и бывший редактор «Правды» Л. З. Мехлис. Он сам допрашивал командующих войсками и угрожал им расстрелом в случае несогласия с его указаниями. Те, кто не исполнял сталинских приказов, играл со смертью, — в этом мог убедиться даже популярный и удачливый генерал Г. К. Жуков, когда после назначения его командующим Ленинградским фронтом Молотов пригрозил ему расстрелом, если он не сумеет остановить наступление немецких танковых соединений. В начале августа 1941 г., после падения Минска, Сталин приказал схватить и расстрелять главнокомандующего Западным фронтом генерала Д. Г. Павлова и трех других генералов. Им были предъявлены обвинения, одно абсурдней другого, — будто бы Павлов препятство-

вал строительству оборонительных сооружений вдоль линии фронта и, несмотря угрожающее положение, сложившееся на границе, не привел войска в состояние боевой готовности. Достаточно вспомнить, что Сталин и нарком обороны маршал Тимошенко уже после начала военных действий требовали от Павлова «сохранять спокойствие» и «не впадать в панику», поскольку сами они в то время не верили сообщениям о нападении немецких войск. «Если начнутся отдельные провокации, тогда звоните» — это было последнее указание, которое Павлов получил из Кремля до того, как связь прервалась. А теперь генерал должен был понести наказание за бездарное поведение диктатора. Сотрудники НКВД подвергли Павлова и других генералов пыткам, чтобы выбить у них абсурдные признания в том, что они являются «предателями» и агентами немецких секретных служб. Павлов не только сознался в предательстве и саботаже, но в конце концов дал показания, что в 1930-х гг. он участвовал в «заговоре военных» под руководством маршала Тухачевского. И хотя обвиняемые генералы, представ перед закрытым военным трибуналом, от своих показаний отказались, это им не помогло — Сталин нуждался в козлах отпущения, на которых он мог бы свалить вину за свои промахи. 22 июля 1941 г., через четыре недели после начала войны, Павлов и другие генералы были расстреляны. Главнокомандующий Северо-Западным фронтом К. А. Мерецков также был арестован как заговорщик на основании показаний, выбитых у Павлова. Но в случае с Мерецковым Сталин проявил определенное благоразумие, приказав через три месяца заключения освободить генерала и вновь назначив его командующим армией²⁰.

Солдаты Красной армии превратились в пушечное мясо, в заменяемые элементы числового ряда. Коммунистические вожди обращались с ними, как со скотом. Офицеры посылали солдат в лобовые атаки под убийственный пулеметный огонь немцев, отдавали безумные приказы, в результате которых солдаты гибли, как мухи. Осенью 1942 г. молох войны перемолол в Сталинграде десятки тысяч солдат узбекского, киргизского и татарского происхождения: они не понимали ни приказов, отданных на непонятном для них русском языке, ни смысла своего самопожертвования. Да и проблемы военного снабжения решались советскими офицерами специфическим способом — они приказывали солдатам пользоваться одеждой и оружием, взятыми у их павших товарищей. Всякое неповиновение и нарушение воинской дисциплины со стороны солдат политические комиссары и высшее военное начальство карали методами беспощадного террора. В сентябре

1942 г. в некоторых частях советской 64-й стрелковой дивизии, защищавшей Сталинград, обнаружались отдельные случаи дезертирства. Командир дивизии приказал построить перед собой солдат из проштрафившихся подразделений и осыпал их оскорбительной руганью и проклятиями. Затем он прошел вдоль рядов с револьвером в руке и выстрелами в лицо застрелил каждого десятого солдата.

Начальственный произвол над солдатами дополнялся практикой организованного террора, осуществлявшегося политическими комиссарами в частях Красной армии. За время одной только Сталинградской битвы по приговорам военно-полевых судов было расстреляно 13 500 советских солдат, которые оказались недостаточно дисциплинированными. Дезертиры, солдаты, потерявшие связь со своими подразделениями, а затем вновь вернувшиеся в них, подлежали расстрелу. Порой чекисты совершали расправы над солдатами в присутствии их однополчан, чтобы нагнать на них страх. Подчас расстрелу подвергались и командиры взводов, к которым принадлежали провинившиеся. Осенью 1941 г. отряды НКВД на Ленинградском фронте каждую неделю расстреливали за дезертирство до 400 солдат, к концу 1941 г. почти 4 000 матросов Балтийского флота были приговорены военными судами к смертной казни. В одной из частей советской армии, воевавшей на Сталинградском фронте, зимой 1942 г. было расстреляно несколько солдат, критически отзывавшихся о советском военном руководстве и выражавших сомнение в компетентности советских генералов. В середине августа 1941 г. Сталин сам издал приказ, требующий выслеживать в рядах советской армии шпионов и предателей, а также брать в заложники семьи солдат и офицеров советской армии, дезертировавших или сдавшихся в плен. Обычно штабы армий сообщали имена пропавших без вести солдат в управления НКВД по местам их призыва. Советские солдаты не только сражались за родину — они также жертвовали собой из боязни, что в противном случае террористический аппарат сталинского государства может расправиться с их семьями. В этом смысле Сталин сам подал всем хороший пример для подражания — он отверг своего сына Якова, попавшего в немецкий плен, как «труса» и «предателя» и отказался обменять его на нескольких немецких генералов. Сын Сталина погиб в одном из лагерей для военнопленных на территории Германии.

Все солдаты, попавшие в плен, считались предателями. А отступающих за линией фронта поджидали специальные подразделения НКВД, встречавшие их пулеметным огнем и гнавшие об-

ратно на позиции. Когда в сентябре 1942 г. одна из советских воинских частей захотела прекратить безнадежное сопротивление и капитулировать перед немцами, заградительный отряд НКВД, оказавшийся рядом, попытался уничтожить весь ее личный состав. Этому помешало подоспевшее немецкое танковое подразделение. Между июлем и октябрём 1941 г. войсками НКВД было арестовано более 650 000 советских солдат, дезертировавших или отставших от своих частей. В одном только Можайске, западнее Москвы, всего за пять дней октября месяца они арестовали 23 000 солдат — более 2 000 из них составляли офицеры. Красная армия не отступала. Ее солдаты стояли перед выбором — быть застреленными немцами, попасть к ним в плен или быть уничтоженными отрядами НКВД. Поэтому обычно советские солдаты предпочитали идти в атаки на врага, что давало им больше шансов на выживание, нежели отступление. Густав Херлинг уже в начале 1940 г. узнал, что советские солдаты, попавшие в плен во время зимней советско-финской войны, были отправлены в лагерь: после возвращения из плена их, как героев, провели триумфальным маршем по Ленинграду, после чего погрузили на вокзале в эшелоны и повезли в места заключения. Так сталинский режим поступал и после нападения немецкой армии на Советский Союз — он выслеживал «шпионов» и «предателей» среди мирного населения, бегущего на восток страны, и арестовывал их. Советские солдаты, спасавшиеся из немецкого плена или с боями вырывавшиеся из немецких «котлов» летом 1941 г., попадали в руки отрядов НКВД, которые ждали их за линией фронта. Русская санитарка Вера Юкина видела, как сотрудники НКВД уводили арестованных солдат, выбравшихся после многих недель тяжелых оборонительных боев из немецкого «котла» под Бобруйском. На основании увиденного она задалась вопросом: «Что же это должно быть за общество, от которого предательски отворачиваются миллионы солдат, способных сражаться с оружием в руках?» Одна русская военнослужащая, защищавшая Москву в декабре 1941 г., не могла найти для себя выхода из этого противоречия: «У меня в руках автомат, и один патрон в нем я всегда оставляю для себя. Ужасно попасть в руки к немцам, а если побежишь с фронта, то тебя отправят в сталинские лагеря, и ты пропадешь там».

До 1 октября 1944 г. 355 000 советских солдат, вырвавшихся из немецких «котлов», прошли через фильтрационные лагеря НКВД. В 1941–1945 гг. 994 000 солдат были осуждены военными судами, 157 000 из них были расстреляны специальными командами НКВД, остальные отправлены в лагеря или в штрафные ба-

тальоны, где шансы остаться в живых были ничтожны. Солдаты, служившие в штрафбате, вспоминают, что чекисты своими руками расстреливали раненых бойцов, вернувшихся в свои части после неудачно проведенной атаки. В целом за всю Вторую мировую войну в таких батальонах прослужило более 1,5 млн советских солдат. Сталинский режим ни во что не ставил своих солдат-крестьян, с помощью которых надеялся выиграть войну, — они стали для него объектом беспощадного террора. Ничто так не иллюстрирует это отношение лучше, чем цифры потерь, понесенных Красной армией за время Второй мировой войны: по официальным советским данным, с июня 1941 по май 1945 г. на поле боя погибло почти 9 млн советских солдат. Только за последние полгода войны, когда советские вооруженные силы находились на территории Германии, во время бессмысленных штурмов немецких позиций, предпринятых по приказам советских военачальников, погибло более миллиона советских солдат, — это касается прежде всего наступления на Зееловские высоты в апреле 1945 г. и взятия Берлина²¹.

У советского солдата не было выхода из замкнутого круга насилия: красноармейцы не имели права на отпуск с фронта, они не получали информации с родины и были полностью отданы на произвол своих командиров и комиссаров. А поскольку человеческие потери в советской армии превышали все допустимые пределы, внутренняя сплоченность рот и полков тоже оказывалась величиной неустойчивой. Солдаты были разобщены, они оставались наедине с простым фактом собственного существования, и в их страхе перед смертью у них была только одна надежда — как-нибудь пережить каждый следующий день. Атомизация индивидуумов в тоталитарном государстве, о которой говорила Ханна Арендт, произошла здесь перед лицом войны. Нам следует отказаться от представления, будто военные успехи возможны только там, где солдаты рискуют своей жизнью ради родины и свободы. Сторонники такой точки зрения плохо представляют себе «ремесло» войны. В борьбе за собственное выживание главным действующим мотивом становится инстинкт самосохранения²². Идеология же справляет свои триумфы, как правило, в послевоенный период, когда определяющим оказывается желание придать принесенным жертвам некий смысл. Позже один советский солдат в своих воспоминаниях о войне написал, что главной мыслью, которая сопровождала солдат в окопах, была мысль о Сталине. Для подданных советской страны, как военных, так и гражданских людей, все пережитое ими в Великую

Отечественную войну было продолжением сталинизма, только в иных условиях.

С самого начала войны сталинский режим обрушил свой террор и на мирное население. И нигде отряды НКВД не свирепствовали с такой жестокостью, как на Западной Украине и в той части Белоруссии, которая прежде принадлежала Польше. Как только началась война, палачи из НКВД впали в кровавое безумие: 150 000 заключенных, находившихся в тюрьмах НКВД, были выведены на улицы, где часть из них была убита, а часть депортирована. Никто не знает числа людей, погибших во время марша смерти, совершенного частями НКВД в глубь страны, или казненных в местах назначения. Во Львове, столице Западной Украины, непосредственно перед вступлением в город немецких войск палачи из НКВД устроили настоящую кровавую баню: во время своего бегства из города чекисты ликвидировали более 12 000 заключенных, еще находившихся под стражей. То, что там увидели немецкие солдаты и родственники убитых, вызвало у них шок, — в городском детском саду сталинские садисты гвоздями приколачивали детей к стене, в застенках НКВД заключенных забивали до смерти, им отрезали носы и уши, вспарывали животы и вываливали внутренности наружу. Большинство заключенных было замучено до смерти. Письма, которые немецкие солдаты посылали домой, полны ужасными картинками: один немецкий офицер писал своей семье, что на территории Литвы его часть везде проходит через населенные пункты, опустошенные перед отступлением советскими войсками: «Повсюду кучами лежат трупы, вокруг ползают искалеченные или раненые литовцы. Это страшное, кошмарное зрелище...»²³

Хотя в глубине страны сталинский режим уже не устраивал массовых расстрелов такого масштаба, как на Западной Украине и в Прибалтийских республиках, он и здесь он с невероятной жестокостью расправлялся с любыми формами воображаемого или реального сопротивления. Более того, вновь стала актуальной практика расстрела заложников. Как только началась война, Берия отдал распоряжение о превентивном аресте в Москве 1 700 чел. как подозреваемых в терроризме, шпионаже и вредительстве. 15 октября 1941 г., когда паника среди служащих режима достигла своего апогея, Сталин отдал приказ частям НКВД эвакуировать из Москвы в Куйбышев оставшихся в живых родственников казненных ранее врагов народа и там их расстрелять. Такого рода расстрелы заложников происходили и в лагерях Гулага, где каждый раз после захвата немецкими войсками какого-либо советского го-

рода в качестве акта возмездия осуществлялись расстрелы заключенных. Осенью 1941 г. террор НКВД вновь ворвался в жизнь донбасских рабочих. Здесь чекисты расстреливали не только паникеров и участников демонстраций, но и тех из рабочих, кто критически отзывался о сталинском режиме и об условиях своей жизни. Перед вступлением немцев в город Сталино сотрудники НКВД вывезли из города всех заключенных, за городом заставили их вырыть себе могилы и затем расстреляли. После подавления паники, вспыхнувшей в октябре 1941 г., аппарат органов безопасности вновь восстановил свой контроль над столицей Советского Союза. Грабители, демонстранты и люди без паспортов подвергались аресту или немедленному расстрелу, а квартиры и общественные учреждения обыскивались в поисках шпионов и саботажников. В октябре 1941 г. — июле 1942 г. в Москве было арестовано более 830 000 чел., из них 900 чел. были расстреляны специальными частями НКВД, 44 000 чел. попали в тюрьмы или в лагерь. Число политически мотивированных приговоров во время войны несколько не уменьшилось, даже наоборот, оно возросло с 8 011 в 1941 г. до 23 278 в 1942 г.²⁴

Мирное население страдало от террора и лишений, вызванных войной, не меньше, чем военнослужащие. Когда немцы вошли в Сталинград, в городе оставались тысячи мирных жителей, прежде всего женщины и дети, которые погибали жалкой смертью, поскольку Сталин отдал приказ, запрещавший кому-либо покидать город. Но ни один из городов страны не познал тяжесть войны в такой степени, как Ленинград. В сентябре 1941 г. передовые части немецкой армии дошли до предместий Ленинграда. Гитлер приказал им окружить город и заморить его голодом, что и было сделано. Блокада Ленинграда продолжалась вплоть до января 1944 г. И хотя советским властям удалось к апрелю 1942 г. эвакуировать по замерзшей Ладоге более миллиона жителей, те, кто остался в городе, оказались жертвами многомесячного террора. Они не только попадали под снаряды немецких пушек, мучились от голода и болезней, от которых к концу осады погибло от 600 000 до 800 000 чел. Они вынуждены были испытать на себе драконовские методы наказания и террора, с помощью которых партийное руководство пыталось поддерживать в городе дисциплину.

В декабре 1941 г. правительство ужесточило и без того варварские законы о труде, принятые в июне 1940 г., грозившие рабочим тюремным заключением за халатность, опоздания и своевольный уход с работы. С этого момента рабочие, подобно военнослужащим, могли быть принудительно привлечены к труду и подчинялись за-

конам военного времени. В Ленинграде была введена непрерывная рабочая неделя, всякий покинувший рабочее место рассматривался как дезертир и отдавался под суд. До зимы 1942 г. 21 000 чел. были приговорены к тюремному заключению за «халатность»; по всей стране в 1941 г. таких было более 1,4 млн чел. Как сказано в резолюции, принятой профкомом одного ленинградского завода в августе 1942 г., всякого, кто нарушает рабочую дисциплину, следует беспощадно карать. Без применения драконовских мер по поддержанию дисциплины вряд ли удалось бы сохранить общественный порядок в голодающем городе. Учитывая сложившиеся обстоятельства, можно предположить, что у властей не было иного пути, кроме как расстреливать грабителей, расхитителей хлеба и каннибалов, вышедших на охоту за людьми, чтобы утолить голод свой и своих близких. Но большевики не довольствовались этими мерами насильственного воздействия на людей. Сталина мало трогали ужасы голода, от которого страдали жители города. Для него важнее всего было, чтобы центр не утратил контроля над населением города даже во время блокады и чтобы предатели и шпионы были вовремя схвачены и уничтожены. В декабре 1941 г. Сталин вновь попытался запугать партийного руководителя города А. А. Жданова. Диктатор обвинил его в том, что тот не доложил вождю об обстановке в городе и на фронте. Сталин позвонил Жданову и угрожающе заявил ему: «Складывается впечатление, что город Ленинград с товарищем Ждановым во главе находится не в Советском Союзе, а на каком-то острове в Тихом океане». В августе 1941 г., еще до того, как немцы подошли к Ленинграду, Сталин послал в город Молотова, Маленкова и Косыгина, чтобы они по его поручению подвергли критике местную партийную организацию. Посланцы деспота сообщили в Кремль, что Жданов сдает свои позиции перед врагом и в неполной мере информирует центр о событиях, происходящих в Ленинграде. Жданов сохранил свое место, но с этого времени всегда помнил, чего от него требует Сталин. Теперь ленинградские органы милиции стали направлять свои усилия не только против воров, бандитов, и каннибалов — с самого начала силы режима обрушились также и на тех, кого считали «врагами». Сам Сталин в сентябре 1941 г. объявил, что сейчас важно для осажденного города: «Мой совет: не допускать никакой сентиментальности, но беспощадно расправляться с врагом и с его добровольными и недобровольными помощниками. Война безжалостна и в первую очередь наносит поражение тому, кто проявляет слабость и оказывается нерешительным. Если кто-либо в наших рядах допустит нерешительность, он станет главным виновником падения Ленинграда».

Местные органы НКВД расстреливали порой людей, укравших буханку хлеба, и «в качестве превентивной меры» сажали под арест тех, кто считался потенциальным противником режима. За день в тюрьмах города от голода умирало до 40 заключенных. К октябрю 1942 г. органы безопасности раскрыли в городе более 600 «контрреволюционных организаций». В Ленинградском университете были раскрыты заговоры с участием профессоров. В целом за это время сотрудники НКВД арестовали как шпионов и террористов более 9 500 лиц. По воспоминаниям ученого Д. С. Лихачева, во время войны было арестовано не меньше людей, чем до начала военных действий. Совершенной бессмыслицей представлялось жителям города то, что в марте 1942 г., когда уже никто не опасался захвата города немецкими войсками, сталинские власти приняли решение выслать из города в Казахстан всех горожан немецкого и финского происхождения, числом более 60 000 чел. Большевицкая шпиономания порой охватывала и рядовых жителей Ленинграда, ведь они не располагали никакой достоверной информацией и никто не знал, что происходит за чертой города. Когда однажды в Ленинграде распространился слух, что в городе выследили немецких агентов, переодетых в форму советских милиционеров, начались нападения на милиционеров, совершавших уличное патрулирование. Руководство же находило в этом подтверждение своей безумной идеи о существовании коллективного заговора врагов²⁵.

Большевики вели войну не только против немецких агрессоров, но и против внутренних врагов. К их числу были отнесены все этнические группы, заподозренные в коллаборационизме. Осенью 1941 г. более 80 % немцев, проживающих на территории Советского Союза, были изгнаны из родных мест и депортированы в Казахстан; автономная республика немцев Поволжья была ликвидирована. В постановлении Верховного Совета, утверждающем решение о депортации, говорилось о «саботажниках и шпионах», о «врагах народа», которых следует выслать. Между ноябрем 1943 г. и декабрем 1944 г., когда угроза немецкого наступления уже миновала, Сталин и Берия приняли решение выслать в Среднюю Азию крымских татар и малые народы, населяющие Кавказ, — чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков и месхетинцев. Во второй половине 1944 г. за ними в ссылку были отправлены и другие «подозреваемые» народы — греки, болгары и армяне, жившие в Крыму, турки-месхетинцы и кавказские курды. Подобным образом более 3 млн чел. были изгнаны со своей родины, среди них более 1 млн немцев и 470 000 чеченцев и

ингушей. Несмотря на то что Красная армия вела активные боевые действия против Германии, НКВД отправил в Крым и на Кавказ более 40 000 грузовиков и товарных вагонов, предназначенных для нужд фронта. Десятилетия спустя Молотов все еще оправдывал решение Сталина о депортации народов с их родины в Казахстан: «Во время войны к нам поступали сведения о массовом предательстве. Батальоны кавказцев стояли против нас на фронтах, били нам в спину. Речь шла о жизни и смерти, разбираться было некогда. Конечно, попали и невиновные. Но я считаю, сделано это было в то время правильно»²⁶.

Молотов высказал то, в чем были убеждены вожди Страны Советов, — что враги стоят перед ними и за их спиной. Поэтому всех представителей враждебных им народов следовало подвергнуть депортации. «Нельзя упустить ни одного», — вбивал Берия в головы своих палачей, участвовавших в мае 1944 г. в операции по выселению кавказских народов. Одновременно сталинский режим начал сводить счеты с враждебными ему народами в рядах советской армии: солдат и офицеров, принадлежавших к одиозной национальности, обезоруживали и арестовывали, а затем, подобно их землякам, отправляли в Среднюю Азию. Пока армия вела войну против Германии, НКВД усердно решал исконную задачу сталинизма — он продолжал вести войну против собственного народа. Для Сталина и Молотова врагами были те, кого они считали потенциально опасными для себя. Этих врагов они наделяли этническими характеристиками и придавали им объективный статус. Чеченцы и ингуши противодействовали коллективизации и установлению социалистического образа жизни, поэтому кремлевские вожди видели в них вооруженных разбойников и нарушителей спокойствия; калмыки были для них неконтролируемыми кочевниками, а греки и армяне — пронырливыми торгашами, которых следовало изгонять из советских городов. Наряду с ними, врагами стали немцы и крымские татары: первые — потому что принадлежали к нации агрессора, а вторые — потому что многие из них перешли на службу к оккупационным властям. Но немцы и крымские татары не только состояли в связи с врагом, они составляли этническое меньшинство посреди русского большинства. Война стала для большевиков только поводом для завершения процесса этнической гомогенизации приграничных районов и многонациональных областей Советского Союза.

Власти держали все под своим контролем: войска НКВД появлялись в районах выселения внезапно, окружали деревни цепью из грузовиков и танков и давали проживающим там людям всего

один час на подготовку к депортации. Затем их погружали в грузовики и отправляли на ближайший вокзал, где уже стояли готовые вагоны для отправки всех задержанных к местам назначения. На Северном Кавказе органы НКВД опирались на помощь местных мулл, которые должны были внушать жертвам выселения чувство безопасности и сопровождать их по пути на пункты сбора, где они уже попадали в руки чекистов. Изгнанники не должны были привлекать внимания. Автономная Чечено-Ингушская Республика исчезла так же бесследно, как и республики крымских татар и поволжских немцев. Но власть имущие в Кремле не удовлетворились и этим — Сталин дал указание изменить названия населенных пунктов, оставленных изгнанниками, и заменить дорожные указатели на их национальных языках. Дома, памятники и кладбища, напоминавшие о прежних хозяевах, подвергались разрушению. Некоторое время спустя пустые дома были заняты русскими крестьянами и беженцами, оставившими свои родные места в сумятице войны. Создавалось впечатление, будто чеченцы, крымские татары, немцы никогда там и не жили.

Приказы о начале депортации исходили из центра, и он же контролировал их исполнение. Сталин получал от главы своих органов безопасности Берии доклады и сообщения о ходе операции. 22 апреля 1944 г. Берия сообщил Сталину, что он поставил в известность членов правительства Чечено-Ингушской Автономной Республики о необходимости депортации населения из этого края. По его словам, Молаев, представитель партийного руководства республики, сначала заплакал, но потом «взял себя в руки и пообещал исполнять все распоряжения». Берия сообщал далее, что он вызвал себе наиболее авторитетных религиозных деятелей и заставил их дать согласие на сотрудничество в операции по депортации. Уже на следующий день Берия докладывал Сталину о начале операции: «Сегодня, 23 февраля, с восходом солнца, мы приступили к операции по переселению ингушей и чеченцев». К позднему вечеру чекисты загнали в товарные вагоны более 90 000 чел. Они почти нигде не встретили сопротивления, а там, где все-таки столкнулись с ним, применяли оружие. 25 февраля Берия объявил о завершении депортации: изгнание прошло «нормально», 352 647 чел. были вывезены на 86 составах. Но Берия смотрел шире — он полагал, что теперь необходимо изгнать с мест проживания и соседних с чеченцами балкарцев. 25 февраля он сообщил Сталину, что в 1942 г. балкарцы вступали в контакт с немецкими войсками и присоединились к ним в борьбе против советской власти. По словам Берии, после завершения чеченской

операции в его распоряжении находились освободившиеся подразделения НКВД, готовые в любую минуту начать депортацию 40 000 балкарцев, населяющих долины Кавказа: «Если Вы не против, то до моего возвращения в Москву я мог бы принять здесь необходимые меры, связанные с переселением балкарцев». Берия уже подготовил соответствующие документы, а Сталин немедленно их подписал.

В 1944–1948 гг. лишилась жизни почти четверть всех изгнанников. Дети и старики по большей части умирали уже в пути к местам назначения, десятки тысяч чеченцев и ингушей погибли в спецпоселениях НКВД, поскольку не смогли вынести принудительного труда и непривычных для них климатических условий. Вольфганг Леонгард вспоминает, что он и его земляки-немцы, депортированные в Казахстан в 1941 г., по приезде были брошены в безлюдной степи; в Караганде они жили в землянках.

В конце 1940-х гг. сталинский режим навсегда закрепил за изгнанными народами статус отверженных — он издал указ, запрещающий им когда-либо возвращаться в родные места. Немцы, чеченцы и крымские татары несли на себе каинову печать врагов режима, они стали людьми второго сорта, и так продолжалось целые десятилетия. Большинство представителей этих враждебных наций удостоились реабилитации лишь после распада Советского Союза²⁷.

Поздний сталинизм

«Живучая, подлая правда», как ее когда-то окрестил Горький, вовсе не была упразднена большевиками, а непрестанно раскрывалась перед глазами советских людей. Вместе с тем большинство из них связывало с окончанием войны прежде всего надежды на смягчение политического режима в стране. Как писал в своем дневнике профессор университета Терещенко, для которого война закончилась в 1943 г. освобождением Харькова, после всего того, что совместно было пережито и выстрадано, «правительство должно изменить свою политику». Как и многие его современники, он не мог поверить в то, что все военные лишения были напрасны. Интеллектуалы питали надежды на смягчение политического климата, солдаты — на установление мира, а крестьяне — на жизнь без колхозов и ужасов голода. «В это время люди были убеждены, или по крайней мере надеялись, что после войны все будет хорошо, все будет складываться по-человечески. Но война только укрепила бесчеловечный режим, и первыми почувствовали это на себе солдаты, вернувшиеся из плена. Иллю-

зии развеялись, и народ разделился на отдельные атомы, распался», — подвел горький итог послевоенных лет А. Д. Сахаров²⁸.

Советский Союз вошел в число победителей во Второй мировой войне, но его население страдало от последствий войны больше, чем побежденная сторона. Война унесла более 20 млн человеческих жизней, 2 млн чел. остались калеками, инвалидами и бездомными, которые уже не могли найти себе место в жизни и не надеялись на помощь со стороны государства, которому служили во время войны. Демобилизованные красноармейцы и беженцы скитались по территории Советского Союза. Еще в 1948 г. в городе Брянске 9 000 семей, инвалидов и детей-сирот обитали в землянках. Почти на всем пространстве Советского Союза люди жили в таких условиях. В июне 1947 г. Молотов получил от министра внутренних дел Советского Союза С. Н. Круглова письмо, в котором тот жаловался, что беженцы и демобилизованные солдаты нарушают общественный порядок в стране. В городе Краснодаре в начале 1947 г. скопилось более 200 000 беженцев из всех регионов страны. Эти люди страдают от недоедания и дистрофии, а более 18 000 из них живут «фактически под открытым небом», с возмущением писал министр. Распространение в регионе болезней и эпидемий — это только вопрос времени. Местные органы государственной власти, однако, перегружены — они должны не только справляться с непрерывным потоком новых беженцев, но и бороться с преступностью, пришедшей в регион вместе с беженцами, демобилизованными солдатами и беспризорниками. Беженцы не только нищенствуют, они совершают кражи, осуществляют разбойничьи нападения на местное население и нападают на поезда. В Краснодаре одна старушка, которые несла два куриных яйца, была убита изголодавшимся демобилизованным солдатом. Органы власти попытались остановить приток беженцев. В апреле 1947 г. впервые была проведена акция изгнания из Краснодара демобилизованных солдат и беспризорников. На вокзалах и на дорогах, ведущих в город, дежурили сотрудники НКВД, которые арестовывали всякого, у кого не было соответствующих документов для въезда в район. Но преступность перекинулась в соседний регион — министр жаловался, что подобная практика ведет к тому, что беженцы «все время перемещаются из одного района в другой». Даже в столице страны у людей не было сносных условий для существования, они вынуждены были жить среди нечистот и крыс, в подвалах и чуланах. Физик Ю. Ф. Орлов вспоминал о послевоенных годах в Москве: «Такими были условия жизни в самом сердце столицы нашего народа, желающего научить весь остальной мир, как следует жить»²⁹.

Последствия войны тяжело сказались не только на состоянии общества. Они сильно поколебали способность режима осуществлять функции социального контроля, и прежде всего в городах, где активно заявляли о себе молодежные банды и уволенные из армии солдаты. Несомненно, что по завершении войны перед многими демобилизованными солдатами открылись новые перспективы. Но советская действительность ничего не могла предложить инвалидам, людям, травмированным войной и сорванным с родных мест. А поскольку война открыла перед миллионами советских солдат мир, лежащий за границами Советского Союза, и они смогли своими глазами убедиться в том, что эпические предания о партии и ее вожде построены на лжи, многие из них утратили прежний страх и стали выражать свое несогласие с господствующей ложью. Война породила человека нового типа — такого, который был свободен от предрассудков прошлого и от духовных оков, в которых режим держал своих подданных. Везде, где власть сталкивалась со своими подданными лицом к лицу, она ощущала свою неспособность удерживать их под контролем. Чтобы восстановить status quo, она стала прибегать к методам насилия и террора. При этом в ход пошли старые, успешно испытанные еще до войны методы воздействия³⁰.

Уже в 1946 г. режим дал понять, что не испытывает доверия к своему крестьянству и не отказывается от контроля над ним посредством колхозов. Хотя крестьяне жили в нищете, в разоренных и опустошенных деревнях, лишенных сельскохозяйственных машин и скота, в их жизнь вновь вернулись колхозы. Сталин издал указ, увеличивавший число рабочих дней в колхозах; колхозы, имеющие долги перед государством, следовало наказывать, обрекая на голод. Если во время войны власть порой достаточно снисходительно относилась к отклонениям от колхозного порядка, то теперь это неотступно преследовалось. Крестьян, использовавших колхозную землю в личных хозяйственных целях и выносивших продукты для продажи на базар, ожидало наказание. Варварский закон о защите социалистической собственности, принятый в августе 1932 г., праздновал в послевоенные годы свой триумф. Крестьяне потеряли возможность пользоваться даже теми скромными доходами, которые они могли получать от своих приусадебных участков, поскольку правительство обложило их разорительными налогами. Колхозники превратились в трудовых рабов, в крепостных, призванных производить все, что потребуют от них органы государственной власти. Государство не сумело преодолеть разрыв между городом и деревней, оно лишь увековечило

его. Это привело к тому, что аграрные регионы страны не смогли выйти из агонии. Поэтому более 9 млн крестьян в 1950–1954 гг. вынуждены были бежать из деревни в города в поисках средств к существованию и новых перспектив. В некоторых районах, в первую очередь на Украине, в деревнях начался голод, а местами крестьяне стали выступать против власти.

Нищета, в которой вынуждены были пребывать крестьяне, не осталась незамеченной властями. Сталин получал сообщения и просьбы, которые свидетельствовали о голоде и насилии, царящих в деревне. Так, например, в июле 1945 г. один майор советской армии в своем письме диктатору доложил о том, что ему пришлось пережить во время отпуска в Черниговской области: везде, где он побывал, он видел голодающих крестьян, и при таких условиях ни один из деревенских жителей не желает работать на колхоз, который держит его в нищете: «Зачем нам идти на работу? Мы все равно ничего за нее не получаем», — говорили ему крестьяне. Руководители местных партийных организаций предаются пьянству, берут взятки и бесчеловечно обращаются с крестьянами. Письма с жалобами власти перехватывают, а критиков арестовывают. Красноармейцев, вернувшихся с фронта домой, когда они пытаются протестовать, отправляют на Западную Украину или сразу же возвращают в армию. Партийные чиновники не испытывают жалости даже к инвалидам. Вместе с тем в поисках выхода из сложившейся ситуации бесстрашный майор смотрел не дальше, чем охваченные манией преследования кремлевские вожди, — по его мнению, необходимо было очистить весь партийный и государственный аппарат от «немецких прислужников, трусов и паникеров», удалить из него всех «чуждых нам людей» и заменить их на боевых фронтовиков, одним из которых является он сам.

Всякий раз, когда большевики сталкивались с сопротивлением крестьян, они прибегали к бесчеловечным методам подавления. Сталин ждал от своих приспешников, что они будут проводить в провинции жесткую линию, и те не обманывали его ожидания. Во время массового голода 1946 и 1947 гг., предположительно унесшего 2 млн жизней, 12 000 председателей колхозов были отданы под суд, тысячи крестьян отправлены в концентрационные лагеря из-за того, что собирали для себя на поле хлебные колоски. В январе 1948 г. партийный руководитель Украины Н. С. Хрущев обратился к Сталину со своими соображениями относительно того, как справиться со строптивыми крестьянами. Провалы планов по поставке зерна Хрущев объяснил саботажем со стороны «пара-

зитических и криминальных элементов» — крестьян, которые пользуются колхозами «как ширмой», чтобы под их прикрытием осуществлять «спекуляции» и «кражи». Он утверждал, что в 1947 г. более 86 000 колхозников ни одного дня не проработали на колхоз, а все время работали лишь для себя. Во многих местах крестьяне уничтожали партийных активистов и поджигали их дома. Отсюда он делал вывод, что существовавшая в прошлом практика наказания крестьян, не желающих работать на колхоз и отсутствующих на рабочих местах, показала свою неэффективность. В этих случаях по решению суда они получали в наказание всего лишь до шести месяцев тюремного заключения. Хрущев предлагал взамен снова ввести в колхозах принцип коллективной ответственности и предоставить им право выселять из деревни всех «неисправимых преступников и паразитических элементов». Сталин сразу же принял предложения Хрущева, и уже в конце января 1948 г. Верховный Совет издал закон, определяющий правила выселения из деревень «антисоциальных элементов» и «паразитов». Он дал возможность колхозам высылать непокорных крестьян в Сибирь на срок до восьми лет. В мае 1948 г. Хрущев докладывал в Москву о первых успехах: 10 апреля уже отправлены «первые вагоны» с осужденными крестьянами, в течение всего лишь одного месяца из колхозов восточных областей Украины выслано более 4 000 крестьян. Хрущев уверял Сталина, что крестьяне с большим удовлетворением приняли новый закон: «Благодарим государство и нашего отца Сталина за то, что он принял этот закон для всех нас, для колхозников»³¹. Тиран не только свирепствовал — он еще и требовал за это благодарности.

Большевики держали весь народ под коллективным подозрением, они не смогли проявить великодушие даже в час своей победы. После того как были отвоеваны занятые ранее немцами территории, многие десятки тысяч людей были арестованы как шпионы и коллаборационисты. Все, кто во время войны жил под оккупацией, проверялись и регистрировались органами НКВД, многие попали в фильтрационные лагеря. А те, кто во время войны каким-либо образом побывал в оккупированных областях, находились под постоянным подозрением. Чтобы закрепить за ними статус подозреваемых, органы внутренних дел делали им специальные отметки в паспорте, тем самым превращая их в граждан второго сорта.

Под подозрение попали и 4 млн граждан, оказавшиеся в немецком плену, а также в добровольном или принудительном порядке попавшие на работу в Германию во время войны. Режим был беспо-

шаден к коллаборационистам — Власов и его помощники из офицерского корпуса были осуждены на закрытом суде в Москве и казнены, солдаты его армии попали в лагеря или были отправлены в Сибирь. Казаков и украинских добровольцев, служивших в немецкой армии, ожидала та же судьба. Британские офицеры вспоминали, что казаки, которых западные союзники передавали советской стороне, совершали акты коллективного самоубийства, чтобы избежать выдачи. На британских кораблях, привозивших репатриантов в Одессу, разыгрывались душераздирающие сцены: люди кончали жизнь самоубийством и калечили себя; порой возвращавшихся расстреливали в одесском порту из пулеметов войска НКВД.

Солдаты, сдавшиеся немцам в плен, считались предателями. Освобождение из немецкого плена не означало для них конца страданий — более 600 000 бывших советских военнопленных попали после демобилизации в «трудовые армии» НКВД, для многих же открывался лишь один путь — в Гулаг. 120 000 советских офицеров, оказавшихся в немецком плену, рассматривались властью имущими как коллаборационисты, большинство из них было отправлено в исправительные лагеря на шесть лет, после чего находились под надзором. Коммунисты подвергли унижению и 2 млн «остарбайтеров» — граждан Советского Союза, которых нацистские захватчики насильно угнали на работу в Германию: сначала советские власти заставили их участвовать в демонтажных работах в Восточной Германии, а затем огромными колоннами погнали на родину. Эти люди перешли из одного состояния безнадежности в другое. На родине никто не готовился их встречать, кроме войск НКВД. Один американский дипломат видел, как группу советских репатриантов, прибывшую в мурманский порт, встретил духовой оркестр, после чего они сразу же были отконвоированы за пределы порта вооруженными чекистами. Ирина Эренбург, присутствовавшая в 1945 г. в Одессе при возвращении советских военнопленных, думала, что возвращающихся на родину земляков ждет радостная встреча с военными почестями. Вместо этого она увидела безрадостные лица людей, стоявших на набережной с портретами Сталина в руках и напоминавших «кучу мусора». После короткой речи местного коммунистического руководителя все бывшие военнопленные были отведены для допроса в находящееся рядом военное училище. Совсем иначе выглядели ехавшие на том же корабле бывшие французские и бельгийские военнопленные, возвращавшиеся на родину. Ирина Эренбург пишет: «Там я увидела счастливые лица... они пели, свистели, смеялись»³². Репатриантов из бывших западных областей

Польши и из Прибалтийских республик без всякой перепроверки отправляли в исправительные лагеря Гулага. Ко всем, кто получал разрешение на возвращение домой, власти в дальнейшем относились с подозрением и ставили на них клеймо предателей.

В основании репрессий, которым подвергались бывшие военнопленные и «остарбайтеры», лежало чувство недоверия, которое большевики испытывали по отношению ко всему им чуждому. Репатрианты не просто увидели чужие страны, усвоили их нравы и обычаи — эти люди ознакомились с уровнем жизни немцев и других зарубежных народов и смогли иными глазами взглянуть на то убожество, в котором они сами жили в Советском Союзе. Никакая ложь уже не могла вернуть их в то состояние изоляции, в котором они находились до войны. Большевики обладали чутьем в таких делах, поэтому их репрессии выглядели как месть возвратившимся на родину — за опыт, который те получили за границей.

Насилие царило повсюду. На западных окраинах империи оно бушевало с безудержной силой даже после завершения Второй мировой войны. До конца 1940-х гг. Красная армия вела в Восточной Польше ожесточенные бои с ушедшей в подполье националистической польской Армией крайовой. На Западной Украине, отошедшей после войны к Советскому Союзу, большевики столкнулись с сопротивлением украинских националистов и мятежных крестьян, противившихся возвращению Украины в большевистскую империю. Боевые отряды восставших пополнялись также демобилизованными красноармейцами и дезертирами — за один июль 1945 г. к украинским партизанам присоединилось более 11 000 дезертиров из Красной армии. Война, которая продолжалась вплоть до начала 1950-х гг., велась с обеих сторон с крайней жестокостью. Партизаны под командованием украинского националиста С. А. Бандеры убивали любого коммуниста, попавшего к ним в руки; в свою очередь, чекисты брали в деревнях заложников, чтобы заставить крестьян выдать им места, где скрывались бандеровцы.

Гражданская война на Западной Украине привела к страшному опустошению края — за 1944–1953 гг. чекисты убили здесь более 150 000 повстанцев, 130 000 чел. были заключены в тюрьмы и лагеря по обвинению в шпионаже и вредительстве, 200 000 чел. были депортированы в Среднюю Азию.

Точно так же вел себя сталинский режим и в Прибалтийских республиках, которые уже 1944 году снова были присоединены к империи. Сразу же по окончании войны большевики продолжили свою кампанию по уничтожению национальных элит в прибалтийских республиках. В Литве хватали и расстреливали католи-

ческих епископов и рядовых священников, представителей интеллигенции систематически изолировали и высылали из страны. Но и здесь советская власть натолкнулась на сопротивление — в 1944–1953 гг. партизаны в Литве убили 13 000 коммунистов и сотрудников нового режима. Так же обстояло дело и в Эстонии, и в Латвии, где активисты движения сопротивления, называвшие себя «лесными братьями», вплоть до начала 1950-х гг. вели против Красной армии партизанскую войну. 28 000 солдат советского Министерства внутренних дел вели бои с литовскими повстанцами до самой весны 1953 г. Сталинский режим видел в этом сопротивлении дело рук «фашистов» и иностранных агентов; кремлевские вожди были уверены, что американская разведка не только финансирует, но и обучает мятежников. Если враги сопротивляются, их надо уничтожать — в 1944–1953 гг. чекисты убили в Литве более 20 000 чел., заключили в тюрьмы или отправили в сибирские исправительные лагеря 240 000 чел., то есть больше чем каждого десятого жителя Литвы. Но и этого кремлевским властям показалось недостаточно — с 1944 г. они начали переселять в Прибалтийские республики русское население из центральных районов России. В одну только Эстонию, насчитывавшую после войны чуть больше миллиона жителей, с 1945 по 1949 г. переселилось 180 000 русских. Таким образом режим надеялся нейтрализовать влияние местных жителей и навсегда привязать Прибалтийские республики к империи³³.

Мания преследования, обуревавшая правящие круги сталинского режима, в немалой степени питалась страхом перед пагубным влиянием Запада, которому оказался подвержен после войны Советский Союз. «Холодная» война, начавшаяся в 1946 г., превратила этот страх в болезненную фобию. И как всегда, когда нужно было преодолеть эту фобию, власть имущие в Кремле снова обратились к средствам террора. В августе 1946 г. секретарь ЦК КПСС по культуре и пропаганде А. А. Жданов начал организованную властями кампанию против «пошляков» и «подонков» в советской культуре — такими издевательскими и оскорбительными словами он отозвался о ленинградской поэтессе Анне Ахматовой и сатирике Михаиле Зощенко. Все, кто надеялся на либерализацию духовного климата в советской стране, пережившей войну, стали смотреть на вещи более трезво. Режим предавал анафеме пьесы иностранных авторов, современную музыку и живопись, он заставлял Шостаковича, Прокофьева и других известных деятелей советского искусства выступать с самокритикой и дискредитировать смысл своего творчества. Из культурного реперту-

ара исчезла не только современная классическая музыка, но и джаз. Отныне приоритетной в советской литературе и искусстве стала идея народности: художники должны были в лучшем свете представлять непритязательные образцы отечественной культуры и изгонять из своих произведений черты «безродного космополитизма». Ксенофобия и комплекс неполноценности, исконно присущие большевизму, проявили себя в кампании по прославлению изобретательности русских: о чем бы ни шла речь, всё так или иначе представлялось как продукт творчества русского гения.

Культурная жизнь советской страны окостенела; доносы, аресты и расстрелы снова стали частью быта городских жителей, пусть даже и не в таких масштабах, как в 1937 и 1938 гг. «Прокатился 1949 год, подмяв под собой все, — всю сферу науки и идеологии и общественную жизнь в целом», — вспоминает это время литературовед Раиса Орлова-Копелева. «И все же, когда я начинаю сравнивать, — продолжает она, — все осознанно мной пережитое, годы 1937 и 1949, то мне кажется, что год 1937 предоставлял всем “равные шансы” лишиться жизни, а 1949 год требовал меньше жертв, случайные аресты происходили сравнительно редко. 1949 год не был лучше, но все-таки он был другим». Все, что приходило из-за границы, подвергалось теперь суровому осуждению и преследованию, литература, искусство и наука оказались в изоляции и потеряли всякую связь с западным миром. Эта кампания привела к необратимым последствиям для естественных наук, прежде всего для биологии, генетики и психоанализа³⁴.

Ксенофобия сталинского режима в немалой степени проявилась в его отношении к еврейскому населению страны. В 1930-е гг. большевики поставили антисемитизм вне закона и предоставили тем, кто относил себя к еврейской нации, возможность пользоваться культурной автономией. Но многим евреям была безразлична их национальная принадлежность. Возможно, в Советском Союзе не было другой этно-религиозной группы, которая в такой степени отождествляла бы себя с советским началом, как евреи. Евреи не превратились в русских, но они стали советскими людьми и идентифицировали себя с советской империей, предоставившей им равноправие. Однако под влиянием этнических чисток и страшного опыта Второй мировой войны многие ассимилированные евреи стали все больше задумываться о своей принадлежности к еврейству. Национал-социалистическая практика уничтожения советских евреев и их повсеместная стигматизация способствовали обратному процессу превращения советских людей в евреев. Ничто так не стимулирует возвращение человека к самому себе, как чувство отторже-

ния от общественной среды. Конечно, созданный в 1942 г. Еврейский антифашистский комитет и его руководитель, актер Соломон Михоэлс, находились под строгим партийным контролем — ведь в него входили даже Илья Эренбург и жена Молотова. Но перед лицом смертельной национал-социалистической угрозы Комитет начал ощущать себя уже не только придатком партийных органов, но и выразителем интересов советских евреев. Михоэлс даже отправился в США, чтобы собрать там денежные пожертвования; члены Еврейского антифашистского комитета имели мужество в феврале 1944 г. обратиться к Сталину с просьбой об основании на недавно освобожденной территории Крыма Еврейской Советской Республики. Они издали документальные свидетельства об уничтожении советских евреев во время войны, но «Черная книга», как называли это документальное исследование писатели Эренбург и Гроссман, так и не увидела свет, — весь ее тираж был конфискован органами безопасности и уничтожен. Согласно официальной версии Великой Отечественной войны, это была война национал-социалистов против всех народов Советского Союза, и здесь не было места для геноцида, направленного исключительно против евреев. Подозрительность партийного руководства страны по отношению к Комитету возрастала, по мере того как выступления еврейской общественности и ее официальных представителей приобретали все более уверенные формы. Когда в сентябре 1948 г. в Москве появилась первая посланница еврейского государства в Советском Союзе Голда Меир, на спонтанно собиравшихся митингах в ее честь советские евреи не только приветствовали государство Израиль, но и выражали свое желание туда выехать. В самом деле, когда еще в Советском Союзе происходили какие-либо спонтанные события, в организации которых партия и ее вождь не принимали бы участия?

Сталин не мог мириться с такими вольностями — в январе 1948 г. по его заданию председатель Еврейского антифашистского комитета был убит чекистами, в ноябре был распущен и сам Комитет, а все его участники были арестованы. Правда, до судебного процесса дело дошло лишь в 1952 г. Он был проведен, подобно всем политическим процессам, инсценированным сталинской властью в советской стране, — с абсурдными обвинениями в шпионаже и смертными приговорами, немедленно приведенными в исполнение. Процесс против членов Еврейского антифашистского комитета проходил за закрытыми для общественности дверями, но то, что с ним сводили счеты в период публичной кампании против «безродных космополитов», нельзя считать случайным. Для всех уже была очевидна антисемитская направленность данного мероприя-

тия. Когда в январе 1953 г. по заданию Сталина был «разоблачён» заговор «врачей-убийц», антисемитская кампания стала выходить из-под контроля властей. Сталин обвинил видных врачей, среди которых было много евреев, в смерти ленинградского партийного руководителя А. А. Жданова, наступившей в 1948 г., и в том, что они планировали покушения на жизнь политических руководителей советской страны. Как он утверждал, их коварные планы были разработаны по заданию английской секретной службы и еврейских организаций из США. Запущенная и направляемая Сталиным кампания вызвала во всем Советском Союзе волну антисемитских выпадов, выразившихся в изгнании евреев из государственных учреждений, их дискриминации в обществе и шельмовании как врагов Советского государства. Провинциальные сатрапы немедленно уловили, чего от них ждет Сталин. Сразу после убийства Михоэлса, в апреле 1948 г., секретарь Белорусской компартии Н. И. Гусаров доложил в Москву о первых успехах — органы безопасности раскрыли в Белоруссии заговор «еврейских националистических элементов»: еврейские националисты якобы ставили своей целью разжечь ненависть «к русскому и белорусскому народам», при этом они пользовались поддержкой еврейских комитетов из США и Палестины. Нет сомнения в том, докладывал далее Гусаров, что американские евреи действуют по заданию секретных служб США. Евреи являются заграничными агентами и поэтому должны быть изгнаны из партийных и государственных органов Белоруссии, поскольку там они «конспирируются», чтобы вести борьбу против советского строя. Он ожидает распоряжений из Москвы относительно того, как следует действовать дальше.

Хотя многие евреи стали жертвами доносов со стороны своих соседей и коллег по работе, обвинявших их в том, что они являются врагами, все-таки находились люди, неспособные переносить этот взрыв слепой ненависти. В феврале 1953 г. до Сталина дошло анонимное письмо от одной школьницы, жаловавшейся на дискриминацию и бытовое насилие, которому стали подвергаться евреи: «После публикации сообщения о врачах-предателях во многих школах нашего города начались избиения еврейских детей. Что это за жизнь, когда нет подлинной справедливости!» Но Сталин и его подручные были мало склонны к человеческому состраданию. Возможно, тиран планировал не только инсценировать новые показательные процессы, но и депортировать евреев из европейской части России. Смерть Сталина в марте 1953 г. разрушила эти планы — уже в апреле арестованные врачи были реабилитированы и кампания прекращена³⁵.

Все описанное вряд ли было бы возможно, если бы не подпитывалось разрушительной, преступной энергией диктатора. Никакой террор не мог насытить сталинскую мстительность и жажду насилия. Для него жить — означало расправляться с врагами. Но всякий раз, когда мнимое зло устранялось, перед лицом диктатора опять появлялись новые враги. Сталин вообще не мог представить себе жизни без смерти и уничтожения. В самой природе систем, основанных на личной власти, скрывается потенциал для возникновения подозрительности на всем пространстве, подвластном данному режиму. В таких системах должности непосредственно связаны с личностями и их свитами. Поэтому любой владыка, если он не хочет лишиться власти, должен постоянно требовать доказательств верности от своих вассалов. Сталин мог сохранять свою единоличную власть только при условии, что его ближайшее окружение боялось диктатора, а члены его «свиты» постоянно интриговали друг против друга, стремясь завоевать его милость. С этой целью деспот умышленно разжигал дух соперничества между членами Политбюро: он мог лишить своей милости одного из членов своей свиты, чтобы наделить ею другого. Представители правящей элиты были хорошо знакомы с правилами, установленными для них Сталиным, они должны были строить козни друг против друга, дабы снискать благосклонность диктатора. Сталин внимательно наблюдал за тем, чтобы члены Политбюро следили друг за другом и сообщали ему о промахах, допущенных соперниками. В условиях, сложившихся в конце 1940-х гг., у людей из окружения диктатора уже не оставалось возможности выйти из этой роковой игры. Ведь Большой Террор не только унес жизни тысяч членов партии, он разрушил и саму партию как социальную структуру.

Власть Сталина в партии осуществлялась без соблюдения устава, без созыва партийных съездов и заседаний Пленумов ЦК. Между 1939 и 1952 гг. не состоялось ни одного съезда партии и было проведено не более двух заседаний Центрального комитета. XIX съезд партии, состоявшийся осенью 1952 г., представлял собой не что иное, как праздничное мероприятие, участники которого собрались, чтобы чествовать стареющего деспота. Даже Политбюро не проводило в военные годы и после них регулярных заседаний. Перед самой войной Сталин лишил этот важнейший орган партии властных полномочий, заменив его «коллегиями», куда он приглашал самых доверенных лиц и где выносились самые важные решения. В конце 1930-х гг. Сталин, кажется, уже ни с кем больше не советовался и не писал писем. Теперь он жил обособленно от всех у себя в резиденции. Если кто-то желал чего-ли-

бо добиться, он должен был получить место за столом у диктатора, поскольку все политические решения принимались на ночных пирушках в Кремле или на даче у Сталина. Всякий, кого переставали приглашать на эти трапезы, начинавшиеся ночью и продолжавшиеся до самого рассвета, терял в результате свою значимость. Для многих членов властного кружка утрата благосклонности хозяина могла иметь роковые последствия. Хрущев в своих воспоминаниях описывает гнетущую атмосферу при дворе тирана: «Последние годы были тяжким временем. Правительство практически перестало работать. Сталин выбирал для себя небольшую группу людей, которые должны были постоянно находиться при нем. При этом существовала еще одна группа, которую в качестве наказания он на неопределенное время отдалял от себя. Каждый из нас мог быть сегодня в одной группе, а завтра оказаться в другой». По его словам, вечерами члены узкого властного круга встречались в Кремле, где вместе смотрели английские и американские фильмы. Затем ближе к полуночи все приближенные отправлялись на дачу Сталина, и там они до самого утра выпивали и ели. Здесь же принимались и все важные решения. Хрущев говорит, что он и другие участники властного круга, выезжая на дачу Сталина, всегда испытывали страх: «В эти дни с каждым из нас могло случиться все что угодно. Все зависело от того, что приходило на ум Сталину, когда он смотрел на кого-нибудь из нас. Порой он останавливал свой взгляд на одном из присутствующих и говорил: “Почему сегодня вы не смотрите мне в глаза? Почему вы отводите взгляд?” или еще какую-нибудь бессмыслицу. При этом совершенно неожиданно в нем могла проснуться настоящая злоба против этого человека». В то время Сталин самолично решал, кто может входить в состав Политбюро, а кого следует из него удалить. Осенью 1952 г. на XIX съезде партии он по собственному усмотрению составил «свое» Политбюро, которое стало теперь называться «Президиумом».

Сталин старел, и каждому бросался в глаза его физический и духовный упадок. В октябре 1945 г. он перенес апоплексический удар, который так подействовал на него, что заставил диктатора на время удалиться из политической жизни. Годом позже, в декабре 1946 г., у Сталина случилась лихорадка, и ему снова пришлось перейти на постельный режим. Врачи диагностировали у него высокое кровяное давление, артериосклероз, увеличенную печень, ослабление сердечной мышцы и хронический гепатит. Сталин был болезненным человеком, но никогда не помышлял отказаться от власти. Те «наследные принцы», которых он представлял об-

ществности как возможных своих преемников, были не более чем марионетками в роковом сплетении политических интриг. Сразу после войны в роли преемника Сталина выступил А. А. Жданов, бывший глава ленинградской партийной организации и секретарь ЦК по культуре. Жданов был человеком без чести и совести, который доказал свою лояльность прежде всего в ходе кампании травли, направленной против «безродного космополитизма» в области культуры; она была организована им по заданию Сталина. Именно Жданов сумел сделать так, что оба его соперника — секретарь ЦК Г. М. Маленков и глава НКВД Л. П. Берия — впали в немилость и даже на короткое время были лишены своих постов. Однако в 1948 г. стала закатываться звезда и самого Жданова — весной того же года Сталин исключил его из властного круга, а в августе 1948 г. Жданов умер при невыясненных до сих пор обстоятельствах. Как только Жданов попал в опалу, Маленков и Берия вновь вернулись в круг самых доверенных лиц Сталина и сразу же начали преследования людей из ленинградского окружения Жданова. К ним принадлежали в первую очередь секретарь ЦК А. А. Кузнецов и руководитель Госплана Н. А. Вознесенский. Оба были молоды, тщеславны и властолюбивы, и Сталин избрал их своими «преемниками». Но после смерти Жданова и они оказались в немилости, поскольку в своей жажде власти и влияния перешли допустимую меру и вызвали недовольство диктатора. Кузнецов и Вознесенский были не только честолюбивы и самоуверенны, они считали себя представителями русского начала в Коммунистической партии Советского Союза. Кузнецов выступил с инициативой создания отдельной коммунистической партии для Российской Федерации. Но Сталин не мог потерпеть при своем дворе такого проявления национальных чувств. Вознесенский оказался, по мнению Сталина, «великодержавным шовинистом», который «не только грузин и армян, но и украинцев не считает людьми», как однажды в присутствии Микояна выразился разгневанный Сталин. В конце 1948 г. он поручил Маленкову инсценировать «раскрытие» чудовищного заговора, на что тот с готовностью откликнулся. Между 1949 и 1952 гг. Маленков подверг ленинградскую партийную организацию грандиозной чистке, ее жертвой стали тысячи партийных и государственных функционеров; почти все люди из окружения Жданова были арестованы, большинство из них расстреляно. Эта участь постигла сторонников Жданова не только в Ленинграде, но и везде, где они успели утвердиться. В феврале 1949 г. в Ленинграде появился сам Маленков, чтобы от лица диктатора разыграть сце-

ну карающего правосудия. При этом использованные им риторические приемы вызвали в памяти обвинения, которые еще в 1937 г. бросал Сталин в адрес провинциальных партийных вождей. Маленков говорил о самоуправстве, предательстве и кумовстве и недвусмысленно дал понять, какая участь постигнет всех, кто не выразит безоговорочной покорности воле вождя. Кузнецов, Вознесенский, руководитель ленинградской партийной организации П. С. Попков и другие высшие чиновники были в 1949 г. арестованы, а на состоявшемся в 1950 г. закрытом процессе обвинены во «фракционной деятельности» и приговорены к расстрелу. Более 600 ленинградских коммунистов должны были присутствовать на этом процессе в качестве зрителей, чтобы запомнить, к чему ведут неверность и предательство в сталинской стране.

«Ленинградское дело» было только увертюрой. Сталин и теперь не видел оснований отказываться от своей вечной подозрительности: он «тиранил» своего министра иностранных дел и самого близкого человека из своего окружения — Молотова. Он подозревал его в том, что он является британским шпионом, и угрожал ему расправой. Молотов пережил нервный срыв, когда узнал, что Сталин больше не хочет его видеть. Кагановичу, жестокому сталинскому опричнику, в связи с «заговором врачей» пришлось публично отмежеваться от «сионизма». В это время даже «железный Лазарь» стал чувствовать себя неудобно — он признался Микояну, что «заболел» от переживаний. В последние годы жизни диктатора в немилость попали также и Ворошилов с Микояном: они стали шпионами, которым уже нельзя было доверять. И даже земляк Сталина и шеф его службы безопасности Берия не мог чувствовать себя спокойно: в 1951 г. Сталин поставил его в известность о существовании «заговора» мингрельских коммунистов с целью присоединения Грузии к Турции. Берия сделал все, чего от него ожидали: он устроил в Грузии кровавую чистку, не пощадив при этом даже людей из своего мингрельского окружения — они лишились своих постов в партийной организации Грузии и были арестованы. По всему было видно, что Сталин планировал навсегда избавиться от своих прежних верных друзей и помощников. И лишь смерть тирана помешала возвращению Большого Террора³⁶.

1 марта 1953 г. Сталин перенес на своей даче в Кунцево апоплексический удар, в результате которого оказался полностью парализован. Когда личная охрана Сталина вошла в его спальню, то увидела диктатора, лежащего на полу без сознания. Поздним вечером на даче появились Берия, Маленков, Хрущев и Булганин. Они дали охране указание не трогать лежащего: Сталин спит и

никому не позволено ему мешать. Лишь утром 2 марта в Кунцево прибыли врачи, которые уже не смогли спасти диктатора. 5 марта Сталин скончался. Однако уже 1 и 2 марта система властных отношений начала обретать новый характер: члены узкого властного круга почувствовали себя свободней — они вновь вернули в Президиум Молотова и Микояна, которых Сталин ранее изгнал из своего окружения. 5 марта, когда Сталин был еще жив, они собрали в Кремле членов ЦК, чтобы сообщить им о происходящем. Писатель Константин Симонов, присутствовавший на заседании, вспоминает, что Берия и Маленков говорили «по делу» и больше уже не упоминали имени диктатора. Один лишь Молотов, многолетний спутник Сталина, выглядел печальным.

Сталинизм представлял собой господство террора, возникшего в условиях советской действительности. Он был попыткой создать новый человеческий образ и вытеснить старое представление о человеке. Однако в условиях русской жизни эта попытка обернулась массовым террором. В то же время феномен сталинизма невообразим без участия самого Сталина, ведь никто в советском политическом руководстве, даже Берия, не был так заинтересован в продолжении разрушительного террора, как Сталин. Сразу же после смерти диктатора были освобождены «врачи-убийцы», прекратилась антисемитская кампания и была объявлена амнистия для узников Гулага. Началась постепенная десталинизация советского общества, были реабилитированы представители отверженных народов, сотни тысяч людей вернулись из ссылки и лагерей в мирную жизнь. Высшие партийные органы, ЦК и Политбюро, вновь обрели свое значение, а в правительстве утвердился принцип «коллективного руководства». В 1956 г. на XX съезде партии Хрущев осудил «культ личности», а в 1961 г. распорядился вынести тело Сталина из Мавзолея на Красной площади. Преимущества десталинизации, достигнутые в политической жизни, сказались и на личной судьбе самого Хрущева: когда в 1964 г. он был свергнут, ему уже не грозила тюрьма. Его просто отправили на пенсию.

Советский Союз после смерти Сталина не стал демократической страной. Но страх ушел из умов и душ советских людей. Физик Ю. Орлов в своих воспоминаниях так определил смысл десталинизации: «Никто из тех, кого не швыряло на этом безумном пути, не сможет понять, насколько легче стало людям дышать после поворота в сторону элементарной законности, сделанного Хрущевым. Общество осталось тоталитарным, но оно перестало барахтаться в крови и рвоте»³⁷.

Введение

¹ Такие исторические исследования уже существуют. См., напр.: Hildermeier M. *Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates*. München, 1998; Beyrau D. *Petrograd, 25. Oktober 1917. Die russische Revolution und der Aufstieg des Kommunismus*. München, 2001; Suny R. G. *The Soviet Experiment. Russia, the USSR, and the Successor States*. Oxford, 1998. В качестве исключения: Malia M. *Vollstreckter Wahn. Rußland 1917–1991*. Stuttgart, 1994; Koenen G. *Utopie der Säuberung. Was war der Kommunismus?* Berlin, 1998.

² Courtois S. *Die Verbrechen des Kommunismus // Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror* / Hrsg. S. Courtois u. a. München, 1998. S. 11–43.

³ Обзор исследований см.: Baberowski J. *Wandel und Terror. Die Sowjetunion unter Stalin 1928–1941 // Jahrbücher für Osteuropäische Geschichte*. 1995. № 43. S. 97–129; Hildermeier M. *Interpretationen des Stalinismus // Historische Zeitschrift*. 1997. № 264. S. 655–674.

⁴ Arendt H. *Ideologie und Terror. Eine neue Staatsform // Wege der Totalitarismusforschung* / Hrsg. B. Seidel, S. Jenkner. Darmstadt, 1974. S. 163.

⁵ Kershaw I. *Hitler 1936–1945*. München, 2000.

⁶ Viola L. *The Best Sons of the Fatherland. Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization*. New York, 1987; Fitzpatrick S. *Stalin and the Making of a New Elite // Idem. The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, 1992. P. 149–182. См. также: Getty J. A. *Origins of the Great Purges. The Soviet Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge, 1985.

⁷ Kenez P. *Stalinism as Humdrum Politics // Russian Review*. 1986. № 45. P. 395–400.

⁸ Eley G. *History with the Politics Left out – Again? // Russian Review*. 1986. № 45. P. 385–394.

⁹ Foucault M. *In Verteidigung der Gesellschaft. Vorlesungen am Collège de France 1975–1976*. Frankfurt am Main, 1999. S. 38.

¹⁰ Baberowski J. Arbeit an der Geschichte. Vom Umgang mit den Archiven // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2003. № 51. S. 36–56.

¹¹ Baberowski J. Stalinismus «von oben». Kulakendeportationen in der Sowjetunion 1929–1933 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1998. № 46. S. 572–595; Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996.

¹² Stalin. Briefe an Molotov 1925–1936. Berlin, 1996; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.

¹³ Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford, 1996; Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997.

¹⁴ Bauman Z. Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit. Frankfurt am Main, 1995. S. 20–21, 323.

¹⁵ См., в частности: Halfin I. From Darkness to Light. Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, 2000.

¹⁶ Bauman Z. Moderne und Ambivalenz. S. 45.

¹⁷ См., напр.: Baberowski J. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München, 2003. S. 753–830.

¹⁸ Easter G. M. Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge, 2000.

¹⁹ См., напр.: Булдаков Б. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; DuGarm D. Local Politics and the Struggle for Grain in Tambov, 1918–21 // Provincial Landscapes. Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953 / Ed. D. Raleigh. Pittsburgh, 2001. P. 59–81.

I. Путь к сталинизму

¹ Rousseau J.-J. Vom Gesellschaftsvertrag oder Grundsätze des Staatsrechts. Stuttgart, 1977. S. 49.

² Geyer D. Gesellschaft als staatliche Veranstaltung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1966. № 14. S. 21–50.

³ Hildermeier M. Der russische Adel von 1700–1917 // Europäischer Adel 1750–1950 / Hrsg. H.-U. Wehler. Göttingen, 1990. S. 166–216; Lieven D. Abschied von Macht und Würden. Der europäische Adel 1815–1914. Frankfurt am Main, 1995. S. 281–298; Raeff M. Der wohlgeordnete Polizeistaat und die Entwicklung der Moderne im Europa des 17. und 18. Jahrhunderts. Versuch eines vergleichenden Ansatzes // Absolutismus / Hrsg. E. Hinrichs. Frankfurt am Main, 1986. S. 310–343; Jones R. E. The

Emancipation of the Russian Nobility, 1762–1785. Princeton, 1973.

⁴ См.: Lincoln B. W. In the Vanguard of Reform. Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb, Ill., 1982; Wortman R. The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976; Baberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich. Frankfurt am Main, 1996.

⁵ Wortman R. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton, 2000. P. 6–8.

⁶ Engelstein L. Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia // American Historical Review. 1993. № 98. P. 338–353; Baberowski J. Auf der Suche nach Eindeutigkeit. Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und in der Sowjetunion // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1999. № 47. S. 482–504.

⁷ К вопросу об отмене крепостного права и ее последствиях см.: Moon D. The Russian Peasantry 1600–1930. London, 1999. P. 108–112; Field D. The End of Serfdom. Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge, Mass., 1976; Emmons T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, 1968; Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921 / Ed. E. Kingston-Mann, T. Mixer. Princeton, 1991.

⁸ Frank S. P. Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkeley, 1999. P. 19–50.

⁹ Schmidt C. Sozialkontrolle in Moskau. Justiz, Kriminalität und Leibeigenschaft 1649–1785. Stuttgart, 1996; Baberowski J. Autokratie und Justiz.

¹⁰ Frank S. P. Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia. P. 209 ff.; Worobec C. D. Peasant Russia. Family and Community in the Post-Emancipation Period. DeKalb, Ill., 1995. P. 118–150; Engel B. A. Between the Fields and the City. Women, Work, and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge, 1996. P. 7–33; Idem. Horse Thieves and Peasant Justice in Post-Emancipation Imperial Russia // Journal of Social History. 1987. № 21. P. 281–293.

¹¹ Наблюдения помещика А. Н. Энгельгардта над практикой насилия среди крестьян и над их обычаем заменять меры физического воздействия материальной компенсацией см.: Aleksandr Nikolaevich Engelgardt's Letters from the Country, 1872–1887 / Ed. C. A. Frierson. Oxford, 1993. P. 34–35. См. также: Frank S. P. Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia. P. 85–114.

¹² Baberowski J. Die Entdeckung des Unbekannten. Rußland und das Ende Osteuropas // Geschichte ist immer Gegenwart. Vier Thesen zur Zeitgeschichte. Stuttgart, 2001. S. 9–42; Lieven D. C. B. Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven, 1989; Verner A. The Crisis of Russian Autocracy. Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990.

¹³ Johnson R. Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century. New Brunswick, 1979; Wynn C. Workers, Strikes, and Pogroms: The Donbass-Dnepr Bend in Late Imperial Russia, 1870–1905. Princeton, 1995; Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Stanford, 1993.

¹⁴ Wynn C. Workers, Strikes, and Pogroms; Friedgut T. Iuzovka and Revolution: Life and Work in Russia's Donbass. 2 Vols. Princeton, 1989, 1993; Baberowski J. Nationalismus aus dem Geiste der Inferiorität. Autokratische Modernisierung und die Anfänge muslimischer Selbstvergewisserung im östlichen Transkaukasien 1828–1914 // Geschichte und Gesellschaft. 2002. № 26. S. 371–406; Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–1917. СПб., 1997; Kanatchikov S. A Radical Worker in Tsarist Russia. The Autobiography of Semen Ivanovich Kanatchikov / Ed. R. E. Zelnik. Stanford, 1986.

¹⁵ Figes O. Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der russischen Revolution 1891 bis 1924. Berlin, 1998. S. 138, 167; Pipes R. Die russische Revolution. Berlin, 1992. Bd. 1: Der Zerfall des Zarenreiches.

¹⁶ Gorkij M. Unzeitgemäße Betrachtungen über Kultur und Revolution. Frankfurt am Main, 1974. S. 149.

¹⁷ См., напр.: Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998; Человек и война: Война как явление культуры / Под ред. И. В. Нарского, О. Ю. Никоновой. М., 2001; Stone N. The Eastern Front, 1914–1917. London, 1978; Брусиллов А. А. Мои воспоминания. М., 2001.

¹⁸ Поршнева О. С. Российский крестьянин в первой мировой войне (1914 – февраль 1917) // Человек и война. С. 190–215; Sanborn J. Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics 1905–1925. DeKalb, Ill., 2003. P. 96–131; Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002. P. 12–46. О пропаганде царизма см.: Jahn H. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca, 1995.

¹⁹ Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999. P. 17–19, 23–25, 36, 66; Hol-

quist P. *To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations. Empire and Nation Making in the Age of Lenin and Stalin* / Ed. R. G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001. P. 115; Lohr E. *The Russian Army and the Jews: Mass Deportations, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review*. 2001. № 60. P. 404–419.

²⁰ Halfin I. *From Darkness to Light. Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh, 2000.

²¹ См.: Чериковер И. *Антисемитизм и погромы на Украине в 1917–1918 гг. К истории украинско-еврейских отношений*. Берлин, 1923. С. 29–31; Katzer N. *Die weiße Bewegung in Rußland. Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg*. Köln, 1999. S. 281.

²² Kuromiya H. *Freedom and Terror in the Donbass. A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s*. Cambridge, 1998. P. 77–79, 82–84.

²³ Hickey M. C. *The Rise and Fall of Smolensk's Moderate Socialists: The Politics of Class and the Rhetoric of Crisis in 1917 // Provincial Landscapes. Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953* / Ed. D. Raleigh. Pittsburgh, 2001. P. 14–35; Manning R. T. *Bolsheviks without the Party. Sychevka in 1917 // Ibid*. P. 40–52; Channon J. *The Peasantry in the Revolutions of 1917 // Revolution in Russia. Reassessments of 1917* / Ed. E. R. Frankel et al. Cambridge, 1992. P. 106–107; Keep J. *The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization*. New York, 1976. P. 159–161.

²⁴ Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917*. New Haven, 1999. P. 108–124, 127–152.

²⁵ Ленин В. И. *Полн. собр. соч.* М., 1958–1965. Т. 35. С. 204; Raleigh D. J. *Experiencing Russia's Civil War. Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Princeton, 2002. P. 34–36, 246–281.

²⁶ Price M. P. *My Reminiscences of the Russian Revolution*. London, 1921. P. 349; Грациози А. *Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы*. М., 1997. С. 82.

²⁷ Figes O. *Die Tragödie eines Volkes*. S. 410–429; Kuromiya H. *Freedom and Terror in the Donbass*. P. 85–88.

²⁸ Geifman A. *Thou Shalt Kill. Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917*. Princeton, 1993. P. 154–180; Mayer A. J. *The Furies. Violence and Terror in the French and the Russian Revolutions*. Princeton, 2000. P. 239.

²⁹ Figes O. Die Tragödie eines Volkes. S. 501–567.

³⁰ Gorkij M. Unzeitgemäße Betrachtungen über Kultur und Revolution. S. 123–124; Pentner T. Odessa 1917. Revolution an der Peripherie. Köln, 2000. S. 246–248; Hasegawa T. Crime, Police, and Mob Justice in Petrograd during the Russian Revolution of 1917 // Religious and Secular Forces in the Late Tsarist Russia / Ed. C. Timberlake. London, 1992. P. 260; Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. P. 84–85; Baberowski J. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München, 2003. S. 109–141.

³¹ Raleigh D. J. Experiencing Russia's Civil War. P. 332–337; Figes O. Die Tragödie eines Volkes. S. 623–638.

³² Katzer N. Die weiße Bewegung in Rußland. S. 399–423; Figes O. Die Tragödie eines Volkes. S. 587–609, 623–638.

³³ Lenin V. I. Ausgewählte Werke. Bd. 2. Berlin (Ost), 1976. S. 319–419. Цит. по: S. 359, 403, 402. См. также: Burbank J. Lenin and the Law in Revolutionary Russia // Slavic Review. 1995. № 54. P. 23–44.

³⁴ Ср. интерпретацию Г. Кёнен: Koenen G. Utopie der Säuberung. Was war der Kommunismus? Berlin, 1998. S. 63–94.

³⁵ Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. P. 99–105. В исторической литературе относительно жертв приводятся разные цифры. См.: Pipes R. Die russische Revolution. Bd. 3. S. 188; Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л., 1929. С. 55; Katzer N. Die weiße Bewegung in Rußland. S. 287. Об образе мыслей и характере мотиваций, свойственных офицерам и военачальникам белых армий, см.: Heretz L. The Psychology of the White Movement // The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil Wars / Ed. V. Brovkin. New Haven, 1997. P. 105–121; Pereira N. G. O. Siberian Atamanschina: Warlordism in the Russian Civil War // Ibid. P. 122–138.

³⁶ Cassidy J. A. The Enemy on Trial: Early Soviet Courts on Stage and Screen. DeKalb, Ill., 2000. P. 28–50; Lindenmeyr A. The First Soviet Political Trial: Countess Sofia Panina before the Petrograd Revolutionary Tribunal // Russian Review. 2001. № 60. P. 505–525.

³⁷ Цит. по: Leggett G. The Cheka. Lenin's Political Police. Oxford, 1981. P. 114.

³⁸ Service R. Lenin. Eine Biographie. München, 2000. S. 421; Figes O. Die Tragödie eines Volkes. S. 567.

³⁹ Декреты Советской власти. М., 1961. Т. 3. С. 291.

⁴⁰ Красный террор в годы гражданской войны: По материалам особой следственной комиссии // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 17–18; Leggett G. The Cheka. P. 101–120. Другие примеры см.:

Мельгунов С. П. Красный террор в России. М., 1991 (первое изд.: Берлин, 1923). С. 20–32; Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. М., 1997. С. 202–226.

⁴¹ Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине. С. 152.

⁴² Мельгунов С. П. Красный террор в России. С. 24, 43–87; Leggett G. The Cheka. P. 103; Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 20, 44–45, 57; The Unknown Lenin. From the Secret Archive / Ed. R. Pipes. New Haven, 1996. P. 46; Service R. Lenin. P. 510–511.

⁴³ Цит. по: Koenen G. Utopie der Säuberung. S. 22.

⁴⁴ Цит. по: Мельгунов С. П. Красный террор в России. С. 107. Представление о ранних примерах мании преследования и шпиономании у большевиков дает сборник документов: Красная книга ВЧК: В 2 т. М., 1922 (новое изд.: М., 1989). См. также: Smith S. A. Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917–1918. Cambridge, 1983. P. 167.

⁴⁵ Мельгунов С. П. Красный террор в России. С. 109–159.

⁴⁶ Мельгунов С. П. Красный террор в России. С. 10–12, 116–138, 145; Borodin N. M. One Man in His Time. London, 1955. P. 19.

⁴⁷ Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 34–40.

⁴⁸ Brower D. R. «The City in Danger». The Civil War and the Russian Urban Population // Party, State, and Society in the Russian Civil War. Explorations in Social History / Ed. D. P. Koenker, W. G. Rosenberg. Bloomington, 1989. P. 58–80; Pavliuchenkov S. Workers' Protest Movement Against War Communism // The Bolsheviks in Russian Society. P. 149; Figes O. Die Tragödie eines Volkes. S. 638–651.

⁴⁹ Smith S. The Socialist-Revolutionaries and the Dilemma of Civil War // The Bolsheviks in Russian Society. P. 94–95; Aves J. Workers against Lenin: Labour Protest and the Bolshevik Dictatorship. London, 1996. P. 18–25; Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России. С. 148–150; Pavliuchenkov S. Workers' Protest Movement Against War Communism. P. 146–149; Koenen G. Utopie der Säuberung. S. 76–77.

⁵⁰ IX съезд РКП(б), март–апрель 1920 г.: Протоколы. М., 1972. С. 406, 415, 554–556; Deutscher I. Trotzki. 2. Aufl. Stuttgart, 1972. Bd. 1: Der bewaffnete Prophet 1879–1921. S. 460–478. См также: Knei-Paz B. The Social and Political Thought of Leon Trotsky. Oxford, 1978. P. 260–269; Schapiro L. The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State. First Phase: 1917–1922. London, 1977. P. 211–234; Aves J. Workers against Lenin. P. 5–8, 31.

⁵¹ Goldman E. *Living My Life*. New York, 1970. P. 753; Павлюченков С. А. *Военный коммунизм в России*. С. 154–164; Avrich P. *Kronstadt 1921*. Princeton, 1970. P. 151–154, 202–216; Figes O. *Die Tragödie eines Volkes*. S. 805–810; Berkman A. *The Bolshevik Myth: Diary 1920–1922*. London, 1925. P. 303; Aves J. *Workers against Lenin*. P. 111–157.

⁵² Figes O. *Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution 1917–1921*. Oxford, 1989. P. 188–195; Raleigh D. J. *Experiencing Russia's Civil War*. P. 312–347; Осипова Т. В. *Российское крестьянство в годы революции и гражданской войны*. М., 2001. С. 173–191.

⁵³ Латышев А. Г. *Рассекреченный Ленин*. С. 57, 65–66; Мельгунов С. П. *Красный террор в России*. С. 96–100.

⁵⁴ Павлюченков С. А. *Военный коммунизм в России*. С. 109–117, 138–140; Осипова Т. В. *Российское крестьянство в годы революции и гражданской войны*. С. 322–336; Raleigh D. J. *Experiencing Russia's Civil War*. P. 382–387; Грациози А. *Большевики и крестьяне на Украине*. С. 135–156; DuGarm D. *Peasant Wars in Tambov Province // The Bolsheviks in Russian Society*. P. 177–198; Radkey O. *The Unknown Civil War in Soviet Russia. A Study of the Green Movement in the Tambov Region 1920–1921*. Stanford, 1976.

⁵⁵ Грациози А. *Большевики и крестьяне на Украине*. С. 140; Figes O. *Die Tragödie eines Volkes*. S. 794–799; Idem. *Peasant Russia, Civil War*. P. 321–353; Hodgson J. E. *With Denikin's Armies: Being a Description of the Cossack Counter-Revolution in South-Russia, 1918–1920*. London, 1932. P. 118.

⁵⁶ Мельгунов С. П. *Красный террор в России*. С. 100–101; Raleigh D. J. *Experiencing Russia's Civil War*. P. 382–388.

⁵⁷ Езиков С., Потрасов Л. *Антоновщина. Новые подходы // Вопросы истории*. 1994. № 6/7. С. 52; Осипова Т. В. *Российское крестьянство в годы революции и гражданской войны*. С. 337–341. См. также: *Письма во власть. 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям*. М., 1998. С. 294.

⁵⁸ Генис В. Л. *Расказачивание в Советской России // Вопросы истории*. 1994. № 1. С. 42–47, 54; Мельгунов С. П. *Красный террор в России*. С. 30–31; *Известия ЦК КПСС*. 1989. № 6. С. 177–178; Holquist P. *Making War, Forging Revolution*. P. 166–205.

⁵⁹ Easter G. *Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. Cambridge, 2000. P. 25–63. Цитата из Ленина: *Service R. Lenin*. P. 288.

⁶⁰ Raeff M. *Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration 1919–1939*. New York, 1990; *Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917–1941* / Hrsg. K. Schlögel. München, 1994.

⁶¹ Fitzpatrick S. *The Legacy of the Civil War // Party, State, and Society in the Russian Civil War*. P. 385–398.

II. Затишье перед бурей

¹ Ball A. M. *And Now My Soul Is Hardened. Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930*. Berkeley; Los Angeles, 1994. P. 5–9; Raleigh D. J. *Experiencing Russia's Civil War. Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Princeton, 2002. P. 395–404; Borodin N. M. *One Man in His Time*. London, 1955. P. 26–40; Kuro-miya H. *Freedom and Terror in the Donbass. A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s*. Cambridge, 1998. P. 127; Fisher H. H. *The Famine in Soviet Russia 1919–1923: The Operations of the American Relief Administration*. New York, 1927. P. 96. Цит. по: Pethybridge R. *One Step Backward, Two Steps Forward. Soviet Society and Politics under the New Economic Policy*. Oxford, 1990. P. 95–96.

² Ball A. M. *And Now My Soul Is Hardened*. P. 1–9.

³ Sanborn J. *Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics 1905–1925*. DeKalb, Ill., 2003. P. 180–181; Pethybridge R. *One Step Backward, Two Steps Forward*. P. 104–107; Kuromiya H. *Freedom and Terror in the Donbass*. P. 119–120; Beyrau D. *Petrograd, 25. Oktober 1917. Die russische Revolution und der Aufstieg des Kommunismus*. München, 2001. S. 75; Baberowski J. *Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus*. München, 2003. S. 352–358, 413–420, 511.

⁴ Краткий обзор см.: Pethybridge R. *One Step Backward, Two Steps Forward*; Siegelbaum L. H. *Soviet State and Society between Revolutions, 1918–1929*. Cambridge, 1992.

⁵ Hildermeier M. *Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates*. München, 1998. S. 234–237; *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945* / Ed. R. W. Davies et al. Cambridge, 1994. P. 8–12, 110–113, 135–136; Erlich A. *Die Industrialisierungsdebatte in der Sowjetunion 1924–1928*. Frankfurt am Main, 1971.

⁶ Wehner M. *Bauernpolitik im proletarischen Staat. Die Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik 1921–1928*. Köln, 1998. S. 238–286; Shearer D. R. *Industry, State, and Society in Stalin's Russia, 1926–1934*. Ithaca, 1996. P. 27–52.

⁷ Pethybridge R. *One Step Backward, Two Steps Forward*. P. 121–127, 382–388; Altrichter H. *Die Bauern von Tver. Vom Leben auf dem russischen Dorfe zwischen Revolution und Kollektivierung*. München, 1984; Baberowski J. *Der Feind ist überall*. S. 413–420; Chlewnjuk O. W. *Das Politbüro. Mechanismen der Macht in der Sowjetunion der dreißiger Jahre*. Hamburg, 1998. S. 30.

⁸ Шафир П. *Газета и деревня*. М., 1924. С. 99–104.

⁹ Pethybridge R. *The Social Prelude to Stalinism*. London, 1974. P. 132–186; Kenez P. *The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929*. Cambridge, 1985; Altrichter H. *Die Bauern von Tver*. S. 47; Baberowski J. *Der Feind ist überall*. S. 609–625.

¹⁰ Pethybridge R. *The Social Prelude to Stalinism*. P. 185; Idem. *One Step Backward, Two Steps Forward*. P. 174–177.

¹¹ Husband W. B. «*Godless Communists*». *Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932*. DeKalb, Ill., 2000. P. 36 ff.; Young G. *Power and the Sacred in Revolutionary Russia. Religious Activists in the Village*. Pennsylvania, 1997.

¹² Wehner M. *Bauernpolitik im proletarischen Staat*. S. 287–308; Lewin M. *Who Was the Soviet Kulak?* // Idem. *The Making of the Soviet System. Essays in the Social History of Interwar Russia*. New York, 1985. P. 121–141; Altrichter H. *Die Bauern von Tver*. S. 90–100, 134–145.

¹³ *Постановление III съезда Советов СССР // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. Т. 2. М., 1960. С. 79; Alexopoulos G. *Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, 2003. P. 17–41; Wehner M. *Bauernpolitik im proletarischen Staat*. S. 204; Idem. «*Licom k derevne*»: *Sowjetmacht und Bauernfrage 1924–1925* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1994. № 42. S. 20–48; Siegelbaum L. H. *Soviet State and Society between Revolutions*. P. 138–149; Hildermeier M. *Geschichte der Sowjetunion*. S. 290–291.

¹⁴ Дан Ф. И. *Два года скитаний*. Берлин, 1922. С. 253; Barbine A. *One Who Survived: The Life Story of a Russian under the Soviets*. New York, 1945. P. 125; Ball A. *Private Trade and Traders during NEP* // *Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture* / Ed. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch. Bloomington, 1991. P. 89–105; Idem. *Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929*. Berkeley; Los Angeles, 1987. P. 15–37, 98–100.

¹⁵ Hatch J. B. *Labor Conflict in Moscow, 1921–1925* // *Russia in the Era of NEP*. P. 58–59; Baberowski J. *Der Feind ist überall*. S. 369–397; Pethybridge R. *One Step Backward, Two Steps Forward*.

P. 269–288; Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. P. 140–142.

¹⁶ Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. P. 148; Borodin N. M. One Man in His Time. P. 59.

¹⁷ Fitzpatrick S. The «Soft» Line on Culture and Its Enemies: Soviet Cultural Policy, 1922–1927 // Idem. The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, 1992. P. 91–114; Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. P. 142–146; Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 408–409.

¹⁸ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г.: Протоколы. М., 1959. С. 53, 92; Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е годы: Документы и материалы. М., 1992. С. 15–16.

¹⁹ Национальный вопрос на перекрестке мнений. С. 19.

²⁰ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.: Стеногр. отчет. М., 1968. С. 613. О политике коренизации см.: Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001. P. 42–44; Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 184–214, 316–349; Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. № 53. P. 414–452.

²¹ Восьмой съезд РКП(б). С. 107; Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Стеногр. отчет. М., 1963. С. 213; Lenin V. I. Über das Selbstbestimmungsrecht der Nationen // Ausgewählte Werke. Bd. 1. Berlin (Ost), 1978. S. 688. О ленинском понимании нации см.: Smith J. The Bolsheviks and the National Question, 1917–23. London, 1999. P. 7–28.

²² Fitzpatrick S. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. № 65. P. 745–770; Martin T. Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Stalinism. New Directions / Ed. S. Fitzpatrick. London, 2000. P. 348–367; Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment. P. 414–452; Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 317–321.

²³ Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 209 ff.; Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 316 ff.

²⁴ Wehner M. Bauernpolitik im proletarischen Staat. S. 94–122; Baues K. E. Technology and Society under Lenin and Stalin. Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Princeton, 1978.

²⁵ Эту идею применительно к эпохе царизма некогда сформулировал Э. Кинан: Keenan E. Muscovite Political Folkways // Russian Review. 1986. № 45. P. 115–181.

²⁶ Trotzki L. Mein Leben. Versuch einer Autobiographie. Berlin, 1990. S. 447–460.

²⁷ О внутрипартийных дебатах см.: Daniels R. V. Das Gewissen der Revolution. Kommunistische Opposition in Sowjetrußland. Köln, 1962; Chlewjuk O. W. Das Politbüro. S. 34–66.

²⁸ Ennker B. Politische Herrschaft und Stalinkult 1929–1939 // Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte / Hrsg. S. Plaggenborg. Berlin, 1998. S. 151–182.

²⁹ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 347–348.

³⁰ Daniels R. V. Das Gewissen der Revolution. S. 200–205, 230–235, 284–285. О партии см.: Service R. The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organizational Change, 1917–1923. London, 1979; Rigby T. H. Gommunist Party-Membership in the USSR 1917–1967. Princeton, 1968. О роли Сталина см.: Tucker R. C. Stalin as Revolutionary 1879–1929. New York, 1973. P. 292–329; Gill G. The Origins of the Stalinist Political System. Cambridge, 1990. P. 23–198.

³¹ Easter G. Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge, 2000. P. 7–17; Pethybridge R. One Step Backward, Two Steps Forward. P. 145–188.

³² Rigby T. H. Political Elites in the USSR. Central Leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev. Aldershot, 1990. P. 12–42.

³³ Ср.: Rigby T. H. Communist Party Membership in the USSR 1917–1967. Princeton, 1968. P. 110–164; Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 322–331.

³⁴ Микоян А. И. Так было. С. 288.

³⁵ Chruschtschow erinnert sich / Hrsg. S. Talbott. Reinbek, 1971. S. 43–44, 54, 68, 74–75; Микоян А. И. Так было. С. 351–356.

³⁶ Цит. по: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 85. Оп. 1с. Д. 110. Л. 1–2. См. также: Khlevnjuk O. V. In Stalin's Shadow. The Carreer of «Sergo» Ordzhonikidze. Armonk, 1995. P. 16; Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford, 1999. P. 15–24.

³⁷ Так Молотов позже оценивал внутрипартийную борьбу, происходившую в 1920-е гг.: Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 304.

³⁸ Микоян А. И. Так было. С. 272–277, 286–289; Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, 1999. P. 93.

³⁹ Цит. по: Daniels R. V. Das Gewissen der Revolution. S. 182, 283.

⁴⁰ Ennker B. Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. Köln, 1997.

⁴¹ Getty J. A. Samokritika Rituals in the Stalinist Central Committee, 1933–1938 // Russian Review. 1999. № 58. P. 49–70.

III. Культурная революция

¹ Trotzki L. Denkkzettel. Politische Erfahrungen im Zeitalter der permanenten Revolution / Hrsg. I. Deutscher. Frankfurt am Main, 1981. S. 371–373. Cp.: Koenen G. Utopie der Säuberung. Was war der Kommunismus? Berlin, 1998. S. 125–134.

² Clark K. Petersburg. Crucible of Cultural Revolution. Cambridge, Mass., 1995. P. 78–87, 100–134.

³ Rüting T. Pavlov und der neue Mensch. Diskurse über Disziplinierung in Sowjetrußland. München, 2002. S. 180, 192–193.

⁴ Sanborn J. Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics 1905–1925. DeKalb, Ill., 2003. P. 174–180.

⁵ Plaggenborg S. Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland. Köln, 1996. S. 73–75, 86.

⁶ Никифоров Н. Против старого быта. М., 1929. С. 86.

⁷ Halle F. W. Frauen des Ostens. Vom Matriarchat bis zu den Fliegerinnen von Baku. Zürich, 1938. S. 142–143; Cassidy J. A. The Enemy on Trial: Early Soviet Courts on Stage and Screen. DeKalb, Ill., 2000. P. 51–80.

⁸ Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, 1989. P. 111–112.

⁹ Об истории советских праздников см.: Rolf M. Constructing a Soviet Time. Bolshevik Festivals and their Rivals during the First Five-Year Plan // Kritika. 2000. № 1. P. 447–473; Idem. Feste der Einheit und Schauspiele der Partizipation – Die Inszenierung von Öffentlichkeit in der Sowjetunion während des Ersten Fünfjahrplanes // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2002. № 50. S. 613–171.

¹⁰ Rùthers M. Öffentlicher Raum und gesellschaftliche Utopie. Stadtplanung, Kommunikation und Inszenierung von Macht in der Sowjetunion am Beispiel Moskaus zwischen 1917 und 1964 // Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. Zwischen partei-staatlicher Inszenierung und kirchlichen Gegenwelten / Hrsg. G. Rittersporn u. a. Frankfurt am Main, 2003. S. 65–96; Schlögel K. Kommunalka – oder Kommunismus als Lebensform. Zu einer historischen Topographie der Sowjetunion // Historische Anthro-

пологии. 1998. № 6. С. 337–338; Idem. Der zentrale Gorkij-Kultur- und Erholungspark in Moskau. Zur Frage des öffentlichen Raumes im Stalinismus // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg / Hrsg. M. Hildermeier. München, 1998. S. 255–274; Brooks J. «Thank you, Comrade Stalin». Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000. P. 83–105.

¹¹ Buchli V. An Archeology of Socialism. Oxford, 1999. P. 77–98; Schlögel K. Kommunalka. S. 332–333; Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999. С. 177–202; Boym S. Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge, Mass., 1994. P. 121–167.

¹² Таджиев С. Новый латинизированный алфавит – мощное орудие культурной революции // Революция и национальности. 1930. № 2. С. 64–67.

¹³ Northrup D. Hujum: Unveiling Campaigns and Local Responses in Uzbekistan, 1927 // Provincial Landscapes. Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953 / Ed. D. Raleigh. Pittsburgh, 2001. P. 125–145; Idem. Nationalizing Backwardness: Gender, Empire, and Uzbek Identity // A State of Nations. Empire and Nation Making in the Age of Lenin and Stalin / Eds. R. G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001. P. 191–220; Kamp M. R. Unveiling Uzbek Women: Liberation, Representation and Discourse 1906–1929: Ph. D. diss. University of Chicago, 1998; Baberowski J. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München, 2003. S. 617–625, 633–662.

¹⁴ Политбюро и церковь. 1922–1925. М., 1997. С. 132. О преследовании церкви в 1922 г. см.: Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. М., 1997; Husband W. B. «Godless Communists». Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932. DeKalb, Ill., 2000. P. 54–59; Daly J. W. «Storming the Last Citadel»: The Bolshevik Assault on the Church, 1922 // The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil Wars / Ed. V. Brovkin. New Haven, 1997. P. 235–268; Škarovskij M. V. Die russische Kirche unter Stalin in den 1920er und 1930er Jahren des 20. Jahrhunderts // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. S. 233–239.

¹⁵ Политбюро и церковь. С. 140–144, 232–245; Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. С. 53–74; Škarovskij M. V. Die russische Kirche unter Stalin in den 1920er und 1930er Jahren des 20. Jahrhunderts. S. 237.

¹⁶ Покаянное признание Тихона приводится в: Политбюро и церковь. С. 285–286. См. также: Škarovskij M. V. Die russische Kirche unter Stalin in den 1920er und 1930er Jahren des 20. Jahrhunderts. S. 238–239. О расколе церкви см.: Freeze G. L.

Counter-Reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation 1922–1925 // *Slavic Review*. 1995. № 54. P. 305–339; Husband W. B. «Godless Communists». P. 57–58; Юнусова А. Б. Ислам в Башкирии. 1917–1994. Уфа, 1994. С. 41–47; Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 436–442.

¹⁷ David-Fox M. What is Cultural Revolution // *Russian Review*. 1999. № 58. P. 181–201. О приписывании коллективных черт см.: Fitzpatrick S. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // *Journal of Modern History*. 1993. № 65. P. 745–770.

¹⁸ Freeze G. The Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg*. S. 209–232; Luukanen A. The Religious Policy of the Stalinist State. A Case Study: The Central Standing Commission on Religious Questions, 1929–1938. Helsinki, 1997. P. 50–53; Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford, 1996. P. 38–44; Koplew L. Und schuf mir einen Götzen. Lehrjahre eines Kommunisten. München, 1981. S. 242.

¹⁹ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, 2003. P. 13–43; Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford, 1999. P. 155–122; Tagebuch aus Moskau 1931–1939 / Hrsg. J. Hellbeck. München, 1996.

²⁰ Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / Ed. S. Fitzpatrick. Bloomington, 1978. P. 23–27, 32–40; Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite // Idem. The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, 1992. P. 149–182.

²¹ Druzhnikov Y. Informer 001. The Myth of Pavlik Morozov. New Brunswick, 1997. P. VII–VIII, 13–43, 97. О практике доношительств см.: Baberowski J. «Die Verfasser von Erklärungen jagen den Parteiführern einen Schrecken ein»: Denunziation und Terror in der stalinistischen Sowjetunion 1928–1941 // *Denunziation und Justiz. Historische Dimensionen eines sozialen Phänomens* / Hrsg. F. Ross, A. Landwehr. Tübingen, 2000. S. 165–198; Fitzpatrick S. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // *Journal of Modern History*. 1996. № 68. P. 831–866; Idem. Supplicants and Citizens. Public Letter Writing in Soviet Russia in the 1930s // *Slavic Review*. 1996. № 55. P. 78–105.

²² Cassidy J. A. The Enemy on Trial. P. 110–133; Lyons E. Assignment in Utopia. New York, 1937. P. 114–130; Solomon P. H. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge, 1996. P. 82–104; Вышинский А. Итоги и уроки Шахтинского дела. М.; Л., 1928;

Waksberg A. Gnadenlos. Andrei Wyschinski – der Handlanger Stalins. Bergisch-Gladbach, 1991. S. 60–64.

²³ О культурных основаниях коллективизации см.: Viola L. Peasant Rebels under Stalin. P. 13–66; Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 669–685; Idem. «Stalinismus von oben». Kulakendeportationen in der Sowjetunion 1929–1934 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1998. № 46. S. 572–595; Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York, 1994. P. 48–79.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 60. Л. 139–141; Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, 1999. P. 193.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 687. Л. 96–98; Д. 670. Л. 11–14; Д. 148. Л. 193; Kopelew L. Und schuf mir einen Götzen. S. 320; Chruschtschow erinnert sich / Hrsg. S. Talbott. Reinbek, 1971. S. 239. Другие свидетельства о голоде на Украине см.: Rapports secrets soviétiques 1921–1991. La société russe dans les documents confidentiels / Sous la dir. de N. Werth, G. Moullec. Paris, 1994. P. 112–162; Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1996. С. 120. Дискуссию по вопросу о причинах голода на Украине см.: Conquest R. Ernte des Todes. Stalins Holocaust in der Ukraine 1929–1933. München, 1988; Merl S. Wie viele Opfer forderte die «Liquidierung der Kulaken als Klasse»? Anmerkungen zu einem Buch von Robert Conquest // Geschichte und Gesellschaft. 1988. № 14. S. 534–540; Осокина Е. Жертвы голода 1933. Сколько их? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 18–26; Werth N. Ein Staat gegen sein Volk. Gewalt, Unterdrückung und Terror in der Sowjetunion // Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror / Hrsg. S. Courtois, N. Werth u. a. München, 1998. S. 182–188; Olcott M. B. The Collectivization Drive in Kazakhstan // Russian Review. 1981. № 40. P. 122–142; Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. P. 75.

²⁶ Шаповалов А. Путь молодого рабочего. М., 1923. С. 66; Kopelew L. Und schuf mir einen Götzen. S. 289–337 (особенно с. 294, 306); Grossman W. Alles fließt... Hamburg, 1985. S. 135; Orlov J. Ein russisches Leben. München, 1992. S. 42–43; Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. P. 50–53. Кулак как культурный тип: Viola L. Peasant Rebels under Stalin. P. 29–44; Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 691–721; Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. London, 1958. P. 247–248; Slezkine Y. Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994. P. 232.

²⁷ Общество и власть. 1930-е годы: Повествование в документах. М., 1998. С. 25; Werth N. Ein Staat gegen sein Volk. S. 181; Зе-

ленин Л. Е. Закон о пяти колосках: разработка и осуществление // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 114–123; Viola L. Peasant Rebels under Stalin. P. 56–57; Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. P. 70–75; Solomon P. H. Soviet Criminal Justice under Stalin. P. 126; Rittersporn G. T. Das kollektivierte Dorf in der bürgerlichen Gegenkultur // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. S. 151.

²⁸ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 938. Л. 22; Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание. С. 204; Viola L. Peasant Rebels under Stalin. P. 45–66; Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. P. 92–95; Baberowski J. «Stalinismus von oben». S. 584–585; Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997. P. 177.

²⁹ Цит. по: Stalin I. Werke. Berlin (Ost), 1955. Bd. 13. S. 35–36. См.: Beyrau D. Petrograd, 25. Oktober 1917. Die russische Revolution und der Aufstieg des Kommunismus. München, 2001. S. 136–139.

³⁰ Цит. по: Gregory P. R., Markevich A. Creating Soviet History: The House That Stalin Built // Slavic Review. 2002. № 61. P. 798–799; Stalin. Briefe an Molotov 1925–1936. Berlin, 1996. S. 217–218, 228; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 109–110; Schattenberg S. Stalins Ingenieure. Lebenswelten zwischen Technik und Terror in den 1930er Jahren. München, 2002. S. 209, 223; Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite; Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995. P. 73.

³¹ Tagebuch aus Moskau 1931–1939. S. 128, 259; Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s. Cambridge, 1998. P. 151–200; Hoffman D. L. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca, 1994. P. 158–189; Kotkin S. Coercion and Identity: Workers' Lives in Stalin's Showcase City // Making Workers Soviet. Power, Class, and Identity / Eds. L. H. Siegelbaum, R. G. Suny. Ithaca, 1994. P. 274–310; Idem. Magnetic Mountain. P. 280–354; Shearer D. Factories within Factories: Changes in the Structure of Work and Management in Soviet Machine-Building Factories, 1926–1934 // Social Dimensions of Soviet Industrialization / Eds. W. G. Rosenberg, L. H. Siegelbaum. Bloomington, 1993. P. 193–222; Idem. Industry, State, and Society in Stalin's Russia, 1926–1934. Ithaca, 1996. P. 76 ff.; Scott J. Behind the Urals. An American Worker in Russia's City of Steel. Bloomington, 1989 (1-е изд. — 1942). P. 137–172.

³² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 163–185; Ivanova G. M. Der Gulag im totalitären System der Sowjetunion. Berlin, 2001. S. 63–67;

Herling G. Welt ohne Erbarmen. München, 2000. S. 296. См. также воспоминания Льва Разгона: Rasgon L. Nichts als die reine Wahrheit. Erinnerungen. Berlin, 1992. S. 289.

IV. Террор

¹ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, 2003. P. 1–11, 13–44, 97–128. См. также дневники Л. А. Потемкина и С. Ф. Поддубного в кн.: Das wahre Leben. Tagebücher aus der Stalin-Zeit / Hrsg. V. Garros, N. Korenevskaja, T. Lahusen. Berlin, 1998. S. 259–312. О культуре Сталина см.: Heizer J. L. The Cult of Stalin, 1929–1939: Ph. D. diss. University of Kentucky, 1977; Koenen G. Die großen Gesänge. Lenin, Stalin, Mao-Tse-Tung: Führerkulte und Heldenmythen des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1992; Löhmann R. Der Stalin-Mythos. Studien zur Sozialgeschichte des Personenkultes in der Sowjetunion (1929–1935). Münster, 1990; Ennker B. Politische Herrschaft und Stalinkult 1929–1939 // Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte / Hrsg. S. Plaggenborg. Berlin, 1998. S. 151–182; Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997. P. 147–182. Об идеологии даров и социалистическом реализме см.: Brooks J. «Thank you, Comrade Stalin». Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000. P. 54–82; Lahusen T. How Life Writes the Book. Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia. Ithaca, 1997; The Culture of the Stalin Period / Hrsg. H. Günther. New York, 1990.

² Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Frankfurt am Main, 1958; Conquest R. Der Große Terror. Sowjetunion 1934–1938. München, 1992; Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from Above 1928–1941. New York, 1990. P. 44–65; Getty J. A. Origins of the Great Purges. The Soviet Party Reconsidered, 1933–1938. Cambridge, 1985. P. 1–37; Khlevniuk O. The Objectives of the Great Terror, 1937–1938 // Soviet History 1917–1953. Essays in Honour of R. W. Davies. London, 1995. P. 165; Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s. Cambridge, 1998. P. 204–205. Общий обзор: Hildermeier M. Interpretationen des Stalinismus // Historische Zeitschrift. 1997. № 264. S. 655–674; Baberowski J. Wandel und Terror. Die Sowjetunion unter Stalin 1928–1941 // Jahrbücher für Osteuropäische Geschichte. 1995. № 43. S. 97–129.

³ Cp.: Bauman Z. Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit. Frankfurt am Main, 1995; Hagenloh P. «Socially Harmful

Elements» and the Great Terror // *Stalinism. New Directions* / Ed. S. Fitzpatrick. London, 2000. P. 286–308; Shearer D. *Crime and Social Disorder in Stalin's Russia – A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression* // *Cahiers du monde russe*. 1998. № 39; Koenen G. *Utopie der Säuberung. Was war der Kommunismus?* Berlin, 1998. S. 215–270; Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 392.

⁴ Кирилина А. *Неизвестный Киров*. СПб., 2001. С. 198–200, 215–216, 236–256; Чуев Ф. *Молотов. Полудержавный властелин*. М., 1999. С. 376.

⁵ Цит. по: Кирилина А. *Неизвестный Киров*. С. 232.

⁶ Как считает Разгон, Сталин и Николаев оставались в комнате одни. Правда, он полагается на слухи. См.: Rasgon L. *Nichts als die reine Wahrheit. Erinnerungen*. Berlin, 1992. S. 216. По версии Кирилиной, основанной на архивных материалах и интервью, Сталин допрашивал Николаева в присутствии нескольких членов Политбюро. См.: Кирилина А. *Неизвестный Киров*. С. 264.

⁷ Цит. по: Сувениров Н. Ф. *Трагедия РККА, 1937–1938*. М., 1998. С. 31.

⁸ Getty J. A., Naumov O. *The Road to Terror. Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939*. New Haven, 1999. P. 34–73; Idem. *Samokritika Rituals in the Stalinist Central Committee, 1933–1938* // *Russian Review*. 1999. № 58. P. 47–70.

⁹ Платформа Рютина напечатана в кн.: Курилова И. В., Михайлов М. Н., Наумов В. П. *Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов*. М., 1991. С. 334–443; Chlewnjuk O. W. *Das Politbüro. Mechanismen der Macht in der Sowjetunion der dreißiger Jahre*. Hamburg, 1998. S. 103–111. О Рютине как личности см.: Старков Б. А. *Мартемьян Рютин: На колени не встану*. М., 1992. Сталин узнал об этих встречах на основании доноса. См.: *Неизвестная Россия*. М., 1992. Т. 1. С. 56–128; Tucker R. *Stalin in Power. The Revolution from Above 1928–1941*. New York, 1990. P. 212.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 903. Л. 10–26. О дебатах в ЦК см.: Getty J. A., Naumov O. *The Road to Terror*. P. 76–77.

¹¹ Huskey E. *Vyshinskii, Krylenko, and the Shaping of the Soviet Legal Order* // *Slavic Review*. 1987. № 46. P. 414–428; Thurston R. W. *Life and Terror in Stalin's Russia 1934–1941*. New Haven, 1996. P. 5–9; Solomon P. H. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 153–195. О Вышинском как личности см.: Waksberg A. *Gnadenlos. Andrei Wyschinski – der Handlanger Stalins*. Bergisch-Gladbach, 1991. См. также воспоминания амери-

канского посла в Москве: Smith W. B. *Meine drei Jahre in Moskau*. Hamburg, 1950. S. 15, 53.

¹² Huskey E. Vyshinskii, Krylenko, and the Shaping of the Soviet Legal Order. P. 427; Thurston R. W. *Life and Terror in Stalin's Russia*. P. 10–13; Chlewnjuk O. W. *Das Politbüro*. S. 138–152.

¹³ Lewin M. *The Making of the Soviet System. Essays in the Social History of Interwar Russia*. New York, 1985. P. 281–284.

¹⁴ Solomon P. H. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 230–266; Getty J. A. *Origins of the Great Purges*. P. 265; Rimmel L. A. *A Microcosm of Terror, or Class Warfare in Leningrad: The March 1935 Exile of «Alien Elements»* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. № 48. S. 528–551.

¹⁵ Broué P. *Trotsky*. Paris, 1988. P. 703–709.

¹⁶ См.: Ларина А. *Незабываемое*. М., 2002. С. 147–148. Разгон в своих воспоминаниях утверждает, что Енукидзе был свидетелем сексуальных излишеств Сталина и поэтому должен был исчезнуть. См.: Rasgon L. *Nichts als die reine Wahrheit*. S. 22–23. О дебатах на Пленуме ЦК см.: Getty J. A., Naumov O. *The Road to Terror*. P. 161–177.

¹⁷ *Prozeßbericht über die Strafsache des sowjetfeindlichen trotzkistischen Zentrums / Volkskommissariat für Justizwesen der UdSSR*. Moskva, 1937. S. 522–525, 558–563. См. также: *Die Moskauer Schauprozesse 1936–1938* / Hrsg. T. Pirker. München, 1963. S. 169, 175.

¹⁸ *Prozeßbericht über die Strafsache des antisowjetischen «Blocks der Rechten und Trotzkisten» / Volkskommissariat für Justizwesen der UdSSR*. Moskva, 1938. S. 750–754; *Die Moskauer Schauprozesse 1936–1938*. S. 225.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 93. Л. 34. Радека и Пятакова многократно приводили в рабочий кабинет Сталина, где их подробно опрашивали и требовали, чтобы они подтвердили свои признания. См. по этому поводу замечания Сталина на Пленуме ЦК в феврале 1937 г.: Getty J. A., Naumov O. *The Road to Terror*. P. 370–372. О руководящей роли Сталина в этих событиях свидетельствуют письма, которые диктатор посылал с места своего отдыха Кагановичу: Сталин и Каганович. *Переписка. 1931–1936 гг.* М., 2001. С. 630–643.

²⁰ Medvedev R. *Let History Judge. The Origins and Consequences of Stalinism*. New York, 1990. P. 348–383; Conquest R. *Der Große Terror*. S. 396–400.

²¹ Getty J. A., Naumov O. *The Road to Terror*. P. 310; Thurston R. W. *Life and Terror in Stalin's Russia*. P. 39–40.

²² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 180–181.

²³ Так полагают Гетти и Наумов: Getty J. A., Naumov O. *The Road to Terror*. P. 416–419.

²⁴ Письмо опубликовано: Источник. 1993. № 0. С. 23–25. См. также: Getty J. A., Naumov O. *The Road to Terror*. P. 556–560.

²⁵ Prozeßbericht über die Strafsache des antisowjetischen «Blocks der Rechten und Trotzisten». S. 834–848; Die Moskauer Schauprozesse 1936–1938. S. 236–241.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 135–136. По словам Анны Лариной, второй жены Бухарина, Лукина, узнав, какие обвинения выдвинуты против Бухарина, вернула партийный билет и сообщила Сталину, что больше не хочет состоять в партии. О роли Лукиной как доносчицы она не упоминает. См.: Ларина А. Незабываемое. С. 145.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 779. Л. 106.

²⁸ Там же. Д. 93. Л. 61, 76.

²⁹ Smith W. B. *Meine drei Jahre in Moskau*. S. 66–67.

³⁰ Куманев Г. А. *Рядом со Сталиным*. М., 1999. С. 79.

³¹ Rigby T. H. *Communist Party Membership in the USSR 1917–1967*. Princeton, 1968. P. 52; Getty J. A. *Origins of the Great Purges*. P. 22, 38–48; Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. Cambridge, 1990. P. 201–218.

³² Примеры и цитаты см.: Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. London, 1958. P. 212–216; Baberowski J. *Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus*. München, 2003. S. 786–787; Getty J. A. *Origins of the Great Purges*. P. 31–34.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 179. Л. 110, 313; Getty J. A. *Origins of the Great Purges*. P. 85–87.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 561. Л. 129, 162; Getty J. A. *Origins of the Great Purges*. P. 87–90.

³⁵ См. материалы комиссий по партийной чистке в Смоленске: РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 227. Л. 91, 159–161.

³⁶ Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. P. 6; Easter G. *Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. Cambridge, 2000. P. 11–17; Fitzpatrick S. *Intelligentsia and Power. Client-Patron Relations in Stalin's Russia // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg / Hrsg. M. Hildermeier*. München, 1998. S. 35–54; Harris J. *The Purging of Local Cliques in the Urals Region, 1936–1937 // Stalinism. New Directions / Ed. S. Fitzpatrick*. London, 2000. P. 262–285.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 227. Л. 163–164; Д. 228. Л. 84–87.

³⁸ Там же. Д. 227. Л. 163; Harris J. *Resisting the Plan in the Urals, 1928–1956, or, Why Regional Officials Needed «Wreckers» and*

«Saboteurs» // *Contending with Stalinism. Soviet Power and Popular Resistance in the 1930s* / Ed. L. Viola. Ithaca, 2002. P. 201–228; Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995. P. 298–332; Папков С. А. Сталинский террор в Сибири, 1928–1941. Новосибирск, 1998. С. 184–185.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 228. Л. 67, 74. См. также: Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. P. 60.

⁴⁰ Материалы февральско-мартовского Пленума // *Вопросы истории*. 1995. № 11/12. С. 10–13; Шрейдер М. НКВД изнутри. *Записки чекиста*. М., 1995, С. 110.

⁴¹ Getty J. A., Naumov O. *The Road to Terror*. P. 72–79.

⁴² Chlewnjuk O. W. *Das Politbüro*. S. 201–202; Thurston R. W. *Life and Terror in Stalin's Russia*. P. 34; Getty J. A. *Origins of the Great Purges*. P. 121–122.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 94. Л. 123, 131; *Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов*. М., 1995. С. 149–150; Jansen M., Petrov N. *Stalin's Loyal Executioner. People's Commissar Nikolai Ezhov 1895–1940*. Stanford, 2002. P. 53–54.

⁴⁴ Jansen M., Petrov N. *Stalin's Loyal Executioner*. P. 56; Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. С. 184–186; Harris J. *Resisting the Plan in the Urals*. P. 207–208.

⁴⁵ Материалы февральско-мартовского Пленума // *Вопросы истории*. 1995. № 3. С. 3–4; № 11/12. С. 17–18; Thurston R. W. *Life and Terror in Stalin's Russia*. P. 44–45.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 227. Л. 1–3.

⁴⁷ Сувениров Н. Ф. Трагедия РККА. С. 49–55; Reese R. R. *Red Army Opposition to Forced Collectivization, 1929–1930: The Army Wavers* // *Slavic Review*. 1996. № 55. P. 24–45; Idem. *Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army*. Lawrence, 1996.

⁴⁸ Сувениров Н. Ф. Трагедия РККА. С. 58.

⁴⁹ Easter G. *Reconstructing the State*. P. 98–99.

⁵⁰ Tucker R. *Stalin in Power*. P. 382.

⁵¹ Викторов Б. *Заговор в Красной Армии. История без «белых пятен»: Дайджест прессы*. 1987–1988. Л., 1990. С. 254; Thurston R. W. *Life and Terror in Stalin's Russia*. P. 50–51.

⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 58. Л. 1–59.

⁵³ Там же. Д. 60. Л. 140–156.

⁵⁴ Там же. Д. 61. Л. 66–108.

⁵⁵ Цит. по: Сувениров Н. Ф. Трагедия РККА. С. 93.

⁵⁶ Чуев Ф. *Сто сорок бесед с Молотовым*. С. 390.

⁵⁷ Сувениров Н. Ф. Трагедия РККА. С. 193–195, 202, 209–212.

⁵⁸ Там же. С. 137–138, 309, 338–341.

⁵⁹ Harris J. Resisting the Plan in the Urals. P. 208; Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. P. 219–220.

⁶⁰ Trifonow J. Das Haus an der Moskwa. Reinbek, 1976.

⁶¹ Шрейдер М. НКВД изнутри. С. 64; Medvedev R. Let History Judge. P. 524–533.

⁶² Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД в 1934–1941?: Справочник. М., 1999. С. 497–499; Petrov N. Die Kaderpolitik des NKVD während der Massenrepressalien 1936–39 // Stalinistischer Terror 1934–1941. Eine Forschungsbilanz / Hrsg. W. Hederle. Berlin, 2002. S. 16–17.

⁶³ Petrov N. Die Kaderpolitik des NKVD während der Massenrepressalien 1936–39. S. 24; Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: политический портрет И. В. Сталина. М., 1989. Т. 1. С. 576–577; Сувениров Н. Ф. Трагедия РККА. С. 240.

⁶⁴ Источник. 1994. № 3. С. 79–80.

⁶⁵ Baberowski J. Der Feind ist überall. S. 775–776.

⁶⁶ Шрейдер М. НКВД изнутри. С. 63; Chlewnjuk O. W. Das Politbüro. S. 281.

⁶⁷ Шрейдер М. НКВД изнутри. С. 64.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 229. Л. 45, 64, 82, 91, 95, 100.

⁶⁹ Там же. Л. 103; Шрейдер М. НКВД изнутри. С. 66.

⁷⁰ Шрейдер М. НКВД изнутри. С. 68–69, 70, 80. Списки с именами арестованных хранятся в: РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 230. Л. 36–74. О роли Андреева см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 57. Л. 79, 95.

⁷¹ Chlewnjuk O. W. Das Politbüro. S. 305–360.

⁷² Khlevnjuk O. V. In Stalin's Shadow. The Career of «Sergo» Ordzhonikidze. Armonk, 1995. P. 126–149.

⁷³ Роговин В. С. Партия расстрелянных. М., 1997. С. 34; Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 80–82; Rasgon L. Nichts als die reine Wahrheit. S. 76–82; Medvedev R. Let History Judge. P. 547–548; Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner. P. 170–171; Thurston R. W. Life and Terror in Stalin's Russia. P. 42.

⁷⁴ Dimitroff G. Tagebücher 1933–1943 / Hrsg. B. H. Bayerlein. Bd. 1. Berlin, 2000. S. 162; Tucker R. Stalin in Power. P. 539; Волобуев О., Кулешов С. Очищение. История и перестройка. Публицистические заметки. М., 1989. С. 146; Petrov N. Die Kaderpolitik des NKVD während der Massenrepressalien 1936–39. S. 24.

⁷⁵ Дети ГУЛАГа, 1918–1956. М., 2002. С. 234–238, 242; Kuhr C. Kinder von «Volksfeinden» als Opfer des stalinistischen Terrors 1936–1938 // Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte. S. 91–418; XXII съезд КПСС, 17–31 октября 1961 года: Стеногр.

отчет. М., 1962. Т. 3. С. 152; Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 393.

⁷⁶ Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. P. 213.

⁷⁷ Правда. 1935. 27 окт.; Siegelbaum L. H. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988. P. 66–98; Maier R. Die Stachanow-Bewegung 1935–1938. Der Stachanowismus als tragendes und verschärfendes Moment der Stalinisierung der sowjetischen Gesellschaft. Stuttgart, 1990.

⁷⁸ Khlevnjuk O. V. In Stalin's Shadow. P. 78–91; Klose K. Russia and the Russians: Inside the Closed Society. New York, 1984. P. 60.

⁷⁹ Scott J. Behind the Urals. An American Worker in Russia's City of Steel. Bloomington, 1989. P. 195–197; Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. P. 214–215. Цит. по: Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 295.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 57. Л. 23, 30, 56, 71, 78; Ф. 17. Оп. 2. Д. 625. Л. 40; Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York, 1994. P. 296–312.

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 229. Л. 14; Ф. 558. Оп. 11. Д. 57. Л. 25, 99; Ф. 81. Оп. 3. Д. 230. Л. 85–86, 94; Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. P. 210–212, 227–230.

⁸² Scott J. Behind the Urals. P. 186–187; Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. С. 174; Stalinism as a Way of Life. A Narrative in Documents / Ed. L. Siegelbaum. New Haven, 2000. P. 390; Binner R., Junge M. Wie der Terror «Groß» wurde: Massenmord und Lagerhaft nach Befehl 00447 // Cahiers du monde russe. 2001. № 42. P. 557–614 (здесь см. с. 559).

⁸³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 14–15; Д. 537. Л. 96–155; Ф. 81. Оп. 3. Д. 229. Л. 73–74; Д. 228. Л. 50–52; Материалы февральско-мартовского Пленума // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 14–15; № 6. С. 5–6, 21–25; Shearer D. R. Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier. Western Siberia in the 1930s // Provincial Landscapes. Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953 / Ed. D. Raleigh. Pittsburgh, 2001. P. 203–206; Idem. Crime and Social Disorder in Stalin's Russia. A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression // Cahiers du monde russe. 1998. № 39. P. 119–148; Binner R., Junge M. «S etoj publikoj ceremonit'sja ne sleduet». Die Zielgruppen des Befehls Nr. 00447 und der Große Terror aus der Sicht des Befehls Nr. 00447 // Cahiers du monde russe. 2002. № 43. P. 181–228 (здесь см. с. 185–194).

⁸⁴ ГУЛАГ 1917–1960 / Под ред. А. И. Кокурина, Н. В. Петрова. М., 2000. С. 96–104; Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner.

P. 83. О подготовке приказа 00447 см.: Binner R., Junge M. *Wie der Terror «Groß» wurde*. S. 557–614.

⁸⁵ Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. С. 209–211; Шрейдер М. НКВД изнутри. С. 40–41; Jansen M., Petrov N. *Stalin's Loyal Executioner*. P. 82–87.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 65. Л. 88, 97, 108; Д. 57. Л. 136; Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. С. 207; Binner R., Junge M. *Wie der Terror «Groß» wurde*. S. 579–584.

⁸⁷ Hlevnjuk O. *Les mécanismes de la «Grande Terreur» des années 1937–1938 au Turkménistan // Cahiers du monde russe*. 1998. № 39. P. 202–205; Binner R., Junge M. *Wie der Terror «Groß» wurde*. S. 567–568, 588–590; Rasgon L. *Nichts als die reine Wahrheit*. S. 352–353; McLoughlin B. *Die Massenoperationen des NKWD. Dynamik des Terrors 1937/38 // Stalinistischer Terror 1934–1941*. S. 42–44; Шрейдер М. НКВД изнутри. С. 59, 86–87; Colton T. *Moscow. Governing the Socialist Metropolis*. Cambridge, 1995. P. 286.

⁸⁸ Leder M. M. *My Life in Stalinist Russia. An American Woman Looks Back*. Bloomington, 2001. P. 61.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 124. Л. 32, 35.

⁹⁰ Об истоках большевистского террора, обращенного против отдельных народов, см.: Weitz E. *Racial Politics without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // Slavic Review*. 2002. № 61. P. 1–29; Idem. *A Century of Genocide. Utopias of Race and Nation*. Princeton, 2003. P. 53–101; Hirsch F. *Race without the Practice of Racial Politics // Slavic Review*. 2002. № 61. P. 30–43.

⁹¹ ГУЛАГ 1917–1960. С. 104–106; Пятницкий В. *Заговор против Сталина*. М., 1998. С. 72–73; Jansen M., Petrov N. *Stalin's Loyal Executioner*. P. 98–99.

⁹² Цит. по: Сувениров Н. Ф. *Трагедия РККА*. С. 208. См. также: Jansen M., Petrov N. *Stalin's Loyal Executioner*. P. 98.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 57. Л. 1–3; Weissberg-Cybulski A. *Hexensabbat*. Frankfurt am Main, 1977. S. 276–277, 286–287; Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. С. 199; Kuromiya H. *Freedom and Terror in the Donbass*. P. 231–234.

⁹⁴ Chlewnjuk O. W. *Das Politbüro*. S. 277–278; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 57. Л. 72; Ф. 82. Оп. 2. Д. 671. Л. 53; Gelb M. G. *An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // Russian Review*. 1995. № 54. P. 389–412; Idem. *Ethnicity during the Ezhovshchina: A Historiography // Morison J. Ethnic and National Issues in Russian and East European History*. London, 2000. P. 192–213;

Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History. 1998. № 70. P. 813–861.

⁹⁵ McLoughlin B. Die Massenoperationen des NKWD. S. 42; Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner. P. 99, 103. Ненамного отклоняющиеся цифры см.: Binner R., Junge M. «S etoj publikoj ceremonit'sja ne sleduet». S. 207–208.

⁹⁶ См.: Binner R., Junge M. «S etoj publikoj ceremonit'sja ne sleduet». S. 215–218. Гетти придерживается «ревизионистской» интерпретации — он утверждает, что центральное руководство запретило местным органам впадать в крайности. См.: Getty J. A. «Excesses Are Not Permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // Russian Review. 2002. № 61. P. 113–138.

⁹⁷ Ochotin N., Roginskij A. Zur Geschichte der «Deutschen Operation» des NKWD 1937–1938 // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 2001. S. 89–125 (здесь см. с. 116); Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. С. 230–231. О Постышеве см.: Chlewnjuk O. W. Das Politbüro. S. 306–322.

⁹⁸ Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 561–562; Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner. P. 140 ff.; Яковлев А. С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 1974. С. 249.

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1122. Л. 162; Tucker R. Stalin in Power; Suny R. G. Beyond Psychohistory: The Young Stalin in Georgia // Slavic Review. 1991. № 50. P. 48–58; Rieber A. E. Stalin. Man of the Borderlands // American Historical Review. 2001. № 53. P. 1651–1691.

¹⁰⁰ Столяров К. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 264; Трифонов Ю. В. Записки соседа // Дружба народов. 1989. № 10. С. 39; Sacharov A. Mein Leben. München, 1991. S. 183–186; Торчинов В. А., Леонтьев А. М. Вокруг Сталина: Историко-биографический очерк. СПб., 2000. С. 257–258, 384; Шепилов Д. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 6; Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner. P. 199–201.

¹⁰¹ Herling G. Welt ohne Erbarmen. München, 2000. S. 289–291.

V. Война и послевоенный период

¹ Gross J. T. Revolution from Abroad. The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. 2nd ed. Princeton, 2002. P. 187–224.

² Катынь. Пленники необъявленной войны. М., 1997. С. 384–392; Sword K. Deportation and Exile. Poles in the Soviet Union, 1939–1948. London, 1994; Werth N. Ein Staat gegen sein Volk.

Gewalt, Unterdrückung und Terror in der Sowjetunion // Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror / Hrsg. S. Courtois, N. Werth u.a. München, 1998. S. 232–235. См. также: Slowes S. W. Der Weg nach Katyn. Bericht eines polnischen Offiziers. Hamburg, 2000.

³ О значении этнической принадлежности признака враждебности начиная со Второй мировой войны см.: Werner A. Making Sense of War. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001. P. 239–297. См. также: Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001; Idem. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History. 1998. № 70. P. 816–852; Baberowski J. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München, 2003. S. 771–772.

⁴ Цит. по: Knight A. Berija. Stalin's First Lieutenant. Princeton, 1993. P. 107–108; Gorodetsky G. Die große Täuschung. Hitler, Stalin und das Unternehmen «Barbarossa». Berlin, 2001. S. 382–383.

⁵ Bonwetsch B. Die Repression des Militärs und die Einsatzfähigkeit der Roten Armee im «Großen Vaterländischen Krieg» // Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa» / Hrsg. B. Wegner. München, 1991. S. 404–424; Goebbels J. Tagebücher 1924–1945 / Hrsg. R. G. Reuth. Bd. 4: 1940–1942. München, 1999. S. 1627; Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. Eine Gesamtdarstellung. Frankfurt am Main, 2000. S. 565.

⁶ Kroener B. R. Der «erfrorene Blitzkrieg». Strategische Planungen der deutschen Führung gegen die Sowjetunion und die Ursachen des Scheiterns // Zwei Wege nach Moskau. S. 133–148.

⁷ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 567; Kroener B. R. Der «erfrorene Blitzkrieg». S. 133–148; Bartov O. Hitlers Wehrmacht: Soldaten, Fanatismus und die Brutalisierung des Krieges. Reinbek, 1999; Idem. The Eastern Front 1941–1945. German Troops and the Barbarization of Warfare. London, 1985; Idem. Von unten betrachtet: Überleben, Zusammenhalt und Brutalität an der Ostfront // Zwei Wege nach Moskau. S. 326–344.

⁸ О ходе войны см.: Werth A. Rußland im Krieg 1941–1945. München, 1965; Weinberg G. Eine Welt in Waffen. Die globale Geschichte des Zweiten Weltkriegs. Stuttgart, 1995. S. 294 ff.

⁹ Kempowski W. Das Echolot. Barbarossa, 41. Ein kollektives Tagebuch. München, 2002. S. 164–165.

¹⁰ Kempowski W. Das Echolot. S. 101–102 (другие сведения о жестокостях, совершенных литовцами, см. на с. 65–66, 129–131);

Leder M. *My Life in Stalinist Russia. An American Woman Looks Back*. Bloomington, 2001. P. 185; Ehrenburg I. *So habe ich gelebt. Erinnerungen*. Berlin, 1995. S. 75.

¹¹ Leder M. *My Life in Stalinist Russia*, P. 193–194; Herling G. *Welt ohne Erbarmen*. München, 2000. S. 291; Kuromiya H. *Freedom and Terror in the Donbass. A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s*. Cambridge, 1998. P. 263–268; Sacharow A. *Mein Leben*. München, 1991. S. 70; Ehrenburg I. *So habe ich gelebt*. S. 130–131; Bordjugov G. *The Popular Mood in the Unoccupied Soviet Union: Continuity and Change during the War // The People's War. Responses to World War II in the Soviet Union / Eds. R. W. Thurston, B. Bonwetsch*. Urbana, 2000. P. 54–70; Bidlack R. *Survival Strategies in Leningrad during the First Year of the Soviet-German War // Ibid*. P. 84–107; Gorinov M. M. *Muscovites' Moods, 22 June 1941 to May 1942 // Ibid*. P. 108–134; Barber J. *The Moscow Crisis of October 1941 // Soviet History, 1917–1953. Essays in Honour of R. W. Davies / Eds. J. Cooper, M. Perrie*. London, 1995. P. 201–218.

¹² Kempowski W. *Das Echolot*. S. 107, 172, 296.

¹³ Dallin A. *Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik*. Düsseldorf, 1958. S. 71.

¹⁴ Barber J. *The Moscow Crisis of October 1941*. P. 206; Dallin A. *Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945*. S. 624–627; Andreyev C. *Vlasov and the Russian Liberation Movement*. Cambridge, 1987; Schröder M. *Deutschbaltische SS-Führer und Andrej Vlasov 1942–1945. «Rußland kann nur von Russen besiegt werden»*. Erhardt Kröger, Friedrich Burchardt und die «Russische Befreiungsarmee». Paderborn, 2001; Hoffmann J. *Die Ostlegionen 1941–1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer*. Freiburg, 1976.

¹⁵ Dallin A. *Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945*. S. 42–43; Überschär G. *Dokumente zum «Unternehmen Barbarossa» als Vernichtungskrieg im Osten // Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. «Unternehmen Barbarossa» 1941 / Hrsg. G. Überschär, W. Wette*. Paderborn, 1984. S. 249, 251, 260, 285; Schulte T. *The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia*. Oxford, 1989. P. 219.

¹⁶ Streim A. *Das Völkerrecht und die sowjetischen Kriegsgefangenen // Zwei Wege nach Moskau*. S. 291–308; Idem. *Sowjetische Gefangene in Hitlers Vernichtungskrieg*. Heidelberg, 1982; Streit C. *Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945*. Stuttgart, 1978; Burleigh M. *Die Zeit des Nationalsozialismus*. S. 589–604.

¹⁷ Dallin A. Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945. S. 40–113; Chiari B. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrußland 1941–1944. Düsseldorf, 1998; Gerlach C. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941–1944. Hamburg, 1999.

¹⁸ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 388–391.

¹⁹ Речь Сталина см.: Überschär G. Dokumente zum «Unternehmen Barbarossa» als Vernichtungskrieg im Osten. S. 272–275; Werth A. Rußland im Krieg. S. 187. См. также: Schukow G. K. Erinnerungen und Gedanken. Stuttgart, 1969. S. 278–285; Bordjov G. The Popular Mood in the Unoccupied Soviet Union. P. 66–67; Barber J. The Image of Stalin in Soviet Propaganda and Public Opinion during World War 2 // World War 2 and the Soviet People / Eds. J. Garrard, C. Garrard. London, 1993. P. 38–49; Mandelstam N. Generation ohne Tränen. Erinnerungen. Frankfurt am Main, 1975. S. 214–215; Brooks J. «Thank you, Comrade Stalin». Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000. P. 159–194; Bonwetsch B. War as a «Breathing Space»: Soviet Intellectuals and the «Great Patriotic War» // The People's War. P. 137–153; Werth A. Rußland im Krieg. S. 294–310; Harrison M. «Barbarossa»: Die sowjetische Antwort, 1941 // Zwei Wege nach Moskau. S. 334–463; Segbers K. Die Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg. Die Mobilisierung von Verwaltung, Wirtschaft und Gesellschaft im «Großen Vaterländischen Krieg» 1941–1943. München, 1987; Kagan F. The Evacuation of Soviet Industry in the Wake of «Barbarossa»: A Key to the Soviet Victory // Journal of Slavic Military Studies. 1995. № 8. P. 337–414; Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front 1941–1945. London, 1991. P. 127; Микоян А. И. Так было. С. 394–414.

²⁰ Микоян А. И. Так было. С. 415–425; Stalin and His Generals. Soviet Military Memoirs of World War II / Ed. S. Bialer. New York, 1969. P. 207–212; Simonov K. Aus der Sicht meiner Generation. Berlin, 1990. S. 300–397; Merezkow K. A. Im Dienste des Volkes. Berlin, 1972. S. 279; Рубцов Ю. В. Из-за спины вождя. Политическая и военная деятельность Л. З. Мехлиса. М., 2003. С. 115–185; «Мне было приказано быть спокойным и не паниковать». Трагедия Западного фронта и его командующего Д. Г. Павлова // Известная Россия. XX век. М., 1992. Т. 2. С. 57–111; Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front 1941–1945. P. 28.

²¹ Beevor A. Stalingrad. München, 1999. S. 143, 145, 198–221; Reese R. R. The Soviet Military Experience. A History of the Soviet

Army 1917–1991. London, 2000. P. 93–137; Herling G. Welt ohne Erbarmen. S. 82–84; Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. P. 259; Kempowski W. Das Echolot. S. 205; Knight A. Berija. P. 114; Naumov V., Rešin L. Repressionen gegen sowjetische Kriegsgefangene und zivile Repatrianten in der UdSSR 1941 bis 1956 // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941–1956 / Hrsg. K.-D. Müller, K. Nikischkin. Köln, 1998. S. 339–340; Barber J. The Moscow Crisis of October 1941. P. 206; Ganzenmüller J. Das belagerte Leningrad 1941–1944: Eine Großstadt in den Strategien der Angreifer und der Angegriffenen: Dissertation. Freiburg, 2003. S. 95–102; Gorinov M. M. Muscovites' Moods, 22 June 1941 to May 1942. P. 128; World War II and the Soviet People / Eds. C. Garrard, J. Garrard. New York, 1993. P. 155; Bonwetsch B. Sowjetunion – Triumph im Elend // Kriegsende in Europa. Vom Beginn des deutschen Machtzerfalls bis zur Stabilisierung der Nachkriegsordnung 1944–1948 / Hrsg. U. Herbert, A. Schildt. Düsseldorf, 1998. S. 68; Idem. Die sowjetischen Kriegsgefangenen zwischen Stalin und Hitler // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1993. № 41. S. 135–142; Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М., 1993. С. 69–100; Harrison M. «Barbarossa». S. 443; Кривошеев Г. Ф. Об итогах статистических исследований потерь вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне: Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сборник статей. СПб., 1995. С. 75.

²² Thurston R. W. Life and Terror in Stalin's Russia 1934–1941. New Haven, 1996. P. 213–216.

²³ Gross J. T. Revolution from Abroad. P. 178–186; Musial B. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen». Die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges im Sommer 1941. Berlin, 2000. См. также письма немецких солдат: Kempowski W. Das Echolot. S. 122, 215–216, 227–228.

²⁴ Bordjugov G. The Popular Mood in the Unoccupied Soviet Union. P. 60; Barber J. The Moscow Crisis of October 1941. P. 207, 213; Gorinov M. M. Muscovites' Moods, 22 June 1941 to May 1942. P. 115–117; Попов В. П. Государственный террор в Советской России. 1923–1953 гг. Источники и их интерпретация // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28; Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass. P. 263–268.

²⁵ В данном случае я опираюсь прежде всего на впечатляющую диссертацию Ганценмюллера: Das belagerte Leningrad 1941–1944. S. 86–90, 119, 221–225, 235–236, 289–296. См. также: Ginsburg L. Aufzeichnungen eines Blockademenschen. Frankfurt am Main, 1997.

S. 117–118; Bidlack R. Survival Strategies in Leningrad during the First Year of the Soviet-German War. P. 96–99; ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 23; Сталин цит. по: Великая Отечественная война. Т. 5/1: Ставка ВГК. Документы и материалы, 1941 год. М., 1996. С. 195–196.

²⁶ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 277. Такой же точки зрения придерживался в 1960-е гг. и Каганович. См.: Парфенов С. «Железный Лазарь»: Конец карьеры // Родина. 1990. № 2. С. 74.

²⁷ Naimark N. Fires of Hatred. Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. Cambridge, Mass., 2001. P. 85–107; Weitz E. A Century of Genocide. Utopias of Race and Nation. Princeton, 2003. P. 79–82; Nekrich A. M. Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War. New York, 1978; Tolz V. New Information about the Deportation of Ethnic Groups in the USSR during World War 2 // World War II and the Soviet People. P. 161–179; «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений...» Л. Берия — И. Сталину // История СССР. 1991. № 1. С. 143–160; Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 27 и сл.; Он же. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135–144; Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах. 20–60-е годы. М., 1998. С. 118–222; Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999; Leonhard W. Die Revolution entläßt ihre Kinder. 3. Aufl. Köln, 1981. S. 125–130; Земсков В. В. Спецпоселенцы (по документации НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17; Он же. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные. Статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5. С. 151, 165; Pinkus B. Die Deportation der deutschen Minderheit in der Sowjetunion 1941–1945 // Zwei Wege nach Moskau. S. 464–479; Conquest R. Stalins Völkermord. Wolgadeutsche, Krimtataren, Kaukasier. Wien, 1970.

²⁸ Sacharow A. Mein Leben. S. 67; Bordjugov G. The Popular Mood in the Unoccupied Soviet Union. P. 65.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 897. Л. 127–131; Аксенов Ю. С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 93; Fitzpatrick S. Postwar Soviet Society: The «Return to Normalcy», 1945–1953 // The Impact of World War II on the Soviet Union / Ed. S. J. Linz. Totowa, 1985. P. 129–156; Bonwetsch B. Sowjetunion — Triumph im Elend.

S. 52–88; Hessler J. A Postwar Perestrojka? Toward a History of Private Enterprise in the USSR // *Slavic Review*. 1998. № 57. P. 516–542; Orlow J. Ein russisches Leben. München, 1992. S. 122; Зубкова Е. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // *Отечественная история*. 1995. № 3. С. 90–100; Zubkova E. Die sowjetische Gesellschaft nach dem Krieg. Lage und Stimmung in der Bevölkerung 1945/46 // *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*. 1999. № 47. S. 363–383.

³⁰ Zubkova E. Die sowjetische Gesellschaft nach dem Krieg. S. 373.

³¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 888. Л. 51–56; Ф. 17. Оп. 121. Д. 673. Л. 2–9, 21, 29, 47–50. См. также: Nove A. Soviet Peasantry in World War II // *The Impact of World War II on the Soviet Union*. P. 87–89; Fitzpatrick S. Postwar Soviet Society. P. 149; Зима В. Ф. Послевоенное общество: голод и преступность // *Отечественная история*. 1995. № 5. С. 45–49.

³² Tolstoy N. Die Verratenen von Jalta. Englands Schuld vor der Geschichte. München, 1978; Bethell N. The Last Secret. Forcible Repatriation to Russia 1944–1947. London, 1974. P. 80 ff.; Elliot M. Pawns of Yalta. Soviet Refugees and America's Role in Their Repatriation. Chicago, 1982. P. 194; Naumov V., Rešin L. Repressionen gegen sowjetische Kriegsgefangene und zivile Repatrianten in der UdSSR 1941 bis 1956. S. 339–364; Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1945 годы // *История СССР*. 1999. № 4. С. 26–41; Poljan P. Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung. München, 2001. S. 165–187; Bonwetsch B. Sowjetunion – Triumph im Elend. S. 68–70; Ehrenburg I. So habe ich gelebt. S. 174–177; Rasgon L. Nichts als die reine Wahrheit. Erinnerungen. Berlin, 1992. S. 329; Fitzpatrick S. Postwar Soviet Society. P. 134–137.

³³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 897. Л. 106–123, 135–139, 143–145. См. также: Golszewski F. Ukraine – Bürgerkrieg und Resowjetisierung // *Kriegsende in Europa*. S. 89–99; Fitzpatrick S. Postwar Soviet Society. P. 134; Raun T. U. Estonia and the Estonians. 2nd ed. Stanford, 1991. P. 181–183; Laasi E. Der Untergrundkrieg in Estland 1945–1953 // *Auch wir sind Europa* / Hrsg. R. Kibelka. Berlin, 1991. S. 70–82.

³⁴ Хороший обзор Беаты Физелер см.: *Handbuch der Geschichte Rußlands* / Hrsg. S. Plaggenborg. Stuttgart, 2001. Bd. 5. S. 50–57. См. также: Fitzpatrick S. Cultural Orthodoxies under Stalin // *Idem*. *The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, 1992. P. 246; Beyrau D. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985. Göttingen,

1993. S. 80–101; Dunham V. S. In Stalin's Time. Middle Class Values in Soviet Fiction. Cambridge, 1976; Starr S. F. Red and Hot. Jazz in Rußland von 1917–1990. Wien, 1990; Зубкова Е. Сталин и общественное мнение в СССР, 1945–1953 гг. // Сталин и холодная война. М., 1998. С. 281–285; Orlowa-Kopelewa R. Eine Vergangenheit, die nicht vergeht. Rückblicke aus fünf Jahrzehnten. München, 1985. S. 217.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 904. Л. 27–35, 39; Ф. 82. Оп. 2. Д. 148. Л. 126–131; Sacharow A. Mein Leben. S. 177–178; Redlich S. War, Holocaust and Stalinism. A Documented History of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. Luxemburg, 1995; Naumov V. Die Vernichtung des Jüdischen Antifaschistischen Komitees // Der Spätstalinismus und die «jüdische Frage». Zur antisemitischen Wende des Kommunismus / Hrsg. L. Luks. Köln, 1998. S. 123–126; Наумов В. Неправедный суд. Последний сталинский расстрел: Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. М., 1994; Etinger J. The Doctor's Plot: Stalin's Solution to the Jewish Question // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union / Hrsg. J. Ro'i. Ilford, 1995. P. 103–124; Lokshin A. The Doctor's Plot: The Non-Jewish Response // Ibid. P. 157–167; Медведев Ж. А. Сталин и «дело врачей». Новые материалы // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 78–103; Kostyrchenko G. Out of the Red Shadows. Anti-Semitism in Stalin's Russia. Amherst, 1995; Lustiger A. Rotbuch: Stalin und die Juden. Berlin, 1998. S. 108–122; Borschtschagowski A. Orden für einen Mord. Die Judenverfolgung unter Stalin. Berlin, 1997; Rapoport Y. The Doctor's Plot. London, 1991; Brent J., Naumov V. Stalin's Last Crime. The Plot Against the Jewish Doctors, 1948–1953. New York, 2003. P. 283–311.

³⁶ О врачебном диагнозе см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1483. Л. 9–10. См. также: Chruschtschow erinnert sich / Hrsg. S. Talbott. Reinbek, 1971. S. 262, 302–310; Микоян А. И. Так было. С. 534–536, 559–580; Parrish M. The Lesser Terror. Soviet State Security, 1939–1953. Westport, 1996. P. 215–221, 236–240; Аксенов Ю. С. Апогей сталинизма. С. 100–104; Werth N. Ein Staat gegen sein Volk. S. 272–273; Harris J. The Origins of the Conflict between Malenkov and Zhdanov: 1939–1941 // Slavic Review. 1976. № 35. P. 287–303; Bonwetsch S. B. Die «Leningrad-Affaire» 1949–1951: Politik und Verbrechen im Spätstalinismus // Deutsche Studien. 1990. № 28. S. 306–322; Subkowa E. Kaderpolitik und Säuberungen in der KPdSU (1945–1953) // Terror. Stalinistische Parteisäuberungen 1936–1953 / Hrsg. H. Weber, U. Mählert. Paderborn, 1998. S. 187–206.

³⁷ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине. М., 1990. С. 228; Медведев Ж. А. Загадки смерти Сталина // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 83–91; Allilujewa S. Zwanzig Briefe an einen Freund. Wien, 1967. S. 19–30. О врачебном уходе за Сталиным между 2 и 5 марта см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1486. Л. 81–202; Ф. 82. Оп. 2. Д. 897. Л. 145–150; Orlow J. Ein russisches Leben. S. 170.

ЛИТЕРАТУРА

Архивы

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

- Ф. 17. Центральный Комитет ВКП(б)
- Ф. 81. Л. М. Каганович
- Ф. 82. В. М. Молотов
- Ф. 85. Г. К. Орджоникидзе
- Ф. 558. И. В. Сталин

Литература

Волгогонов Д. А. Триумф и трагедия: политический портрет И. В. Сталина: В 2 т. М., 1989.

Кокурин А. К., Петров Н. В. ГУЛАГ 1917–1960. М., 2000.

Мельгунов С. П. Красный террор в России. М., 1991 (1-е изд.: Берлин, 1923).

Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.

Папков С. А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941. Новосибирск, 1997.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.

Сталинское Политбюро. 30-е годы: Сборник документов. М., 1995.

Сувениров Н. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

Шрейдер М. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995.

A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Eds. R. G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001.

Alexopoulos G. Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, 2003.

Altrichter H. Die Bauern von Tver. Vom Leben auf dem russischen Dorfe zwischen Revolution und Kollektivierung. München, 1984.

- Baberowski J. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München, 2003.
- Baberowski J. Wandel und Terror. Die Sowjetunion unter Stalin 1928–1941 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1995. № 43. S. 97–129.
- Bauman Z. Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit. Frankfurt am Main, 1995.
- Beyrau D. Petrograd, 25. Oktober 1917. Die russische Revolution und der Aufstieg des Kommunismus. München, 2001.
- Boym S. Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge, Mass., 1994.
- Brent K., Naumov V. Stalin's Last Crime. The Plot Against the Jewish Doctors, 1948–1953. New York, 2003.
- Brooks J. «Thank you, Comrade Stalin». Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000.
- Cassiday J. A. The Enemy on Trial: Early Soviet Courts on Stage and Screen. DeKalb, Ill., 2000.
- Chlewnjuk O. W. Das Politbüro. Mechanismen der Macht in der Sowjetunion der dreißiger Jahre. Hamburg, 1998.
- Chruschtschow erinnert sich / Hrsg. v. S. Talbott. Reinbek, 1971.
- Clark K. Petersburg. Crucible of Cultural Revolution. Cambridge, Mass., 1995.
- Conquest R. Der große Terror. Sowjetunion 1934–1938. München, 1992.
- Contending with Stalinism. Soviet Power and Popular Resistance in the 1930s / Ed. L. Viola. Ithaca, 2002.
- Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / Ed. S. Fitzpatrick. Bloomington, 1978.
- Dallin A. Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958.
- Daniels R. V. Das Gewissen der Revolution. Kommunistische Opposition in Sowjetrußland. Köln, 1962.
- Das wahre Leben. Tagebücher aus der Stalin-Zeit / Hrsg. V. Garros, N. Korenevskaja, T. Lahusen. Berlin, 1998.
- Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997.
- Dimitroff G. Tagebücher 1933–1943 / Hrsg. v. B. H. Bayerlein. Bd. 1. Berlin, 2000.

Easter G. M. *Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia.* Cambridge, 2000.

Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule.* London, 1958.

Figes O. *Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der russischen Revolution 1891 bis 1924.* Berlin, 1998.

Fitzpatrick S. *Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History.* 1993. № 65. P. 745–770.

Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s.* Oxford, 1999.

Fitzpatrick S. *The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia.* Ithaca, 1992.

Ganzenmüller J. *Das belagerte Leningrad 1941–1944: Eine Großstadt in den Strategien der Angreifer und der Angegriffenen: Dissertation.* Freiburg, 2003.

Gatrell P. *A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I.* Bloomington, 1999.

Getty J. A. *The Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938.* Cambridge, 1985.

Getty J. A., Naumov O. *The Road to Terror. Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939.* New Haven, 1999.

Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System.* Cambridge, 1990.

Gross J. T. *Revolution from Abroad. The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia.* 2nd ed. Princeton, 2002.

Hildermeier M. *Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates.* München, 1998.

Hoffman D. L. *Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941.* Ithaca, 1994.

Holquist P. *Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921.* Cambridge, 2002.

Husband W. B. *«Godless Communists». Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932.* DeKalb, Ill., 2000.

Jansen M., Petrov N. *Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov 1895–1940.* Stanford, 2002.

- Kempowski W. *Das Echolot. Barbarossa, 41. Ein kollektives Tagebuch.* München, 2002.
- Koenen G. *Die großen Gesänge. Lenin, Stalin, Mao-Tse-Tung: Führerkulte und Heldenmythen des 20. Jahrhunderts.* Frankfurt am Main, 1992.
- Koenen G. *Utopie der Säuberung. Was war der Kommunismus?* Berlin, 1998.
- Kostyrchenko G. *Out of the Red Shadows. Anti-Semitism in Stalin's Russia.* Amherst, 1995.
- Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization.* Berkeley, 1995.
- Kuromiya H. *Freedom and Terror in the Donbass. A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s.* Cambridge, 1998.
- Leggett G. *The Cheka. Lenin's Political Police.* Oxford, 1981.
- Malia M. *Vollstreckter Wahn. Rußland 1917–1991.* Stuttgart, 1994.
- Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union 1923–1939.* Ithaca, 2001.
- Martin T. *The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History.* 1998. № 70. P. 813–861.
- Medvedev R. *Let History Judge. The Origins and Consequences of Stalinism.* New York, 1989.
- Naimark N. *Fires of Hatred. Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe.* Cambridge, Mass., 2001.
- Pethybridge R. *One Step Backward, Two Steps Forward. Soviet Society and Politics under the New Economic Policy.* Oxford, 1990.
- Pethybridge R. *The Social Prelude to Stalinism.* London, 1974.
- Plaggenborg S. *Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus.* Köln, 1996.
- Provincial Landscapes. Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953 /* Ed. D. J. Raleigh. Pittsburgh, 2001.
- Raleigh D. J. *Experiencing Russia's Civil War. Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922.* Princeton, 2002.
- Reese R. R. *Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army.* Lawrence, 1996.
- Reese R. R. *The Soviet Military Experience. A History of the Soviet Army 1917–1991.* London, 2000.

- Rieber A. E. Stalin. Man of the Borderlands // American Historical Review. 2001. № 53. P. 1651–1691.
- Rigby T. H. Communist Party-Membership in the USSR 1917–1967. Princeton, 1968.
- Rütting T. Pavlov und der neue Mensch. Diskurse über Disziplinierung in Sowjetrußland. München, 2002.
- Sanborn J. Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics 1905–1925. DeKalb, Ill., 2003.
- Scott J. Behind the Urals. An American Worker in Russia's City of Steel. Bloomington, 1989 (1-е изд.: 1942).
- Siegelbaum L. H. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988.
- Siegelbaum L. H., Sokolov A. Stalinism as a Way of Life. A Narrative in Documents. New Haven, 2000.
- Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. № 53. P. 414–452.
- Solomon P. H. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge, 1996.
- Stalin J. Briefe an Molotow 1925–1936. Berlin, 1996.
- Stalinism. New Directions / Ed. S. Fitzpatrick. London, 2000.
- Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte / Hrsg. S. Plaggenborg. Berlin, 1998.
- Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg / Hrsg. M. Hildermeier. München, 1998.
- Stalinist Terror. New Perspectives / Eds. J. A. Getty, R. T. Manning. Cambridge, 1993.
- Stalinistischer Terror 1934–1941. Eine Forschungsbilanz / Hrsg. W. Hedeler. Berlin, 2002.
- Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. Oxford, 1989.
- Suny R. G. Beyond Psychohistory: The Young Stalin in Georgia // Slavic Review. 1991. № 50. P. 48–58.
- Tagebuch aus Moskau 1931–1939 / Hrsg. J. Hellbeck. München, 1996.
- The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil Wars / Ed. V. Brovkin. New Haven, 1997.
- The Impact of World War II on the Soviet Union / Ed. S. J. Linz. Totowa, 1985
- The People's War. Responses to World War II in the Soviet Union / Eds. R. W. Thurston, B. Bonwetsch. Urbana, 2000.

- Thurston R. W. *Life and Terror in Stalin's Russia 1934–1941*. New Haven, 1996.
- Tucker R. C. *Stalin as Revolutionary 1879–1929*. New York, 1973.
- Tucker R. C. *Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941*. New York, 1990.
- Viola L. *Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. Oxford, 1996.
- Wehner M. *Bauernpolitik im proletarischen Staat. Die Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik 1921–1928*. Köln, 1998.
- Weitz E. *A Century of Genocide. Utopias of Race and Nation*. Princeton, 2003.
- Werth N. *Ein Staat gegen sein Volk. Gewalt, Unterdrückung und Terror in der Sowjetunion // Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror / Hrsg. S. Courtois, N. Werth u. a. München, 1998. S. 182–188.*
- World War II and the Soviet People / Eds. C. Garrard, J. Garrard.* New York, 1993.
- Zubkova E. *Die sowjetische Gesellschaft nach dem Krieg. Lage und Stimmung in der Bevölkerung 1945/46 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1999. № 47. S. 363–383.*

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ СТАЛИНИЗМ?	6
I. ПУТЬ К СТАЛИНИЗМУ	16
Исторический контекст	16
Революция	27
Гражданская война	32
II. ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ	50
Экономика	54
Крестьяне	57
Рабочие	65
Национальный вопрос	68
Партия и идеология	72
III. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	89
Новый человек	89
Враги	103
IV. ТЕРРОР	128
Показательные процессы в Москве	133
Партийная чистка	147
Массовый террор	171
Сталин	191
V. ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД	195
Вторая мировая война	195
Поздний сталинизм	223
ПРИМЕЧАНИЯ	239
ЛИТЕРАТУРА	273

Научное издание

Баберовски Йорг

**Красный террор
История сталинизма**

Перевод с немецкого А. Г. Гаджикурбанова
Редактор Л. Ю. Пантина
Художественный редактор А. К. Сорокин
Художественное оформление П. П. Ефремов
Компьютерная верстка А. З. Бернштейн
Корректор О. А. Еремеева

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 21.04.2007.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 17,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 7341

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

Йорг Баберовски

(р. в 1961 г. в Радольфцелле на Боденском оз.) – немецкий историк, профессор истории Восточной Европы в Берлинском университете им. Гумбольдта. В 1988 г. получил степень магистра за работу «Политическая юстиция в эпоху позднего царизма в России». В 1993 г. защитил диссертацию «Самодержавие и юстиция в царской России» во Франкфуртском университете им. Гёте. Во время зимнего семестра того же года перешел в Институт восточноевропейской истории и страноведения Тюбингенского университета, где в июле 2000 г. получил должность доцента, представив на конкурс работу «В поисках однозначности» (опубл. под названием «Враг повсюду. Сталинизм на Кавказе»). Кроме того, проводил исследовательскую работу и архивные изыскания в разных странах, в т. ч. в Азербайджане, Финляндии и России. В апреле 2001 г. стал заместителем заведующего кафедрой восточноевропейской истории в Лейпцигском университете. С октября 2002 г. заведует кафедрой истории Восточной Европы в Институте исторических наук Берлинского университета им. Гумбольдта. С 2004 по февраль 2006 г. занимал должность директора института по административной работе.

Основные работы:

Враг повсюду. Сталинизм на Кавказе (2003);
Красный террор. История сталинизма (2004);
Смысл истории. Исторические теории от Гегеля до Фуко (2005);
Порядок через террор (с А. Дёринг-Мантойфелем, 2006)

